

Леонид Смиловицкий Беларусь 1937 год: правдивая история

ЛЕОНИД
СМИЛОВИЦКИЙ

Беларусь 1937 год:
правдивая история

Leonid Smilovitsky

1937 in Belarus: A True Story

Minsk, 1990 — Jerusalem, 2025

Леонид Смиловицкий

1937 год в Беларуси: Правдивая история

Минск, 1990 — Иерусалим, 2025

Леонид Смиловицкий.

1937 год в Беларуси: Правдивая история

Иерусалим, 2025 г., 387 с., 39 с. илл.

Редактор и корректор *Рина Глаубах*

Дизайн и верстка *Шауль Симан-Тов*

Книга посвящена трагическим событиям в советской Беларуси середины 1930-х гг., которые самым пагубным образом отразились на судьбе республики. Показано, как режим Сталина с помощью массовых репрессий осуществил разгром гражданского общества и уничтожение наиболее образованных, профессиональных и талантливых людей, которые не приняли сталинские реформы. В «Приложениях» помещены материалы из периодической печати Беларуси, записи бесед автора с современниками описываемых событий, а также уникальные документы из архивов КГБ Минска, Гомеля и Вологды, Национального архива Республики Беларусь, которые впервые вводятся в научный оборот.

Книга рассчитана на всех, кто интересуется историей советского общества до и после 1941 г.

The book is dedicated to the tragic events in Soviet Belarus in the mid-1930s, which had the most detrimental effect on the fate of the republic after the failure of Stalin's reforms in the economic, national and cultural development of the country. It is shown how Stalin's regime, with the help of mass repressions, carried out the destruction of civil society, which led to the destruction of the most educated, honored and experienced people who did not accept Stalin's reforms. The Appendix contains materials from the periodical press of Belarus, records of the author's conversations with contemporaries of the events described, as well as unique documents and from the KGB archives of Minsk, Gomel and Vologda, the National Archives of the Republic of Belarus, revealing the tragedy of 1937–1938 in the republic, which are being introduced into scientific circulation for the first time.

The book is intended for everyone interested in the history of Soviet society before and after 1941.

Предложения и отклики направлять по адресу: smilov@zahav.net.il
по тел. 054-62-77-543 или WhatsApp +972-54-62-77-543

ISBN: 978-965-7862-54-4

© Леонид Смиловицкий, текст и фотографии, 2025

Printed in Jerusalem

Оглавление

От автора	7
From The Author	15
Предисловие	22
Preface	30
 <i>Глава 1.</i>	
Забытое имя (Петр Афанасьевич Бузук)	37
 <i>Глава 2.</i>	
Что приемлет душа и природа (Яков Никитич Афанасьев)	63
 <i>Глава 3.</i>	
Возвращение (Павел Яковлевич Панкевич)	87
 <i>Глава 4.</i>	
Опала (Антон Васильевич Балицкий)	130
 <i>Глава 5.</i>	
Душой и телом (Исаак Давидович Харик)	196
 Послесловие	 238

Приложения

Публикации

Горечь и величие правды //	
Знамя юности (Минск), 7 ноября 1988 г.	246
Уроки одной драмы //	
Советская Белоруссия (Минск), 16 августа 1991 г.	249
Кто был ничем, тот станет всем //	
Добрый вечер (Минск), 1 июня 1991 г.	256
Черный ящик из ГУЛАГа. Письма из лагеря Василия Штыхова //	
Полымя, 1992 г., № 10, с. 154–179	262

Свидетельства

Как стать американским шпионом.	
Исаак Хаимович Платнер (1895–1961 гг.)	280

Из непридуманного.	
Самуил Иосифович Палей (1909–1995 гг.)	284
Художник и власть.	
Заир Исаакович Азгур (1908–1995 гг.)	291
Поэт и власть.	
Станислав Петрович Шушкевич (1908–1991 гг.)	297
Ударники — в литературу.	
Матвей Лазаревич Каплан (1910–1998 гг.)	300
Последний еврейский писатель Беларуси.	
Григорий Львович Релес (1913–2004 гг.)	302
История — судья справедливый.	
Иван Макарович Ильюшин (1903–1997 гг.)	305

Документы

Юбилей Изи Харика, 28 октября 1935 г.	310
Расстрельная ночь в Минске, 28–29 октября 1937 г.	312
Засоренность «врагами народа» учебных заведений БССР: Докладная записка Жукова на имя П.К. Пономаренко, 6 июля 1938 г.	314
Итоги разгрома антисоветского подполья в БССР 1937–1938 гг.: Справка Управления госбезопасности НКВД БССР, 1 июня 1938 г.	319
Об агентурной разработке еврейских писателей: Докладная записка наркома НКВД БССР Л. Цанава, 1 февраля 1939 г.	316
Библиография и источники	323
Словарь имен	335
Словарь терминов и понятий	364
Именной указатель	373
Географический указатель	383
Фотографии и документы	389

От автора

Книга, которую читатель держит в руках, рождалась долго. По сути, она оказалась отправной и завершающей точкой моей научной карьеры. Замысел книги возник, когда мне только исполнилось 30, а его воплощение затянулось на 40 лет. За это время я написал и издал не одну книгу, но всегда помнил о незаконченной рукописи. Прервать эту работу в начале 1990-х заставило не разочарование в теме, а сопутствующие обстоятельства, о которых стоит рассказать.

Получив третью академическую степень (Ph.D.) в 29 лет, я искал применение своим знаниям, хорошо помня слова моего отца, что кандидат исторических наук — это всего лишь пропуск в науку, что научные открытия делаются только после защиты диссертации, когда ты «остепенился», как тогда с юмором говорили про себя ученые мужи. Тема сталинских репрессий интересовала меня давно, еще со студенческой поры. Трагедия советского общества, случившаяся в 1930-е гг., компрометировала советское государство и коммунистическую партию, собиравшихся построить в одной отдельно взятой стране общество всеобщего благоденствия в самые сжатые сроки — на протяжении жизни одного поколения людей. Объяснение причин грубого нарушения в СССР так называемых ленинских норм социалистической законности ни в учебниках, ни даже в научной литературе нельзя было обнаружить.

После решений XX (1956 г.) и XXII (1961 г.) съездов КПСС, осудивших культ личности И.В. Сталина, вся литература по теме репрессий исчезла из библиотек, книжных магазинов, включая букинистические, ее закрыли в спецхране или уничтожили. Поэтому узнать о событиях 1930-х гг. из официальных источников было невозможно. Однако подробности политических процессов 1935–1938 гг. в СССР сохранили подшивки старых газет. Они из номера в номер печатали подробные стенографические отчеты, в которых бывшие советские и

партийные руководители, научные работники, военачальники оговаривали себя, признаваясь в приписываемых им преступлениях.

Когда мой отец учился в Минском юридическом институте (1949–1952 гг.), ему преподавали теорию права Вышинского, утверждавшего, что презумпция невиновности при диктатуре пролетариата не нужна, что *признание — царица доказательств*. Так генеральный прокурор СССР фактически принял постулат святой инквизиции XIII–XVII вв. о том, что суду требуются не доказательства, а обвинение. *Обвинительный уклон, положенный в основу советской судебной системы, позволял расправиться со всеми неугодными режиму*. Признательные показания, полученные под самым жестоким физическим давлением, никого не смущали¹.

Однако мое знакомство с материалами судебных процессов середины 1930-х гг. только добавило новые вопросы. Как советское общество пришло к тому состоянию, когда невинные граждане вынуждены были себя оговаривать, чтобы избавиться от физических страданий? Зачем понадобилась система превентивных арестов, несуществующие антисоветские контрреволюционные организации, якобы ставившие целью реставрацию капитализма? Какие это имело последствия для страны и всего мира в целом? Ведь если бы не репрессии в СССР, не случилась бы и Вторая мировая война, Гитлер не пришел бы к власти² и не было бы Холокоста. Поиск ответов на эти вопросы занял у меня не один год. И, кажется, только теперь я подошел к пониманию этих процессов, которые имели катастрофические и необратимые последствия.

В конце 1980-х гг. демократизация советского общества потребовала возвращения к исторической правде, чтобы предотвратить реванш наследников Сталина как противников «перестройки». 11 июля 1988 г. Политбюро ЦК КПСС приняло постановление «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией необосно-

¹ Андрей Януарьевич Вышинский (1883–1954 гг.) — доктор юридических наук (1935), профессор, ректор МГУ (1925–1928), академик АН СССР (1939), организатор массовых репрессий, автор книги «Теория судебных доказательств в советском праве» (1941), генеральный прокурор СССР (1935–1939), министр иностранных дел СССР (1949–1953), постоянный представитель СССР при ООН (1953–1954).

² По приказу Сталина компартия Германии отказалась пойти на союз с социал-демократической партией, что позволило Национал-социалистической партии победить на выборах в рейхстаг, и 30 января 1933 г. Адольф Гитлер был назначен канцлером Германии.

ванно репрессированных в 1930–1940-е и начале 1950-х годов». Генеральной прокуратуре, КГБ СССР и местным органам власти было дано соответствующее указание. В адрес партийных органов БССР начали поступать письма членов семей репрессированных граждан. К первому секретарю ЦК Компартии Беларуси Ефрему Евсеевичу Соколову обратились дети репрессированных белорусских академиков Павла Яковлевича Панкевича, Якова Никитича Афанасьева, Петра Афанасьевича Бузука, народного комиссара просвещения Антона Васильевича Балицкого и Дины Звуловны Харик, супруги члена-корреспондента Исаака Давидовича Харика, с просьбой помочь восстановить доброе имя их близких.

Из секретариата Соколова эти письма переслали в газету «Звезда», печатный орган ЦК КПБ. К тому времени я успел опубликовать на ее страницах полемический материал о восстановлении исторической правды, попранной в 1930–1950-е гг. в республике³. Это вызвало резонанс и обратило на себя внимание редакции. Мне предложили написать для газеты серию очерков о видных деятелях белорусской науки, оклеветанных и вычеркнутых из научной и общественной жизни республики. Для этого мне выдали удостоверение внештатного корреспондента «Звезды», в котором указывалась просьба оказывать всемерное содействие и помощь.

Методика научного поиска мне была хорошо известна, поэтому я сразу принялся за дело: встретился с членами семей репрессированных академиков, выслушал их рассказы, задал свои вопросы, заглянул в семейные архивы. После этого я начал обходить бывших сослуживцев, соседей и родственников моих героев, в Государственной библиотеке им. В.И. Ленина (ныне Национальной библиотеке Беларуси) нашел книги опальных ученых, которые к тому времени вернули из спецхрана, рылся в подшивках старых газет. Я побывал в архиве Института истории партии при ЦК КПБ (ныне Национальный архив Республики Беларусь) и служебном архиве Академии наук БССР, встретился с Николаем Токаревым, заведующим музеем академии, который готовил к выпуску справочник о сотрудниках академии, пострадавших в период сталинских репрессий.

Родственники репрессированных академиков под мою диктовку писали запросы в Центральный архив КГБ БССР с требованием отве-

³ Леанід Смілавіцкі. *Што і як мы хаваем?* Неабходнасць перабудовы працы архіваў Беларусі // *Звезда*, 21 ліпеня 1988 г., № 167.

тить на поставленные вопросы о судьбе своих родных. Важно было установить: где, когда, кем и при каких обстоятельствах совершались аресты ученых, кто проводил обыск и что именно изымалось при аресте, сохранились ли личные вещи и документы, фотографии, каким был приговор, кто его вынес, где и когда его привели в исполнение.

Я обратил внимание, что в документах о реабилитации периода начала «оттепели» 1954–1958 гг. органы власти чаще всего использовали формулировку «реабилитирован за недоказанностью обвинения», в то время как справедливость требовала другого — «за отсутствием состава преступления», что имело принципиальное отличие. Меня поразило, что за все конфискованное имущество арестованного при реабилитации выдавалось только два месячных оклада по последнему месту службы. При этом в документах о реабилитации не было ни слова о преступной роли государства в проявленной несправедливости, не выражалось хотя бы сожаление о гибели невинных людей, о перенесенных жертвами страданиях в лагере, мытарствах их близких, вынужденных многие годы жить с клеймом «враг народа». Другими словами, государство не спешило взять на себя ответственность за преступления против собственного народа.

Ответы из Центрального архива КГБ за подписью В.Н. Дашковского пришли достаточно быстро, они оказались лаконичными, но по существу. Ознакомиться с материалами следствия, которые уже не считались секретными, имели право только близкие родственники (дети, родные братья и сестры или супруги) реабилитированных. Для других заинтересованных лиц, включая друзей, соседей, сослуживцев, научных работников или журналистов, документы оставались недоступными. Иными словами, если бы заданные вопросы исходили от меня лично, то ответа из архива я бы не получил, поэтому пришлось избрать такую форму работы, как письменный запрос. Хуже обстояло дело с фотографиями: их, переданных родственниками, оказались единицы, остальные были изъяты при аресте или пропали в годы войны. Но случались и удачи. Из архива КГБ Вологды мне прислали фотографии Петра Афанасьевича Бузука во время его арестов в 1930 и 1937 гг. в тюремной робе, а из архива КГБ в Минске передали оригинал профсоюзного билета Изи Харика от 1935 г. с последним его фото перед арестом. Причем возвращать их не требовали, позволили оставить в семье — теперь КГБ эти фотографии были не нужны.

Когда немцы стояли под Минском, обстреливали и бомбили его, а город горел, партийные и советские руководители республики без

объявления эвакуации в панике бежали, бросив в сейфах в Доме правительства и ЦК КП(б)Б секретные документы, списки коммунистов, агентурных работников, печати, шифры, деньги, знамена, награды. В то же время НКВД БССР за два дня до сдачи города благополучно переправил весь свой архив, который включал в себя десятки тысяч следственных дел на уже расстрелянных «врагов народа», в советский тыл. Так перед лицом врага власти бросили на произвол оккупантов живых людей, но вывезли свидетельства своих преступлений — лучшая характеристика системы ценностей советского режима. Когда же в июле 1944 г. Красная армия освободила Минск, то первыми туда вернулись сотрудники НКВД, для которых немецкие военнопленные начали строить новое здание на проспекте Сталина (ныне проспект Независимости), куда вернули «дела» репрессированных, где они хранятся и поныне.

Уже находясь в Израиле, Яков Зиновьевич Басин передал мне копии протоколов следствия НКВД по делу поэта Изи Харика, включая ордер на его арест, обвинительное заключение, приговор выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР и справку об исполнении смертного приговора 29 октября 1937 г. В Иерусалиме я познакомился с Джессикой Платнер, дочерью Айзика Платнера, который вместе с Хариком состоял в еврейской секции Союза советских писателей Беларуси⁴.

Работая с документами, я обратил внимание на то, как палачи заматали свои следы: органы госбезопасности якобы только выполняли приказы из Москвы, а когда грязная работа была сделана, то от ее исполнителей избавлялись. Наркома НКВД СССР Генриха Ягоду сменил Николай Ежов, а Ежова — Лаврентий Берия⁵. Наркома НКВД БССР Германа Матсона сменил Леонид Заковский, которому наследовали последовательно: Израиль Леплевский, Георгий Молчанов, Борис Берман, Алексей Наседкин и Лаврентий Цанава⁶. Из всех ревностных

⁴ Джессика по моему совету издала книгу с воспоминаниями об Айзике Платнере *Эта жизнь обернулась вот так*. Иерусалим, 2010 г., к которой я написал предисловие.

⁵ Генрих Ягода (10.07.1934–26.09.1936), Николай Ежов (26.09.1936–25.11.1938), Лаврентий Берия (25.11.1938–30.06.1941).

⁶ Герман Матсон (27.06.1931–4.04.1932), Леонид Заковский (10.04.1932–10.07.1934), Израиль Леплевский (10.12.1934–28.11.1936), Георгий Молчанов (22.05.1936–3.02.1937), Борис Берман (4.03.1937–22.05.1938), Алексей Наседкин (22.05.1938–7.12.1938) и Лаврентий Цанава (17.12.1938–29.10.1951).

опричников сумел пережить Сталина один только Берия, которого сместил Н.С. Хрущев, объявив английским шпионом (расстрелян 23 декабря 1953 г.). Вслед за наркомаами устранили их подручных, начиная от заместителей, помощников, начальников отделов и рядовых следователей-сидов. Чистки НКВД от имени Сталина проводились под лицемерной формулировкой «за превышение служебных полномочий» или «нарушение норм социалистической законности».

Я убедился и в том, что секретари Компартии Беларуси, которые стали жертвами сталинских чисток в 1936–1938 гг., такие как Гикало, Шарангович и Волков⁷, в свою очередь, выполняли директивы о репрессиях, полученные от Сталина. Они исполняли преступные команды с рвением, а потом исчезали как «враги народа» в ГУЛАГе или расстрельных ямах.

На титульных листах протоколов допросов, где выбивались признания у следователей НКВД БССР, можно видеть не только белорусские, русские, украинские, но и еврейские фамилии. Подполковник Н.М. Климович, который выдавал мне расстрельные дела в Центральном архиве КГБ в Минске в 2005 г., в откровенном разговоре сообщил, что мама у него еврейка, и посетовал: что же вы «своих» не сберегли? Имелось в виду, что еврей-следователи, допрашивая арестованных евреев, не делали им никаких скидок. Я тогда не стал спорить с Климовичем и не объяснил простую истину: еврей-следователь боялся, что его обвинят в снисхождении к «своим», и проявлял двойное рвение, еврей-следователь был сущим наказанием для еврея-арестованного, а не надеждой к спасению. Сталинская машина подавления требовала от подручных национального нигилизма под личиной интернационализма. Это мотивировалось тем, что у врагов советской власти не может быть национальности, — все они контрреволюционеры, не заслуживающие снисхождения.

Спустя полтора года интенсивной работы в 1989–1991 гг. я провел пять журналистских расследований о преступлениях сталинщины против цвета интеллектуальной мысли Беларуси в 1930-е гг. Итогом стала книга «Возрожденные имена», которую даже объявили в плане издательства «Вышэйшая школа» в Минске. Однако когда началась редакторская правка, то выяснилось, что мои выводы неудобны, стиль изложения больше научный, чем художественный, и последовали

⁷ Н.Ф. Гикало (18.01.1932–25.01.1937), В.Ф. Шарангович (18.03.1937–29.07.1937), А.А. Волков (11.08.1937–18.06.1938).

бесчисленные исправления и купюры. Чаша моего терпения переполнилась, когда редактор предложила изъять из текста главу о судьбе Изи Харика, который якобы не имеет отношения к белорусам: «Вы же пишете о национальной белорусской научной школе, причем тут Харик?» Я в это время уже собирался в Израиль и забрал рукопись из издательства в надежде когда-нибудь вернуться к этой теме в лучшие времена. Думал ли я тогда, что это окажется к лучшему? Книга о событиях 1937 г. в Беларуси выглядит сегодня совершенно иначе, чем 30 лет назад. Выводы в ней сформулированы более убедительно, причины, породившие такое уродливое явление в развитии советского общества, как культ личности, обоснованы и доказаны. Я использовал документы, которые это подтверждают, найденные мной в архивах Минска, Москвы и Иерусалима, уже после моего отъезда в Израиль — в ходе научных командировок в 1995–2024 гг.

Композиционно книга «1937 год в Беларуси: Правдивая история» состоит из разделов: «От автора», «Предисловия», пяти глав, «Послесловия» и приложений. Каждая глава представляет собой рассказ о судьбе своего героя — жертвы репрессий: гл. 1 — «Забытое имя» (Петр Афанасьевич Бузук), гл. 2 — «Что приемлет душа и природа» (Яков Никитич Афанасьев), гл. 3 — «Возвращение» (Павел Яковлевич Панкевич), гл. 4 — «Опала» (Антон Васильевич Балицкий), гл. 5 — «Душой и телом» (Исаак Давидович Харик) — и снабжена комментариями и ссылками, которые для удобства читателя расположены постранично. В конце книги приводится общий список использованной литературы и источников.

В «Приложениях» помещены мои публикации в периодической печати БССР в 1989–1991 гг., записи бесед с очевидцами и современниками событий предвоенных лет, а также уникальные документы и материалы из архивов КГБ Минска, Гомеля и Вологды, Национального архива Республики Беларусь, раскрывающие трагедию 1937–1938 гг. в республике, которые впервые вводятся в научный оборот.

Книгу дополняют именной и географический указатели, что облегчает поиск ответов на интересующие вопросы, дает представление о многообразии собранных свидетельств участников описываемых событий, помогает выяснить, где и как именно они происходили. Кроме того, в «Приложениях» читатель найдет «Словарь имен» и «Словарь терминов», уточняющие сведения и понятия, которые могут быть малоизвестны современному читателю.

При подготовке текста книги я использовал метод сочетания архивного материала и устной истории, что позволило мне связать исторический документ с народной памятью и показать, как историческое событие отложилось в умах людей — участников, очевидцев и современников событий тех лет. Особое внимание уделено изобразительному ряду: фотографиям и документам, дающим наглядное представление о жизни в советской Беларуси в 1920–1930-е гг.

Настоящая книга была подготовлена и издана при поддержке и участии моих коллег, друзей и родных: Андрея Порфирьева (Бат-Ям), Бориса Зайчика (Рамат-Ган), Михаила Карпачева (Иерусалим), Дмитрия Строцева (Берлин), Алекса и Светланы Смиловицких (Сан-Франциско), Жанны Эстиной и Зигфрида Войткевича (Бремен), Эдуарда Верткина (Самара), Давида Поташникова (Дилрей Бич, Флорида), Феликса Липского (Дюссельдорф), Феликса Розенблюма (Ган-Явне), Леонида Миркина (Вашингтон), Лены Кузнец (Сент-Луис), Давида Черноглаза (Аругот), Розалины Дардык (Петях-Тиква), Михаила Альшанского (Ришон ле-Цион), Александра Гельфанда, Аркадия Черного, Семена Рикмана, Светы Карцевой, Якова Браудэ (Иерусалим), которых я искренне благодарю.

В заключение хочу выразить глубокую признательность Рине Глаубах из Иерусалима, улучшившей текст рукописи, Шаулю Симан-Тову из Тират-Кармель, подготовившему макет книги и иллюстрации, Александру Литину из Хадеры за помощь в создании обложки, Галине Норкиной из Регенсбурга в Германии за набор текстов документов в книге и, наконец, моей жене Виктории, первому моему читателю и критику.

Леонид Смиловицкий

From The Author

The book that the reader holds in his hands was born over a long period of time. In essence, it turned out to be the starting and ending point of my scholar career. The idea for the book was born when I had just turned 30, and its implementation dragged on for 40 years. During this time, I wrote and published a number of books, but I always remembered the unfinished manuscript. It was not disappointment in the topic that forced me to interrupt this work in the early 1990s, but accompanying circumstances that are worth telling about. Having received my third academic degree (Ph.D.) at the age of 29, I was looking for a point of application for my knowledge, remembering well the words of my father that reaching the status of candidate of historical sciences is just a passport to science and that scientific discoveries are made only after defending a dissertation — when you have “settled down,” as the learned men then would humorously say about themselves. The topic of Stalin's repressions has interested me for a long time, since my student days. The tragedy of Soviet society that occurred in the thirties compromised the Soviet state and the Communist Party, which were going to build a society of universal prosperity in one single country in the shortest possible time — during the life of one generation of people. An explanation of the reasons for the gross violation of the so-called Leninist norms of socialist legality in the USSR could not be found in textbooks or even in scientific literature.

After the decisions of the 20th and 22nd Congresses of the CPSU in 1956 and 1961, which condemned the personality cult of Josef Stalin, all literature related to this disappeared from libraries, bookstores, including second-hand bookshops. What was not destroyed was hidden in ‘special storage’. Therefore, it was impossible to learn the details of the events of the thirties from official sources. However, the details of the political trials of 1935–1938 in the USSR were preserved in old newspapers. From issue to issue, they printed detailed stenographic reports in which former Soviet and

party leaders, scientists, and military leaders incriminated themselves, confessing to the crimes attributed to them. When my father studied at the Minsk Law Institute (1949–1952), he was taught Vyshinsky's theory, based on the fact that presumption is not needed under the dictatorship of the proletariat, that confession is the queen of evidence. The Prosecutor General of the USSR actually adopted the postulate of the Holy Inquisition of the 13th-17th centuries, which stated that the court requires not evidence, but an accusation. The accusatory bias, which formed the basis of the Soviet judicial system, made it possible to deal with all those who were objectionable to the regime. Confessions given under the most severe physical pressure did not embarrass anyone and formed the basis of indictments.

However, getting acquainted with the materials of the trials of the mid-thirties only added new questions for me. How did Soviet society come to a state where innocent citizens were forced to incriminate themselves in order to get rid of physical suffering? Why was there a need for a system of preventive arrests and accusations of participation in non-existent anti-Soviet counter-revolutionary organizations that were allegedly aimed at the restoration of capitalism? What consequences did this have for the country and the world as a whole? After all, if there had been no repressions in the USSR, then there would not have been the Second World War, Hitler would not have come to power, and there would have been no Holocaust. It took me many years to find answers to these questions. It seems to me that only now have I come to an understanding of these processes, which had tectonic consequences.

In the late 1980s, the democratization of Soviet society required a return to historical truth in order to prevent the revenge of Stalin's heirs as opponents of Perestroika. On July 11, 1988, the Politburo of the CPSU Central Committee adopted a resolution "On additional measures upon completion of work related to the rehabilitation of those unjustifiably repressed in the 1930s–1940s and early 1950s." The Prosecutor General's Office and the KGB of the USSR as well as local authorities were given the corresponding instructions. Letters from family members of repressed citizens began to arrive at the party organs of the BSSR. The children of repressed academicians of the Academy of Sciences of the Republic Pavel Yakovlevich Pankevich, Yakov Nikitovich Afanasyev, Petr Afanasevich Buzuk, People's Commissar of Education Anton Vasilyevich Balitsky and Dina Zvulovna Kharik, the wife of Corresponding Member Isaak Davidovich Kharik, addressed the name of the First Secretary of the Central

Committee of the Communist Party of Belarus Efrem Yevseevich Sokolov with a request to help restore their good name.

From Sokolov's secretariat, these letters were forwarded to the newspaper "Zvyazda", which was the printed organ of the Central Committee of the Communist Party of Belarus. By that time, I had managed to publish on its pages a polemical material on the subject of restoring the historical truth, trampled in the 1930–1950s in the republic. It had an impact on the readers and drew the attention of the editors. I was asked to write a series of essays for the newspaper about prominent figures in Belarusian science who had been slandered and erased from the scientific and public life of the republic. I was given a certificate of a freelance correspondent for "Zvyazda" with a request to all interested parties to provide all possible assistance and support.

I was well aware of the methodology of scientific research, so I immediately got down to the matter. I met with family members of repressed academics, listened to their stories, asked my questions and looked into family archives. After that, I began to go around to former colleagues, neighbors and relatives of my 'heroes'. In the State Library named after V.I. Lenin (now the National Library of Belarus), I found books by disgraced scientists, which by that time had been returned from special storage, and rummaged through files of old newspapers. I visited the archive of the Institute of Party History under the Central Committee of the Communist Party of Belarus (now the National Archives of the Republic of Belarus) and the service archive of the Academy of Sciences of the BSSR. I met with Nikolai Tokarev, the head of the academy museum, who was preparing to publish a Handbook on the Academy Employees Who Suffered During Stalin's Repressions. But I considered my greatest achievement gaining access to the Central Archive of the KGB of the BSSR, where relatives of repressed academics wrote requests under my dictation demanding answers to the questions posed. It was important for me to establish: where, when, by whom and under what circumstances were the scientists arrested, who conducted the search and what exactly was confiscated during the arrest, whether there were personal belongings and documents, photographs, what was the sentence, who passed it, where and when was it carried out?

I noticed that in the rehabilitation documents of 1954–1958, the authorities most often used the wording "rehabilitated due to lack of evidence of the charge", while justice required something else - "due to the absence of corpus delicti", which had a fundamental difference. I was struck

by the fact that in return for all the confiscated property of the arrested individuals who were later 'rehabilitated', only two months' salaries at the last place of service were issued. At the same time, in the rehabilitation documents, there was not a word about the guilt of the state (or even regret) for the injustice shown, the suffering endured in the camp, the ordeals of loved ones forced to live for many years with the stigma of "enemy of the people". In other words, the state was in no hurry to take responsibility for the crime against its own people.

The responses from the KGB Central Archive signed by V.N. Dashkovsky arrived fairly quickly, they were laconic but to the point. Only close relatives (children, siblings or spouses) of the rehabilitated had the right to review the investigation materials, which were no longer considered secret. They were not given to any outsiders, including friends, neighbors, colleagues, scientists or journalists. In other words, if the letters had come from me personally, I would not have received a response from the archive, which is why I had chosen to focus on written requests. Things turned out worse with the photographs of my heroes, there were only a few of them that were handed over by relatives, everything else was confiscated during the arrest or disappeared during the war. But there were also successes. From the KGB archive in Vologda I was sent a photograph of Pyotr Afanasyevich Buzuk in prison uniform during his arrests in 1930 and 1937, and from the KGB archive in Minsk I was given the original of Izya Kharik's trade union card from 1935, with the last photo of the poet before his arrest. Moreover, they did not demand that they be returned, they allowed me to keep them in the family - now they did not need them.

When the Germans stood at the gates of Minsk, shelled and bombed it, and the city burned, the party and Soviet leaders of the republic, without declaring an evacuation, fled in panic, leaving secret documents, lists of communists, intelligence workers, seals, codes, money, banners, awards in safes in the House of Government and the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus. At the same time, the NKVD of the BSSR, two days before the surrender of the city, successfully sent its entire archive, which included tens of thousands of investigative files on already executed "enemies of the people", to the Soviet rear. Thus, in the face of the enemy, the authorities abandoned living people to the mercy of fate, but took away the traces of their crimes - the best characteristic of the value system of the Soviet regime. When the Red Army liberated Minsk in July 1944, the first to return there were the NKVD officers, for whom the German prisoners of war began to build a new building on Stalin Avenue

(now Independence Avenue), where the "cases" of the repressed were returned and where they are kept to this day. Already in Israel, Yakov Zinovievich Basin gave me copies of the NKVD investigation protocols on the case of Izya Kharik, including the Order for his arrest, the indictment, the verdict of the visiting session of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR and the certificate of execution of the death sentence on October 29, 1937. In Jerusalem, I met Jessica Platner, the daughter of Isaac Platner, who, together with Kharik, was a member of the Jewish section of the Union of Soviet Writers of Belarus.

While working with the documents, I noticed how the executioners covered their tracks. The state security organs only carried out orders from Moscow. When the dirty work was finished, the executors were removed. The People's Commissar of the NKVD of the USSR Genrikh Yagoda was replaced by Nikolai Yezhov, and Yezhov by Lavrenty Beria. In the BSSR, the People's Commissar of the NKVD of the BSSR Herman Matson was replaced by Leonid Zakovsky, who was succeeded by Israel Leplevsky, Georgy Molchanov, Boris Berman, Alexey Nasedkin and Lavrenty Tsanova. Of all the zealous oprichniks (secret police), only Beria managed to survive Stalin; he was removed by N.S. Khrushchev, who declared him an English spy (he was shot on December 23, 1953). Following the people's commissars, their henchmen were eliminated, starting with deputies, assistants, department heads and ranks of sadistic investigators. The NKVD purges in Stalin's name were carried out under the hypocritical formulation of "exceeding official authority" and "violating the norms of socialist legality." I also became convinced that the secretaries of the Communist Party of Belarus who fell victim to Stalin's purges in 1936-1938, such as Gikalo, Sharangovich and Volkov, had carried out the directives on repressions received from Stalin. They carried out criminal orders with zeal, and then disappeared as enemies of the people in the GULAG or execution pits.

In interrogation reports with forced confessions, one can see not only Belarusian, Russian, Ukrainian, but also Jewish surnames from NKVD investigators of the BSSR. Lieutenant Colonel N.M. Klimovich, who gave me execution cases in the Central Archives of the KGB in Minsk in 2005, in a frank conversation said that his mother was Jewish. And he complained: why didn't you save "your own?" What he meant was that Jewish investigators, interrogating arrested Jews, did not make any allowances for them. I did not argue with Klimovich then, explaining the simple truth that the Jewish investigator was afraid that he would be accused of leniency

towards “his own” and showed double zeal. A Jewish investigator was a real punishment for a Jewish prisoner, and not a hope for salvation. Stalin's suppression machine demanded national nihilism from its henchmen under the guise of internationalism. This was motivated by the fact that the enemies of Soviet power cannot have a national face – they are all counter-revolutionaries who do not deserve leniency.

After a year and a half of intensive work in 1989–1991, I conducted five journalistic investigations about the crimes of Stalinism against the intellectual elite of Belarus in the 1930s. The result was the book “Revived Names”, which was even announced in the plan of the publishing house “Higher School” in Minsk. However, when the editorial revision began, it turned out that my conclusions were inconvenient, the style of presentation was more scientific than artistic. My patience ran out when the editor suggested removing from the text the chapter about the fate of Izya Kharik, who, allegedly, has no relation to Belarusians: “You are writing about the national Belarusian scientific school, what does Kharik have to do with it?” At that time, I was already planning to go to Israel and took the manuscript from the publishing house in the hope of returning to this topic someday in better times. Did I think then that it turned out for the best? The book about the events of 1937 in Belarus looks completely different today than it did 30 years ago. The conclusions in it are formulated more convincingly, the reasons that gave rise to such an ugly phenomenon in the development of Soviet society as the cult of personality are substantiated and proven. I used documents that confirm this, that I found in the archives of Minsk, Moscow and Jerusalem during scientific missions in 1995–2020 after my departure to Israel.

The book is composed of the sections “From the Author”, “Preface”, five chapters, “Conclusion” and appendices. The chapters are arranged according to the names of the main characters, to whose fates the book is dedicated to: Ch. 1 “Forgotten Name (Pyotr Afanasyevich Buzuk), Ch. 2 “What the Soul and Nature Accept” (Yakov Nikitich Afanasyev), Ch. 3 “Return” (Pavel Yakovlevich Pankevich), Ch. 4 “Disgrace” (Anton Vasilyevich Balitsky), Ch. 5 “With Soul and Body” (Isaak Davidovich Kharik). Each chapter is provided with bibliographic references, which are arranged page by page for the reader's convenience. At the end of the book, there is a general list of references and sources used. The Appendix contains the author's publications in the periodical press of the BSSR in 1989–1991, recordings of conversations with eyewitnesses and contemporaries of the events of the pre-war years, as well as unique documents and materials from

the KGB archives of Minsk, Gomel and Vologda, the National Archives of the Republic of Belarus, revealing the tragedy of 1937–1938 in the republic, which are introduced into scientific circulation for the first time.

The book is supplied with name and geographic indices, which facilitates the search for questions of interest, gives an idea of the diversity of collected testimonies of participants in the described events and helps to find out where and how exactly this happened. In addition to the "Appendix", the reader will find a "Glossary of Terms" and a "Glossary of Names" given in the book, clarifying many questions and concepts that may be little known to the modern reader. In preparing the text of the book, I used the method of combining archival material and oral history, which allowed me to link the historical document with the people's memory, and show how the historical event was imprinted in the minds of people, participants, eyewitnesses and contemporaries of the events of those years. Particular attention is paid to the pictorial series – photographs and documents that give a visual representation of life in Soviet Belarus in the 1920s and 1930s.

In conclusion, I would like to express my deep gratitude to Rina Glaubach from Jerusalem, who improved the text of the manuscript, Shaul Siman-Tov from Tirat Carmel, who prepared the layout of the book and the illustrations, Alexander Litin from Hadera for his help in creating the cover, Galina Norkina from Regensburg in Germany for the typesetting of the texts of the documents in the book, and finally, my wife Victoria, the first reader and critic.

Leonid Smilovitsky

Предисловие

Ускорение строительства социализма на рубеже 1920–1930-х гг. в Беларуси, как и по всему Советскому Союзу, привело к нарушению законов общественного развития, огромным диспропорциям в народном хозяйстве, падению уровня жизни и голоду. Официальная пропаганда объясняла экономическую катастрофу обострением классовой борьбы, неизбежной при переходе от капитализма к коммунизму. Против людей, не только тех, кто был недоволен политикой Коммунистической партии, но и беззаветно ей преданных, выдвинули обвинения в контрреволюционной, антисоветской или националистической деятельности, ведь, по словам И.В. Сталина, «репрессии в области социалистического строительства, являются необходимым элементом наступления»¹. Газеты помещали материалы об усилении классовой борьбы и «врагах народа», занятых вредительством. В июле 1934 г. Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ), отвечавшее за политический сыск, реорганизовали в Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), значительно расширив его полномочия. В декабре 1934 г., после убийства С.М. Кирова, послужившего формальным поводом для развязывания репрессий, ЦИК СССР изменил характер ведения следствия по преступлениям против деятелей советской власти: слушание теперь проходило без участия адвоката и прокурора, решение суда не подлежало кассационному обжалованию и помилованию².

Во всех без исключения городах и городках, местечках, селах и деревнях Беларуси люди стали свидетелями невиданного произвола. Большевики находили «врагов» не только среди своих противников, но

¹ И.В. Сталин. *Сочинения*. Москва, 1949 г., т. 12, с. 309.

² *Сборник законов СССР*. 1935 г., № 64, с. 459.

и «попутчиков»³. Национальный фактор не играл определяющей роли. Еврей доносил на еврея, белорус — на белоруса, поляк — на поляка, русский — на русского⁴. Никто не чувствовал себя в безопасности. Не участвовать в происходящем означало заслужить обвинение в пассивности, что считалось неменьшим злом. Выйти из замкнутого круга было невозможно⁵. Когда очередная кампания разоблачения «врагов народа» заканчивалась, ее исполнителей делали виновными в произошедшем.

Политический театр требовал публичного одобрения публики. Массовые собрания трудовых коллективов, партийных и профсоюзных, молодежных и даже детских организаций принимали резолюции, отправляли письма и телеграммы верности идеалам партии Ленина—Сталина. Они осуждали и проклинали внутренних и внешних врагов советской страны, требуя наказать, не давая пощады.

Наиболее частыми стали обвинения в шпионаже и терроризме, поскольку наличие внешней опасности отвлекало граждан от внутренних трудностей. Под прикрытием борьбы с иностранными разведками советский режим устранял всех, кто мог усомниться в политике Коммунистической партии. Большинство следственных дел было сфабриковано службой безопасности. В 1937–1938 гг. в БССР выявляли польскую, немецкую и латвийскую «агентуру». По *польской линии* было осуждено 15 741 чел., включая приговоренных по 1-й категории (расстрел) — 14 034 чел., *немецкой* — осуждено 563 чел., *латвийской* — осуждено 1 459 чел.⁶

В 1937–1938 гг. масштабы репрессий уже не поддавались разумному объяснению. Огульным обвинениям подвергли работников советского и хозяйственного руководства в целом. В 1937–1938 гг. как «врагов народа» арестовали свыше 40 секретарей райкомов партии республики⁷. Большинство этих людей верой и правдой служили режиму, но поплатились за это жизнью — центральная власть устраняла свидетелей и исполнителей директив на местах.

³ Подробнее: *Они не молчали* / Сост. А.В. Афанасьев. Москва, 1991 г.

⁴ Arkadi Zeltser. «Jews in Upper Ranks of the NKVD, 1934–1941» // *Jews in Russia and Eastern Europe*, 2004, vol. 1(52), pp. 64–66.

⁵ Подробнее: *Суровая драма народа: ученые и публицисты о природе сталинизма* / Сост. Ю.П. Сенокосов. Москва, 1989 г.

⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 21, д. 1397, л. 22.

⁷ По состоянию на 25 августа 1938 г. // ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 25, л. 119.

Атмосфера всеобщей подозрительности и страха парализовала Беларусь. Соседи опасались заходить друг к другу, все вздрагивали при стуке в дверь, особенно ночью. От ареста не спасали прежние заслуги, правительственные награды и почетные звания. Планы на количество «врагов народа» в ЦК КП(б)Б спускали в каждый район, город, область и республику. Наиболее распространенными обвинениями считались: наличие в прошлом частной собственности, пассивность при проведении мероприятий советской власти, контрреволюционные высказывания, положительные оценки деятельности Троцкого, Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева и др., сокрытие социального происхождения, доноительство на родственников и т. д.

Первыми жертвами карательной машины НКВД стали выходцы из неболшевицких партий. Компартия Белоруссии в 1922 г. во время политической амнистии после окончания гражданской войны приняла в свои ряды на добровольной основе бундовцев, эсеров, анархистов, сионистов и членов других партий (15%)⁸. В 1930-е гг. видные бундовские лидеры, в том числе А.И. Вайнштейн, М.Г. Рафес, М.Я. Фрумкина (Эстер) и др., были необоснованно репрессированы и погибли⁹.

НКВД требовал усилить наблюдение за настроениями и поведением людей, связями с членами семей «врагов народа», провести вербовку среди их окружения — родственников, знакомых, сослуживцев, соседей. Вслед за «изменниками родины» часто забирали жен и детей. Святость родственных уз была нарушена, заурядной практикой стали обвинения в доноительстве на родных, заподозренных в нелояльности (жен, мужей, детей, матерей и отцов). Отдельную группу подозреваемых составили лица, допускавшие «контрреволюционные» высказывания. После принятия Всесоюзной Конституции в декабре 1936 г. в обществе появилась иллюзорная надежда на переход к правовому государству, однако сталинские чистки не были остановлены. Судебные инстанции не справлялись с потоком дел, а процедура следствия оставалась формальной. Работникам юстиции не хватало опыта и знаний, однако при этом требовалось соблюдать темп выпол-

⁸ По итогам партийной переписи 1922 г. КП(б)Б имела в своем составе: 11% бундовцев и меньшевиков, 0,8% эсеров и выходцев из других партий — 2,56% // *Страницы истории Компартии Белоруссии. Суждения, аргументы, факты* / Сост. Ю.П. Смирнов и Н.С. Сташкевич. Минск, 1990 г., с. 286.

⁹ *Бунд в Беларуси, 1897–1921 гг.: Документы и материалы* / Сост. Э.М. Савицкий. Минск, 1997 г., с.14.

нения заказа на разоблачение врагов. В начале января 1938 г. исполнявший обязанности наркома юстиции БССР В. Мулярчик докладывал ЦК КП(б)Б, что к работе в судах допущены непроверенные и юридически неподготовленные сотрудники. Штаты судебных работников БССР не были укомплектованы полностью, из требуемых 200 народных судей в республике не хватало 74, общая текучесть кадров достигла 32% в год. И это не случайно, в 1937 г. были уволены 45% судебных исполнителей, а из 54 судей, отстраненных от работы, 10 сами оказались под судом за уголовные преступления или злоупотребление алкоголем¹⁰.

Судебные инстанции второй половины 1930-х гг. в Советском Союзе руководствовались обвинительным уклоном. Оправдательные приговоры считались «браком» в их работе. В сентябре 1938 г. для ускорения рассмотрения дел при местных управлениях НКВД (краев, областей и республик) были образованы особые «тройки» в составе первого секретаря обкома партии, начальника областного управления НКВД и прокурора, которые должны были выполнить свою работу в двухмесячный срок¹¹. Затем эти дела направлялись в военные трибуналы, линейные и областные суды, Военную коллегия Верховного суда и Особое совещание при НКВД СССР, которые вели упрощенное делопроизводство — составляли только протоколы заседаний, куда записывали принятые решения без доказательства преступной деятельности обвиняемых¹². Решения особых «троек» по первой категории (расстрел) приводились в исполнение немедленно. Наиболее жестокими оказались репрессии с августа 1937 г. по сентябрь 1938 г.

Массовый террор был остановлен к концу 1938 г. по приказу из Москвы так же организованно, как и начался. Цель оказалась достигнута: государство безраздельно господствовало над гражданами не только в политическом, юридическом, экономическом отношениях, но даже в личной жизни. Репрессии приняли такие масштабы, что грозили обрушить тоталитарную пирамиду, выстроенную сталинским режимом, и похоронить под собой ее создателей. Несправедливые аресты партия объяснила происками врагов в НКВД. Важно было замести следы, убрать наиболее одиозных исполнителей якобы для восстано-

¹⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 8, д. 32, лл. 222, 225.

¹¹ Там же, л. 225.

¹² Т.С. Протько. *Становление советской тоталитарной системы в Беларуси, 1917–1941 гг.* Минск, 2002 г., с. 192.

ления революционной законности. Это позволило вернуть людям надежду на личную безопасность и выпустить часть арестованных и даже тех, кто уже был осужден.

17 ноября 1938 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли решение о восстановлении законности в действиях службы безопасности, на места было разослано закрытое письмо «Об извращениях в следственной работе НКВД». В конце 1938 г. на посту наркома внутренних дел СССР Н.И. Ежова сменил комиссар госбезопасности первого ранга Л.П. Берия¹³, который издал приказ «О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций» (см. раздел *Фотографии и документы*). Этот приказ Берии № 827 от 27 декабря 1938 г. имел гриф «строго секретно» и сопровождался директивой И.В. Сталина в отношении первых секретарей ЦК национальных компартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б)¹⁴.

Всем отделам НКВД союзных и автономных республик, краев и областей, начальникам городских и районных отделений госбезопасности предписывалось прекратить вербовку осведомителей из числа ответственных руководящих работников и обслуживающего персонала партийных комитетов всех уровней. У ранее завербованных секретных агентов отобрали подписки о сотрудничестве, а их личные дела уничтожили в присутствии представителей райкомов, горкомов или ЦК национальных компартий, о чем составили специальный акт.

16 января 1939 г. народный комиссар внутренних дел БССР Лаврентий Цанава сообщил в Москву о ходе выполнения приказа Берии. Подписки о сотрудничестве были отобрали у председателя Верховного Совета БССР Н.Г. Грековой, у заведующих особыми секторами при ЦК КП(б)Б и Минском обкоме партии, у ряда секретарей областных, городских и районных партийных комитетов¹⁵. Цанава

¹³ Лаврентий Павлович Берия (1899–1953 гг.) — народный комиссар НКВД (1938–1945), министр МВД СССР (1953), арестован 26 июня 1953 г. по обвинению в заговоре с целью захвата власти и в декабре 1953 г. расстрелян.

¹⁴ ГАООГО, ф. 702, оп. 1, д. 67, лл. 24–25об.

¹⁵ Секретарей Добрушского, Богусhevского, Узденского райкомов партии, председателя Узденского райисполкома, заведующих учетным сектором Холопеничского

докладывал, что телохранители первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии П.К. Пономаренко¹⁶ по указанию наркома НКВД БССР А.А. Наседкина негласно собирали компрометирующий материал, в результате чего на него было заведено наблюдательное дело, в качестве осведомителей завербовали 13 работников обслуживающего персонала ЦК КП(б)Б и лечкомиссии¹⁷. Из сети осведомителей были исключены заведующие учетными секторами райкомов, горкомов, управляющие делами обкомов, председатели райисполкомов и т. д.¹⁸

В декабре 1938 г. арестовали наркома НКВД БССР Бориса Бермана и его ближайшее окружение. Материалы следственных дел на бывших сотрудников госбезопасности до сих пор остаются недоступными для историков.

Картина страшного беззакония открывается из показаний арестованных, включенных в сопроводительные документы, приобщенные к делам по реабилитации 1957–1959 гг. По свидетельству Ровинского, начальника 3-го отделения Управления НКВД по Гомельской области, в 1937 г. ЦК ВКП(б) определил «лимиты» — сколько человек необходимо арестовать в том или ином месте за определенный срок. Помощник начальника отдела УГБ НКВД БССР Соколов на оперативном совещании инструктировал сотрудников госбезопасности о методах ведения следствия: «Вы должны быть “стахановцами”¹⁹ и не только выполнять нормы по разоблачению одного человека в сутки, но давать больше, чтобы не даром получать государственные деньги»²⁰.

и Бешенковичского РК КП(б)Б, инструкторов Стародорожского, Толочинского, Дриссенского, Россонского, Суражского, Оршанского, Освейского районов, двух инструкторов Пуховичского райкома партии, заведующих особым сектором Могилевского обкома партии, заведующих партийными кабинетами Витебского обкома и Меховского райкома КП(б)Б и др.

¹⁶ Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984 гг.) — первый секретарь ЦК КП(б)Б с июня 1937 по март 1947 г., председатель СНК БССР (1944–1948).

¹⁷ Лечкомиссия — Управление по охране здоровья номенклатуры ЦК КП(б)Б, СНК и ЦИК БССР.

¹⁸ Расціслаў Платонаў. *Палітыкі. Ідзі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20–30-х гадоў*. Мінск, 1996 г., с. 357–359.

¹⁹ Алексей Григорьевич Стаханов (1905–1977 гг.) — шахтер Донбасса, в августе 1935 г. установил рекорд по добыче угля, вырубив вместо семи 102 тонны за одну смену; советская пропаганда использовала его имя для организации массового «стахановского» движения по повышению производительности труда.

²⁰ АУ КГБ ГО, д. 9880, л. 163.

Следователи добивались признательных показаний путем физического воздействия, оскорблений, унижения человеческого достоинства, запугивания и угроз. При тюрьмах НКВД были оборудованы камеры пыток и карцеры. Особо непокорных заключенных отправляли в «ледник» — темное помещение с цементным полом, залитым водой, где в любое время года сохранялась низкая температура. Военный трибунал приговорил некоторых следователей-садистов к высшей мере наказания. Однако расстреляны были только исполнители, остальные работники НКВД получили по 10 лет лагерей, но вскоре были освобождены в связи с началом войны с Германией.

Подчеркнем, что Народный комиссариат внутренних дел БССР не проводил самостоятельных действий, а находился в подчинении у НКВД СССР, который, в свою очередь, выполнял руководящие указания из ЦК ВКП(б) и лично И.В. Сталина. Расправляясь с неудобными, сотрудники госбезопасности были уверены, что их действия заведомо одобрены свыше. Несмотря на это, все руководители госбезопасности республики с 1918 по 1941 г. (17 чел.) умерли неестественной смертью, большинство из них приговорили к высшей мере наказания и расстреляли²¹. Это было логичным завершением обновления высшего эшелона НКВД СССР. В 1936 г. Ежов сменил Ягоду²², а когда сам сыграл свою палаческую роль, то ему на смену в 1938 г. пришел Берия. Этой рокировкой Сталин только укрепил службу безопасности как главную карательную структуру государства. С приходом Берия кадровая чистка получила второе дыхание. За 1939 г. из советской тайной

²¹ Председатели Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем в БССР — Виктор Иванович Яркин (1889–1937), Александр Иосифович Роттенберг (1886–1939), Ян Каликстович Ольский (Куликовский) (1898–1937); председатели ГПУ БССР — Иосиф Александрович Адамович (1896–1937), Филипп Демьянович Медведь (1890–1937), Роман Александрович Пиляр (1894–1937), Григорий Яковлевич Рапопорт (1890–1937), Станислав Францевич Реденс (1892–1940), Герман Петрович Матсон (1896–1938), Леонид Михайлович Заковский (1894–1938); наркомы НКВД БССР — Израиль Моисеевич Леплевский (1894–1938), Александр Исаакович Хацкевич (1895–1943), Георгий Андреевич Молчанов (1897–1937), Борис Давидович Берман (1901–1939), Алексей Алексеевич Наседкин (1897–1940), Лаврентий Фомич (Джанджава) Цанава (1900–1955). См.: А.Р. Кулеш, Л.В. Пименов, И.А. Валаханович. *Руководители органов государственной безопасности Беларуси: Краткий биографический справочник*. Минск, 1997 г., с. 9–29.

²² Генрих Григорьевич Ягода (1891–1938 гг.) — нарком внутренних дел СССР (1934–1936), один из главных исполнителей массовых репрессий, расстрелян (1938).

полиции уволили 7 372 сотрудника, или 22,9% от их общего состава. В то же время на оперативно-чекистскую работу приняли 14 506 чел., большинство из них были партийно-комсомольскими активистами²³.

1930-е гг. в СССР оказались периодом сильнейших социальных потрясений. По стране прокатилось несколько волн насилия, которые заканчивались устранением целых социальных слоев. Формы репрессий были разнообразными: от лишения гражданских прав, увольнения с работы до ссылки, тюрьмы, лагеря и смертной казни. Сталинские чистки обесценили творческую инициативу советских граждан и наложили неизгладимый отпечаток на весь стиль государственного мышления. Люди боялись выделяться из общей массы. В Советском Союзе господствовали внеэкономические методы принуждения, и никто не был заинтересован в результатах своего труда. В период с 1939 г. до середины 1941 г. возросшая внешняя угроза ослабила внутреннюю напряженность. XVIII съезд ВКП(б) осудил репрессии и признал, что чистки сопровождались многочисленными нарушениями, однако вину за массовые аресты в стране официальное руководство возложило на местных партийных и государственных руководителей.

В целом можно выделить три основные волны репрессий в стране: первая (1928–1931 гг.) была связана с проведением коллективизации и затронула «кулаков» из крестьян, «середняков» и кустарей-единоличников из евреев; вторая (1932–1933 гг.) накрыла простых тружеников, крестьян-белорусов и ремесленников-евреев, которые противились тотальному контролю государства; третья (1934–1938 гг.) прошла по управленцам среднего звена, интеллигенции, комсомольским, партийным и советским работникам. Большинству арестованных выносили приговор по 69-й (вредительство), 70-й (террор), 72-й (контрреволюционная агитация) и 76-й (контрреволюция) статьям Уголовного кодекса БССР, что обрекало их на сроки от 5 до 25 лет заключения, поэтому кампания по укреплению трудовой дисциплины 1939–1941 гг. не отложилась в народной памяти как жестокие гонения, повлекшие за собой безвинные массовые жертвы. Начавшаяся вскоре война Советского Союза с Германией отодвинула на время осмысление репрессий, которые нацистская пропаганда, в свою очередь, использовала для обличения советской тоталитарной системы.

²³ Г.В. Костырченко. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм.* Москва, 2001 г., с. 210.

Preface

The acceleration of the construction of socialism at the turn of the 1920s and 1930s in Belarus, as well as throughout the country, led to the violation of the laws of social development, huge disproportions in the national economy, a drop in living standards, and famine. Official propaganda explained the economic catastrophe by the aggravation of the class struggle, inevitable during the transition from capitalism to communism. People dissatisfied with the policies of the Communist Party were accused of counterrevolutionary, anti-Soviet, or nationalist activity. According to Josef Stalin, "repressions in the area of socialist construction are a necessary element of the offensive." Newspapers published materials about the intensification of the class struggle and "enemies of the people" engaged in sabotage. In July 1934, the United State Political Directorate (OGPU), responsible for political investigation, was reorganized into the People's Commissariat of Internal Affairs (NKVD), significantly expanding its powers. In December 1934, after the murder of Sergey Kirov, which served as a formal pretext for unleashing repressions, the USSR Central Executive Committee changed the nature of the investigation into crimes against Soviet government figures. The hearing was held without the participation of a lawyer and prosecutor, the court's decision was not subject to cassation appeal or pardon.

In all cities and towns, towns, villages and hamlets of Belarus, people witnessed contradictions and political clashes in the Union and republican leadership. The Bolsheviks found "enemies" not only among their opponents, but also among their "fellow travelers", in accordance with the Stalinist model of socialism. The national factor did not play a decisive role. A Jew would inform on a Jew, a Belarusian on a Belarusian, a Pole on a Pole, and a Russian on a Russian. When the next campaign of exposing "enemies of the people" ended, its perpetrators were made scapegoats. No one felt safe; previous merits did not save them. Not participating in what

was happening meant being accused of passivity, which was considered no less evil. It was impossible to break out of the vicious circle. Political theater demanded public approval of the official course of the party and the state. Mass meetings of work collectives, party and trade union, youth and even children's organizations adopted resolutions, sent letters and telegrams of loyalty to the ideals of the Lenin-Stalin party. They condemned and cursed the internal and external enemies of the Soviet country, demanding that they be given no mercy.

The most dangerous accusations were those of espionage and terrorism. The presence of external danger distracted the population from internal difficulties. Under the guise of fighting foreign intelligence services, the Soviet regime eliminated anyone who could doubt the policies of the Communist Party. Most of the cases were fabricated; the courts did not bother to find the truth. In 1937–1938, Polish, German, and Latvian "agents" were exposed in the BSSR. 15,741 people were convicted along the Polish line, including 14,034 people sentenced to the 1st category (execution), 563 people were convicted along the German line, and 1,459 people were convicted along the Latvian line. In 1937–1938, the scale of the repressions no longer lent itself to rational explanation. Indiscriminate accusations were leveled against Soviet and economic management officials as a whole. The reprisals against party leaders were part of the general punitive policy of the party and the state, developed by Stalin. In 1937–1938, over 40 secretaries of the republic's district party committees were arrested as enemies of the people. Most of these people served the regime faithfully and truly, but paid for it with their lives – witnesses and executors of directives from Moscow were eliminated locally.

An atmosphere of general suspicion and fear paralyzed Belarus. Neighbors were afraid to visit each other, they shuddered at the knock on the door, especially at night. Many families were preparing for eviction, women were knitting warm socks and drying crackers. Former merits, government awards and honorary titles did not save them from arrest. Plans for the number of enemies of the people in the Central Committee of the Communist Party (bolsheviks) of Belarus were sent down to every district, city, region and republic. The most common accusations were: having private property in the past, passivity in the events of the Soviet government, counter-revolutionary statements, praising Trotsky, Bukharin, Zinoviev, Kamenev and others, membership in non-Bolshevik parties, concealing social origin, failure to inform on relatives, etc. Among the first to fall under the guillotine were people from non-Bolshevik political parties.

In 1922, during the political amnesty following the end of the civil war, the Communist Party of Belarus voluntarily accepted Bundists, Socialist Revolutionaries, anarchists, Zionists and members of other parties (15%) into its ranks. In the 1930s, prominent Bundist leaders, including A.I. Weinstein, M.G. Rafes, M.Ya. Frumkina (Esther), were unjustifiably repressed and died.

One of the most immoral accusations was failure to report relatives suspected of disloyalty. The sanctity of family ties was sacrificed to political expediency and party strife. A separate group of suspects were individuals who made "counterrevolutionary" statements. After the adoption of the All-Union Constitution in December 1936, people had an illusory hope of transitioning to a state governed by the rule of law. However, this did not prevent the punitive machine of repression from gaining momentum. The courts could not cope with the flow of cases, and the investigation procedure remained formal. Justice workers lacked experience and knowledge, but at the same time it was necessary to maintain the pace of fulfilling the order to find and expose enemies. In early January 1938, the acting People's Commissar of Justice of the BSSR V. Mulyarchik reported to the Central Committee of the Communist Party (bolsheviks) of Belarus that unverified and legally unprepared people were being allowed to work in the courts. The BSSR judicial staff was not fully staffed; out of the required 200 people's judges, 74 were missing in the republic, and the overall turnover of personnel reached 32% per year. And this is no coincidence: in 1937, 45% of judicial officers were fired, and out of 54 judges suspended from work, ten themselves found themselves on trial for criminal offenses or alcohol abuse.

For the second half of the thirties in the Soviet Union, the prosecution bias was used. Acquittals were considered a manifestation of "softness" and sympathy for the enemies of Soviet power. In September 1938, in order to speed up the consideration of cases, special troikas were formed at local NKVD departments (territories, regions and republics), consisting of the first secretary of the regional party committee, the head of the regional NKVD department and the prosecutor, who had to complete their work within two months. Then the cases were sent to military tribunals, linear and regional courts, the Military Collegium of the Supreme Court and the Special Conference under the NKVD of the USSR. They conducted simplified office work - they only compiled minutes of meetings, in which they recorded the decisions taken without evidence of criminal activity of the accused. The decisions of special troikas on the first category

(execution) were carried out immediately. The most brutal repressions were from August 1937 to September 1938, the NKVD demanded increased surveillance of people's moods and behavior, connections of family members of enemies of the people, recruitment among their circle – relatives, acquaintances, colleagues, neighbors. Following the "traitors of the motherland", wives and children were often taken away.

The mass terror was stopped by the end of 1938 by order from Moscow in the same organized manner in which it had begun. The goal was achieved: the state had absolute dominion over its citizens not only in political, legal, economic relations, but even in their personal lives. The repressions had reached such a scale that they threatened to collapse the totalitarian pyramid built by Stalin's regime and bury its creators under themselves. The party explained the unjust arrests by the machinations of enemies in the NKVD. It was important to cover up the tracks, remove the most odious perpetrators under the guise of restoring revolutionary legality. This allowed people to regain hope for personal safety and release some of the convicted. On November 17, 1938, the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Council of People's Commissars of the USSR decided to establish legality in the actions of the security service. A closed letter "On distortions in the investigative work of the NKVD" was sent to the regions. At the end of 1938, Nikolay Yezhov was replaced as People's Commissar of Internal Affairs of the USSR by the First Rank Commissar of State Security Lavrenti Beria, who issued an order "On the prohibition of recruiting certain categories of workers of party, soviet, economic, professional and public organizations." Beria's order No. 827 of December 27, 1938 was marked "top secret" and was accompanied by a directive from Josef Stalin addressed to the first secretaries of the Central Committees of national communist parties, territorial committees, regional committees, district committees, city committees and district committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks).

The mass terror was stopped by the end of 1938 by order from Moscow in the same organized manner in which it had begun. The goal was achieved: the state had absolute dominion over its citizens not only in political, legal, economic relations, but even in their personal lives. The repressions had reached such a scale that they are threatened to collapse the totalitarian pyramid built by Stalin's regime and bury its creators under themselves. The party explained the unjust arrests by the machinations of enemies in the NKVD. It was important to cover up the tracks, remove the most odious perpetrators under the guise of restoring revolutionary legality.

This allowed people to regain hope for personal safety and release some of the joy. On November 17, 1938, the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Council of People's Commissars of the USSR decided to establish legality in the actions of the security service. A closed letter "On distortions in the investigative work of the NKVD" was sent to the regions. At the end of 1938, Nikolay Yezhov was replaced as People's Commissar of Internal Affairs of the USSR by the First Rank Commissar of State Security Lavrenti Beria, who issued an order "On the prohibition of recruiting certain categories of workers of party, soviet, economic, professional and public organizations." Beria's order No. 827 of December 27, 1938 was marked "top secret" and was accompanied by a directive from I.V. Stalin addressed to the first secretaries of the Central Committees of national communist parties, territorial committees, regional committees, district committees, city committees and district committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks).

In December 1938, the People's Commissar of the NKVD of the BSSR Berman and his inner circle were arrested for gross violation of socialist legality. The materials of the investigative files on former state security employees remain inaccessible for analysis to this day. A picture of terrible lawlessness is revealed from the testimony included in the accompanying documents attached to the rehabilitation cases of 1957-1959. According to the testimony of the head of the 3rd department of the NKVD Directorate for the Gomel Region, Rovinsky, in 1937 the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) determined "limits" – how many people must be arrested in a particular place over a certain period of time. Assistant to the head of the department of the UGB NKVD of the BSSR Sokolov instructed the state security employees on the methods of conducting an investigation at an operational meeting: "You must be Stakhanovites and not only fulfill the norms for exposing one person per day, but give more, so as not to receive state money for nothing."

Investigators extracted confessions by using physical force, insults, humiliation of human dignity, intimidation and threats. Torture chambers and punishment cells were set up in NKVD prisons. Particularly recalcitrant prisoners were put in the "icebox" – a dark room with a cement floor filled with water, where the temperature remained low at any time of the year. In 1938-1939, the Military Tribunal sentenced some sadistic investigators to capital punishment. However, only the perpetrators were shot, the rest of the NKVD workers received ten years in the camps, but were then released due to the outbreak of war with Germany.

We emphasize that the People's Commissariat of Internal Affairs of the BSSR did not carry out independent actions, but was subordinate to the NKVD of the USSR, which, in turn, carried out the guidelines of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), the Prosecutor General's Office and personally I.V. Stalin. All undertakings of the Belarusian special officers were strictly regulated, so their independent activity on the ground was reduced to a minimum. When dealing with those who were undesirable, the state security officers were confident that their actions had been approved in advance from above. Despite this, all the heads of the republic's state security from 1918 to 1941 (17 people) died an unnatural death, most of them were sentenced to capital punishment and shot. This was the logical conclusion to the renewal of the top echelon of the NKVD of the USSR. In 1936, Yezhov replaced Yagoda, and when he himself played his executioner role, Beria came to replace him in 1938. With this castling, Stalin only strengthened the security service as the main punitive structure of the state. With the appearance of Beria, the personnel purge received a second wind. In 1939, 7,372 employees were dismissed from the agencies, or 22.9% of their total staff. At the same time, 14,506 people were accepted for operational and security work, most of them were party and Komsomol nominees.

The 1930s in the USSR were a period of great social upheaval. Several waves of violence swept across the country, ending with the elimination of entire social strata. The forms of repression varied: from deprivation of civil rights, dismissal from work, to exile, prison, camps and the death penalty. Stalin's purges devalued the creative initiative of Soviet citizens and left an indelible mark on the entire style of state thinking. People were afraid to stand out from the crowd. Non-economic methods of coercion prevailed in the Soviet Union, and no one was interested in the results of their labor. From 1939 to mid-1941, the increased external threat eased internal tensions. The 18th Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) condemned the repressions and admitted that the purges were accompanied by numerous mistakes. However, the official leadership placed the blame for the mass arrests in the country on local party and state leaders.

In general, three main waves of repression can be distinguished in the country: The first (1928-1931) was connected with the implementation of collectivization and affected the "kulaks" from the "middle peasants" and individual Jewish artisans. The second (1932-1933) covered ordinary workers, Belarusian peasants and Jewish artisans who resisted the total

control of the state. The third (1934-1938) affected mid-level managers, the intelligentsia, Komsomol, party and Soviet workers. Most of those arrested were sentenced under Articles 69 (sabotage), 70 (terror), 72 (counter-revolutionary agitation) and 76 (counter-revolution) of the Criminal Code of the BSSR, which condemned them to terms of 5 to 25 years in prison camps. In this regard, the campaign to strengthen labor discipline in 1939–1941 was not imprinted in the people's memory as a brutal persecution that resulted in innocent mass casualties. The war between the Soviet Union and Germany that soon began pushed back for a while the understanding of the repressions that Nazi propaganda used to expose the Soviet totalitarian system.

Глава 1

Забытое имя

...Знающие люди посоветовали ей позвонить. Дали телефон. Но разговор по телефону к делу не пришьешь, и она решила пойти. Как известно, некоторые инстанции лучше не беспокоить, пока сами не позовут, а те не звали. Долго. Почти полвека. Все меняется в этом подлунном мире: люди, обстоятельства, оценки прошлого, мораль. Но не верила она, что изменилась и та инстанция, куда ей предстояло обратиться. Скорее всего, команды начали поступать новые, был Указ президента, а перед этим решение Политбюро и Совета министров СССР, зашумели газеты, разрешили стать смелыми историкам...

Дело, с которым она просила ее ознакомить, хранилось у них давно, с конца 1930-х. На обложке стоял гриф «Хранить вечно». Наверное, поэтому, когда в конце июня 1941 г. в Минске все кругом горело и взрывалось, плакало и стонало, беженцы с детьми на руках искали свободную платформу, вагон, подножку, а войска Красной армии отходили на «заранее подготовленные позиции», тяжелые деревянные ящики, набитые до отказа папками НКВД с «делами», были поспешно погружены в первую очередь и своевременно дошли до адресата.

После освобождения Белоруссии в 1944 г. здание МГБ республики на Сталинском проспекте было отстроено в числе первых в городе. Его не только восстановили после прямого попадания немецкого фугаса, но и значительно расширили. Хозяина внушительного здания Лаврентия Фомича Цанаву (минского Берию) знали и побаивались все — от первого секретаря ЦК КПБ и председателя Совмина до простого смертного. Подвалы его заведения заполнили аккуратно расставленными на стеллажи «делами». Доступ к ним имели даже не все сотрудники госбезопасности. С ними разрешали знакомиться только после

указания председателя КГБ или помощника прокурора республики, ответственного за контроль деятельности органов. И могла ли она подумать тогда, что «дело», которое она хотела просить показать, находится в Минске, в двух шагах от места ее работы? Что настанет время, когда будет создан специальный отдел при КГБ БССР, который потревожит спецхран, что начнется широкомасштабная реабилитация?

В приемной ее ожидал интеллигентного вида человек с приятными манерами. Поздоровался и попросил пройти в специально приготовленную для таких случаев комнату, представился и сказал: «Мы получили ваше заявление. К сожалению, с самими материалами дела познакомить не можем. Не положено. Но мы готовы ответить на интересующие вас вопросы. И даже письменно». В его голосе чувствовалось отшлифованное многочисленными подобными встречами формальное соболезнование. Ей как профессиональной актрисе это стало сразу заметно.

Через неделю этот интеллигентного вида человек сам позвонил ей домой и пригласил на встречу. На этот раз он держал в руках отпечатанные на официальном бланке своей организации ответы на ее вопросы. Потом протянул фотографию: «Возьмите, мы обнаружили ее в деле, сняли копию. Оригинал, как вы понимаете, мы оставляем у себя». И продолжил: «Он не назвал ни одной фамилии, не подписал ни одного протокола, ни одной бумаги...» Она взглянула — это была неизвестная в семье фотография отца.

Нет ничего удивительного в том, что вы никогда не слышали о Петре Афанасьевиче Бузуке — крупном белорусском советском языковеде-слависте и педагоге, одном из тех, кто заложил основы советской лингвистики. «Репрессирован и расстрелян» — два слова, а за ними пятьдесят два года жизни, с первых юношеских лет и до конца, отданных любимой работе, и десятилетия хулы и забвения.

Современная справочная литература укладывает биографию Петра Афанасьевича Бузука всего в несколько строк. Мало кто знает, что за ними — история жизни ученого-языковеда, одного из выдающихся советских полиглотов, погибшего в годы культа личности. В архивах, к сожалению, сохранилось не много документов, связанных с ним. Нам удалось их увидеть, эти документальные материалы дополнили воспоминания родных и очевидцев. И по сей день бережно хранит справку о посмертной реабилитации П.А. Бузука пожилая женщина с улицы Змитрака Бедули. Скромную обстановку скрашивают разве что книги и два портрета человека, о котором мы долго говорим с хозяй-

кой квартиры — дочерью Петра Афанасьевича Бузука — Екатериной Петровной.

О жизни и деятельности П.А. Бузука почти не существует никакой литературы, ни научной, ни популярной. В 1969 г. в издательстве «Наука и техника» в Минске вышла небольшая книжка Е. Романович и Е. Юревич «П.А. Бузук», затем в молдавском журнале «Кодры» в 1973 г. промелькнула небольшая заметка «Страницы биографии П.А. Бузука». В 1977 г. вышел в свет библиографический словарь М.Г. Булахова «Восточнославянские языковеды», т. 2, где несколько страничек отведено биографии и основным этапам деятельности нашего земляка. К этому можно только добавить краткие статьи справочного характера в Белорусской советской энциклопедии и Украинской советской энциклопедии. Вот, пожалуй, и все...

Неудивительно поэтому, что даже место рождения ученого в источниках указано по-разному. Так, Е. Романович и Е. Юревич считают, что местом рождения ученого было село Терновка, недалеко от Кишинева. Так полагали и родные П.А. Бузука: его жена, Анна Григорьевна, и дети. Эти же данные попали во все справочники и энциклопедии. Но вот, оказывается, в Одесском областном государственном архиве сохранилось начатое в 1916 г. «Дело о службе П.А. Бузука»¹. Оно позволяет уточнить дату и место рождения ученого. Метрическое свидетельство № 4744, выданное 23 марта 1900 г. Кишиневской духовной консисторией, показывает, что Петр Афанасьевич родился 19 июня (1 июля по новому стилю) 1891 г. в селе Шерпены Бендерского уезда Бессарабской губернии (Бендерского района Молдавской ССР). Шерпены как родина П.А. Бузука упоминается также в его документах об образовании².

Учился Петр Афанасьевич не в Тираспольской гимназии, как считалось ранее, а в тираспольском Алексеевском реальном училище, куда поступил 29 сентября 1904 г. Был одним из лучших учеников, с легкостью овладевал знаниями по самым разноплановым учебным дисциплинам: математике и географии, физике, химии и литературе. Но больше всего его тянуло к языкам — старославянскому, гречес-

¹ «Дело о службе П.А. Бузука» // Одесский областной государственный архив, ф. 45, оп. 4, д. 1142, л. 2-К.

² Архивная выписка от 3 апреля 1991 г. из метрической книги церкви Георгиевской в с. Шерпень 1-го округа Бендерского уезда за 1891 г. (ныне Шерпень — село в Новоаненском районе Молдавии) // Национальный архив Молдовы, ф. 211, оп. 2, д. 280, л. 1504.

кому, латинскому, французскому и немецкому. После окончания училища Бузук полтора года самостоятельно готовился к поступлению в Новороссийский университет в Одессе. Для того чтобы скопить денег на поездку, занимался репетиторством. Заявление подал на историко-филологический факультет, который выгодно отличался от других своими профессорско-преподавательскими кадрами.

На занятия Бузук шел с упоением, но через год после начала учебы возникла еще одна забота — нужно было помочь материально младшему брату Николаю, который поступил в Одесскую гимназию. Еще в университете определилась главная черта натуры нашего героя — страстность. Во всем, и прежде всего в науке. Он занимался ею самозабвенно, но это не мешало молодому человеку увлекаться искусством, музыкой, театром, литературой. Особенно он любил оперу. Петр Афанасьевич имел прекрасный баритон и любил петь. Во время летних каникул часто собирал друзей и вез в деревню к родителям, а там — костры на берегу, плоты на Днепре, песни под звездным небом... Бузук долго колебался, кем стать: артистом или ученым? Пересилила наука. В университете он вдохновенно занимался славистикой и лингвистическими дисциплинами. Особенно нравились ему лекции Б.М. Ляпунова³ и Ф.Ф. Фортунатова⁴, которые читали сравнительную грамматику славянских языков, старославянский язык, историю русского языка и др. Большое влияние на него оказал и профессор А.И. Томсон⁵, который создал при университете кабинет

³ Борис Михайлович Ляпунов (1862–1943 гг.) — российский советский лингвист-славист, родился в с. Болобоново Курмышского уезда Симбирской губ.; сын астронома М.В. Ляпунова, брат математика А.М. Ляпунова и композитора С.М. Ляпунова, окончил Петербургский университет (1885), профессор Новороссийского университета в Одессе (1901–1924) и Ленинградского государственного университета (1924–1929), член-корреспондент Петербургской академии наук (1907), академик АН СССР (1923) и Польской АН (1930), член-корреспондент Болгарской (1932) и Чешской (1934) академий наук.

⁴ Филипп Федорович Фортунатов (1848–1914 гг.) — российский лингвист, профессор, действительный член Петербургской академии наук (1898), основатель московской лингвистической школы, один из наиболее значительных лингвистов дореволюционной России, трудился над историей индоарийских, балтийских и славянских языков, работал с индоевропеистикой, теорией грамматики; занимался обширной педагогической деятельностью.

⁵ Александр Иванович Томсон (1860–1935 гг.) — российский советский лингвист, член-корреспондент Петербургской академии наук (1910), родился близ Дерпта (Тарту), окончил Петербургский университет со степенью кандидата по санскрито-персидскому разряду восточного факультета, профессор Новороссийского и Одес-

экспериментальной фонетики. В его работе приняли участие наиболее способные студенты, и среди них Петр Бузук. Участвовал он также и в семинаре профессора Томсона по сравнительно-историческому синтаксису индоевропейских языков. Мысли, идеи, подход и методика известного ученого-педагога сказались на научном мировоззрении Петра Афанасьевича. Исключительная одаренность, трудолюбие и настойчивость молодого Бузука привлекли внимание его педагогов, и после успешного окончания университета в 1916 г. по предложению профессора Б.М. Ляпунова его зачислили профессорским стипендиатом на кафедру славянской филологии для подготовки к профессорскому званию. Это решение было глубоко закономерным.

Я держу в руках диплом Петра Афанасьевича об окончании Новороссийского университета. В отличие от современных дипломов, выписанных от руки шариковой ручкой на стандартном бланке-вкладыше, этот документ производит большое впечатление — пожелтевший от времени титульный лист набран в типографии, вверху двуглавый орел, внизу текст:

Предъявитель сего, Бузук Петр Афанасьевич, сын крестьянина, вероисповедания православного, в бытность студентом историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета по славяно-русскому отделению в 1912–1916 гг. подвергался испытаниям, на которых показал следующие успехи...

Далее перечислялись наименования 24 учебных дисциплин, и везде одна и та же оценка — «весьма удовлетворительно», что по тем временам означало «отлично». Диплом был выдан в Одессе 16 мая 1917 г. Подпись: попечитель Одесского учебного округа П. Соковнин.

Одновременно с учебой в университете П.А. Бузук посещал курсы для учителей средних школ, что позволило ему после окончания университета преподавать русский язык, логику и психологию в гимназиях Одессы. Современники Петра Афанасьевича, ученики и товарищи отмечают его исключительную эрудицию и необычайные лингвистические способности. В 1920 г. он успешно сдал магистерские

ского университетов (1897–1932), в котором организовал первый в Украине кабинет экспериментальной фонетики; член Всеукраинской научной Ассоциации востоковедения в Харькове, преподавал сравнительную грамматику на одесских Высших женских курсах, изучал общее и сравнительное языкознание, санскрит, армянский язык, историческую фонетику, славянские языки, экспериментальную фонетику.

экзамены и начал преподавать различные филологические дисциплины в университете. В 1924 г. Петр Афанасьевич блестяще защитил докторскую диссертацию по теме «К вопросу о месте написания Мариинского евангелия» (в Болгарии). В той или иной степени он владел всеми славянскими, молдавским, румынским, итальянским, немецким, английским, французским, литовским, татарским, древнееврейским, латинским и некоторыми другими языками. На многих из них он читал свои лекции в высших учебных заведениях, писал научные статьи и даже литературные произведения. Особенно ярко знание разносистемных языков проявилось в его трудах по общему сравнительно-историческому славянскому и белорусскому языкознанию. Они были опубликованы в Одессе и Минске и освещали наиболее актуальные проблемы лингвистики, волновавшие ученых СССР и Европы.

Наиболее плодотворно Петр Афанасьевич Бузук работал в Беларуси, куда он переехал по приглашению В.И. Пичеты, ректора Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. Такое приглашение было характерным для того времени: после окончания гражданской войны, потрясшей основы общественного устройства, начался процесс возрождения политического, экономического и культурного потенциала страны. Нужно было скорее развернуть работу по подготовке научных кадров национальной интеллигенции. Это окрыляло. Сначала приехали В.И. Пичета, В.Н. Перцев, И.И. Замотин, М.Н. Никольский, Ц.Л. Бурстин, П.О. Горин, затем П.А. Бузук.

Шел 1925 г. Бузук легко вжился в новую среду, и Беларусь стала для него второй родиной, где он оказался в центре важнейших событий культурного строительства республики в 1920–1930-е гг. как видный ученый-филолог, ведь Петр Афанасьевич был лингвистом-славистом, талантливым переводчиком и неутомимым тружеником народного просвещения.

В Белорусском государственном университете он работал с такими видными учеными, как И.И. Замотин, Е.И. Боричевский, А.М. Вознесенский, М.Н. Пиотухович, М.В. Довнар-Запольский, Н.А. Янчук, А.В. Богданович, И.А. Сербов, Д.И. Довгялло и др. Позднее (с 1931 г.) Петр Афанасьевич заведовал кафедрой языкознания в Минском пединституте. Здесь он читал курс общего языкознания, методику и грамматику белорусского языка (на белорусском), грамматику русского языка (на русском), украинский язык и литературу (на украинском). Имея феноменальную память, Бузук за короткий срок выучил древнееврейский язык, прочитал курс общего языкознания для

еврейской секции МГПИ им. А.М. Горького на идише. Много было творческих замыслов, но совмещать их с преподавательской деятельностью ему становилось все труднее. Поэтому он перешел на постоянную работу в Институт белорусской культуры⁶ (1926 г.), где еще ранее руководил группой аспирантов на отделении гуманитарных наук. Начался особенно плодотворный период его деятельности. За восемь лет работы в Инбелкульте Бузук опубликовал свыше 60 исследований по проблемам современного белорусского языка. В 1927–1928 гг. он вошел в состав Комиссии живого белорусского языка. В 1929 г. П.А. Бузук становится ученым секретарем, а с 1931 г. — директором Института языкознания Академии наук Белорусской ССР.

В 1929 г. Петр Афанасьевич принял участие в 1-м международном конгрессе славистов в Праге, где впервые выдвинул идею создания единого общеславянского лингвистического атласа. Эта идея была новаторской не только для белорусской, но и общеславянской лингвистики, а он стал первым лингвогеографом-славистом. В Праге Бузук сделал доклад по теме: «Лінгвістычная геаграфія як дапаможны метад пры вивучанні гісторыі мовы». Это была первая подобная работа в славяноведии. Что нового привнесла лингвогеография как наука? Оказывается, о происхождении тех или иных явлений в языке можно говорить, рассматривая их положение на карте, — так намного лучше видны их связи и происхождение, время возникновения. Этот метод — новое направление в языкознании — оказался исключительно продуктивным и до сих пор широко используется учеными. П.А. Бузук стал автором первого в славянской лингвистике диалектологического атласа белорусского языка⁷.

Каким человеком он был? Деловой, хваткий, работоспособный. Ум имел острый, четко организованный. Целеустремленный, но не ортодокс. Характер сдержанный, хотя иногда мог вспылить. Интеллигентный и образованный. Проглатывал массу художественной

⁶ Институт белорусской культуры — белорусская научная организация (1922–1928), позднее Академия наук Беларуси, работали секции: историко-археологическая, белорусского языка и литературы, белорусского искусства, изучения революционного движения, этнографическая и правовая, а также несколько постоянных комиссий: словарная, терминологическая, литературная, библиографическая, по изучению природных производительных сил, охране памятников древности, искусства и природы, открыта аспирантура, выпускались журнал «Наш край» и «Запіскі аддзела гуманітарных навук», «Запіскі аддзела прыроды і народнай гаспадаркі».

⁷ П. Бузук. *Спроба лінгвістычнай геаграфіі Беларусі*. Мінск, 1928 г.

литературы, любил Толстого, Гюго, Роллана, сонеты Шекспира читал в подлиннике. Прекрасно рисовал карандашом. Все получалось у Петра Афанасьевича будто само собой... Он обладал редким обаянием, в обращении был прост, ровен, демократичен, но держал дистанцию. Слово «приказ» не любил. По убеждениям атеист, но к смерти относился серьезно. От природы живой, энергичный, остроумный. Еще — это важно — к людским слабостям проявлял снисходительность, многое прощал, но до известного предела. Врагов своих недооценивал — жалел. Рассеян не был. Трудно упомянуть все, что сделал П.А. Бузук, но еще об одном сказать обязательно нужно. Большой интерес представляют работы Петра Афанасьевича, которые сохранили свое научное значение до настоящего времени, — о взаимоотношениях славянских языков с неславянскими. Много внимания Петр Афанасьевич уделял проблеме праславянского языка, первоначального расселения славян, диалектного дробления языка славян дописьменной эпохи, древнейших славянских памятников древней Руси.

У Бузука есть интересные литературоведческие работы. Это статьи, посвященные анализу творчества белорусских (Тишки Гартного, Якуба Коласа, Алеся Дудара, Михася Зарецкого, Михася Чароты и др.) и украинских (Георгия Сковороды, Ивана Франко, Михаила Коцюбинского и др.) писателей, белорусско-украинских литературных связей и пр. Под псевдонимом П. Росич (Росич — девичья фамилия матери) Петр Афанасьевич опубликовал ряд стихотворений, повестей и переводов в «Полыме», «Маладняке» и периодической печати⁸.

Бузук был счастлив в личной жизни. В Минске он встретил свою любовь. В 1926 г. женился на 16-летней красавице Анне Григорьевне Тарасик, которая родила ему трех дочерей — Галину, Оксану, Екатерину и сына Владимира. Он очень гордился своими детьми. Несмотря на невероятную занятость, много внимания уделял семье, возился с малышами. Если шел на студенческие вечера, в которых всегда принимал живое участие, то брал с собой старших детей. Часто гулял с семьей в парке им. Профинтерна (сейчас им. А.М. Горького), катал ребятшек на лодке, придумывал для них сказки, со старшими дочками говорил по-немецки. Любил записывать интересные выражения и слова малышей. Таких записных книжек у Петра Афанасьевича было много, но, к сожалению, они не сохранились.

⁸ Архив автора. Т. Тарасава. «Лінгвіст, літаратуразнавец, паэт»: Да 100-годдзя з дня нараджэння П.А. Бузука. Успаміны. Рукапіс. Мінск, чэрвень 1991 г.

По свидетельству родственницы П.А. Бузука, Любви Григорьевны Тарасик, это был веселый и жизнерадостный человек, который не чурался общественной работы. В Институте языкознания он возглавлял культурную комиссию, в Доме ученых, который до войны был расположен на Коммунистической улице, организовывал вечера художественной самодеятельности: кто-то играл на скрипке, кто-то на виолончели, кто-то на пианино, а Петр Афанасьевич пел. Особенно ему удавались арии из итальянских опер. На концерты приходили коллеги с семьями и вообще все желающие. Бузук читал свои стихи, рассказы. Он имел массу друзей и знакомых, часто в его доме можно было встретить профессоров А.Я. Прокопчука, С.М. Мелких, дружил с Кузьмой Чорным и Янка Купалой, которому даже посвятил стихотворение «Новому богу»...

Жизнь Петра Афанасьевича оборвалась трагически, он оказался в числе многих талантливых белорусских ученых и общественных деятелей, репрессированных в годы культа личности Сталина. Это было время, когда уничтожался, без преувеличения, цвет нации. Не следует думать, что 1937-й наступил внезапно. Еще в конце 1920-х гг. появились надуманные обвинения лучшей части белорусской интеллигенции в национализме. Возрождавшееся национальное самосознание народа было поставлено под подозрение. Позже это будет определяться как национальный демократизм, или нацдемовщина⁹, и станет очень тяжелым обвинением. Утверждалось, что в Беларуси якобы существует разветвленное национал-фашистское подполье для ликвидации советской власти в восточной части Белоруссии, отторжения ее от СССР и присоединения к буржуазно-помещичьей Польше.

Власти последовательно и целенаправленно устранили всех, кто мог усомниться в справедливости сталинских порядков. Причем не только ученых, деятелей культуры и вообще интеллигенции, но и партийных, государственных деятелей и военных. При этом рабочие и колхозники тоже не составили исключения. Сначала срезали ветви, потом крону, затем подпилили ствол, а после этого принялись за корни. При этом предлоги были абсолютно надуманными и часто вы-

⁹ Национал-демократия — политическая идеология, совмещающая национализм с демократией, а демократические принципы государственного устройства — с национализмом в политике и общественной жизни, предполагающая плюрализм мнений, отрицающая теорию классовой борьбы и диктатуру пролетариата, что воспринималось большевиками как покушение на основы их политического господства.

глядели смехотворно, главное — устранить любого, кто мыслил самостоятельно. В чем можно обвинить ученого-языковеда? Оказывается, в ориентации на Запад по причине заимствований из польского в белорусском языке! Но в белорусском языке вообще много полонизмов, ведь так сложилось, что долгое время два народа находились вместе под властью Российской империи. Однако особенность обвинений состояла в том, что чем абсурднее был предлог, тем он казался более убедительным. Сталин шел к своей неограниченной власти исподволь. Он старался вовлечь в интриги наиболее авторитетные кадры национальных республик, связать их круговой порукой, оторвать от народа, а потом уничтожить.

В 1926 г. Институт белорусской культуры подготовил и выпустил юбилейный сборник документов и материалов, посвященный 400-летию печати в Белоруссии. В нем рассказывалось о плодотворной деятельности великого просветителя Франциска Скорины, который на десятилетия опередил в книгопечатании москвича Ивана Федорова. Казалось бы, что здесь антипатриотичного, националистического? Однако этого оказалось достаточно, чтобы секретарь ЦК КП(б)Б Вильгельм Кнорин¹⁰ в апрельском номере газеты «Полымя» за 1928 г. выступил с программной статьей, в которой осудил весь ход научной деятельности в области белорусской литературы, языкознания и взглядов на историю Беларуси во многих ее аспектах:

Право белорусских трудящихся на белорусский язык вытекает совсем не из того, что жил и работал на белорусском языке средневековый монах Скорина. Мы его так раскритикуем, что и двух строк ему будет жалко посвятить в истории.

Это, по существу, был первый сигнал на новый курс национальной политики Сталина в республике. Затем последовала целая серия статей в «Правде» и других центральных и местных периодических изданиях. Появились книги и брошюры на эту тему, в которых мы читаем:

Исследователи белорусской истории считают, что не Октябрь явился началом расцвета белорусской культуры, а ищут белорусский ренессанс

¹⁰ Вильгельм Георгиевич Кнорин (Виллис Юрьевич Кнориныш; 1890–1938 гг.) — родился в д. Лигатне Венденского уезда Лифляндской губ., советский партийный и государственный деятель, историк и публицист, один из авторов «Краткого курса истории ВКП(б)», член ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), одновременно руководитель информационно-пропагандистского отдела Коминтерна (1928–1937), доктор исторических наук (1935), расстрелян в 1938 г., реабилитирован посмертно.

(золотой век) в средневековье; основателями белорусской культуры считают монахов — Скорину и К. Туровского... Вместе с тем активно проводится работа по идеализации прошлого Белоруссии — празднование 400-летия белорусской печати и юбилея Скорины... идеализация средневековой грамотности через учебники истории литературы¹¹.

В 1930 г. состоялся октябрьский Пленум ЦК КП(б)Б, который рассмотрел вопрос о национальной политике партии в БССР и фактически придал этой подготовительной кампании в прессе официальное завершение. Всю предшествующую исследовательскую работу объявили «контрреволюционной», остановили и запретили. Недавние научные публикации и даже учебники изъяли из библиотек и уничтожили. Сохранение их в личном пользовании влекло за собой арест и суд. В учебных программах сделали соответствующие купюры.

Особенно пострадали кадры национальной интеллигенции. Репрессиям подверглись такие известные ученые, как А. Шлюбский, Д. Довгялло, В. Ластовский (приехал в СССР в 1927 г.), В. Пичета, С. Некрашевич, М. Мелешко, Я. Лёсик, М. Пиотухович, Ю. Бибилло, И. Дворчанин, В. Дзержинский, И.В. Волк-Леванович и многие другие. Часть из них были арестованы и расстреляны, остальные приговорены к заключению или высылке. В Беларусь смог вернуться только Ю. Бибилло, которому в 1959 г. разрешили приехать в Минск. Особенно драматически сложилась судьба преемника П.А. Бузука на посту директора Института языковедения И. Дворчанина¹². В 1932 г. его как узника польских тюрем обменяли и вернули в БССР, а в следующем году арестовали по обвинению в шпионаже в пользу иностранного государства. Институту философии Академии наук БССР было пору-

¹¹ А. Сенкевич. «За ленинскую линию в национальной политике» // *Полымя*, 1930 г., № 11/12, с. 172–173.

¹² Игнат Семенович Дворчанин (1895–1937 гг.) — белорусский писатель и общественный деятель, окончил Пражский университет (1925), защитил докторскую диссертацию на тему «Франциск Скорина как культурный деятель и гуманист на белорусской ниве» (1926), преподавал в белорусской гимназии Вильно, депутат сейма Польши (1928), член руководства Товарищества белорусской школы, арестован польскими властями и осужден на восемь лет тюрьмы (1930), передан в ходе обмена политзаключенными СССР (1930), и. о. директора Института языкознания АН БССР, арестован НКВД (1933) и приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, отбывал наказание на Соловках, расстрелян 8 декабря 1937 г. в Ленинграде, посмертно реабилитирован (1956).

чено «научно» обосновать репрессии. И действительно, уже в 1931 г. вышел сборник статей коллектива авторов названного института «Наука на службе нацдемовской контрреволюции»¹³.

Впервые Петра Афанасьевича Бузука арестовали 6 августа 1930 г. по подозрению в принадлежности к контрреволюционной нацдемовской организации «Саюз вызвалення Беларусі». Однако уже 5 сентября его освободили из-под стражи — слишком уж надуманным и абсурдным оказалось обвинение ОГПУ¹⁴. Тем не менее для Бузука арест оказался трагедией. Он был страшно восприимчивым к любой несправедливости, очень эмоциональным. Попрание человеческого достоинства, ложь, наветы отвергал категорически. Высоко ценил в людях порядочность. Многие его коллеги, друзья и просто знакомые, соседи погибли в те годы. Просто исчезли, и все... Но, как оказалось, это было только начало его мытарств и мук. В 1931–1933 гг. он, еще будучи директором Института языкознания, твердо отстаивал право науки на самостоятельное существование. Осенью же 1933 г. травлю языковедов в Белоруссии, как и других представителей творческой интеллигенции, начали проводить открыто. 13 октября в «Звьязде», центральном печатном органе ЦК Компартии Белоруссии, появляется статья А. Джелюка «Да канца разьбіць рэшткі нацдемаўшчыні на мовазнаучым фронце», в которой читаем: «На фронте языкознания Белоруссии классовая борьба приобрела острые формы. Националисты всеми силами стремятся к тому, чтобы придать лингвистике кулацко-националистические установки».

В статье утверждалось, что нацдемы игнорировали язык пролетариата и подменяли его буржуазно-нацдемовской терминологией, а штабом их деятельности якобы стал Институт языкознания АН БССР. В подтверждение приводились новые слова, возможность употребления которых служила предметом дискуссии среди языковедов и писателей. Вот некоторые из них: вызыск — «эксплуатация», бядо-та — «пролетариат», галыцьба — «беднота», баруканне — «борьба», бакуліць — «обманывать», каламар — «чернила», сіг — «шаг», тэн-ча — «радуга», корда — «струна», вовнішча — «фокус» и т. д.

¹³ Наука на службе нацдемовской контрреволюции / Под ред. С.Я. Вольфсона. Минск, 1931 г.

¹⁴ Из письма В.Н. Дашковского, директора Центрального архива КГБ БССР, Екатерине Петровне Бузук от 11 ноября 1990 г.

Современному человеку эти дискуссии языковедов могут показаться странными, но не будем забывать, что 1930-е гг. были периодом экспериментов, порой самых неожиданных, которые приветствовались, чтобы отказаться от старого мира и, следовательно, всего, что с ним связано. Языкознание не стало исключением. Необычная новизна слов кому-то показалась подозрительной, искусственный подход при их создании восприняли как злой умысел противников советской власти. 13–14 декабря 1933 г. Андрей Александрович¹⁵ публикует обзор в «Звезде» под громким названием «Класссовая борьба на языковом фронте и реформа правописания белорусского языка». Теоретическим изысканиям своих коллег-языковедов он придал политический характер:

Со звериной ненавистью нацелены относились к словам, родственным русскому языку, которые влились в белорусский язык благодаря победоносному ходу пролетарской революции и вошли в культуру и быт, стали интернациональными.

И далее:

При создании своего словаря они ориентировались на шляхецко-кулацкий характер речи, на архаичные мертвые провинциальные формы, на язык старых неграмотных бабулек, решительно отгораживаясь от современного живого белорусского языка.

Заканчивалась первая часть статьи неадекватным выводом:

Нацелены старались провести такие формы написания, которые бы отбросили современное состояние белорусского языка на столетия (!) назад.

Главные стрелы этих обвинений были направлены против Бузука как директора Института языкознания АН БССР. Ему вменяли в вину,

¹⁵ Андрей Иванович Александрович (1906–1963 гг.) — белорусский советский поэт, критик, переводчик, государственный и общественно-политический деятель, род. в Минске, участвовал в подготовке реформы белорусского правописания, директор Института языка и член-корреспондент АН БССР (1936), член ЦИК БССР (1931–1937), арестован (1937) и осужден на 15 лет, отбывал наказание на строительстве Норильского металлургического комбината (1938–1947), арестован повторно (1949) и выслан в Красноярский край, реабилитирован (1955).

что в самый острый момент борьбы с национал-демократизмом он фактически покрывал: «лёсиков, некрашевичей, цвикевичей, ластовских и др. Правда, делалось это в завуалированной форме, но там, где обстановка позволяла, Бузук открыто выступал против линии партии». Вышеперечисленные ученые уже были к тому времени ошельмованы и отбывали наказание в тюрьмах и лагерях (в 1937 г. повторно арестованы и расстреляны). Следующим должен был стать Бузук. Все его научные работы подвергались «переосмыслению». Так, его знаменитый труд «Спробы Вопыт лінгвістычнай геаграфіі Беларусі» (Мінск, 1928 г.) теперь начал трактоваться как «нацдемовский принцип расширения белорусских отличий, черт за пределами границ БССР».

Например:

Буква «ў» взята им [П.А. Бузуком], как и белорусскими нацдемами, как символ развивающейся белорусской культуры.

Это обвинение ревнителей официальной точки зрения строилось на факте утверждения профессором Бузуком, что буква «ў» охватывает такие территории, как часть Ленинградской области, Западная область до г. Ржева, часть Харьковской области, часть Черниговской и т. д.

В 1931 г. Бузук, Матюкевич¹⁶ и Юргелевич¹⁷ издали брошюру под названием «Анкета для збору матэрыялаў на беларускай мове». Она тоже подверглась политическому обвинению. Сделано это было только на том основании, что авторы в предисловии брошюры ни слова не сказали о достижениях национальной политики советской власти на языковедческом фронте. Вместо этого в предисловии брошюры говорилось, что ее главная цель — решить спорные вопросы грамматики и установить нормы литературного белорусского языка, которые отвечали бы делу социалистического строительства.

В 1933 г. увидела свет новая работа П.А. Бузука в соавторстве с И.И. Матюкевичем, заместителем директора Института языкознания, и И.П. Бондаренко — «Маркс о языке». Казалось, в чем можно было усомниться? Оказывается, в том, что авторы «обошли борьбу партии с

¹⁶ Иосиф Игнатьевич Матюкевич (1890–1938 гг.) — языковед, окончил БГУ, ученый секретарь и заместитель директора Института языкознания АН БССР (1931), арестован (1933), расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1956).

¹⁷ Петр Яковлевич Юргелевич (1894–? гг.) — языковед, старший научный сотрудник в Институте языкознания БелАН (1930–1935), арестован (1935) и осужден на пять лет, отбывал наказание в Вятских лагерях НКВД, после реабилитации (1960) проживал в Могилеве.

нацдемовщиной, не выявляли ее широкие корни, не показывали реваншистские вылазки нацдемов последнего времени»¹⁸. Бузук и его единомышленники не могли, мол, бороться с этим злом, потому что у них у самих «рыльце в пушку».

Особый накал нападки на Петра Афанасьевича получили тогда, когда был произведен выстрел «главного калибра» — секретарь ЦК КП(б) В.Ю. Жебровский, выступая на совещании работников отделов народного образования республики, заявил буквально следующее:

Исключительную засоренность мы имели в АН БССР. Нацдемы нередко возглавляли институты Академии, как, например, профессор Бузук... В ряде работ они ориентировались на феодально-клерикальную белорусскую терминологию (ставка на польские термины). Враг агитировал за равнение на буржуазную культуру Запада, на отрыв белорусского языка от современных задач социалистического строительства. То, что сближает рабочих и колхозников Белоруссии с РСФСР, с русским народом, пробовали уничтожить, построить китайскую стену между ними¹⁹.

Последовали оргвыводы. Петра Афанасьевича отстранили от руководства Институтом языкознания. Как уже отмечалось, на этом посту его сменил Игнат Дворчанин, тоже, правда, на непродолжительное время, а ученым секретарем назначили Андрея Александровича. Бузука же оставили на скромной должности ученого специалиста²⁰.

Второй раз профессор Бузук был арестован 13 февраля 1934 г. Он обвинялся в том, что якобы являлся членом контрреволюционной национал-фашистской организации, ставившей целью свержение советской власти и установление буржуазно-фашистского строя, т. е. по ст. 72 и 76 УК БССР (в редакции 1928 г.). Очень скоро, 3 апреля 1934 г., Бузука выслали на три года в Северный край²¹. Обвинение было сформулировано следующим образом: связь с белорусскими национал-демократами, а также участие в национал-фашистской

¹⁸ *Звязда*, 1933 г., 29 сакавіка.

¹⁹ Там же.

²⁰ Подробнее: С.Н. Запрудский. «Научный и политический аспекты реформы белорусского языка 1933 года» // *Славяноведение*, 2007 г., № 3, с. 73–78.

²¹ Северный край с 1 октября 1929 по 5 декабря 1936 г. включал в себя острова Северного Ледовитого океана (Вайгач, Земля Франца-Иосифа, Колгуев, Новая Земля), Соловецкие острова Белого моря с городами Архангельск и Вологда.

организации «Российская национальная партия»²².

Ученик Петра Афанасьевича, а затем член-корреспондент Академии наук БССР, проработавший в течение 26 лет директором Института языкознания, Михаил Романович Судник²³ вспоминал:

Бузук читал у нас в Минском пединституте курс языкознания. Слушали его с восхищением, читал он великолепно. Просто трудно объяснить, как за лекцию он мог рассказать так много, причем образами, так что сразу было понятно и легко запоминалось. Студенты его боготворили. Вдруг новость — посадили. Приходит новый педагог и говорит, что Бузук, оказывается, враг, и теперь он нам будет читать лекции по языкознанию. Прошло всего два месяца, этот педагог не успел еще как следует развернуться — посадили и его. Приходит новый — и опять все повторяется сначала: «Ваш прежний лектор был врагом народа, он получил по заслугам, его курс буду читать я». Прошло несколько месяцев — посадили и его²⁴.

Это был только 1934 год. В таком положении оказался, конечно, не один Бузук и его коллеги. Вот случай, который произошел позже с его учеником, Кондратом Кондратовичем Крапивой, который впоследствии станет академиком АН БССР, народным писателем республики, заслуженным деятелем науки. В совхозе «Балонь» пало около тысячи поросят. В чем дело — вредительство? К.К. Крапива выехал туда с бригадой газеты «Беларуская вёска», а потом разразился целой поэмой:

*Дзядзя здзельшчыны баіцца,
Дзядзі здзельшчына дваіцца.
А на ліха яна мне?
Гата здзельшчына удвайне?
Трэба тварам павярнуцца
Да свінога лыча!*

²² Письмо В.Н. Дашковского Екатерине Петровне Бузук от 11 ноября 1990 г.

²³ Михаил Романович Судник (1910–1995 гг.) — языковед, окончил МГПИ имени А.М. Горького (1938), кандидат филологических наук (1954), один из составителей современного «Русско-белорусского словаря» (1962), член-корреспондент АН БССР (1970), заслуженный деятель науки БССР (1980), директор Института языкознания им. Якуба Коласа АН БССР (1957–1983), один из составителей «Русско-белорусского словаря» (1962) и «Толкового словаря белорусского литературного языка» (1996), председатель Белорусского комитета славистов (1958–1985).

²⁴ Архив автора. Запись беседы с Михаилом Романовичем Судником в Минске 12 апреля 1989 г.

Это оказалось очень смелым по тем временам. К.К. Крапива слыл уже известным баснописцем. Доложили об этом тогдашнему наркому НКВД Белоруссии Берману, который разбушевался: «Ну, мы еще посмотрим, кто такой этот Крапива!» И баснописец Крапива вынужден был перейти в драматургию. Сейчас стало документально известно, что уже был собран компромат на народных писателей Белоруссии Янку Купалу и Якуба Коласа, заготовлены даже ордера на их арест. Только счастливая случайность предотвратила трагедию, и вместо позора и издевательств двух выдающихся белорусских деятелей культуры наградили орденами Ленина, что являлось тогда своеобразной «охранной грамотой»²⁵.

В 1930-е гг. обстановка в Беларуси стала невыносимой. Под подозрением оказались родной язык и национальная культура и история. Хорошо отозвался о родном очаге — значит, умаляешь интернациональное единство советских народов. Значит, ты националист, враг. Ату тебя!

П.А. Бузук отбывал ссылку в Вологде. К нему приехала семья. Сначала ему удалось устроиться на работу в библиотечный коллектор (с 29 мая 1934 г. по 1 мая 1935 г.), а потом — преподавать в Вологодский учительский и педагогический институты. Жизнь Петра Афанасьевича в вологодской ссылке описала его старшая дочь Галина. Память десятилетней девочки сохранила прогулки с отцом по старинной Вологде, с ее прекрасными соборами, теремами будто из сказки с затейливыми резными ставнями. Конечно, большинство храмов уже были закрыты, служба не велась. Более того, в одном из них висел известный маятник Фуко как неопровержимое доказательство научного «атеизма», и отец объяснял Галине принцип его действия²⁶.

В бога Бузук не верил, политических разговоров в семье не вел, к именам Ленина и Сталина относился без придыхания. Свободного времени у него не было, и праздность он не любил. Подолгу просиживал в своем кабинете, склонившись над письменным столом, готовя лекцию или очередную статью, книгу.

По вечерам, отвлекаясь от дневных забот и переживаний, он любил устраивать розыгрыши, придумывал всевозможные шутки, шарады, демонстрировал домашним свою феноменальную память. Часто, к примеру, предлагал сыграть в такую игру: просил дочерей или жену

²⁵ Архив автора. Запись беседы с Кондратом Крапивой в Минске 15 мая 1987 г.

²⁶ Там же. Запись беседы с Галиной Петровной Бузук в Минске 18 августа 1989 г.

называть ему самые длинные слова, какие только могут, и определял с абсолютной точностью, из скольких букв они состоят. Мгновенно. Лингвистика была его стихией, средой, материалом, и ориентировался он в ней превосходно.

Петр Афанасьевич постоянно искал возможность совершенствоваться профессионально. В Вологде он стал изучать язык коми и добился в этом больших успехов. Затем познакомился с Михаилом Чонишвили, политическим ссыльным, как и он сам, и стал брать у него уроки грузинского языка. Неожиданно для окружающих и домашних «вдруг» заговорил по-грузински...

И еще один штрих к портрету, который сохранила детская память. В вологодской школе, где учились дочери Петра Афанасьевича, учителя и ученики не переставали удивляться, насколько правильно они говорили по-русски, хотя приехали из Беларуси. Это тоже была его заслуга. Малейшего пренебрежения к языку Бузук не выносил. В семье его говорили одинаково чисто, грамотно и «сочно» как по-белорусски, так и по-русски.

Наконец, кончился срок ссылки, подходила к концу разлука с родной Беларусью. Семья уже выехала в Минск с остановкой в Ленинграде. Петр Афанасьевич задержался — нужно было принять экзамены у заочников. А в это время тучи над его головой сгущались, о чем он догадывался. В мае 1937 г. президент АН БССР И. Сурта²⁷ получил запрос от уполномоченного Народного комиссариата иностранных дел СССР при СНК БССР И. Калины об избрании в состав почетных членов Славянского института в Праге академиков П.А. Бузука, Н.Н.Дурново и В.И. Пичеты. Посольство Чехословакии в Москве сообщило НКВД СССР, что этот вопрос будет предметом обсуждения на очередном пленарном заседании института в Праге, которое состоится через три недели. В связи с этим посольство просило снести с указанными учеными в течение двух недель и выяснить их отношение к этому вопросу. Со своей стороны, НКВД считал целесообразным удовлетворить просьбу чехов, отмечая, что это

²⁷ Иван Захарович Сурта (1893–1937 гг.) — окончил фельдшерскую школу в Могилеве (1914), студент медицинского факультета 2-го МГУ (1918), начальник оперативного отдела ВЧК РСФСР (1921), начальник отдела политконтроля ГПУ (1925–1926), заместитель наркома просвещения БССР (1933), нарком здравоохранения БССР (1933–1936), академик АН БССР (1936), президент АН БССР (1936–1937), арестован 27 августа 1937, расстрелян 20 декабря 1937, посмертно реабилитирован (1956).

послужило бы укреплению культурных связей Советского Союза с Чехословакией. Аналогичный запрос был послан президенту Всесоюзной Академии наук тов. В.Л. Комарову²⁸. Однако Президиум Академии наук БССР выступил категорически против ввода в состав почетных членов Славянского института в Праге «врагов народа» Бузука, Дурново и Пичеты. Об этом первому секретарю ЦК КП(б)Б Шаранговичу²⁹ 14 мая 1937 г. сообщил президент Академии Сурта.

Внезапно в Ленинграде Анна Григорьевна получила телеграмму от вологодской соседки: «Немедленно возвращайтесь!» Она сразу все поняла — шел 1937 год. ...пришли ночью 15 июля 1937 г. из Вологодского управления НКВД по Северному краю, позвали понятых. Обыск, наутро увели. Больше его никто из родных и близких не видел. Суд вышел скорым и неправым, через несколько месяцев постановлением «тройки» Управления НКВД по Вологодской области от 7 декабря 1937 г. П.А. Бузук приговорили к высшей мере наказания «как активного участника нелегальной контрреволюционной организации, который проводил среди населения фашистскую агитацию», т. е. по ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР, и 7 февраля 1938 г. расстреляли³⁰. Тогда это выдавалось за суровую беспощадность железной диктатуры пролетариата к ее врагам. Петр Афанасьевич работал до последнего дня своей ссылки. В Вологде он написал большой труд «Происхождение языков», в котором рассматривал не только проблемы лингвистики, но и глубокие общеисторические вопросы — пытался анализировать происхождение нацизма, хотел проникнуть в суть явлений, которые вызвали его к жизни, и тоталитаризма в целом. Екатерина Петровна, младшая дочь Петра Афанасьевича Бузука, рассказала:

Мама очень надеялась, что пройдет некоторое время и при помощи этих работ отца удастся освободить. Так случилось, что за три дня до начала Великой Отечественной войны она уехала в отпуск к родным

²⁸ НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 12007, л. 35.

²⁹ Василий Фомич Шарангович (1897–1938 гг.) — зам. народного комиссара юстиции БССР (1921–1923), 2-й секретарь ЦК КП(б)Б (1930–1934), 1-й секретарь ЦК КП(б)Б (с марта 1937), руководил кампанией массовых репрессий в республике, привлечен к процессу по делу «Правотроцкистского антисоветского блока», осужден и расстрелян (1938), реабилитирован посмертно (1957).

³⁰ Письмо В.А. Забелинского из архива Управления КГБ по Вологодской области Екатерине Петровне Бузук в Минск от 27 декабря 1990 г. в ответ на ее запрос о судьбе отца, П.А. Бузука.

отца в Одессу. А мы все остались в Минске с тетей, Любовью Григорьевной Тарасик, бабушкой и дедушкой. Так всю войну мы и были порознь. Дом наш стоял на том месте, где сейчас цирк. Огромный, деревянный, на три квартиры. Раньше он принадлежал генералу. Справа была электростанция по Советской улице. Когда началась война, большой розовый фибровый чемодан, набитый до отказа рукописями, закопали во дворе в землю. Мы совершенно не знали ему цены, но помнили, что мама им очень дорожила. Отступали с другими беженцами до Орши. Попали в окружение, потом оккупация. Мне уже было десять лет, и все, что с нами было дальше, помню вполне отчетливо. С годами кажется, что прошлое просто стоит перед глазами. Поехали в местечко Турец, что недалеко от Мира. Есть там деревня Великая Слобода, где жила родная сестра бабушки, ее муж был священником. Приходик был плохоньким, два села. И крохотный домик возле церквушки. Там мы, дети, провели всю войну. Деревня вошла в партизанскую зону, немцев не было, работала школа. К концу войны фашисты сожгли деревню с воздуха. Люди ушли, мы оказались у родственников в Новогрудке. Встретились мы с мамой неожиданно. Освободили Минск, и мы возвратились к себе домой. Это был июль 1944-го, а осенью немцы бомбили город. Было очень жутко, мы уцелели чудом, сидя под кроватью. Дом разрушило, крыши не было, стена обвалилась... Хорошо, что это были не «зажигалки». Наутро, когда мы выяснили, что жить негде, все пропало, — получаем от мамы письмо. Она нас разыскала³¹.

Екатерина Петровна с благодарностью вспоминает учителей 44-й минской средней железнодорожной школы, где после войны учились ее сестры и брат, — никто не давал им почувствовать свою неполноценность как детей «врага народа». Времена были непростые, к членам семей репрессированных относились настороженно, но учителя помнили Петра Афанасьевича, говорили о нем с благоговением, сочувствовали горю семьи. Дети Бузука росли, как все остальные дети, ничем не выделяясь. Их приняли в комсомол. В 1950 г. Екатерина Петровна поступила в Минский театральный институт, Владимир

³¹ Архив автора. Запись беседы с Галиной Петровной Бузук в Минске 18 августа 1989 г.

Петрович сдал экзамены на «отлично» в БГУ им. В.И. Ленина на исторический факультет, но его не приняли, понятно почему. Шел 1951 год. Старшая сестра, Галина Петровна, стала художницей. Средняя, Оксана Петровна, врачом. Сестры прекрасно помнят март 1953 г. — смерть Сталина, общее народное горе. Все очень переживали, слез никто не стеснялся, и это было не показное, ведь они разделяли заблуждения своего окружения, были детьми своего времени, настоящим продуктом сталинской эпохи. И вместе с тем они помнят слова бабушки, Анастасии Фоминичны Тарасик, которая всех их «поставила на ноги»: «Ой, деточки мои родненькие, глядите, что еще самый главный (не произнося имени Сталина) окажется врагом народа...».

Сохранилась единственная семейная фотография, которую Галина, когда бежали из Минска от немцев, сняв со стены, сложила в четыре раза и положила в карманчик. Семья Петра Афанасьевича Бузука долго скиталась без жилья, ведь Минск лежал в развалинах, потом меняли коммуналки, жили у родственников в деревянной халупке, недалеко от станции Минск-Товарный. И так продолжалось, пока не девочки не вышли замуж, не разъехались по разным городам. Екатерина Петровна вздыхает: «Можете себе представить, что произошло бы с нами, если бы отца не арестовали? Конечно, все бы по-другому сложилось...»

Наступил 1956 г. Состоялся XX съезд партии, началась реабилитация. Репрессированные стали возвращаться из лагерей, и страна и мир узнали правду о недавнем прошлом. Конечно, еще далеко не всю, но этого оказалось достаточно, чтобы усомниться в ложных стереотипах, по-новому оценить себя и действительность.

Семья Петра Афанасьевича Бузука много лет ничего не знала о его участии после страшного ночного ареста в 1937-м. Писали в инстанции, наводили справки, вдова, Анна Григорьевна, ходатайствовала о пенсии. Летом 1956 г. получили казенный конверт, а в нем — справка: «Свидетельство о смерти, 1МС № 004388. Бузук Петр Афанасьевич умер 7 октября 1943 г. Причина смерти: брюшной тиф, о чем в книге записей актов гражданского состояния сделана соответствующая запись за № 461 от 16 мая 1956 г.»³²

Горькая правда стала, наконец, известна, и последняя надежда исчезла. Все эти годы Петра Афанасьевича ждали каждый день — теперь ждать стало некого. Через некоторое время пришло

³² Выписка из свидетельства о смерти П.А. Бузука // Архив АН БССР, д. 3664.

уведомление из Военного трибунала Белорусского военного округа, в котором сообщалось, что постановление «тройки» от 7 декабря 1937 г. отменено за недоказанностью предъявленного обвинения. Вскоре определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда БССР от 26 октября 1956 г. было отменено и постановление «тройки» от 3 апреля 1934 г. и тоже за недоказанностью обвинения. Семья получила официальное подтверждение того, в чем никогда не сомневалась все эти страшные годы.

Екатерина Петровна рассказывает, что выжить и не потерять окончательно веру в справедливость все это время помогали друзья отца и матери, просто честные и порядочные люди. Бузуки всегда были близки к театральной среде. Мы уже упоминали, что Петр Афанасьевич сам являлся завзятым организатором и участником художественной самодеятельности. Родные сестры Анна Григорьевны — Любовь Григорьевна и Вера Григорьевна — активными участницами «Белорусской хатки» (культурно-просветительного клуба, организованного еще Янкой Купалой в 1916–1920 гг.). «Хатка» объединяла белорусскую творческую интеллигенцию и послужила основой для создания первого государственного белорусского драмтеатра, который сегодня носит имя Я. Купалы. Сохранилась редкая фотография: обе тетушки сидят в группе из двух десятков человек, а в центре — Янка Купала.

Друзьями Бузуков, которые поддерживали семью репрессированного в те трудные годы, были писатель и драматург Кузьма Чорный, народный артист СССР Борис Викторович Платонов, народная артистка БССР Ирина Флориановна Жданович, народный артист СССР Владимир Иосифович Владимирский, народный художник БССР Иван Осипович Ахремчик, народный художник БССР Оскар Петрович Марикс и многие другие. Только благодаря их помощи семью Бузука советские власти не тронули после войны, хотя все, кто оставался на оккупированной территории, находились под подозрением.

Екатерина Петровна Бузук и ее брат, Владимир Петрович, продолжили семейные традиции: оба окончили Минский театрально-художественный институт. Екатерина Петровна стала актрисой и долго работала в театрах страны, а потом — заведующей литературной частью Русского драматического театра в Минске. Муж ее — народный артист БССР Ю.Ф. Ступаков. Владимир Петрович работал диктором на радио в Архангельске, Галина Петровна ушла на пенсию и поселилась в Бресте, Оксана Петровна — в Коктебеле.

Прошли годы. Выросли дети, родились внуки, но не стихала в сердце тупая боль. Имя Петра Афанасьевича, как и многих безвинно погибших людей, постепенно стиралось из памяти современников и неизвестно следующему поколению. Годы застоя этому способствовали. Нигде в литературе, ни в одном справочном издании вы не найдете упоминания о том, как оборвалась жизнь видного ученого, доктора филологических наук, профессора, академика П.А. Бузука. Случайно ли это? Или кому-то очень хотелось, чтобы мы стали народом без памяти, «Иванами, не помнящими родства»? Позволю высказать себе еще одно предположение. Белорусская лингвистика времени Бузука и Волка-Левановича стремительно развивалась и находилась на подъеме, вышла на уровень мировой науки. Последующие поколения белорусских лингвистов чувствовали себя в тени авторитетов прошлого, и многих это тяготило. Высокая культура, свобода мысли, энциклопедичность лингвистических знаний остались в прошлом, оказались утраченными. Видимо, это тоже стало причиной того, что имя выдающегося ученого-лингвиста, нашего земляка было незаслуженно предано забвению.

Советских людей долго и старательно отучали задавать вопросы, интересоваться прошлым страны и своей семьи. И отучили. Кто мы без корней? Так или иначе, но, скорее всего, не было бы и сегодняшней публикации, если бы родные П.А. Бузука: жена, дочери и сын — не обратились с письмом на имя первого секретаря ЦК КПБ Соколова, а также с просьбой к руководству Института языкознания АН БССР им. Якуба Коласа и Института литературы им. Я. Купалы отметить 100-летие со дня рождения Петра Афанасьевича Бузука и выпустить сборник избранных трудов³³. К слову сказать, после ареста в 1934 г. личное дело П.А. Бузука, как и всех других репрессированных, было изъято из отдела кадров АН БССР органами НКВД и до сих пор не возвращено. Возможно, его уничтожили, но этого мы тоже не знаем. Не осталось почти никаких документов. После 1956 г. жене Бузука, Анне Григорьевне, стоило огромных усилий найти подтверждение не только профессорского звания своего супруга, но и просто установить список его печатных трудов.

³³ Конференция состоялась 2 июня 1991 г. в Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР. См.: Алесь Крывіцкі. «Аснавальнік беларускай лінгвагеаграфіі» // *Навіны Беларускай акадэміі*, 5 ліпеня 1991 г.

6 июня 1988 г. семья профессора П.А. Бузука получила документальное подтверждение, что 1 июня 1988 г. постановлением пленума Верховного суда БССР определение Судебной коллегии Верховного суда БССР от 26 октября 1956 г. изменено, и дело против Бузука прекращено за отсутствием состава преступления. Это означает, что если в 1956 г. с Петра Афанасьевича просто сняли судимость, то теперь он был реабилитирован полностью.

До сих пор сохраняется тайна гибели профессора Бузука. Сведения, которые дошли до нас об этом, противоречивы и отрывисты, они напоминают скорее легенду. Достоверность их требует тщательной проверки. Но исходный материал для такого рода размышлений имеется. Правда, долгое время им не хотели делиться «компетентные инстанции», но время заставило их сделать это.

ВЕРСИЯ ПЕРВАЯ. П.А. Бузук умер 7 октября 1943 г. от брюшного тифа. Основание: свидетельство о смерти П.А. Бузука 1МС 004388, о чем в книге записей актов гражданского состояния г. Минска сделана соответствующая запись № 461 от 16 мая 1956 г. До сих пор, кстати, дата смерти 7 октября 1943 г. «гуляет» по всем справочникам и энциклопедиям, содержащим сведения о профессоре Бузуке. Расчет составителей «свидетельства» был очевидным — свалить все на войну, мол, время было лихое, миллионные потери...

ВЕРСИЯ ВТОРАЯ. П.А. Бузук был расстрелян 7 февраля 1938 г. Основание: официальное письмо Управления КГБ СССР по Вологодской области от 27 декабря 1990 г. за № 10/2-Б-70. Место казни и захоронения не указано. Какие бы то ни было сведения об обстоятельствах гибели П.А. Бузука отсутствуют и в материалах КГБ БССР. Основание: официальное письмо от 10.08.88 за № 10/2277 в редакцию газеты «Звезда». Правда, Управление КГБ СССР по Вологодской области назвало место массового захоронения жертв сталинских репрессий периода 1930-х гг. — вблизи д. Чашниково Вологодского района, где планируется воздвигнуть мемориал, но там ли покоится прах Петра Афанасьевича?

ВЕРСИЯ ТРЕТЬЯ. Семья покойного профессора считает ее наиболее достоверной и правдивой. Основание: свидетельство сына П.А. Бузука, Владимира Петровича (1932 г.р.). Предоставим ему слово:

«В 1963 г. я работал директором белорусского ТВ. Однажды в студии раздался звонок:

— Вы сын Петра Афанасьевича?

— Да.

— У меня к вам есть разговор, не могли ли бы мы сейчас встретиться? Я буду ждать вас в вестибюле гостиницы “Минск”.

Незнакомец назвался: “Юргелевич, работал ученым секретарем Института языкознания АН БССР, где директорствовал ваш отец”. Он рассказал, что тоже был несправедливо репрессирован, осужден, отсидел “положенное” и работает в педагогическом институте. Юргелевич сказал, что в заключении познакомился с женщиной, которая просила его при малейшей возможности передать детям Бузука, что их отец покончил жизнь самоубийством, не выдержав пыток. Разбил голову о стену в камере. Владимир Петрович был потрясен услышанным и не стал расспрашивать о подробностях случившегося. Не сделал он этого, по-видимому, еще и потому, что Юргелевич и сам не хотел продолжать разговор. Они даже не присели, не прошли в номер, так и беседовали, стоя в вестибюле гостиницы. Единственное, о чем еще спросил Владимир Петрович, было: “Как вы считаете, кто приложил руку к аресту отца?” Юргелевич сказал, что знает, и назвал две очень известные в республике фамилии. На том мы и распрощались³⁴.

Так чему же все-таки верить? На наш взгляд, скорее всего, Петр Афанасьевич погиб в Вологде. За это говорит и фотография, присланная тамошними чекистами в декабре 1990 г. Внимательный читатель, взгляните на нее и сравните с той, которую передали из КГБ БССР в ноябре 1990 г. Между ними ровно семь лет (см. *Фотографии и документы*).

В минской тюрьме НКВД фотограф запечатлел Бузука в августе 1930 г. На нас смотрит человек с исхудавшим небритым лицом и очень волевым взглядом. Его глаза бесстрашно говорят своим гонителям, что ни сломить, ни запугать его не удастся. Вологодский же тюремный фотограф сделал свой снимок в августе 1937 г. Но какие произошли перемены! Изможденный, заросший многодневной щетиной человек, сразу постаревший на много лет. Глаза ввалились, под ними мешки. Пуговица на брюках обрезана — так по инструкции, и Бузук поддерживает их руками, чтобы не свалились. На груди уничижительная бирка «1.08.1937».

Но сломить Петра Афанасьевича не удалось! Здесь будет уместно привести свидетельство о Язэпе (Иосифе Юрьевиче) Лёсике, дяде Якуба Коласа, который в 1929 г. был заместителем директора Инсти-

³⁴ Архив автора. Запись беседы с Владимиром Петровичем Бузуком в Минске 26 января 1990 г.

тута языкознания АН БССР и в середине 1930-х гг. оказался в числе репрессированных ученых. В 1936 г. его временно освободили, и он сказал брату Антону, что представляло собой следствие в НКВД. Принимая во внимание, что распространяться на эту тему строго запрещено, Язэп Лёсик отмалчивался и только однажды заметил: «Если бы дали мне подписать свой смертный приговор, то я подписал бы...»³⁵.

П.А. Бузук не подписал ничего. Ни одной бумаги, ни одного протокола, ни на себя, ни на кого бы то ни было (подтверждено в КГБ БССР). Только теперь мы можем понять, какое для этого требовалось мужество! Скольким людям он сохранил жизнь и свое человеческое достоинство ценой собственных физических и духовных мук и страданий. Молдаванин по месту рождения, украинец по национальности, он очень любил Минск и Беларусь, не скрывал, что считает ее своей второй родиной. Он очень многое успел в неполные 52 года и еще больше мог бы сделать как ученый. Полвека жизни, затем полвека забвения. И вот его имя, наконец, возвращается в научный оборот, в историю белорусской лингвистики, в память народа.

³⁵ *Літаратура і мастацтва*, 1990 г., 14 снежня.

Глава 2

«Что приемлет душа и природа»

О жизни и деятельности Якова Никитича Афанасьева нет обширной литературы, ни научной или популярной, ни документальной или художественной. Однако его имя хорошо известно специалистам-аграрникам: Яков Никитич стоял у истоков советского почвоведения и первым попытался классифицировать почвы мира. Афанасьев неожиданно был арестован в 1937 г. и через непродолжительное время расстрелян.

Яков Никитич родился в старом русском городе Балашове Саратовской губернии в 1877 г. Отец его, Никита Егорович, был, что называется, мастеровитым — любое дело у него в руках спорилось: работал и каменщиком, и плотником, сплавлял лес, но, самое главное, умел сколачивать артель, обладал завидными организаторскими способностями. Мама, Ирина Михайловна, занималась домом. Детские и юношеские годы Якова прошли в родном городе на реке Хопер, правом притоке Дона. Раздолье и красота родного края пробудили в нем неиссякаемую любовь к природе и земле. Вот примечательная выписка из статистического сборника по Саратовской губернии за 1897 г. с описанием этих мест:

Поверхность ровная, слегка холмистая, с разбросанными изредка курганами, насыпанными древними обитателями, и с небольшими возвышенностями, идущими в виде цепей гор. Начиная с Пензенской губернии, река Хопер проходит по Саратовской губернии путь в 300 верст. Ширина реки в разлив — 8 верст. По ней сплавляют лес и хлеб, это практичнее и выгоднее, чем по соседнему притоку Дона реке Медведице¹.

¹ *Сборник статистических сведений по Саратовской губернии*. Т. 1. Балашовский уезд, Вып. 2/24–33. Саратов: Саратов. губ. земство, 1883–1897 гг., 1897 г., с. 9.

Хлеб выращивали в изобилии, и, конечно, никто и представить не мог, что когда-нибудь придется везти его сюда из-за границы, что река обмелеет и потеряет судоходность, что процветающий регион придет в запустение.

Начальное образование Яков получил в церковно-приходской школе, которую из-за отсутствия денег ему пришлось оставить, и стал помогать семье. Он работал вместе с отцом — разгружал баржи. Пел в церковном хоре. Однако мысль о продолжении учебы не оставлял — стремление к познанию себя и окружающего мира были в нем неистребимы. Он упорно занимался самостоятельно и, в конце концов, экстерном сдал все экзамены за полный курс Балашовской мужской гимназии.

Осенью 1897 г. Яков Афанасьев поступил на факультет естествознания Петербургского университета. Его студенческий бюджет был скромным — денег, которые он зарабатывал репетиторством, едва хватало на плату за учебу. В те годы в университете читали лекции такие выдающиеся ученые и педагоги, как В.В. Докучаев², А.В. Советов³, А.Н. Бекетов⁴, Н.А. Заметчинский и др. Они заметили способного студента, который, увлекшись почвенной картографией, участвовал в различных экспедициях. Интерес к территориальным почвенным исследованиям остался у Якова на всю жизнь.

В 1901 г. Афанасьев успешно окончил Санкт-Петербургский университет, весной 1902 г. защитил кандидатскую диссертацию и был оставлен преподавателем Галицынских высших женских курсов в Москве. В летнее время он участвовал в Туркестанской экспедиции, побывал в окрестностях Хивы, в долине реки Сыр-Дарьи, на водо-

² Василий Васильевич Докучаев (1846–1903 гг.) — известный геолог и почвовед, основатель русской школы почвоведения и географии почв, профессор минералогии и кристаллографии Санкт-Петербургского университета (1884–1897), директор Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства (1892–1895).

³ Александр Васильевич Советов (1826–1901) — один из первых исследователей русских степных черноземов, род. в с. Гульнево Московской губ., профессор кафедры сельского хозяйства (с 1859), декан физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1888–1900).

⁴ Андрей Николаевич Бекетов (1825–1902 гг.) — выдающийся ботаник, основоположник географии растительности в России, педагог и популяризатор науки, род. в Алферьевке Саратовской губернии, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент (1891) и почетный член Петербургской академии наук (1895).

разделе рек Чирчик и Ангрен. Собранные образцы пород и почв анализировал в лабораториях Московского почвенного комитета.

Между тем время это было тревожное, назревала революция. Молодой ученый читал сам и пропагандировал среди рабочих труды Маркса, Энгельса, Ленина, Добролюбова, Чернышевского, а в 1905 г. оказался среди участников восстания в Москве на Красной Пресне. Годы с 1905 по 1914 были посвящены исследованиям почв в Черниговской, Полтавской, Калужской, Великолукской и других губерниях. Наблюдение почв в поле, аналитическая обработка сборов, знакомство с хозяйственной деятельностью различных регионов России заложили основы будущих концепций ученого.

После успеха большевистского переворота в октябре 1917 г. Афанасьев, приняв эти перемены, активно участвовал в организации первых в стране совхозов (экономий), входил в комиссию по изучению производительных сил страны, стал профессором Московского межевого института. В 1921 г. начался белорусский период его жизни. Он возглавил кафедру почвоведения Горы-Горетского института, преобразованного позднее в Белорусскую сельскохозяйственную академию. В 1928 г. он уже сам стал академиком, а в 1931 г. — первым директором только что созданного научно-исследовательского Института агропочвоведения и удобрений.

Вскоре институт перевели в Минск, и здесь началась активная научная деятельность Якова Никитича с выходом на международную арену. V Всесоюзный съезд почвоведов, состоявшийся в Москве 10–17 апреля 1926 г., признал целесообразным участие представителей советской науки в I Международном конгрессе почвоведов в Вашингтоне в 1927 г. Я.Н. Афанасьеву доверили сделать доклад на тему «Классификационная проблема в русском почвоведении». Его другое выступление — «Основные черты почвенного лика земли» — сопровождалось демонстрацией почвенной карты мира и рисунками почв СССР, выполненными В.И. Пашиным⁵. Успехи русской почвенной науки были восприняты участниками конгресса как огромное достижение докучаевской школы генетического почвоведения.

⁵ Василий Ильич Пашин (1889–? гг.) — почвовед, род. в г. Орджоникидзе (Владикавказ), занимался почвенным картографированием, обследованием почвенного покрова опытных сельскохозяйственных станций Беларуси и др., преподавал в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии и Белорусском государственном университете.

ния. Цветные почвенные разрезы Беларуси, выполненные Шароваром и Пашиным, удостоились на конгрессе золотой медали. Доклад Афанасьева оценили очень высоко. Это стало открытием. Сегодня существуют японские и немецкие цветные атласы почв, но первым был белорусский. К сожалению, после гибели Якова Никитича эта работа остановилась, и до сих пор мы не имеем полного атласа почв БССР, что сдерживает рациональное использование сельскохозяйственных угодий.

Интересно, что уникальные рисунки Пашина и Шаровара к докладу Афанасьева уцелели. В годы Великой Отечественной войны оккупанты вывезли их из Горок в Германию, а после ее окончания, в 1945 г., научные сотрудники АН БССР специально ездили забирать их обратно. Сегодня они хранятся в Горецкой сельскохозяйственной академии.

В 1930-е гг. ученый съездил в Чехословакию и Польшу, участвовал в международных конгрессах почвоведов в Вашингтоне и Ленинграде, опубликовал важнейшие свои труды, в частности монографию «Основные черты почвенного лика земли», которая вышла в 1931 г. на трех языках. Я.Н. Афанасьев составил первую почвенную карту БССР в границах до 1939 г., которая стала частью почвенной карты СССР. Имя Афанасьева уже ставили в один ряд с такими известнейшими учеными, как Глинка⁶, Гедройц⁷, Неустроев⁸, Димко, Гиммерлинг и Захаров...

В своих исследованиях профессор Афанасьев большое внимание уделял решению практических вопросов развития сельскохозяйст-

⁶ Константин Дмитриевич Глинка (1867–1927 гг.) — основоположник палеопочвоведения и географии почв, род. в с. Коптево Смоленской губ., профессор, академик Академии наук СССР (1927), директор Почвенного института АН СССР (1927).

⁷ Константин Казтанович Гедройц (1872–1932 гг.) — российский и советский почвовед-агрохимик, основоположник коллоидной химии почв, род. в Бендерах Бессарабской губ., окончил Петербургский лесной институт (1898) и Петербургский университет (1903), директор Почвенного института АН СССР (1928–1930), академик АН СССР (1930), президент Международной ассоциации почвоведов.

⁸ Сергей Семенович Неустроев (1874–1928 гг.) — советский почвовед и физико-географ, род. в Нижнем Новгороде, окончил МГУ (1898), профессор географического института в Петрограде (с 1918), изучал почвы Самарской губ. (1898–1907), Средней Азии (1907–1915), Туркестане (1908–1914), Оренбургской губ. (1915–1918); руководил Казахстанской экспедицией АН СССР (1926–1927), ввел термин «серозём» и установил серозёмный тип почвообразования в пустынях, создал классификацию почв ряда районов Средней Азии.

венного производства. Об этом говорят уже названия его работ: «Почвенные районы БССР» (1931 г.), «Природный и культурный рельеф полей БССР как фактор урожайности» (1932 г.), «Как повысить урожайность на почвах БССР», «Почвенный покров Оршанщины и Могилевщины» (1933 г.), «Материалы к агрономической характеристике почв» (1936 г.), «Участие почвоведов в разрешении проблемы зимостойкости культур» (1936 г.) и др. Он стал признанным авторитетом в своей области знаний, приобрел уважение коллег как постоянный член оргкомитетов съездов и конференций по почвоведению и куратор Всесоюзной секции по классификации почв.

Яков Никитич оказался прекрасным администратором. Как директор НИИ агропочвоведения и удобрений (1931–1937 гг.) он руководил всеми почвенными исследованиями в республике. По его инициативе была создана одноименная кафедра в Белгосуниверситете им. В.И. Ленина. Научную работу и руководство институтом Яков Никитич сочетал с заботой о подготовке новой смены почвоведов. Рядом с ним трудились соратники и ученики, впоследствии ставшие известными учеными АН БССР: П.П. Роговой⁹, И.С. Лупинович¹⁰, А.Г. Медведев¹¹, А.П. Кучинский, В.Н. Четвериков, Н.Н. Булгаков.

Каким был Яков Никитич человеком? Вспоминает его ученица и коллега Татьяна Николаевна Пашина:

Высокого роста, худощав, глаза карие, с пышной и непокорной шевелюрой волос на голове. Человек по характеру мягкий, добрый, интеллигент в высшей степени и замечательный ученый. Прекрасный педагог. На его лекциях можно было увидеть студентов всех факультетов Академии. Было так тесно, что нельзя было пройти, стояли в проходах. Говорил живо, увлекательно, глаза в тот момент блеснули,

⁹ Павел Прокофьевич Роговой (1895–1985 гг.) — белорусский советский ученый, один из организаторов Агропочвенного института НАН БССР, ведущий почвовед Беларуси, род. в д. Навиловка Ветковского района Гомельской области, академик АН БССР, заслуженный деятель науки БССР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, почетный член Всесоюзного общества почвоведов.

¹⁰ Иван Степанович Лупинович (1900–1968 гг.) — советский почвовед и агрохимик, доктор сельскохозяйственных наук (1944), профессор (1953), президент Академии сельскохозяйственных наук БССР (1957–1961).

¹¹ Андрей Григорьевич Медведев (1897–1985 гг.) — почвовед, член-корреспондент АН БССР (1961), академик Академии сельскохозяйственных наук БССР (1959–1961), доктор сельскохозяйственных наук (1952), профессор (1953), заслуженный деятель науки БССР (1968).

он был одержим своей наукой. Это можно почувствовать, даже читая его специальные труды, язык не сухой, доходчивый. На лекциях он не просто доказывал свое, он добивался сопереживания слушателей. Работать с Афанасьевым было легко, он ценил чужое мнение, умел радоваться успехам коллег, охотно поддерживал начинания молодых. Был терпим к критике¹².

Особенно разговорчивым не был. Распорядка дня придерживался строго, отличался высокой самодисциплиной. Вставал всегда в шесть утра, независимо от времени года или погоды. Одевался и шел гулять. В это время Яков Никитич не только «кислород глотал» — думал, взвешивал, оценивал. Старался приобщать к такому распорядку дня и 12-летнего сына. Иногда они играли в мяч. Потом возвращались, завтракали, и отец уходил на работу. После обеда отдыхал. Самым словоохотливым был по утрам, и тогда рассказывал сыну разные эпизоды из своих экспедиций и странствий по России. Очень уважал Джека Лондона, Пржевальского...¹³

На рубеже 1920—1930-х гг. республику охватило стремление к белорусизации. На белорусский язык переводилось делопроизводство, в учебных заведениях и советских учреждениях, в госаппарате служащие должны были сдавать экзамен на знание белорусского языка, иначе их могли уволить, придумывали новые слова, которые отличались бы от русского эквивалента — где-то даже «за уши» тянули к белорусской культуре. В принципе, процесс этот был прогрессивным, и его нужно приветствовать, но то, что его подстегивали, подгоняли, портило все дело. Как относился к подобным социальным экспериментам Афанасьев? Имело ли для него значение, что человек, с которым он работает, белорус, русский, поляк, украинец или еврей? Как решали для себя национальный вопрос современники революции? Вот свидетельство сына академика:

Разговоров в нашей семье о том, какая нация умная, а какая глупая, хитрая и т. п., не было. Круг интересов заставлял отца общаться с совершенно разными людьми. Национальное происхождение его меньше

¹² Архив автора. Запись беседы с Татьяной Николаевной Пашиной в Минске 18 мая 1989 г.

¹³ Там же. Запись беседы с Юрием Яковлевичем Афанасьевым в Москве 24 апреля 1989 г.

всего интересовало, считалось вопросом второстепенным. Никто не упрекал его в том, что он родился за пределами Беларуси, языкового барьера он не испытывал, лекции в Горках и Минске читал по-русски¹⁴.

Афанасьев не был в партии, в политику старался не вмешиваться, а заниматься только вопросами чистой науки, даже в семье пресекал возможные разговоры, мог одернуть жену: «Не касайся этих вещей, не твоего ума дело!» Наверное, предчувствовал беду. Послушаем еще раз Юрия Яковлевича:

Я был мальчиком общительным и дружил с сыном секретаря Горецкого горкома партии. Бывал у них дома, и на меня всегда очаровывающим образом действовали как солдаты выстроенные красные тома собраний сочинений В.И. Ленина¹⁵. В школе нам внушали, что октябрята и пионеры должны быть такими-то и такими, потому что рабочие и крестьяне за нас кровь проливали. Все мы с детства были настроены на революцию, на справедливость. Раз это так, то должно иметь свои атрибуты, а в доме у нас я этих атрибутов не видел...

Я спрашиваю у отца: «Почему нет? Мы что же, хуже других?» Отец просто в лице изменился: «Как это нет?! А это что?» И снял с полки книгу Сталина «Вопросы ленинизма»¹⁶. Думаю, эта книга была у нас дома не случайно. Он интересовался, как Сталин преподносил Ленина, как его трактовал. Отец, мне кажется, переживал и осмысливал события в стране, хотя внешне никому этого не показывал.

Время, действительно, было очень трудным. Нетерпимость к инакомыслию в СССР становилась невыносимой. Насаждался тезис о вредительстве, шпионаже и диверсиях «врагов народа», которые якобы выступали против сталинской индустриализации, коллективизации и культурной революции. Кругом только и говорили о нацдемах. В этих условиях наука была обречена, ведь она — естественный очаг

¹⁴ Архив автора. Запись беседы с Юрием Яковлевичем Афанасьевым в Москве 24 апреля 1989 г.

¹⁵ Имеется в виду третье издание сочинений В.И. Ленина в 30 томах под редакцией Н.И. Бухарина, В.М. Молотова, М.А. Савельева (1925–1932), которое включало около 2 750 произведений.

¹⁶ «Вопросы ленинизма» — сборник основных трудов И.В. Сталина по проблемам теории и практики социалистической революции, диктатуры пролетариата, социалистического строительства в СССР и защите генеральной линии ВКП (б). Москва, 1936 г.

свободы, поскольку научное мышление независимо. В декабре 1930 г. СНК БССР принял постановление:

В связи с выявлением вражеской контрреволюционной деятельности группы академиков Белорусской академии наук (БАН), деятельность которых была направлена против диктатуры пролетариата и срыв успешного социалистического строительства, СНК БССР постановляет исключить из состава БАН академиков Ластовского, Пичету, Лёсика, Некрашевича, Горецкого, Дубаха, лишив их звания академиков как врагов пролетарской диктатуры. Председатель СНК БССР Н. Голодед¹⁷.

Всех этих ученых вскоре репрессировали. В феврале 1931 г. застрелился первый президент АН БССР В.М. Игнатовский, за 1932–1937 гг. были приговорены к ВМН два президента Академии — П.О. Горин и И.З. Сурта. Преследованиям подверглись академики АН БССР: языковед Н.Н. Дурново, писатель Д.Ф. Жилунович, литературовед И.И. Замотин, С.Ю. Матулайтис, историк, экономист И.А. Петрович, языковед Б.А. Тарашкевич, педагог П.Я. Панкевич. Причем всемирная известность не защищала — ведь, как говорится, «чем крупнее мишень»...

Репрессии в среде ученых проводились по тем же причинам, что и в других общественных группах по всей республике, но за внешней беспорядочностью арестов существовала определенная тенденция — прежде всего под каток попадали те, кто имел имя в науке, был личностью. О возможных последствиях репрессий не думали: уровень мышления палачей не позволял им предположить, что за этим последует, в ходу была формула «незаменимых людей нет». В первую очередь репрессировали тех, кто представлял даже не сиюминутную «опасность», а мог бросить тень на Систему. Последствия этой репрессивной политики для науки и народного хозяйства оказались катастрофическими.

1937 год был страшным. Дочь академика Афанасьева, Галина Яковлевна, вспоминает:

¹⁷ *Свод законов БССР. 1930 г., № 38, ст. 314.*

Каждую ночь кого-то забирали, и мы были уверены, что папу тоже арестуют. Мама часто всю ночь простаивала у окна. Не могла уснуть, ждала, что вот-вот и к нам постучат...¹⁸

Случилось это так. Недалеко от станции Талька были расположены две деревни, Орешковичи и Теребуты. В них Афанасьев организовал так называемые хаты-лаборатории для наблюдения за изменениями в почве. По его мысли, такие лаборатории следует создать во всех районах республики, чтобы на основе полученных данных оперативно менять подход к сельхозугодьям. Афанасьев курировал лабораторию в Орешковичах. Вспоминает Юрий Яковлевич, сын академика:

Два лета, 1936-го и 1937-го, мы жили в тех местах. Конец июля и начало августа помню отчетливо. С нами отдыхала старшая сестра с мужем и годовалым ребенком. Отец хоть и был в отпуске, но отдыхать в бездействии не мог, всегда находил себе какое-то занятие. Слово «досуг» не признавал. Часто наезжал в Минск, там у него всегда были дела. 7 августа 1937 г. уехал в очередной раз и не вернулся. Приехала знакомая женщина и сказала, что в ночь на 9 августа приходили из НКВД. Постучали. До утра был обыск, опечатали часть комнат, потом увели. В квартире было четыре комнаты: гостиная, спальня, кабинет отца и детская. Родительскую спальню и детскую оставили. Жили мы в Доме специалистов, что по улице Долгобродской (ныне Козлова). Как раз в том месте, где поворот на военное кладбище. Там жили многие сотрудники Академии наук: Щербаков, Александрович, Змитрок Бядуля. Мы, дети, вместе играли. На входе была доска, где значились фамилии жильцов и номера квартир. Мы, дети, наутро вытаскивали таблички с именами тех, кого забрали. Дом был большой, чуть ли не в полквартала, каменный и несколько этажей. Мы жили на третьем. Дом стоял буквой «П», посередине была арка, дорога через которую вела к кладбищу. Дом строили в начале 1930-х годов, время было лихое, никто с прошлым не считался. Рядом со стройкой валялись кости и черепа, а мы, дети, их подбирали. Сегодня это можно называть как угодно, показателем социального кошмара или еще как-то, но так было, и здесь уже ни убавить, ни прибавить...

¹⁸ Архив автора. Запись беседы с Галиной Яковлевной Афанасьевой в Москве 24 апреля 1989 г.

Когда семья получила это известие, сестра уехала в Москву. Она уже окончила университет и работала там. Мы с матерью возвратились в Минск. Начались хлопоты и хождения по инстан-циям, что-то выяснить, как-то выручить отца. Мы доказывали его невиновность, носили передачи. Матери сказали: «Вы много не несите, он много не съест...». Видно, его уже «обработали», было не до еды.

Прошел месяц. Снова приехали из НКВД, теперь уже на грузовой машине и днем. Сказали собираться. Позволили взять самое необходимое: постель и что-то из личных вещей, не больше. Отвезли по Логойскому тракту на окраину Минска и выгрузили у одного из домиков. Сказали: «Будете жить здесь». Уехали. Выбежала хозяйка и запричитала: «Дом мой собственный, и если кого-то арестовывают, то это не значит, что его семью можно вселять в мой дом». Скандал. Мать еле-еле уговорила. Жить-то где-то было нужно...

В сентябре 1937 г. меня отвезли к сестре в Москву, нужно было идти в школу. Мама же вернулась в Минск и продолжала хлопотать. Выстаивала в долгих очередях, была свидетелем огромного человеческого горя. Выслушивала советы, делала что могла. Так продолжалось почти год. Отца никто не видел, но была зацепка — раз передачи принимали, значит, он еще в Минске. Сейчас-то мы знаем, что это еще ни о чем не говорило. Мама верила, что отец жив. Более того, время от времени проносился слух, что кого-то выпустили, и была вера, что шаги ее могут к чему-то привести.

В июле 1938 г. мама приехала в Москву. Исчерпав все возможности в Минске, она посчитала необходимым действовать здесь. Снова инстанции, улица Дзержинского, Верховный суд СССР, еще где-то. Ее приняли. Выслушали. Просили изложить письменно. Назначили дату, когда она должна была явиться снова и принести все документы. Так повторялось несколько раз. Что-то без конца уточняли, переписывали, требовали справок. На третий раз ее уже саму не выпустили. Осудили на пять лет исправительных работ в лагерях как жену изменника Родины. Сестру заставили дать письменное обязательство, что она берет меня на иждивение, в противном случае ожидал детдом.

Маму держали в женской тюрьме НКВД на Смоленской площади. Мы носили передачи, однажды не приняли и сказали, что отправили по этапу. Темлаг. Станция Потьма в Чувашской АССР. Перед войной разрешили свидание. Я поехал. От станции до лагеря вела узкоколейка.

Встретил там около десятка таких же посетителей. В основном почему-то это были дети и подростки. Дали два свидания. Из дома я захватил с собой какие-то продукты, варили макароны. Мама ни на что не жаловалась, в подробности своей жизни не посвящала. То ли считала, что мне это ни к чему, то ли опасалась последствий. В целом она считала, что ей еще повезло. Их лагерь занимался рукоделием, делали вышивку, очень сложную и красивую, которая шла на экспорт. Мама была приучена к труду с раннего возраста, усидчивая, много работала¹⁹.

Письма от нее не сохранились. Послать весточку разрешалось один раз в месяц, и потом письмо нужно было уничтожить как возможную улику. Кто мог знать, чем хранение письма могло обернуться, времена ведь были жестокие. В 1943 г. срок заключения истек, и Софье Ипполитовне разрешили выехать к детям, которые находились в эвакуации в Татарии. Оттуда же в сентябре 1942 г. ушел на фронт 18-летний Юрий Яковлевич Афанасьев. Юноша три раза был ранен, войну закончил в Германии. Он и не предполагал, что придет время, когда о репрессиях можно будет говорить открыто, не опасаясь последствий, но надеялся, что такие времена настанут. Это как в старинной поговорке: «Бог правду видит, но не скоро скажет».

Долгое время никто не знал о времени и месте гибели академика Афанасьева. Считалось, что его казнили сразу после вынесения приговора 19 декабря 1937 г. Однако в 1963 г. пришло письмо из Ленинграда от А. Марченко:

Я знал Якова Никитича еще с 1920-х годов по совместной работе в Горках. В мае-июне 1938 г. я встретил неожиданно его на Северном Урале, в верховьях реки Камы, в районе деревни Нижнее Машево. Я работал от управления лагерей по исследованию почв. Там была лаборатория, где частично были заняты заключенные. Просматривая картотеку в лагере для того, чтобы найти помощников, я встретил фамилию Якова Никитича и затребовал его. Вид у Афанасьева был неважный. Мы пытались что-то сделать для него, хотя это было связано с большим риском и трудностями. Он работал у нас в лаборатории до середины сентября 1938 г., а потом его куда-то перевели. Мы пытались

¹⁹ Архив автора. Запись беседы с Юрием Яковлевичем Афанасьевым в Москве 24 апреля 1989 г.

выяснить, куда именно, но ответа не получили. С тех пор ничего о нем не слышал²⁰.

Обвинение было страшным: участие в националистической, контрреволюционной террористической организации, подрывная деятельность в научно-преподавательской работе. Приговор — расстрел с конфискацией имущества. На чем основывалось столь суровое обвинение? В деле есть ссылка на чистосердечное признание Афанасьевым своей вины, указано с его слов, что в националистическую фашистскую организацию его завербовал профессор Горецкой сельскохозяйственной академии Кисляков²¹, который якобы тоже добивался «снижения урожайности в советской Белоруссии, а в научной работе держался вредительской антигосударственной линии по агротехнике»²².

Как и во многих других подобных «делах», в обвинении Афанасьева нет конкретных фактов — только признание. Правда, вину академика подтверждает рецензия его коллег — Булгакова, Ризова и Четверикова, обнаруживших в научных трудах «ряд вредительских положений и установок». Афанасьева предали друзья и коллеги, люди, с которыми он бескорыстно делился «хлебом» научной мысли и хлебом насущным. В 1950-е гг. они отказались от своих показаний.

Сегодня, когда заводишь разговор о роли коллег в «деле» Афанасьева, кто-то отмалчивается, кто-то «смотрит в потолок», мол, время было такое, но ведь показания на него дали его сослуживцы. До сих пор в архиве Академии наук БССР хранится протокол производ-

²⁰ Архив автора. Запись беседы с Галиной Яковлевной Афанасьевой в Москве 24 апреля 1989 г.

²¹ Иван Андреевич Кисляков (1895–1955 гг.) — белорусский экономист-аграрник, род. в м. Бобр Оршанского уезда, профессор Белорусской академии сельского и лесного хозяйства (1929), председатель Научного общества по изучению Беларуси, лидер белорусской научной организационно-производственной школы экономистов.

²² 27 июня 1930 г. И.А. Кислякова арестовали по делу «Союза освобождения Беларуси» с обвинением в принадлежности к национал-кондратьевщине и нацдемовщине, выслан на пять лет в г. Омутинск Кировской обл. (1931), после отбытия ссылки (1935) жил в Павлове-на-Оке Нижегородской обл., в Вязьме Смоленской обл., затем снова в Омутинске, реабилитирован посмертно (1960).

ственного совещания института почвоведения за 1937 г., где документально прослеживается, кто и как его шельмовал. Например, в «Выводах по обследованию опорного пункта института в Мамютах (Горки)» читаем:

На основании изученных материалов можно сделать вывод о том, что в дальнейшем существование опорного пункта, как вредительски организованного, не нужно.

И далее:

Необходимо отметить, что враг народа Афанасьев всему этому комплексу земель дал одно общее классификационное название — целинные заболоченные земли типа кустарниковых²³.

Делается вывод, что Афанасьев якобы сознательно занижал возможности плодородия земель Беларуси и это наносило вред колхозному строительству. Такому обвинению придавался уже политический характер со всеми вытекавшими последствиями. Но возникает вопрос: кто мог в то время лучше Якова Никитича определить характер почвы, если он являлся первым специалистом в этой области и сам создал методику этой классификации? На самом деле в объединении двух видов почв никакого «греха» не было. Данные подтасовывались. Внизу на документе дата — 15 сентября 1937 г. и подписи членов комиссии, вполне разборчиво...

В середине пятидесятых годов во время реабилитации незаконно репрессированных по делу Я.Н. Афанасьева была проведена дополнительная проверка. И оказалось, что Кисляков, который якобы завербовал Якова Никитича в националистическую организацию, на следствии и в суде вообще не упоминал его имени, а утверждал, что в Горецком сельскохозяйственном институте существует научное товарищество по изучению почв Белоруссии, других же организаций он не знает. Допрошенные в ходе проверки Булгаков и Четвериков характеризовали Афанасьева только с лучшей стороны и утверждали, что в его исследованиях никакого вредительства не было. Однако в ситуации ареста они дали на научные труды своего коллеги ту

²³ Е. Горелик. «За отсутствием состава преступления ...» // Вечерний Минск, 8 июля 1988 г., с. 3.

рецензию, от которой позднее откажутся. Есть в материалах дела и такой документ: «работники НКВД БССР, следователи Завадский и Волчек, причастные к фабрикации дела Афанасьева, за незаконные аресты граждан и недозволенные методы ведения дознаний и фальсификации следственных документов были осуждены в 1939–1941 гг.»²⁴

Институт агропочвоведения и удобрений Беларуси в начале тридцатых годов был немногочисленным по составу. В 1932 г. в его стенах трудилось всего 29 сотрудников, в 1936 г. — 52, но работу они проделали огромную. Об этом можно судить даже по косвенным показателям. В Президиум АН БССР от института входили сразу два человека — директор и ученый секретарь, что практиковалось только в особых случаях — как признание большой ценности тематики института в системе академии.

Говорят, виноват Сталин, и время такое было, но, думается, если бы «товарищи» не давали так активно показания, не потеряли бы мы Афанасьева, а с ним и его науку. Ведь известно, что репрессировали не только конкретного ученого, но и его концепцию, научную школу. Боялись? Да, а если бы не боялись? Теперь можно обвинять НКВД, это легче всего, но ведь сигналы шли снизу. Составлялись комиссии, давались показания. Как разобраться со всем этим? Сверху поступало задание разоблачить «врагов», а снизу — подтверждающий материал? И на ком больше вина? Люди старшего поколения помнят безумие тех лет. Мы сами вращали маховик Великого террора.

Из крупнейших почвоведов страны погиб один Афанасьев. В.Р. Вильямс²⁵, Д.Н. Прянишников²⁶, Л.И. Прасолов²⁷, О.К. Кедров-

²⁴ Е. Горелик. «За отсутствием состава преступления ...» // Вечерний Минск, 8 июля 1988 г., с. 3.

²⁵ Василий Робертович Вильямс (1863–1939 гг.) — русский и советский почвовед-агроном, род. в Москве, сын инженера Роберта Оскара Вильямса, приехавшего из США в 1852 г., академик Академии наук БССР (1929), АН СССР (1931), ВАСХНИЛ (1935), один из основоположников агрономического почвоведения, лауреат Сталинской премии (1931).

²⁶ Дмитрий Николаевич Прянишников (1865–1948 гг.) — русский агрохимик, биохимик и физиолог растений, основоположник советской научной школы в агрономической химии, род. в г. Кяхта Забайкальского края, окончил Московский университет, лауреат Сталинской премии (1941) и премии им. К.А. Тимирязева (1945), академик АН СССР (1929) и ВАСХНИЛ (1936), Герой Социалистического Труда (1945), член-корреспондент Французской академии наук, основатель и директор ВНИИ удобрений и агропочвоведения (1946).

Зихман²⁸, А.А. Ярилов²⁹ остались невредимыми. Почему выбор пал именно на Якова Никитича, человека, который всегда держался вне политики, чуть ли не демонстративно? Возможно, потому что он пользовался авторитетом, уважением, всегда находился в поиске, был, наконец, по-хорошему неспокоен, такой мешал Системе. Убрать, припугнуть других для острастки. Возможно, требовалось кого-то выбрать и примерно наказать, чтобы убедить, что вредители есть везде, в том числе и в почвоведении, ведь катастрофа в сельском хозяйстве после сталинской коллективизации была налицо. Возможно, сыграла роль поездка в Америку, припомнили и ее...

Планомерное уничтожение науки и ученых велось до самой смерти Сталина. Прибрав к рукам экономическую и политическую жизнь страны, он начал и в академической науке создавать бюрократический аппарат подавления, касту неприкасаемых, обладавших монополией власти на истину. Такая смена «состава» имела плачевные последствия. В науке резко деформировались ценности: поиск истины отошел на задний план, появилось немало людей, чей высокий научный статус не соответствовал личному вкладу, и наоборот — блестящие ученые не получали назначений, на которые они были вправе претендовать. И следующим поколениям много времени понадобится, чтобы наверстать упущенное, восстановить утраченное. Большие усилия придется приложить, чтобы надежно оградить общество от претендентов на

²⁷ Леонид Иванович Прасолов (1875–1954 гг.) — русский и советский географ, геолог и почвовед, разработал учение о почвенных провинциях и основные принципы почвенно-географического районирования, род. в Енисейске, окончил Санкт-Петербургский университет, профессор, академик АН СССР (1935), директор Почвенного института им. В.В. Докучаева (1937–1948), лауреат Сталинской премии II степени (1942).

²⁸ Оскар Карлович Кедров-Зихман (1885–1964 гг.) — агрохимик, род. в Риге, доктор сельскохозяйственных наук (1934), доктор химических наук (1936), заслуженный деятель науки БССР (1940), академик-секретарь Отделения естественных и сельскохозяйственных наук АН БССР (1940–1946), зам. председателя секции агрохимии ВАСХНИЛ (1935–1950), редактор журнала «Химизация социалистического земледелия».

²⁹ Арсений Арсеньевич Ярилов (1868–1948 гг.) — российский и советский почвовед, организатор и историк науки, род. в с. Медведевское Минусинского округа Енисейской губ., окончил Юрьевский университет, профессор, преподавал в МГУ (1914–1916, 1923–1931), Воронежском сельскохозяйственном институте (1916–1919), Кубанском политехническом институте (1919–1921), председатель Бюро съездов по изучению производительных сил Госплана (1923–1931), председатель советской секции Международной ассоциации почвоведов (с 1931).

присвоение истины в конечной инстанции. Наука должна служить, а не прислуживать. Институт агропочвоведения при Афанасьеве ставил задачу разработать вопросы химизации почвы и создать систему удобрений применительно к травопольной системе. Эта задача до сих пор не решена, а ставилась она еще тогда, в 1930-е гг. Кто знает, не случись репрессий, возможно, ученые-аграрники ушли бы далеко вперед и не мучились бы потом с нитратами и гербицидами?

Под руководством Якова Никитича была проделана колоссальная работа по составлению почвенных карт для каждого района республики, проведено агрохимическое исследование. Многие сохранило актуальность до наших дней. Для Беларуси характерны заболоченные, дерново-подзолистые и подзолистые почвы. Подзолистые — значит, выщелоченные почвы, т. е. вымытые, с промывным режимом. Лишняя влага сразу уходит в грунтовые воды. Афанасьев предложил высаживать растения на высокой торфяной гряде, оставляя глубокие борозды, чтобы влага скапливалась в специальных канавках и междуречьях. В таком случае растения не страдают, а вода не уходит в грунт. Известно, что вода и воздух — антагонисты: если много одного, то не хватает другого. Тут же все уравнивалось.

Что произошло после гибели академика Афанасьева? Когда отказались от его идей, прорыли каналы и спустили всю воду — пострадал биоценоз. Мелиорацию проводили неграмотно, отводных каналов не строили — влага ушла, а мощный слой торфа, самый плодородный, развеялся по ветру. Ветер поднимал в воздух настоящие тучи черной пыли, в ряде мест обнажился даже песок. Усердие без знаний привело к трагедии в Полесье — его пересушили, в результате получили пустыню.

Несмотря на реабилитацию в 1956 г., имя Якова Никитича Афанасьева долгие годы оставалось малоизвестным научной и студенческой общественности. В довоенном отечественном учебнике по почвоведению К.Д. Глинки³⁰, которым пользовались студенты-биологи и в 1950-е годы, упоминание об Афанасьеве было вымарано черными чернилами. Здесь уместно привести свидетельство доктора биологических наук, заслуженного деятеля науки БССР Т.А. Романовой:

В конце 1950-х гг. я работала над темой кандидатской диссертации по проблеме почвоведения. Отечественной литературы не хватало, и я

³⁰ См. Словарь имен с. 343.

обратилась к иностранной. И оттуда узнала, что был такой Афанасьев. Начала искать его работы на родине, в СССР. По понятным причинам в библиотеках их не было, а в печати они не упоминались. Поскольку Афанасьева объявили врагом, ссылаться на него было небезопасно. Помогли сотрудники, особенно Василий Ильич Пашин³¹ и его супруга Татьяна Никитична. У них были оригинальные издания Афанасьева 1920-х и 1930-х гг. В самые трудные годы они их сохранили. Пашин был аспирантом Якова Никитича, но после ареста защитить диссертацию не дали — нужно было отречься от учителя. После 1948 г. Пашин тоже невинно пострадал, но уже как менделист-морганист и космополит. Как? Припомнили демонстрацию его работ в Вашингтоне в 1927 г. Идея Я.Н. Афанасьева была утрачена в Советском Союзе и вернулась к нам через десятилетия, но уже как «западная», автором которой стал Мюкенгаузен из ФРГ. Весь мир перестроил свое почвоведение по Мюкенгаузену, хотя родоначальником был Афанасьев. Теперь его даже не упоминают как автора и основоположника³².

Идея Афанасьева состояла в следующем: заболоченные почвы, которые так характерны для Белоруссии, имеют разную природу и разное происхождение — биологическое и минеральное. Естественно, они требуют совершенно разного подхода при мелиорации, в СССР же эти различия не учитывали. Афанасьев обосновал свою точку зрения в известной новаторской работе 1930 г. «Из области анаэробных и болотистых процессов»³³. Яков Никитич все почвы разграничил: одни были у него с плохим прогнозом с точки зрения отдачи для сельского хозяйства, правда, с ними можно было работать, но это требовало больших затрат, а отдача пришла бы нескоро; другие — более перспективные, так как мелиорация делала возможной их обработку; и третья группа — наиболее благоприятная для обработки и получения высоких урожаев, в этих почвах был найден большой запас органических веществ (торфяники и минеральные дерновые почвы), но

³¹ См. Словарь имен с. 352.

³² Архив автора. Запись беседы с Татьяной Александровной Романовой в Минске 28 марта 1989 г.

³³ *Материалы к геологическому и почвенному изучению Белоруссии*. Т. 4. Минск, 1930 г.

их в Беларуси не так много. Эти земли не классифицированы по схеме Афанасьева до сих пор, а на Западе такая классификация уже давно сделана. «К примеру, первую группу, — рассказывает Т.А. Романова, — они называют “зловредными”, т. е. они кислые, с промывным режимом и требуют больших затрат. Их все-таки на Западе осваивают и получают по 40 центнеров с гектара зерновых. На почвах второй группы — до 70 центнеров. Третьей группы у них совсем мало, и под пашню она не используется — только для огородов и особо ценных культур. В Беларуси их гораздо больше, особенно в Брестской, Витебской и Гомельской областях».

Эти ценнейшие земли третьей группы при неграмотном осушении превращаются в «зловредные», подзолистые. Как избежать этого в республике, где основные земли на песчанике? Это всегда занимало Афанасьева. Выход один — иметь правильное представление о ресурсах земледелия, составить почвенную карту. Яков Никитич пытался предложить даже классификацию почв мира. Ее нет до сих пор.

Классификация почв очень важна — это учет ресурсов. В сентябре 1988 г. проходило международное совещание почвоведов в Алма-Ате, 40 государств прислали своих представителей. Приоритет по классификации почв захватили американцы, СССР же из-за гибели Афанасьева потерял ведущую роль в мировом почвоведении — науке, которая раньше вообще считалась русской.

В наши дни, не имея единой классификации, нельзя осуществлять подлинный учет ресурсов. Невозможно точно назвать, какой имеется мелиоративный фонд, и только потому, что почвы не подразделены, как полагается по науке. Другими словами, мы не знаем, какие из них нуждаются в осушении, а какие нет. Почва хранит в себе целую совокупность природных факторов. Это и климат, и рельеф, и растительность, и, наконец, воздействие человека.

Афанасьев настоял на преобразовании своего института в агропочвоведческий, то есть занимающийся вопросами прикладного землепользования. Например, чтобы решать вопрос о повреждении озимых — на разных почвах оно происходит по-разному, об известковании почвы — кислые они или подзолистые и насколько? Ученики Якова Никитича продолжили начатое, и сегодня каждое хозяйство, будь то колхоз или совхоз, имеет хорошую и подробную почвенную карту в масштабе 1:10000, и это важное достижение.

Подчеркнем, что если председатель колхоза или мелиоратор может не знать всех последствий своей деятельности, которая делается не по науке, то ученому такое непозволительно — он обязан заглядывать в будущее. Против мелиорации выступать нелепо. Ей принадлежит будущее, но проводить мелиорацию необходимо грамотно. К сожалению, сегодня, за малым исключением, ни один проект мелиорации не обоснован экологически. Парадокс в том, что мелиорация считается инженерной наукой. Это такой же абсурд, как если бы хирурга считали инженером. Мы же вмешиваемся в природу, объектом мелиорации является не просто земля — почва! Она, без преувеличения, живая, а был бы жив Афанасьев, развивались бы его идеи, мелиорация не могла бы сегодня оставаться инженерной отраслью.

Еще одной особенностью почв Беларуси является то, что они находятся на границе крупных климатических зон — атлантической и континентальной. Между ними нет обычной границы, она идет по уровню высоты: там, где выше, — атлантические условия, ниже — континентальные. Пестрота почв по этим уровням очень большая. Атлантические намного плодороднее, они с оттенком буроземного «палевого», т. е. желто-розового (термин Я.Н. Афанасьева) почвообразования.

Под Москвой лес может дать 200 кубометров древесины на гектар, а в Беларуси — 500 и даже 700 кубометров. Отсюда и почвы хорошие. При некоторой добавке минерального удобрения и надлежащей культуре использования почвы в Беларуси могут содержать больше чернозема. Почему? Потому что самый важный фактор — влага. На черноземах применять удобрения бесполезно, так как из-за недостатка воды растения их не используют. Наши земли способны действительно превзойти потенциал чернозема, достаточно внести удобрения, вода есть — и будет необходимый результат. Нужен только правильный расчет подкормки почвы.

Сегодня мы знаем, сколько почва может удержать удобрений, сколько могут взять растения. Как мы вносим удобрения? По старинке: чем больше, тем лучше. Конечно, это неправильно. Это то же самое, как если бы мы кормили лекарствами больного «до отвала», пусть даже диагноз врач поставил правильный. Передозируешь — и пациент умрет. Точно так же и с почвой — мы способны превратить ее в мумию. Появился даже такой термин — «мумификация» почвы, когда она теряет свою биологическую суть и существует только на минеральной подкормке. Если научно управлять почвенным плодородием,

то не будет никаких лишних нитратов, их не нужно будет проклинять и бояться.

Кстати, о нитратах. Последние время мы только и слышим о том, какой вред они наносят здоровью человека. Пресса, радио и телевидение «бьют во все колокола». Это привело к тому, что люди стали негативно относиться вообще ко всякой агрохимии и мелиорации. Правильно ли это? Нельзя отрицать химические удобрения — их нужно разумно использовать. Мы же подчас спешим отчитаться: внесли столько-то и столько-то удобрений, за такой-то срок и там-то, отрапортовать. Причем не один год, не два. И по своей наивности ожидаем положительного результата, а он — обратный. Почему? Главное, как нам кажется, необходима культура руководства, компетентность. Когда-то не хватало химических удобрений — вносили всего по 40 кг на гектар и считали их панацеей. Требовалось гораздо больше, и это было оправданно. Но потом увеличивать количество вносимых удобрений стало ненужным — их стало слишком много. Почвы оказались перефосфачены, переизвесткованы, перенасыщены азотом. Многие проблемы приходится решать теперь уже задним числом, пытаясь спасти от того, что сами натворили... Воспользовались бы вовремя учением Афанасьева, разделили бы почвы на группы, как он предлагал, не совершили бы столь непростительной ошибки. Так называемые «зловредные почвы» таят в себе большую опасность: то, что мы вносим в них без меры, быстро попадает в грунтовые воды и распространяется повсеместно, губит питьевую воду и все живое. От этого предостерегал Яков Никитич еще в 1930 г.

Афанасьев был одержим идеей пропаганды агрокультуры в массах крестьян. Только в одном 1935 г. он выступил на районном съезде Советов в Горках с сообщением «Исследования по освоению новых земель», на Всебелорусском съезде Советов в Минске с докладом «О работе института агропочвоведения», на Всебелорусском слете рационализаторов и изобретателей с лекцией «Рационализаторские приемы при решении проблемы освоения новых земель и углубление пахотного горизонта», большой резонанс получил его доклад «Почвенный покров БССР как база для социалистического землепользования», сделанный в Белорусском научно-техническом обществе социалистического земледелия в Минске.

Институт агропочвоведения и удобрений под руководством академика Я.Н. Афанасьева проделал в 1930-е гг. колоссальную

работу. Была составлена сводная почвенная карта Беларуси в десяти-верстном масштабе. Наркомзем и Госплан БССР широко использовали ее при районировании республики, выборе специальных культур, распределении удобрений и для других экономических целей. В 1931–1935 гг. составили 75 районных почвенных карт в 3-верстном масштабе и карты для 250 колхозов и 120 совхозов в масштабе 1:10000, кроме того, карту эффективности использования удобрений в республике под ведущие сельхозкультуры, а также карты и памятные записки об использовании почв для четырех машинно-тракторных станций БССР: Гомельской, Пуховичской, Лиозненской и Дубровенской. В этих картах, в частности, говорилось о рациональном применении органических удобрений (навоз, торф, люпин) и других местных ресурсов. В 26 районах Белоруссии провели работу по постановке опытов и составили рекомендации по использованию удобрений конкретно для каждого колхоза³⁴.

Яков Никитич утверждал, что почва — это кожа земли, что бережное к ней отношение и грамотное использование могут иметь невероятное будущее. Для этой цели он предлагал создать первый в стране музей почвоведения в Минске. В 1980-е гг. работники БелНИИ почвоведения и агрохимии попытались реализовать эту идею. Представили интересный проект, отремонтировали здание в районе Курасовщины на ул. Казинца, так называемую «белую дачу». До революции это был особняк, принадлежавший Минскому землеустроителю: здание в два этажа и смотровая площадка на крыше, 134 кв. м полезной площади, несколько прекрасных залов и комнат с паркетным полом. Напротив, в долине широко разлившегося ручья, собирались разбить болотный сад. Выполнили и гидрологический проект, планировали создать заводи, посадить деревья. Площадь вполне позволяла это сделать — 11 гектаров, где были бы наглядно представлены три основные почвенные зоны Беларуси. Дендросад дополнил бы так называемый аптекарский огород с посеянными лекарственными травами. Здесь же — парк, где каждое дерево инвентаризировано, искусственный пруд до железной дороги, включая ближайший склон. Предполагалось оригинальное оформление парка с допуском посетителей для экскурсий. В целом это составило бы дендропарк — место, где можно не только заниматься наукой, но и просто отдохнуть. При хороших экскурсоводах, знающих и любящих

³⁴ Научный архив Академии наук БССР, ф. 54, оп. 2, д. 7, лл. 75–77.

свое дело, дендропарк превратился бы в любимое место изучения природы родного края и отдыха.

Помощь обещали все: и партийные, и советские органы, но довести до конца начатое не вышло. Почему? Не нашли подрядчика. Идея, так и не реализовавшись, погибла. Нет сомнения, что такой музей нужен и актуальность его растет с каждым годом. Вот оценка зав. лабораторией микроморфологии почв БелНИИ почвоведения В.Д. Лисицы³⁵:

Кто из нас представляет, что почва является главным элементом биосферы? Состояние ее внушает опасение даже у нас в Беларуси, где положение внешне благополучное, но плодородие теряется. Недалеко и до беды. Я.Н. Афанасьев предвидел это и предлагал не только создать музей почвы, а целую систему природоведческого воспитания во всех учебных заведениях, начиная с дошкольных учреждений³⁶.

Казалось бы, все очевидно, но до сих пор в республике нет единого центра пропаганды почвоведения, который по праву мог бы носить имя Якова Никитича Афанасьева. Например, маленькая страна Голландия имеет собственный международный почвенный музей. Возможно, поэтому у них и такие урожаи, а мы не хотим знать почву, которая является настоящим фокусом биосферы. Человек способен выжить, даже если атмосфера будет заражена на высоте 10 тыс. м, потому что воздушные массы перемещаются, но, если погубим почвенный покров, ничто уже не спасет, а мы губим его! Почва содержит в себе все элементы системы Менделеева, которые биологически неподвижны, закреплены. Сегодня мы вносим в почву гербициды, отходы производства и однажды можем получить такой процесс, как синергизм. Что это такое? Это внесение в почву элементов, невредных по отдельности, но которые, вступая друг с другом в контакт, дают реакцию с непредсказуемыми последствиями. Синергизмом больна Балтика. Не исключена такая трагедия и для Белоруссии, тем более что приближается потепление климата. Повышение

³⁵ Владимир Данилович Лисица (1932–2017 гг.) — кандидат геолого-минералогических наук, руководил лабораторией микроморфологии и спектрофотометрии БелНИИ почвоведения (с 1980), один из основателей Белорусского общества почвоведов (1995), внес большой вклад в развитие генетического почвоведения Беларуси, решение теоретических и прикладных задач почвоведения, агрохимии и агроэкологии.

³⁶ Архив автора. Запись беседы с Владимиром Даниловичем Лисицей в Минске 16 апреля 1989 г.

температуры воздуха даже на один градус резко усиливает процесс разложения минералов (камней). Поэтому защита почвы должна быть всенародной, но для этого нужны, прежде всего, знания.

Действительно, задумываемся ли мы, как ведем себя на природе? Пошли на рыбалку или по грибы, выкопали ямку и оставили, а это уже источник эрозии — прошел дождь и... смыл несколько гектаров почвы. Губим почву тракторами и автомашинами, не говоря уже о стройках, а для того чтобы в естественных условиях нарастить один сантиметр почвы, требуется 600 лет.

Природа подарила нам удивительную территорию. Подумать только, что в Советском Союзе находилось 130 млн га пашни, 75% мировых запасов, или 0,81 га на одного жителя по стране в целом. В Беларуси — 0,62, а в мире — 0,4. Как мы пользовались этим богатством? Варварски. В статистическом сборнике, выпущенном к 70-летию БССР, читаем, что 1950-е гг. в республике было 6 млн. га пашни, а в 1988 г. — те же 6 млн. га. Однако известно, что за это время при помощи мелиорации были введены в оборот еще 3 млн. га. Куда же «пропало» 3 млн. гектаров пашни? Другими словами, за последние десятилетия мы не «потеряли», а уничтожили эти 3 млн. гектаров. Кто обращает на это внимание? Не могу еще раз не привести авторитетное мнение В.Д. Лисицы:

Достаточно получить 20 центнеров с гектара, а в СССР в год на 130 млн. га пашни и будет 260 млн. тонн зерна, а значит и мяса. И не нужно будет на валюту закупать хлеб за границей. Такие планы огромных хлебных закупок на перспективу были составлены уже распущенным недавно Госагропромом СССР. Получим свои 20 центнеров зерна и накормим страну с лихвой. Для этого же много не нужно: трезвый расчет и простая крестьянская смекалка. У нас этого нет на круг. Поэтому кто дает, того и жмут, вносим удобрения без меры, губим почву... Потом хватимся, не поздно ли будет? В Беларуси почвы бедные, их изуродовать недолго. В ряде районов республики мы уже не получаем того, что планировали. Почему? Ответ прост: загубили почву, но говорить об этом вслух долгое время было нельзя. Молчание это преступно³⁷.

³⁷ Архив автора. Запись беседы с Владимиром Даниловичем Лисицей в Минске 28 декабря 1989 г.

В 1977 г. Якову Никитичу Афанасьеву исполнилось 100 лет со дня рождения. К юбилею Академия наук БССР и Белорусский филиал Всесоюзного общества почвоведов издали однотомник избранных трудов академика «Почвоведение и агрохимия», куда вошли четыре наиболее значительные его работы, краткий очерк о его научной, педагогической и общественной деятельности, список научных трудов. Казалось бы, отлично, однако изначально планировалось издать два-три тома трудов Афанасьева. Однако в 1970-е гг. еще многое замалчивалось, и хотя Якова Никитича реабилитировали, но в целом тема репрессий оставалась закрытой, многое не договаривалось. Пришлось «пробивать» его сочинения через многочисленные инстанции. Это потребовало больших усилий. Например, чего стоило просто отыскать его сочинения, хотя до войны Афанасьев был одним из наиболее цитируемых ученых-естественников за рубежом!

В 1987 г. научная общественность республики скромно отметила 110-летие ученого, в «Сельской газете» была помещена небольшая статья доктора биологических наук Т.А. Романовой о знаменитом ученом³⁸. В 1997 г. переиздали книгу Афанасьева «Генезис, проблемы классификации и плодородия почв», в Горецкой сельскохозяйственной академии по инициативе детей академика — Юрия Яковлевича и Галины Яковлевны — установили мемориальную доску. Правда, для этого пришлось просить вмешательства народного писателя Беларуси Василя Быкова. Вот, пожалуй, и все. Но до сих пор в публикациях об академике Афанасьеве сохраняется недосказанность, инерция старых времен, когда считалось «неудобным» говорить о бывшем репрессированном. Поистине, нет пророка в своем отечестве.

³⁸ Татьяна Александровна Романова (1925 г.р.) — белорусский советский ученый в области почвоведения, доктор биологических наук, профессор, лауреат Государственной премии БССР в области науки (1976), заслуженный деятель науки БССР (1981).

Глава 3

Возвращение

...Город горел. Черные клубы дыма поднимались над головами людей и застилали горизонт. 28 июня 1941 г., всего через шесть дней после начала войны, Минск покидали последние беженцы, а спустя несколько часов буквально по их пятам в него входили немцы. Горела Академия наук, любимое детище и гордость республики. Тем временем в административном корпусе Академии и некоторых ее институтах еще продолжали оставаться дежурные сотрудники, назначенные накануне, до сих пор непонятно зачем. Связи уже никакой не было. Эвакуировать все не удалось, ценнейшее оборудование и результаты научных поисков пришлось бросить.

Среди немногих бессильных свидетелей, наблюдавших весь этот кошмар, был Иван Николаевич Сержанин, научный сотрудник Института зоологии. Времени оставалось все меньше — уже не слышалась артиллерийская канонада, а языки пламени подбирались к административному корпусу. И тогда Иван Николаевич решился. Он бросился к отделу кадров, вышиб плечом дверь и трясущимися руками нашел папку личного дела № 752 — ничем не примечательная картонная папка, каких великое множество, на титульном листе выведены фамилия и инициалы. Такие обыкновенно заводят в любом учреждении, когда принимают кого-нибудь на работу: автобиография, личный листок по учету кадров, копии документов об образовании, список научных трудов, справки, справки, справки... — всего немногим более 40 листов. Сержанин держал в руках личное дело человека, имя которого находилось под запретом уже три года. Произносить его вслух, не говоря уже о том, чтобы проявлять к нему какой-либо интерес, было небезопасно, а ведь еще совсем недавно человек, носивший

его, пользовался большой известностью и уважением не только в республике, но и в стране. Знали его и за рубежом.

Сержанин спрятал личное дело под рубаху и вышел на улицу. Дома Иван Николаевич не был уже сутки. Соседи рассказали, что его семья, жена и дети, не зная, где он, ушли из города. Как потом выяснилось, дойдя до Чаусов, они попали в окружение и, выбравшись, вынуждены были вернуться в Минск. Дом Сержаниных сгорел, и они поселились в другом, брошенном. Потянулись три года оккупации. Жили впроголодь, выкручивались как могли. Иван Николаевич был связан с подпольем, в сарае выкопал яму, где прятал калий и марганец. Готовил лекарства для дезинфекции ран и переправлял партизанам.

Лето сменила осень, зиму — весна. Жили одним днем, не загадывая, что принесет с собой завтра. Все это время Сержанин хранил «Личное дело № 752». Он прекрасно понимал, что подвергает риску себя и семью. Оккупанты, найдя эти документы, вряд ли пощадили бы его самого, жену и детей. Это была своего рода бомба замедленного действия.

Теперь, наверное, уже пора открыть, что «Личное дело» принадлежало Павлу Яковлевичу Панкевичу, члену партии с 1919 г., бывшему директору НИИ коммунистического воспитания Наркомпроса республики, доктору педагогических наук, профессору, неперемennomу (ученому) секретарю АН БССР, члену ЦИК БССР X созыва, кавалеру ордена Ленина, одному из первых академиков Академии наук республики.

В декабре 1937 г. Панкевича, в числе многих достойных ученых и общественных деятелей Беларуси, арестовали. С тех пор ничего о нем не было известно. И только в 1956 г. последует посмертная реабилитация.

Павел Яковлевич внешне был очень представительным — крупный, бритый, любил носить сорочки с вышитым крестиком белорусским орнаментом. По характеру человек доброжелательный, в общении с людьми терпеливый. Всегда находился в центре компании. Многие, кого свела с ним судьба, отмечали его веру в идеалы социализма. В профессии Павла Яковлевича привлекало все новое — он не боялся подвергать сомнению то, что уже считалось общепризнанным. Идеи его порой были настолько смелыми, что приводили к совершенно новому осмыслению раз и навсегда закрепленного в традиционном видении.

П.Я. Панкевич родился 1 марта 1895 г. в деревне Прудок Лепельского уезда Витебской губернии. В семилетнем возрасте лишился отца,

здоровье которого подорвал тяжелый крестьянский труд и болезни. Можно себе представить, сколько пришлось вынести его вдове, работавшей кухаркой в земской больнице Витебска, чтобы поставить на ноги и дать образование их смышленому сыну.

В 1912–1914 гг. Павел с отличием окончил сначала 2-е городское училище Витебска, а затем и двухлетние педагогические курсы при Витебском высшем начальном училище. На военную службу его не призвали из-за слабого здоровья. В 1915 г. он работал народным учителем Руднянской земской школы в Дриссенском уезде, а потом, когда линия фронта приблизилась, был эвакуирован вместе с учениками в Полоцкий уезд, где продолжал учительствовать. Однако Павлу хотелось большего, чем работа в школе, и в 1916 г. он поступил в Витебский учительский институт.

Тогда все увлекались политикой, в том числе и учителя. Павел Яковлевич, будучи выходцем из народа, повседневно общаясь с простыми людьми, живя одной с ними жизнью, ежедневно и ежечасно наблюдая их долю и то, что мы сегодня называем вопиющей социальной несправедливостью, просто не мог оставаться в стороне, как всякий честный человек. Окружение Павла было связано с эсерами. Политика и поведение социалистов-революционеров накануне и в период Февральской революции 1917 г. казались Панкевичу убедительными. Забота об интересах крестьянства, о которой так много говорили (и не только говорили) эсеры, импонировала молодому учителю. И в сентябре 1917 г. он вступил в партию социалистов-революционеров. Как человека деятельного, активного и с завидными организаторскими способностями Павла вскоре избрали кандидатом городского комитета партии эсеров в Витебске. Комитет действовал легально и многие свои действия согласовывал и проводил совместно с большевиками.

Однако революционные события развивались стремительно. Их вихрь заставил многих переменить политические убеждения. Уже летом 1918 г. Панкевич вышел из партии эсеров, а в ноябре того же года стал кандидатом в члены Коммунистической партии. Общественная работа очень нравилась Павлу Яковлевичу, он называл ее даже своим вторым призванием. С 1918 по 1922 г. он совмещал педагогическую работу с активной просветительской деятельностью: губернский организатор по работе в деревне, заведующий губполитпросветом в Витебске, управляющий губернской рабоче-крестьянской инспекцией и т. д.

Одновременно Павел успевал читать курс лекций в губернской совпартшколе.

1922 год стал поворотным в судьбе Панкевича. После окончания Витебского института народного образования губком партии командировал его в Москву для продолжения учебы. Здесь его зачислили студентом на Московские высшие научно-педагогические курсы, после окончания которых он в числе немногих счастливицов был оставлен в качестве преподавателя в Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской.

В те годы никого не удивляло, что по окончании трудового дня люди отправлялись не домой, а на другую, уже общественную, работу, которая по нагрузке не уступала первой. Делалось это не по принуждению или из соображений карьеры — большинство участников преобразований в молодой Советской республике были искренне убеждены, что, кроме них, некому строить новую жизнь, бороться с неграмотностью, экономической отсталостью и разрухой, что делать это нужно немедленно. Раздвоенности в сознании не отмечалось — исполнение долга приносило чувство глубокого удовлетворения. Не было исключением и Панкевич: после чтения лекций в Академии им. Н.К. Крупской он шагал на фабрику «Ливерс», где заведовал школой фабзавуча. Слово «заведующий» было чисто условным, потому что в своем лице он совмещал и учителя, и администратора, и завхоза, и делопроизводителя.

В 1925 г. появилась возможность вернуться на родину. Была объявлена очередная мобилизация по партийной линии для работы в деревне, и Павел Яковлевич попросился в Беларусь. ЦК ВКП(б) направил его в Минск в качестве методиста в Коммунистический университет им. В.И. Ленина.

Из Москвы он приехал уже с молодой женой. Поселили их в так называемом первом профессорском доме на ул. Советской, 33. Соседями оказались профессор медицины В.В. Бабук¹, профессор истории Н.М. Никольский², философ И.М. Ильюшин³. Семейная

¹ Владимир Викентьевич Бабук (1897–1977 гг.) — хирург, доктор медицинских наук (1937), профессор (1938), заведующий кафедрой общей хирургии, оперативной хирургии и топографической анатомии медицинского факультета БГУ, Белорусского (Минского) медицинского института (1937–1941), заслуженный деятель науки БССР (1948).

² Николай Михайлович Никольский (1877–1959 гг.) — русский советский историк, библеист, востоковед, окончил Московский университет (1900), академик

жизнь складывалась счастливо. Супруга, Лия Аронова, отличалась не только редкой красотой и обаянием, но и была единомышленником мужа. Собственно, в те годы единство взглядов считалось правилом.

Лия родилась в Козлове (ныне Мичуринск) в семье сапожника. Семья большая — 10 детей, друг за друга горой — без взаимовыручки тут никак. Не стать коллективисткой в таких условиях абсолютно невозможно. Повседневная нужда тоже была делом обыденным. Наверное, поэтому октябрь 1917 г. Лия восприняла очень лично, и даже больше. В 17 лет она уже находилась на фронтах гражданской войны, а в 1920 г. — комиссар по особым поручениям политотдела Южного фронта. После окончания войны ее как члена партии направили сначала в Херсон директором школы слепых, а оттуда на рабфак в Москву. Там они и встретились. Павел Яковлевич читал лекции и обратил внимание на неординарную слушательницу. Родилась большая любовь. Она оказалась настолько сильной, что смогла преодолеть пролеткультовскую догму о том, что личную жизнь люди вправе строить исключительно после победы мировой революции, — Павел и Лия решили создать семью. Лия стала преподавать марксизм-ленинизм в совпартшколе Минска. В 1925 г. родился первенец, сын. Родители назвали его Марленом. Тогда давать новые, «революционные» имена считалось в порядке вещей. Были не только Марлены (Маркс и Ленин), но и Ленины, Марсины, Энгельсины, Сталины, Владлены, Кимы (Коммунистический интернационал молодежи), Рэмо (Революция-электрификация-мировой Октябрь) и другие. Лия была вспыльчивой, очень эмоциональной, иногда между супругами могли вспыхнуть ссоры, но все поглощала большая любовь, искренняя забота друг о друге, неповторимое женское самопожертвование ради семьи.

Семейная жизнь неожиданно оказалась трагически прервана. В 1930 г. Лия заболела менингитом и умерла. Павел Яковлевич тяжело переживал утрату. Но нужно было жить, оставался сын. Спасение искал в работе, буквально «топил» в ней свое горе. Еще в Москве он успешно защитил кандидатскую диссертацию, а в Минске в 1928 г. завершил работу над докторской и в 1929 г. стал не только первым в

АН БССР (1931), член-корреспондент АН СССР; автор работ по истории религии, истории Древнего Востока, филолог, специалист по семитским языкам и клинописи.

³ Иван Макарович Ильюшин (1903–1997 гг.) — советский государственный деятель и ученый, член-корреспондент Академии наук БССР, заместитель председателя Совета министров БССР (1944–1947), министр просвещения Белорусской ССР (1951–1961).

Белорусской ССР доктором педагогических наук, но и единственным профессором педагогики. Вскоре он принял должность проректора Коммунистического университета им. В.И. Ленина, одновременно читал лекции по истории педагогики в Белгосуниверситете и пединституте им. А.М. Горького. Учитывая богатый опыт, знания и квалификацию Панкевича, в 1929 г. его назначили председателем Главнауки Наркомпроса БССР.

1920-е гг. стали целой эпохой в педагогике. Отсутствие единообразия и общепризнанного шаблона в подходе к обучению, открытый и светский характер образования, рожденного революцией, окрыляли многих педагогов. В работе учебных заведений возникло значительное количество интересных проектов и инноваций. Несмотря на перегибы Пролеткульта, педагогическая система учитывала опыт старой школы и достижения коллег за рубежом. На равных сосуществовали педагогика и педология, теория «свободного воспитания»⁴ и «дальтон-план»⁵, метод «проектов»⁶ и «комплексные программы»⁷. Однако в связи с бедной материальной базой и тяжелым экономическим положением Беларуси, как и всей страны в начале НЭПа, недостатком кадров реализовать задуманное было невероятно трудно. Тем не менее существовал социальный заказ на новую педагогику.

Например, заинтересовались методом «проектов». Идея была подхвачена и в Беларуси. Активным ее пропагандистом стал сам П.Я. Панкевич. Упор делался на выполнение домашнего задания, значит, многое учащиеся должны были делать самостоятельно. Положим, учитель читал в школе двухчасовую установочную лекцию, а затем давал целый ряд заданий. Учащиеся выполняли их под наблюдением учителя, затем снова собирались в классе, подводили итоги. Павел Яковлевич дал разработки метода «проектов», выступил с

⁴ Направление в педагогической теории и практике, которое рассматривает воспитание как помощь природе ребенка, естественно развивающегося в процессе освоения окружающего мира и свободно самоопределяющегося в нем.

⁵ Методика или система индивидуального обучения без классно-урочной системы. Она предполагает, что ученик сам может выбирать занятия и распоряжаться собственным временем, а учитель лишь помогает детям при необходимости. Также поощряется взаимодействие между учащимися.

⁶ Подход, при котором студенты обучаются в процессе самостоятельного планирования и разработки решений для некой проблемы или задачи.

⁷ Система, при которой несколько элементарных предметов преподавались связно, когда весь учебный материал собирался вокруг одной темы и служил решению этой цели.

его обоснованием в целой серии статей в «Асвете»⁸ и «Камуністычным выхаванні»⁹.

Сегодня, конечно, можно говорить о крайностях метода «проектов», о том, что в нем превалировала самостоятельная работа учащихся и снижалась роль учителя на уроке. Но нужно ли было так скоропалительно отказываться от него в начале 1930-х гг.? Скорее всего, советская школа тех лет оказалась не готовой к этому методу обучения. По крайней мере, попытка перестроить школьное образование в начале 1990-х гг., без сомнения, перекликается с той эпохой.

Или другой метод — отказ от предметной системы обучения и замена ее комплексной. Весь объем знаний, необходимый для изучения в школе, был составлен в виде единого комплекса сведений о природе, труде и человеческом обществе. Постепенно он расширялся. В первом классе изучали жизнь в семье и школе, во втором — жизнь села, района, округа и республики. Брала тему, близкую и понятную учащимся, например «Наш завод», и в связи с ней изучали историю, литературу, арифметику, физику и другие предметы. Кроме того, вводились еще и сезонные комплексы: «Первое мая», «Великий Октябрь», «Осенние работы в деревне» и т. д. Конечно, в большой степени это делалось искусственно, но ведь межпредметные связи укреплялись! Учащимся была очевидна связь обучения с жизнью, оно не становилось абстрактным, на будущее. Вместе с тем метод изучения многих предметов в одной теме приводил к отсутствию серьезных систематических знаний по другим предметам, и в СССР с 1932 г. отказались от этого метода, вернувшись к предметной системе¹⁰, а в

⁸ Журнал «Асвета» начал выходить в июне 1924 г. на белорусском и русском языках, его авторами стали учителя, воспитатели, преподаватели вузов, известные ученые, ответственные работники Наркомата просвещения республики, партийные и государственные деятели, и среди них народные комиссары просвещения БССР В.М. Игнатковский и его преемники А.В. Балицкий и А.М. Платун, первый секретарь ЦК КП(б) В.Г. Кнорин, председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков, поэт Якуб Колас, академик Я.Ю. Лёсик, ученый секретарь Белорусской академии наук В. Ластовский, профессора БГУ И.И. Замотин, И.М. Соловьев, Д.А. Жаринов, М.Н. Пиотухович, В.Ф. Купревич и П.Я. Панкевич.

⁹ «Камуністычнае выхаванне» — ежемесячный политехнический педагогический и политико-просветительный журнал, до 1924 г. — «Просвещение», после 1937 г. — «Народная Асвета».

¹⁰ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г. См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 3, д. 844, лл. 22–29.

некоторых странах сохранили все позитивное из этого метода до настоящего времени.

Панкевич являлся категорическим противником монополии какой-то одной теории в педагогике. Он считал, что школа не должна быть обязательно единой и трудовой, что типовые программы, учебники, полная и повсеместная нивелировка обедняют учеников и ограничат их знания, тем самым значительно снизив качество обучения.

Наркомпрос БССР все новое, что следовало претворить в практику работы советской школы, вводил через установки, разработанные в созданном в 1929 г. Научно-исследовательском институте педагогики и педологии республики, организатором и первым директором которого стал Панкевич. Статус института был очень высоким — по сути дела, он являлся мозгом Наркомата просвещения. Панкевич выступил здесь не только как автор крупных монографий и исследований, но и как авторитетный организатор педагогической науки. Он по праву считался центральной фигурой в белорусской педагогике того времени, обладал самостоятельным мышлением и независимым характером, был страстным пропагандистом идей политехнического образования, очень восприимчивым к новаторству. Павел Яковлевич часто спорил с оппонентами, не всегда соглашался даже с признанными авторитетами, полемизировал и с Н.К. Крупской. При этом Надежду Константиновну уважал и многому у нее учился. Нужно помнить, что в Наркомпросе страны вместе с Крупской работали крупные авторитеты в педагогике: С.Т. Шацкий¹¹, П.П. Блонский¹², Н.Н. Иорданский¹³, заместителем наркома просвещения был известный советский историк М.Н. Покров-

¹¹ Станислав Теофилович Шацкий (1878–1934 гг.) — русский советский педагог-экспериментатор, автор трудов по вопросам воспитания, руководил трудами первой опытной станции по народному образованию (1919–1932), директор Московской консерватории и Центральной педагогической лаборатории в Москве (с 1932 по 1934 г.).

¹² Павел Петрович Блонский (1884–1941 гг.) — российский и советский психолог, педагог, специалист в области возрастной и педагогической психологии, профессор (1918), доктор педагогических наук (1935), один из основоположников советской педологии.

¹³ Николай Николаевич Иорданский (1863–1941 гг.) — российский педагог, руководитель Главного управления социального воспитания Народного комиссариата просвещения РСФСР (1921–1922), доктор педагогических наук (1938), развивал идею о создании школьных кооперативов как начальной стадии приобщения детей к созидательному труду и социальным отношениям.

ский¹⁴. Многое из нововведений того времени используется и сейчас. Однако когда дело касалось профессиональных вопросов, Панкевич упорно отстаивал свою точку зрения.

В конце 1920-х гг. на страницах педагогической печати развернулась дискуссия о предмете педагогики при социализме, роли и значении трудовой и политехнической школы. На Западе и в США тоже занимались этими проблемами, но с преобладанием откровенно прагматического уклона. Буржуазная педагогика заметно отличалась от советской — цели и установки были другими, проблемы гармоничного развития личности отодвигались на второй, если не на третий план. Предпринимателям важно было получить прежде всего грамотного и исполнительного работника, и не более того.

В связи с этим Панкевич опубликовал в 1926 г. две важные работы: «Основные вопросы фабзавуча» и «Мысли Г.В. Плеханова о воспитании и образовании»¹⁵ с предисловием А.Г. Калашникова. Это не прошло мимо внимания Н.К. Крупской, которая откликнулась рецензией. В ней, в частности, говорилось, что работы Павла Яковлевича дают интересный материал, содержат оценки Плехановым воспитательных систем Оуэна и Фурье об игре в искусстве и т. д. Вместе с тем Крупская упрекнула Панкевича в том, что нельзя излагать мысли Георгия Валентиновича своими словами, приписывая ему то, что он мог бы сказать, но не говорил¹⁶. С позиций сегодняшнего дня вполне можно поспорить и с Надеждой Константиновной: не явилось ли скрупулезное цитирование первоисточников началом догматического подхода к оценке классиков?

В 1928 г. увидела свет еще одна монография Панкевича — «Политехническая школа в связи с развитием современной крупной индустрии». Это была одна из первых в стране попыток вскрыть исторические корни политэкономической школы и указать на перспективы ее развития. Одновременно автор дал определение самого

¹⁴ Михаил Николаевич Покровский (1868–1932 гг.) — русский советский историк, последователь марксизма, общественный и политический деятель, академик АН БССР (1928) и АН СССР (1929); после кончины Покровского его наследие подверглось критике, осуждению и запрету со стороны ВКП(б), а его имя стало использоваться для обоснования репрессий против историков, которые были его последователями.

¹⁵ П.Я. Панкевич. *Мысли Плеханова о воспитании и образовании*. Москва, 1926 г.

¹⁶ Н.К. Крупская. *Педагогические сочинения*: В 10 т. Москва, 1962 г., т. 10, с. 358–361.

понятия политехнического воспитания как трудового, всестороннего, общего, социального и коммунистического, определяющим условием которого является крупное машинное производство. В первой части — «Экономические предпосылки политехнической школы» — Павел Яковлевич рассмотрел процессы автоматизации и химизации производства, депрофессионализацию труда, нарисовал портрет современного ему квалифицированного рабочего и дал оценку воспитательной роли фабрики. Во второй части — «Исторические корни идеи политехнизма» — он показал оценку Марксом и Энгельсом политехнической школы как классовой школы пролетариата и обосновал принципы советской трудовой школы.

Панкевич разделял понятия советской и политехнической школ, рассматривая последнюю как наиболее прогрессивный вариант советской школы. В деревне, утверждал он, не может быть пока политехнической школы, ибо там вместо крупного производства господствует мелкотоварный труд и патриархальный уклад, это только трудовая школа, где дети получают общее образование. Далее Павел Яковлевич справедливо подчеркивал, что принцип трудового воспитания поддерживают различные классы, в том числе и эксплуататорские, в то время как идея политехнического воспитания выдвинута только пролетариатом. Политехническое воспитание, по мнению П.Я. Панкевича, не исключает социального. Детский и школьный труд должны быть общественно полезными, производительными и иметь коллективистский характер. Буржуазная же школа, наоборот, как утверждалось, делает упор на индивидуализм. Однако дальше Панкевич, как и многие другие его современники, делал типичную ошибку: он видел в буржуазном воспитании «эгоизм одиночки», который сознательно противопоставляет себя всем остальным. Павел Яковлевич безапелляционно утверждал, что в буржуазной школе господствует отвращение к труду, инертность, забитость и слепое преклонение перед авторитетом старшего.

Такая трактовка качеств буржуазного воспитания Панкевичем объяснима. Он был сыном своего класса, советского общества и хотел видеть его таким, каким оно ему представлялось, — наиболее гармоничным и разумным, построенным на началах коллективистской морали. В заключение книги делался вывод, что в классовом обществе политехническое воспитание неизбежно является политическим, чтобы подготовить молодое поколение к борьбе за перестройку современного общества в коммунистическое.

В 1920-е гг. в Беларуси сменилось несколько наркомов просвещения. Крупным организатором народного образования был Всеволод Макарович Игнатовский, впоследствии первый президент АН БССР. Длительное время руководил наркоматом Антон Васильевич Балицкий. На рубеже 1920–1930-х гг. Наркомпрос стали резко критиковать. Назревала коллективизация, а в учебниках была отражена та же патриархальная деревня, содержались маленькие очерки и рассказы об индивидуальном хозяйстве, описывался примитивный товарный обмен между городом и деревней. И тогда школу обязали провести определенную психологическую подготовку учащихся, их родителей и учителей. Начался решительный пересмотр учебных программ и планов, переписывались учебники. На место Балицкого поставили Платуна¹⁷. Был даже взят курс на создание отдельных учебников для городских и сельских школ. Если учебники, которыми пользовались в советской школе в 1920-е гг., учитывали достижения российской педагогики, то в 1930-е гг. они уже отражали злобу дня. Обществоведение изучали с пятого класса. Учащиеся должны были знать политическое устройство общества, что такое Советы, их функции и обязанности, хорошо разбираться в истории революционного движения России и Беларуси. Ставилась цель подвести ребят к мысли, что Октябрьская революция 1917 г. совершалась в их интересах, ради их будущего.

Однако общий недостаток состоял в том, что в этих учебниках преобладал описательный подход, меньше внимания уделялось теме родной природы, почти забыта была и национальная специфика. Школьные учебники, особенно в начальной школе, предназначались одновременно не только детям, но и взрослым. Массово создавались группы ликбезов, а специальных учебников не хватало, поэтому школьные учебники были перенасыщены информацией. Например, учебный материал пропагандировал здоровый быт, давал элементарные сведения по санитарии и практические советы, как хранить картофель, чтобы избежать его порчи, при этом в нем содержались интересные наблюдения за природой, описания повадок животных и

¹⁷ Антон Мартынович Платун (1896–1933 гг.) — советский белорусский государственный деятель, председатель Центрального правления профсоюза работников просвещения БССР и редактор журнала «Профсоюз Белоруссии» (с 1927), одобрял репрессии, не имея никакого отношения к науке, академик АН БССР (1931), нарком просвещения БССР (1929–1933).

птиц, многие другие вещи, которым и сегодня не вредно было бы поучиться. Учащиеся, как губка, впитывали в себя все эти сведения. Не стоит забывать, что в те годы школа являлась одним из немногих источников доступной и популярной, систематизированной и достоверной информации, служила «окном в мир» для сельского ребенка, поэтому стремление учиться в школе было искренним.

Свой вклад в создание новой учебной литературы внес и П.Я. Панкевич. В 1929 г. он разработал и издал краткий курс истории педагогики для педагогических факультетов учительских и педагогических институтов, педагогических техникумов и школьных работников БССР. Учебник состоял из трех частей: педагогика феодализма и торгового капитализма, педагогика эпохи промышленного капитализма, педагогика эпохи империализма и пролетарской революции. Стандартный порядок изложения информации в учебнике не сохранялся, традиционная структура оказалась нарушенной. Автор включил в учебник материал, который, как правило, отсутствовал в аналогичных изданиях, — педагогические взгляды Канта, Гегеля и французских материалистов. Каждый раздел завершался списком основной и дополнительной литературы, а также вопросами и заданиями для повторения.

Вместе с тем учебник получился компактным, материал изложен живым, доступным, образным языком, знания были систематизированы, главные положения и мысли, выводы выделены курсивом и разбиты по пунктам. Начиная рассмотрение той или иной темы, Панкевич всегда характеризовал источники и давал им свою оценку. Он уделил внимание не только классикам педагогики, но и Огюсту Конту¹⁸, Герберту Спенсеру¹⁹, Полью Робену²⁰ и другим признанным авторитетам дореволюционного времени. Отсутствовала безапелля-

¹⁸ Исидор Мари Огюст Франсуа Конт (1798–1857 гг.) — французский социолог и философ, основоположник позитивизма и социологии как самостоятельной науки.

¹⁹ Герберт Спенсер (1820–1903 гг.) — английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма, пользовался большой популярностью в конце XIX в., основатель органической школы в социологии, идеолог либерализма.

²⁰ Поль Робен (1837–1912 гг.) — французский педагог и общественный деятель, участник I Интернационала, анархист, радикальный неомальтузианец, сторонник совместного обучения мальчиков и девочек внутри одного учебного учреждения; в контроле над рождаемостью видел расширение прав и возможностей бедных слоев населения, особенно женщин, подвергался травле за свои взгляды и покончил с собой.

ционная критика и разнос, вскоре ставшие характерными для трудов многих советских педагогов. Вместо этого присутствовали интерес и даже доля симпатии, автор учебника старался найти у приверженцев иного мнения позитивное, то, чему можно поучиться. Одновременно П.Я. Панкевич не забывал привести оценку тех или иных явлений в педагогике с позиций классового учения, в том числе точку зрения на них основоположников научного социализма.

Это был удивительный учебник по истории педагогики, какого впоследствии будут лишены целые поколения советских студентов. В нем не было и тени менторского тона, назидания. Более того, создавалось впечатление, что, излагая свою мысль, автор постоянно находится в состоянии полемики с возможным оппонентом. В подтверждение своих тезисов он приводил обширные ссылки на разнообразные источники, включая богатую периодическую печать тех лет. Этим Панкевич будто говорил читателю, что, если его аргументы не убеждают, пожалуйста, обратитесь к утверждениям противной стороны.

К сожалению, впоследствии был прочно утрачен столь демократичный подход в полемике, где, как правило, приводится мнение лишь единомышленников. Учебники же и до сих пор грешат неприкрытой категоричностью и безапелляционностью. В 1930-е гг. был сделан упор на то, чтобы закрепить школу за производством, крупными хозяйствами, совхозами и колхозами. Поощрялись лозунги «Школа — цех завода» или «Школа — производственная единица совхоза». В учебных программах большое место уделялось общественно полезному труду. При школах создавали токарные, слесарные и другие мастерские, организовывали производственные музеи. Учащихся обучали пользованию простейшими инструментами и наиболее распространенными машинами (трактор, автомобиль, электромотор), устраивали экскурсии на производство. Это были полезные шаги в политехническом обучении.

Вместе с тем допускались значительные перегибы. Школы должны были планировать свою деятельность на длительное время по таким темам, как «Поможем нашей фабрике (колхозу, совхозу) выполнить промфинплан»²¹ или «Научимся разводить кур» и т. д. При этом давали только необходимые для выполнения тех или иных произ-

²¹ Промфинплан — промышленно-финансовый план предприятия, составляемый на определенный период времени.

водственных операций общеобразовательные знания, а разносторонних и систематизированных умений учащиеся не получали. Ученики тратили дорогое время, работая на полях, фермах, у станка.

Потом произошёл перегиб в другую крайность: увеличили время на изучение точных наук, и идея политехнического образования отошла на второй план. Задачу школы начали видеть в том, чтобы подготовить нужный контингент абитуриентов для продолжения образования в профессиональных, средних специальных, средних технических и высших учебных заведениях. В стране разворачивалась индустриализация, квалифицированных кадров не хватало, и перед учебными заведениями была поставлена задача «насытить» заводы и фабрики специалистами. Большую роль сыграли рабфаки, куда направляли в основном не по уровню знаний, а по характеристикам комсомольских ячеек, анкете и социальному происхождению, ведь шла ускоренная подготовка «политически надежных» молодых людей, которые могли бы работать на производстве и обеспечить выполнение пятилетки. В спешке было допущено много ошибок, и такая перестройка образования привела к значительным пробелам в подготовке кадров специалистов. Учебники увеличились в объёме, но систематизированной научной информации не хватало. В школах провели условное профилирование на фабрично-заводские семилетки (ФЗС) и школы крестьянской молодежи (ШКМ). Изучение учебных дисциплин носило чисто практический характер. Передовые ученые-педагоги выступили с критикой такой «перестройки» народного образования, в том числе резко протестовал А.В. Луначарский²², но их призыв не был услышан.

Сохраняя объективность, следует сказать, что эти изменения в жизни школы были закономерными, потому что с неизбежностью отражали перемены в общественной и экономической структуре общества. Свой вклад в выполнение социального заказа партии и государства педагогике внес и П.Я. Панкевич. В 1933 г. в Минске вышла его книга «Социалистическое соревнование и ударничество в школах БССР», состоявшая из предисловия и восьми разделов, сами

²² Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933 гг.) — русский революционер и советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед, активный участник революции 1905–1907 гг. и октябрьского переворота 1917 г., первый нарком просвещения РСФСР (1917–1929), академик АН СССР (1930).

названия которых были очень показательными: «Соцсоревнование как коммунистическая форма работы», «Соцсоревнование как метод коммунистического воспитания», «Как организовать соцсоревнование в школе?», «Ударничество в школе», «О содержании соцсоревнования и ударничества в школе», «Методы стимулирования при соцсоревновании», «Роль школьной стенной печати в соцсоревновании» и «Результаты соцсоревнования и ударничества в школах Белоруссии в 1931/32 учебном году».

В этой книге Панкевич с удовлетворением констатирует, что соцсоревнование охватило не только взрослых, но и детей. Были заключены договоры на соревнования между пионерами США и Украины, Норвегии и Закавказья, Швейцарии и Нижней Волги. Решение каких задач входило в выполнение договора? Те, конечно, что были под силу детским рукам, но несли в себе заряд воспитательного значения: создание птицеводческих товариществ, цыплячьих домиков, контрольных гнезд, сбор утильсырья, помощь в радиофикации села, ликвидация неграмотности. Эти задачи не носили общий характер, наоборот, школам и пионерским дружинам, комсомольским ячейкам спускались конкретные планы на организацию показательных огородов при учебных заведениях, помощь в заготовке кормов и даже... производство 1 млн. скворечников для борьбы с вредителями сельского хозяйства, 4 млн. мышеловок, уничтожение 500 тыс. сусликов и проведение деревопосадок. Как все это напоминает «большой скачок» в Китае в 1950-е гг.! Очень трудно удержаться от таких аналогий, ведь наша память обременена знанием последующего.

В Беларуси в центр договора было поставлено стремление к выполнению промфинплана, овладение учащимися достижениями науки и техники, строительство 50 детских агротехнических станций, реализация ленинского плана электрификации. И снова предельная конкретизация — разнарядка: сбор не менее 20 кг металлолома на каждого пионера, подписка на государственный заем индустриализации не менее чем на 50 копеек. Каждое пионерское звено должно было «завербовать» (привлечь в свои ряды) не менее 10 вкладчиков в Гострудсберкасс²³, а также участвовать в ликвидации прорывов

²³ Гострудсберкасса (государственная трудовая сберегательная касса) — отделение Государственного банка СССР для привлечения свободных денежных средств населения и их размещения в виде государственных внутренних займов, осуществление расчетно-кассового обслуживания населения.

(нарушений работы) на транспорте, помогать проводить коллективизацию в деревне, занятия по военной подготовке, воспитывать пионеров-интернационалистов и воинствующих безбожников.

Далее в книге П.Я. Панкевича мы находим утверждение о том, что постановление ЦК ВКП(б) от 1931 г. «О начальной и средней школе» стало крутым переломом в деле школьного строительства²⁴. В этой связи НИИ коммунистического воспитания изучил опыт первого года работы советской школы по выполнению этого постановления. В основу изучения были положены договоры между школами и предприятиями, между классами и ученическими бригадами, протоколы школьных советов и органов ученического самоуправления, штабов по организации соцсоревнования, пионерских организаций, дружин и пр. И на 102 страницах приводились подробные графики, диаграммы, таблицы, результаты опросов тех, кто включился в соревнование.

Несмотря на попытку вдумчивого анализа полученных данных, опыт соцсоревнования и ударничества не удался. Из запросов НИИ, сделанных в 700 школ, ответ пришел только из 50. Уже одно это ставило под сомнение целесообразность дальнейшего исследования, показывало его искусственность. Вопреки предостережению механически переносить опыт соревнования и ударничества с промышленных предприятий в школу во многих школах внедрялись те же методы соревнования, которые использовались на производстве: черные (для отстающих) и красные (для передовиков) доски, хозрасчетные бригады, премирование и т. д.

Панкевич определял это как «рецидивы левацкого характера». Рассуждения автора о роли и значении ударничества полностью характеризовали общественную атмосферу тех лет. Ударником в школе считался самый лучший учащийся, передовой из передовых. Если же учащийся объявил себя ударником, но плохо учится, если он недисциплинирован и не интересуется общественной жизнью, то это лжеударник. Искать и разоблачать лжеударников признавалось первой обязанностью социалистического соревнования в школе!

Напомним, что это был только 1931/32 учебный год. Нужно ли удивляться тому, что случилось всего через несколько лет, в 1937–1938 гг.? Постановление ЦК ВКП(б) от 5 сентября 1931 г. «О начальной и

²⁴ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О начальной и средней школе» от 25 августа 1931 г. См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 844, лл. 22–29.

средней школе» действительно сыграло заметную роль в организации школьного строительства. Отмечая успехи, достигнутые советской школой, оно одновременно указывало и на недостатки. В нем подчеркивалось, что учащиеся не получали в достаточном объеме общеобразовательных знаний, осуждалась «антিলенинская теория отмирания школы», намечались новые пути постановки учебно-воспитательной работы, выдвигалось требование соединить обучение школьников с производительным трудом, необходимость знакомить их на практике с главными отраслями производства. Эта оценка имела большое значение, потому что уроки труда в школах носили скорее ремесленный, а не политехнический характер. Попытки установить связь науки с производством были надуманными и искусственными. Вместе с тем ЦК ВКП(б) подчеркивал, что в условиях обострения классовой борьбы коммунистическое воспитание в советской школе приобретает особое значение и необходима решительная борьба против всяких попыток привить детям элементы антипролетарской идеологии. Наркомпросы союзных республик обязывали в кратчайшие сроки разработать новые школьные программы и планы, а также сосредоточить работу соответствующих научно-исследовательских институтов на изучении и обобщении опыта, накопленного работниками школ.

Так, исподволь, наряду с реорганизацией работы школы коллективы учебных заведений втягивались не только в «борьбу за знания», но и в общее противоборство с «носителями антипролетарской идеологии», «троцкистами», «перерожденцами», «рецидивами левацкого характера».

В те годы постановления ЦК за подписью Сталина означали прямую команду, приказ, за неисполнение которого вовремя виновных подвергали шельмованию. НИИ коммунистического воспитания НКП БССР, где директорствовал П.Я. Панкевич, являлся одним из структурных подразделений Системы, который должен был живо «взять под козырек» и «в кратчайшие сроки» выполнить и доложить результаты. В 1932 г. институт планировал разработать около 40 научных тем, среди них: «Методология педагогики», «Политехнизация школы периода социалистической реконструкции», «Принципы организации мастерских в политехнической школе». Особое значение придавалось исследованиям в области политехнизма в школе, вопросам марксистско-ленинского воспитания, улучшению качества общеобразовательной подготовки молодежи. В институте действовали секторы

методологии педагогики и истории культурного строительства, политехнизации школ, программно-методический, детского движения, политического просвещения. В них работали 38 научных сотрудников, в том числе П.Я. Панкевич, Ю.С. Дардак²⁵, П.А. Коледа, Д.Б. Борщевская, Д.М. Лотвин, М.Ф. Лозбень и др.

Институт активно популяризировал педагогические идеи классиков марксизма-ленинизма, к которым уже причислили Сталина. В 1932 г. вышла в свет книга «Основы марксистско-ленинской педагогики», которую составили Ю.С. Дардак и П.Я. Панкевич. Вводную статью «Педагогика как социальная и историческая наука» написал Павел Яковлевич.

Несколько позже были опубликованы работы по вопросам теории и практики обучения и воспитания детей, политехнического образования. Известный интерес представляла статья профессора Юделя Самуиловича Дардака «Ленин о вопросах народного образования», его публикации о политехнизации школы.

Проблемами дидактики занимались Л.В. Шашков, М.Ф. Лозбень, В.Н. Зайцев, Ф.Я. Митлина, М.Б. Левицкий, А.В. Текучев, Г.П. Сегалович, С.Я. Раскин, А.И. Кравцов, М.А. Шаткин, А.Н. Яворский — главным образом, единомышленники Павла Яковлевича Панкевича, которых он собрал в единый дружный коллектив. Для своих коллег он был не только директором, но и старшим товарищем, бескорыстно делившимся с ними своими знаниями и богатым педагогическим опытом.

Определенных успехов добился Институт в разработке методики преподавания учебных дисциплин с опорой на «Белорусскую грамматику для школ» (1918 г.) Б.А. Тарашкевича, «Методику родного языка» (1926 г.) Я. Коласа, методику преподавания белорусской литературы — «Художественная литература в школьном преподавании» (вып. I и II, 1927–1928 гг.) академика И.И. Замотина²⁶.

П.Я. Панкевич к началу 1930-х гг. считался признанным авторитетом. К нему прислушивались и спрашивали его совета, безоговорочно публиковали, приглашали на научные симпозиумы и конфе-

²⁵ Юдель Самуилович Дардак (1896–1938 гг.) — педагог, организатор советского школьного образования на идише в Беларуси, профессор, научный сотрудник НИИ школьной педагогики в Минске, репрессирован как агент польской разведки, расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1989).

²⁶ *Научно-исследовательский институт педагогики Белорусской ССР (1929–1979)*. Минск, 1979 г., с. 8–9.

ренции, просили рецензий, но и доверяли ответственную советскую работу. В 1931–1935 гг. Павла Яковлевича избрали членом ЦИК БССР X созыва, а в 1931 г., когда отмечалось первое 10-летие работы БГУ им. В.И. Ленина, в числе других видных ученых и педагогов наградили орденом Трудового Красного Знамени, которым он очень гордился. Тогда же, в 1931 г., он стал действительным членом Академии наук БССР. При этом Павел Яковлевич начисто был лишен тщеславия, отличался преданностью делу, доброжелательностью к окружающим, отсутствием амбициозности.

К середине 1930-х гг. после известных постановлений партии и правительства, регламентировавших дело народного образования и просвещения, все типы школ и учебных заведений подогнали под общий стандарт. Одинаковые планы, единые программы, типовые учебники, одна школьная система. Многообразие стало ненужным и даже опасным. Вместо этого в педагогической мысли стало востребованным монолитное единство.

От политехнизации школы фактически отказались, она осталась только на бумаге. Однако открыто выражать свое несогласие с решениями партии и правительства стало уже опасно, на это отваживались только единицы. Известно, например, письмо Н.К. Крупской А.А. Жданову, в котором говорилось, что отказываться от идеи политехнизации советской школы преступно. Надежда Константиновна доказывала, что это основная идея Карла Маркса в педагогике, где он отстаивал мысль о необходимости обязательного соединения обучения с производственным трудом, что об этом не уставал повторять В.И. Ленин. Но призыв Крупской, конечно, не слышали. Именем Ленина уже только прикрывались. Режиму требовались послушные исполнители, а не люди, которые могли усомниться в догмах сталинизма. Крупская до конца своих дней (1939 г.) оставалась на посту заместителя наркома просвещения, однако ее фактически давно отстранили от дел, поручив заниматься лишь библиотечным строительством и работать во внешкольном отделе Наркомпроса СССР.

П.Я. Панкевич, с его идеей политехнизации школы, оказался не у дел. Его критиковали так, что пришлось выступать с покаянными речами, публиковавшимися затем в журнале «Камуністычнае выхаванне». Но Павел Яковлевич был не из тех, кто быстро меняет убеждения: свою точку зрения он всегда аргументировал и отстаивал, мыслил независимо и самостоятельно, оставался личностью. Почему

тогда каялся? Казалось бы, это непонятно и вызывает недоумение, но в то время публичное раскаяние имело целью сохранить себя для дальнейшей работы, и окружающие относились к подобному поведению с пониманием — неизвестно, чья очередь «признавать ошибки» наступит завтра. Правда, случалось, вызывали в инстанцию и говорили, что это нужно партии... делу единства партии, чтобы «не мельчить» и скорее справиться с врагами пролетарской диктатуры. Что тут можно было возразить? Партии верили.

Тогда, в начале 1930-х гг., Панкевич отбился. Педагогическое поприще не оставил, продолжал много писать, читал лекции в Минском пединституте им. А.М. Горького, в БГУ. В 1932 г. организовал Всебелорусское совещание по проблемам политехнического образования, где выступил с блестящим докладом, но директорское кресло в НИИ коммунистического воспитания НПК БССР в 1934 г. пришлось оставить. В те годы, когда сохранялся неутолимый голод на кадры, вынужденно совмещали не один, не два, а гораздо больше ответственных постов и должностей. Уйдя из института, Павел Яковлевич сосредоточился на работе в Академии наук республики, организовал там педагогический кабинет. НИИ педагогики он не дублировал. Кабинет консультировал наркоматы, в ведении которых теперь были учебные заведения, готовившие профессиональные кадры для каждой из отраслей промышленности в отдельности, решал вопросы о выпуске учебной литературы и пособий, рецензировал педагогические издания, методические разработки — работать приходилось много.

Во второй половине 1930-х гг. советская педагогика переживала состояние, близкое к кризису: крупные фундаментальные и философские проблемы уже не разрабатывались — идеология тоталитаризма сказывалась на мышлении ученых. То, что называли социалистической законностью, на самом деле попирало права человека, а видные деятели педагогики, честно служившие советской власти и Коммунистической партии, стали жертвами гонений и репрессий. Конъюнктурные влияния вели к тому, что в педагогике научные исследования подменялись комментированием текстов, творчество — сплошным восхвалением, а анализ нерешенных наукой проблем — шельмованием оппонентов.

В жизни Павла Яковлевича Панкевича была еще одна очень важная роль. Когда он стал академиком в апреле 1931 г., ему доверили пост неперменного (ученого) секретаря Белорусской академии наук.

Предполагалось, что преобразованная из Института белорусской культуры (Инбелкульта) академия должна быстро превратиться во внушительный научный центр, который взял бы на себя координацию всей научной жизни республики. Дело было новое и очень ответственное и находилось на постоянном контроле в СНК БССР, ЦИК республики и бюро ЦК КП(б)Б. Вместо должности неперменного секретаря в 1940 г. была учреждена новая — ученый секретарь Президиума академии. Его уже не выбирали, а назначали, но суть осталась прежней. Ученый секретарь, по существу, отвечал за всю научную тематику Академии, самостоятельно и оперативно решал многие неотложные проблемы, к его слову прислушивались президент и вице-президенты БАНа.

Академия наук располагалась в Минске на ул. Ленина, а на другой стороне, с Университетской улицы, — находилась биржа труда. Институты было немного, и все знали друг друга в лицо. В 1931 г. из 302 сотрудников АН БССР академиков было 27, ученых специалистов — 68, научных работников — 69, аспирантов — 59 и 61 человек научно-технического вспомогательного персонала. Аппарат академии был небольшим. Судите сами, в одной комнате сидел чуть ли не весь секретариат БАНа: Слюсарева и Регин. Два вице-президента находились в общем кабинете: в одном углу — В.К. Щербаков, а в другом — Якуб Колас. Президентом был П.О. Горин. Ассигнования правительства на нужды академии росли стремительно. В 1929 г. ей было отпущено 405 830 руб., в 1929 и 1931 гг. соответственно — 752 376 руб. и 3 644 675 руб., и это при бедности тех лет!²⁷

В Панкевиче причудливо переплелись два начала: революционный романтизм и трезвость мысли профессионального ученого. Следуя директивам большевистской партии, с которой он искренне связал свою судьбу, Павел Яковлевич боролся с «реакционными теориями» старых педагогов, не ставя под сомнение выдвинутые против них голословные и часто нелепые обвинения в антисоветской подрывной работе. И в этом он был плоть от плоти подавляющего большинства первостроителей социализма, неистовых как в созидательном энтузиазме, так и в неприятии всего того, что, по их убеждениям, мешало строительству нового общества, «путалось под ногами». В такой атмосфере всеобщего ожесточения, неприятия иных мнений быстро начал набирать силу авторитарный режим Сталина. И создавался он не только своекорыстным окружением вождя, но и искренними, пре-

²⁷ НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 1934, л. 1.

данными революции коммунистами, в том числе и из среды научной интеллигенции. Вскоре пришло время, когда режиму личной власти для окончательного укрепления понадобилось устранить лучшую, мыслящую часть общества, способную критически оценивать действительность.

Долго в СССР об этом предпочитали не говорить. Жесткая правда могла бросить тень на Систему, тогда как отсутствие правового государства и демократии продолжало надежно ее хранить. В фундаментальном издании Белорусской советской энциклопедии «Академия наук Белорусской ССР» (Минск, 1979 г.) не содержится даже упоминания о репрессиях 1920-х и 1930-х гг., которые выбили лучшую часть ученого сообщества республики и нанесли огромный, непоправимый урон развитию национального интеллектуального потенциала БССР. Только и мелькают имена видных ученых, академиков, членов-корреспондентов, заслуженных деятелей науки и культуры республики, у которых последний год жизни 1937, 1938, 1939 и 1940-й. Многие свидетельства о смерти маскировали под середину 1940-х гг. с расчетом списать жертвы на войну, тогда как большинство из них арестованы накануне войны и тогда же погибли. Только справки потом выдавали через ЗАГС задним числом. Так было и с Панкевичем.

В кратком очерке «Академия наук Белорусской ССР» под редакцией академика В.П. Платонова (Минск, 1989 г.) авторы позволили себе уже чуточку больше: сказались плоды демократизации, наступившие наконец в стране после апреля 1985 г. В очерке сначала традиционно констатируется, что в довоенный период в Беларуси сформировалась новая советская интеллигенция, что к социалистическому строительству была привлечена лучшая часть старых специалистов, потом говорится, что рост научных кадров в Академии обеспечивался в основном благодаря приходу в науку представителей молодежи из рабочих и крестьян, которые получили образование в советских учебных заведениях. И далее лишь две строчки: «Вместе с тем на росте кадров, да и в целом на развитии науки в республике отрицательно сказался значительный урон, нанесенный научным кадрам в 1930-х гг.» — и все. И только из примечаний в конце очерков внимательный читатель может узнать, что же в действительности произошло, каковы на самом деле масштабы злодеяния. Стыдливо умалчивается, что это была национальная трагедия, чудовищный произвол, преступление против собственного народа.

В предвоенные годы наука приобретала все большее значение. В 1940 г. в АН БССР насчитывалось 27 академиков и 23 члена-корреспондента, а также 46 докторов наук и 67 кандидатов наук. Академия регулярно пополняла свой состав путем выборов новых членов. Самыми крупными оказались выборы 1940 г.: тогда появилось целых 14 новоиспеченных академиков и 17 членкоров. Общая численность сотрудников АН БССР на 1 января 1941 г. составила 610 чел. (без обслуживающего персонала). Такие широкие выборы в предвоенном 1940 г. преследовали цель, с одной стороны, скрыть массовые аресты НКВД, а с другой — наверстать упущенное, ибо на пороге была война. В ходе репрессий только с 1929 по 1935 г. количество действительных членов АН БССР сократилось с 26 до 14, а ведь еще предстояли самые страшные 1937 и 1938 гг. Всего, по данным КГБ БССР, в предвоенные годы сталинского террора безвинно погибли свыше 120 сотрудников научных институтов и учреждений Академии наук Беларуси. Мало этого, как правило, были арестованы и подвергались гонениям большинство членов их семей²⁸.

Академию наук республики подвергали массовым репрессиям, начиная с 1937 г. В течение почти полутора лет не проходило ни одного партийного собрания, на котором двух-трех человек не исключали бы из партии. Иногда уже заочно — когда они находились в подвалах НКВД. Формулировка всегда была одна и та же: «враг народа». Репрессировали всех президентов АН БССР, ни один институт не составил исключения. Например, в Институте философии и права в 1938 г. осталось только два человека: директор Вольфсон и ученый секретарь Ильюшин. Атмосферу, в которой вынуждена была существовать белорусская Академия, достоверно раскрывает Самуил Иосифович Палей, заместитель управляющего делами АН БССР, член парткома Академии в 1937 г.:

Когда начались аресты, уволился управделами Шпилевский. На его место поставили Дидяева из Москвы. Тот увидел, что творится кругом, уволился. Потом был Уласевич, рабочий с производства. Он попал под выдвижение и уехал секретарем райкома партии в Бобруйск. Скоро посадили и Уласевича. Вдруг узнаю, что арестовали совсем недавно назначенного управделами Антоненко, члена партии с 1917 г. За что его

²⁸ *Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в годы сталинских репрессий* / Под ред. А.С. Махнач. Минск, 1992 г., с. 9–13.

посадили? Абсурд обвинения сейчас вообще трудно себе представить, настолько это кажется нереальным. Колонны аркады Президиума АН БССР, которые выдержали войну и стоят по сей день, мол, выполнены были «вредительно», с изъяном и вот-вот должны рухнуть. Меня вызвали в НКВД, и следователь, многозначительно положив на край стола наган, кричал: «Признайся, подпиши на Антоненко, и тебе ничего не будет!» Я ему отвечал, что колонны ведь стоят, как же можно говорить, что они упали? Следователь возражал, что стоять им осталось недолго, а «когда рухнут, поздно будет оправдываться, и тебя возьмем». Я ему сказал: «Если бы Академия сама себе их строила, тогда можно обвинять Антоненко, но воздвигал-то их Наркомат по строительству, а Академия же была только заказчиком, так и говорите с ними». Дальше все повторялось, как в сказке про белого бычка. Следователь мне: «Подпиши, упадут колонны!» Я ему: «Не подпишу, колонны стоят...» Академия стояла почти вся пустая, лучших людей не стало. Все боялись. В 1938 г. в республику приехал П.К. Пономаренко. Его избрали первым секретарем ЦК КП(б)Б, что совпало со смещением Н.И. Ежова. Понемногу репрессии начали стихать, некоторых даже освободили. Потом все началось снова²⁹.

Предчувствовал ли Павел Яковлевич свою судьбу? Сейчас трудно сказать что-то определенное. К сожалению, мы спохватились спросить об этом его коллег, товарищей или любого человека, кто просто был с ним знаком, слишком поздно, когда не осталось в живых почти ни одного из них. Нет прямых свидетелей и утверждать что-то очень трудно. В тяжелую годину, как правило, прибежищем становится семья. Галина Арсентьевна Михайловская, вторая жена Панкевича, вспоминала, что на работе Павел Яковлевич мог быть жестким, очень требовательным, а дома — душа-человек. К детям относился с любовью и заботой, но из окружающих их никогда не выделял. Уместно будет привести здесь несколько эпизодов, которые рассказал мне сын академика, Марлен Павлович Аронов:

²⁹ Самуил Палей. «Как я все это пережил»: О репрессиях 1930-х годов в Академии наук БССР // *Советская Белоруссия*, 2 августа 1990 г., № 178.

У отца было личное оружие, настоящий кольт с тупыми никелированными пулями большого калибра. Я подсмотрел, где он лежит, и в отсутствие отца вытащил. С соседским мальчиком мы начали развлекаться. Прицеливались друг в друга, имитировали стрельбу. Мне не терпелось сообщить отцу, что я знаю его секрет, но как это сделать, чтобы не лишиться возможности им играть? Тогда я обрисовал кольт на бумаге и вечером подсунил листок бумаги на рабочий стол. Отец сделал вид, что ничего не понял. Потом дня через два до него, видимо, дошло, и папа, уйдя утром, как всегда, на работу, вдруг неожиданно вернулся. Застал нас врасплох с колтом в руках. Помню, за всю жизнь он лупил меня два раза, и один из них за тот случай. Потом пошел и сдал кольт в милицию. Это был 1933 год.

В 1936 г. закончилась смена в пионерском лагере, и мы должны были возвращаться в Минск, мне было тогда 12 лет. Приходит одна грузовая машина, воспитатели говорят: «Не садись, твой отец обещал прислать за тобой машину». Приходит вторая — снова не сажают, а велят ждать. Наконец, приходит третья, последняя, и тоже грузовая. Поскольку больше никакого транспорта не ожидали, меня пустили в кузов, и мы поехали. Дома я у отца спросил, почему он не прислал за мной машину, как обещал, если верить водителю? Отец удивился: «Почему не прислал? Прислал грузовую, чтобы всех вас, и тебя в том числе, привезли...»³⁰

Незадолго до ареста Павел Яковлевич позвонил Якубу Коласу. Члена Президиума АН БССР Панкевича и вице-президента Коласа связывали не только служебные отношения, но и дружба. Панкевич спросил Коласа, как его дела, и тот ответил: «Вот, сижу в кресле, пока еще в своем...» Такой черный юмор. И в то же время, как следует из документов, именно Якуб Колас возглавил комиссию, которая 13 декабря 1937 г. заочно лишила Панкевича звания академика, всех наград и освободила его от работы.

Вправе ли мы сегодня обвинять известного поэта в вероломстве? Как должен был поступить Якуб Колас как вице-президент, официально уведомленный органами НКВД о том, что «враг народа»

³⁰ Архив автора. Запись беседы с Марленом Павловичем Ароновым в Минске 30 марта 1990 г.

Панкевич разоблачен и арестован советскими чекистами? И как поступили бы с самим Коласом, если бы он, повинаясь голосу совести и сердца, всеми силами воспротивился произволу? А как поступил бы Панкевич, если бы он волей случая оказался на месте Коласа?

Эти проклятые вопросы еще не однажды будут вставать перед нами. И однозначный ответ вряд ли удастся найти. Скорее всего, все понимали, что это произвол, но считали себя солдатами большевистской партии, которая ведет непримиримую войну на уничтожение с «вредителями», «шпионами», «диверсантами» и «иностранными наймитами-националистами».

И все-таки почему одних репрессировали, а других нет? А потом арестовывали тех, кто сдавал первых, и так дальше по кругу? Кто остановил свой выбор на Панкевиче и был ли на него донос? Или он просто попал в разрядку НКВД? Существовали и такие нормы — на арестованных, как стало известно теперь. И снова знак вопроса, но не безнадежный. Просто время еще не пришло, как ответили мне «компетентные инстанции» в лице очень представительного и даже обаятельного человека, который всегда штатский костюм предпочитает униформе. Есть у нас и еще одна зацепка. Это небольшая статья в «Правде» от 10 августа 1937 г. собственного корреспондента газеты «Правды» по БССР т. Горбунова³¹. Она появилась по следам письма в газету «Правда» ряда учителей, недовольных результатами проверки их профессиональной пригодности по итогам учебного года. Статья-донос была опубликована под громким названием «Националистические извращения в школах Белоруссии» 8 апреля 1937 г.

В статье Горбунова говорилось, что аттестационная комиссия под председательством академика П.Я. Панкевича «изгоняла из рядов советского учительства под предлогом недостаточной квалификации честных и преданных людей»³². Были приведены цифры по 64 районам республики о том, сколько человек не прошли аттестацию, сколько отстранены от работы условно. Цифры ошеломляли — проверку на знания не выдержали до 80% учителей. В своем подавляющем большинстве это оказалась молодежь, из них чуть ли не половина — комсомольцы. Катастрофа была налицо. Горбунов даже не делал ника-

³¹ Т. Горбунов. «Кому доверена аттестация учителей Белоруссии» // *Правда*, 10 августа 1937 г.

³² Там же.

ких намеков, а прямо с прокурорской категоричностью требовал расплаты с «пробравшимися в Наркомпрос БССР буржуазными националистами, которым удалось использовать в своих целях аттестацию учителей»³³. В подтверждение своих выводов корреспондент «Правды» процитировал один из отчетов комиссии за подписью Панкевича, Гриневича и Рожанского по Мозырскому району: «Особо следует сказать об учителях-комсомольцах. Они в подавляющем большинстве слабы, безграмотны в отношении общего образования, но, что печальнее всего, они также политически неграмотны». Из всего этого делался безапелляционный вывод о том, что Панкевич и его команда взяли курс на разгром белорусского учительства³⁴.

Что тут можно добавить? Неразбериха в школьном строительстве, погоня за планом выпуска, даже не перестройка, а перетряска учебного процесса из года в год начиная с 1929-го, года «великого перелома», откровенное предпочтение людей с анкетой, а не со знаниями, сказались на качестве знаний учителей-комсомольцев. Оказалось, что недостаточно высоких слов о бдительности и решимости в борьбе за победу пролетарской диктатуры, нужны знания. Их не было. Квалификационная комиссия подошла к отбору со всей строгостью, но тем самым подписала себе приговор.

Статья в «Правде» выдержана в духе типичного для того времени политического доноса. Такой подход к освещению событий официально требовался «сверху». Тех, кто его не придерживался, отстраняли от работы, а потом и самих делали «вредителями», которые не желали разоблачать врагов. Это была замкнутая цепь. Понимал ли корреспондент Горбунов, какие последствия могут быть у его публикации? Считал ли он искренне, что разоблачает «буржуазных националистов»? И что было бы, если бы он так не считал?

Из тех же событий правомочно сделать обратный вывод: заключение аттестационной комиссии не вредительство, а принципиальный подход, своего рода набат о неблагополучии и развале системы педагогического образования, о падении престижа учительства и низких знаниях учащихся. Однако эти результаты бросали тень на саму Систему. Мы же теперь знаем о дутых ударниках и подстроенных рекордах соцсоревнований, о невыполненных довоен-

³³ Т. Горбунов. «Кому доверена аттестация учителей Белоруссии» // *Правда*, 10 августа 1937 г.

³⁴ Там же.

ных пятилетках, о массовом нерентабельном производстве. Итог аттестации учителей республики был настолько ошеломляющим, что Наркомпрос БССР и отдел школ ЦК КП(б)Б добились отмены этих результатов на том основании, что это ставило под угрозу начало учебного года.

Статья в «Правде» от 10 августа 1937 г., «разоблачившая» новоявленных вредителей, принадлежала ее собственному корреспонденту по Белоруссии Тимофею Сазоновичу Горбунову (1904–1969 гг.), уроженцу д. Санники Бешенковичского района, ставшему впоследствии партийным и государственным деятелем БССР, академиком АН БССР (1959). Тимофей Сазонович был, как говорят в таких случаях, «молодым да ранним». Заполучив в 22 года партийный билет, он уже имел известное преимущество перед сверстниками. Еще за три года до окончания Белгосуниверситета им. В.И. Ленина (1936 г.) он работал корреспондентом «Правды» по Белоруссии. Тимофей Сазонович, конечно, по долгу службы всегда был в центре событий, а информацию для начальства из Москвы передавал не просто своевременно, но и в нужном свете. Заметка в «Правде», посвященная аттестации учителей за 10 августа 1937 г., была одной из последних публикаций корреспондента Т. Горбунова, потому что спустя несколько месяцев, а может быть и недель, его назначили главным редактором Госиздата БССР, а через два года (1939 г.) — редактором республиканской газеты «Звезда».

Тимофей Сазонович был представителем нового поколения советской молодежи сталинского типа. Приказ «великого магистра ордена меченосцев»³⁵ не подлежал у таких, как он, малейшему сомнению. Речь могла идти только о сроках исполнения. Система «ордена» надежно оберегала и продвигала своих наиболее старательных слуг. В 1941–1947 и в 1950–1960 гг. Горбунов избирался секретарем ЦК КПБ, депутатом Верховного Совета СССР и даже председателем Верховного Совета БССР в 1955–1963 гг. В промежутках Тимофей Сазонович исправно выполнял другие поручения: был главным редактором журнала «Наука и жизнь», академиком-секретарем Отделения общест-

³⁵ Партия в 1930-е гг. окончательно утратила демократические черты и стала, по выражению Сталина, «орденом меченосцев» внутри советского государства, направляющей и одухотворяющей его деятельность. См.: И.В. Сталин. «О политической стратегии и тактике русских коммунистов»// *Сочинения*. Т. 5, Москва, 1947 г., с. 71.

венных наук АН БССР и т. д.³⁶ Знакомство с «трудами» историка Горбунова в наши дни оставляет тяжелое впечатление ...

После этой злополучной статьи на Панкевича обратили внимание, и теперь уже только чудо или случайность могли его спасти. Бюро газетных вырезок Мингорсправки на ул. Ленина, 28 направило вырезку из газеты «Правда» со статьей Т. Горбунова в соответствующие инстанции. И конвейер заработал. Инстанции отправили запрос в Академию наук БССР, отдел кадров собрал копии необходимых документов. Тучи стали быстро сгущаться. Сначала Панкевича не пустили в очередной отпуск за 1937 г., возместив ему это двойным окладом. Почувствовав неладное, сотрудники начали сторониться академика. И вот наступило 10 декабря 1937 г.

П.Я. Панкевича арестовали без санкции прокурора, только на основании ордера НКВД БССР. В ходе следствия ему предъявили обвинения в активном участии в «национал-фашистской контрреволюционной организации и шпионской деятельности по ее заданию», т. е. по ст. 63-1, 69, 70 и 76 УК БССР (в редакции 1928 г.). О том, как именно происходил арест, рассказали дети Павла Яковлевича. Дочь, Татьяна Павловна³⁷:

Отец и мама догадывались. Кругом «мели», хватали людей, и мы ожидали своей очереди. Ночь. Не спали до рассвета. Почему-то они приезжали под утро. 4 часа утра. Слышала, как подъехала машина, завизжали тормоза. Потом суета, зашли мужчины в форме. Сапоги, ремни, громкие голоса. Я лежала в постели, дверь в комнату была открыта, и из коридора хлынул резкий яркий свет. Все это врезалось в память на всю жизнь. Обыск, а потом отец зашел прощаться. Взял меня, четырехлетнего ребенка, на руки, прижал и поцеловал, сказал, что скоро придет. Мама плакала. Хотелось верить, что действительно разберутся и выпустят, ведь брали «свои», ведь мы же все знали, что папа невиновен,

³⁶ Т.С. Горбунов. Краткая энциклопедия Белорусской ССР. Минск, 1982 г., т. 5, с. 161.

³⁷ Татьяна Павловна Панкевич — дочь от второго брака П.Я. Панкевича — с Галиной Арсентьевной Михайловской, младшей дочерью профессора астрономии БГУ им. В.И. Ленина А.А. Михайловского.

никакой не «террорист-вредитель», «иностранный шпион». Это только сейчас стало ясно, что обвинение никого не интересовало, что все до конца было понятно лишь одному Великому инквизитору³⁸.

Марлен Павлович, 13-летний мальчуган, так описывает события той роковой ночи и предшествующие ей:

За несколько недель до ареста я умудрился основательно испортить настроение отцу. По характеру я был хулиган, меня называли дома «вождем краснокожих». Всю вторую четверть я не ходил в школу. Брал портфель с книгами, но вместо школы шел в лес, где мы с ребятами собирали грибы, жгли костер, ловили рыбу. Причиной моего поведения был конфликт с учительницей русского языка. Писал я грамотно, но устные правила грамматики учить не мог. Это было мне тошно до зубной боли, пересилить себя я не мог, да и не хотел. Пятый класс окончил с тройками, да и их мне вывели сердобольно, возможно, из каких-то других соображений.

За отцом пришли под утро. Сказали одеваться. Потом дали несколько минут на прощание. Отец со мной особенно нежен никогда не был, это с Татьяной, сестренкой, он позволял себе нежности. А тут подошел, поднял меня на руки, прижал к себе. Я был по-человечески тронут. Говорил, что ни в чем не виноват. Когда его увели, начался «шмон». Все перевернули вверх дном. Я еще старался «помочь», таскал какую-то макулатуру из комнаты в комнату, но не бескорыстно, конечно. Цель моя была — отцовский бинокль. Это мне таки удалось. Нам выделили одну комнату. Остальные заперли и опечатали. Квартира была большой: влево — санузел и ванная, прямо — коридор, справа — большой кабинет отца, метров 20, влево — моя комната, метров 10. Прямо — вход в столовую, которая была смежной и проходной комнатой, рядом — родительская спальня. Жили на втором этаже. Это был так называемый Дом специалистов по улице Долгобродской.

После ареста меня долго не покидало двойственное чувство. Мы все были патриотами, верили в сталинскую правду, а тут вдруг родной отец «враг народа»? Я верил отцу, и мне было неудобно перед друзьями,

³⁸ Архив автора. Запись беседы с Татьяной Павловной Панкевич в Минске 31 января 1990 г.

хотя все знали, что таких, как я, было полно. В нашем доме были арестованы академики Афанасьев, Шпенцер³⁹, Щербаков⁴⁰, поэты Александрович и Изи Харик, многие другие. Потом с сестренкой нас разлучили⁴¹. Меня отправили в детский дом около Брянска, а маленькую Татьяну взяли родственники⁴².

Эти детские отрывочные впечатления, пусть наивные и поверхностные, помогают почувствовать ту устрашающую атмосферу 1930-х гг., когда, образно говоря, одну часть страны поставили в караул, а другую — под конвой.

Павел Яковлевич находился под следствием полгода в одной из тюрем Минска. Какой именно, установить не удалось, почему-то до сих пор это остается секретом. Его обвиняли в активном участии в национал-фашистской террористической организации, а это означало, что от Панкевича требовалось назвать «сообщников». Каких? Это уже был особый разговор. И к этому следователи готовились тщательно. Физические истязания, лишение сна, запугивание расправой над членами семьи, требование признания во имя партии — всего не перечислить. Система была настолько изощренной в своем садизме, что «раскаивались» и давали любые показания все.

Следователи использовали докладную записку НКВД на имя секретаря ЦК КП(б)Б А. Волкова «О фактах засоренности и вредитель-

³⁹ Борис Маркович Шпенцер (1890–1938 гг.) — доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН Беларуси, председатель Совета по изучению производительных сил БССР, занимался экономикой химической промышленности и технологического химического производства, организатор новых химических производств (борной кислоты, желтого фосфора и др.), арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации (1937), расстрелян 3 апреля 1938 г., посмертно реабилитирован (1956).

⁴⁰ Василий Карпович Щербаков (1898–1939 гг.) — заведующий сектором науки и просвещения ЦК КП(б)Б (1930), профессор (1931), академик АН БССР (1931), доктор исторических наук (1934), вице-президент (1931–1935), секретарь АН БССР (1935–1937), директор Института истории АН БССР (1931–1937), первый декан исторического факультета БГУ (1934–1936), арестован 21 июля 1937 г. и расстрелян в Минске 29 июня 1938 г., реабилитирован посмертно (1957).

⁴¹ Архив автора. Запись беседы с Марленом Павловичем Ароновым (Панкевичем) в Минске 30 марта 1990 г.

⁴² Таню удалось забрать старшей сестре Галины Арсентьевны, Вере Арсентьевне Сержаниной (Михайловской), которая воспитала племянницу вместе со своими детьми, Галей и Юрой.

ства АН БССР от 4 июня 1937 г.»⁴³ В ней утверждалось, что в руководстве Академии наук республики за все время ее существования находились такие матерые враги советской власти, шпионы иностранных разведок и участники антисоветской организации, как Игнатовский, Домбаль⁴⁴, Некрашевич, Сурта, Панкевич, Щербаков и др. Все они якобы под видом научной работы собирали различные шпионские сведения по Белоруссии и с этой целью измышляли специальные научные темы, например «Проблемы большого Днепра», «Проблемы Полесья», «Экономическое описание районов БССР» и др. «В Академии почти всё они приспособили для выполнения шпионских заданий иностранных разведок, препятствовали всякому развитию научной мысли, в руководство внедряли враждебные элементы и на протяжении ряда лет срывали подготовку новых научных кадров»⁴⁵.

К делу Панкевича была еще приложена докладная записка инструктора Отдела школ и науки ЦК КП(б)Б Д. Горбаха на имя секретаря ЦК КП(б)Б А. Левицкого «О состоянии АН БССР в 1937 г.»⁴⁶ В документе утверждалось, что академик Панкевич, член президиума АН БССР, был долгое время на руководящей работе у эсеров. По непроверенным данным, защищал троцкистскую платформу в вопросе о профсоюзах, исключался из партии, потворствовал троцкисту Рывлину и «якшался» с врагами Шпенцером, Щербаковым, Домбалем, а при аттестации учителей республики проводил вредительскую линию. В качестве самого весомого «аргумента» Горбах корил Панкевича, который, работая долгое время с врагами, никого не разоблачил.

Формально протоколы допросов составлялись безукоризненно, и подпись подследственного стояла на каждой странице, а вот что скрывалось за этим, установить уже вряд ли удастся. Прямых

⁴³ НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13225, лл. 22–42.

⁴⁴ Томаш Францевич Домбаль (1890–1937 гг.) — деятель польского революционного движения, в рамках обмена заключенными выехал из Польши в СССР (1923), заместитель генерального секретаря Крестьянского интернационала (1923–1928), вице-президент АН БССР (1932–1934), академик АН БССР (1936), директор Института экономики АН БССР, член ЦК КП(б) Белоруссии, член ЦИК БССР, переехал в Москву, где редактировал газету на польском языке «Советская трибуна» («Trybuna Radziecka», польск.), заведовал кафедрой Московского института механизации и электрификации, арестован по делу так называемой «Польской военной организации» (1936), расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1955).

⁴⁵ НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13225, лл. 22–42.

⁴⁶ Там же, д. 12007, л. 57.

свидетелей не осталось, их заботливо убрали. Можно предположить, что «сообщники», названные П.Я. Панкевичем под пытками, сообщили потом новые имена и впоследствии были казнены.

28 июня 1938 г. в Минске состоялось судебное заседание выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, в ходе которого Павел Яковлевич подтвердил свои показания, данные им на предварительном следствии, и признал себя виновным. Как стало известно сейчас, обвинение против Панкевича было построено исключительно на его признаниях! Понимал ли он, подписывая напраслину на себя, что это конец? Скорее всего, да.

Приговор — расстрел с конфискацией имущества — привели в исполнение в тот же день, 28 июня 1938 г. Но семья, конечно, ничего об этом не знала.

Летом 1938 г. арестовали и Галину Арсентьевну как жену «врага народа» Панкевича. Начальник 2-го отдела Управления госбезопасности НКВД БССР сержант госбезопасности Сергеев докладывал своему руководству, что Галина Арсентьевна Михайловская, 1907 г.р., жена участника антисоветской националистической фашистской организации польского шпиона П.Я. Панкевича (до ареста академика АН БССР), осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР по первой категории, была арестована 29 июля 1938 г. по приказу НКВД СССР как жена «врага народа» и решением Особого совещания НКВД СССР 8 октября 1938 г. осуждена на три года ИТЛ⁴⁷.

Правда, приговор ей по тем временам был относительно мягким — три года лагерей с поражением в правах, а потом ссылка в Калмыкию. Пятикомнатную квартиру в Доме специалистов на улице Долгобродской навсегда покинули прежние хозяева, но появился новый — Юозас Марцианович Барташюнас⁴⁸, бывший начальник одной из погранзастав в республике, которые принадлежали системе НКВД. Барташюнас имел репутацию порядочного человека, работая в аппарате НКВД, даже осмеливался заступаться за других людей, за что впоследствии был уволен из органов.

⁴⁷ НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 14642, л. 41.

⁴⁸ Юозас Марцианович Барташюнас (1895–1972 гг.) — начальник 18-го Житковичского погранотряда (1934–1938), начальник отдела кадров Наркомата лесной промышленности БССР (1938–1939), начальник Особого отдела НКВД — отдела контрразведки СМЕРШ 16-й Литовской стрелковой дивизии (1942–1944), генерал-майор (1945), министр внутренних дел Литовской ССР (1944–1953).

Судьба семьи погибшего академика Павла Яковлевича Панкевича оказалась драматичной. Его жена, Галина Арсентьевна, отбыв положенные три года в лагере, должна была возвратиться в Минск в 20-х числах июня 1941 г. И, естественно, сделать это не смогла. Она увидела свою дочь Татьяну только в 1944 г., когда Минск был освобожден. Все три года оккупации девочка пережила в Минске в семье Ивана Николаевича Сержанина⁴⁹. Сын, Марлен Павлович, убежал на фронт, приписав себе год, — четыре года находился на передовой, не раз был ранен, контужен, в мае 1945 г. получил вторую группу инвалидности.

Судьба детей академика — отдельная тема. Тернистым оказался их путь, ведь на них был ярлык «член семьи врага народа». Но, несмотря ни на что, они оба защитили кандидатские диссертации, стали биологами. Пришло время — обзавелись семьями, родили детей — внуков академика Панкевича.

5 марта 1953 г. умер Сталин. Все, что произошло потом, для семьи Панкевича неожиданностью не было. Еще задолго до этого дня каждый раз, когда по радио начиналась аллилуйя Сталину, Галина Арсентьевна «с мясом» выдергивала шнур из розетки. Ни о какой любви к вождю и речи быть не могло. Однако официальная пропаганда сделала Сталина богом при жизни, убедила многих, что без Сталина вообще ничего не может быть. И люди не думали, что он смертный, привыкли, что Сталин навсегда. Рассказывает сын академика Панкевича, Марлен Павлович:

Когда Сталин умер, было чувство сначала, что все должно остановиться, Ленинский проспект, а тогда он был имени И.В. Сталина, замер. Транспорт не ходил. По проспекту слонялись толпы людей с «мокрыми» глазами, из всех репродукторов неслась траурная музыка. И это настроение передавалось друг другу. Но в то же время еще при жизни Сталина люди рассказывали друг другу анекдоты, за которые

⁴⁹ Иван Николаевич Сержанин (1898–1973 гг.) — научный сотрудник (1938–1941), старший научный сотрудник и зав. отделом Института биологии АН БССР (1944–1958), зав. кафедрой зоологии БГУ им. В.И. Ленина (1944–1970), зав. отделом зоологии и паразитологии АН БССР (1958–1971), доцент, профессор, изучал животный мир Беларуси, провел анализ исторических смен и процессов формирования териофауны, разработал схему зоогеографического районирования Беларуси.

расплачивались потом десятию годами тюрьмы или лагерей, ведь это тоже было⁵⁰.

Только после XX съезда партии приоткрылась правда о недавнем прошлом многострадаальной страны. Многие арестованные ведь апеллировали к Сталину, думали, что «отец народов» не знает, а Сталин, оказывается, был главным дирижером кровавой вакханалии. Сегодня мы с уверенностью можем утверждать, что Сталин талантливо манипулировал сознанием людей, чтобы удовлетворить свои амбиции или расправиться с неугодными. Он провозглашал красивые лозунги, произносил правильные слова, совершал эффектные поступки и одновременно жил другой жизнью. Эта его другая жизнь была полна пренебрежения ко всему народу и к любому отдельному человеку.

Вспоминает дочь П.Я. Панкевича, Татьяна Павловна:

Долгое время мы искренне верили, что там, в Кремле, в Политбюро, люди мудрее. Они лучше знают теорию, лучше знают жизнь, владеют полной информацией, что они умнее нас. На самом же деле вокруг Сталина были такие же люди, с такими же слабостями, но с огромной властью. Возможно, они даже были хуже, чем многие из нас, они оторвались от жизни, были необразованными. Они просто прошли искусственный отбор в определенном направлении и соответствовали требованиям партократии. Где нужно — они молчали, где нужно — пренебрегали любыми принципами и делали, что им приказывали. После 1956 г. люди начали распрямлять спины, с их сознания медленно спадали идеологические оковы. Но процесс этот был крайне болезненным. Многие ветераны-большевики, даже пройдя бериевские застенки, считали, что мы развенчали самих себя, поставили под сомнение дело Великого Октября. До нас доходили уже и письма Ф.Ф. Раскольников⁵¹, и перестали мы воспринимать «аргументы»

⁵⁰ Архив автора. Запись беседы с Марленом Павловичем Ароновым в Минске 30 марта 1990 г.

⁵¹ Федор Федорович Раскольников (Ильин) (1892–1939 гг.) — полномочный представитель (полпред) СССР в Афганистане (1921–1923), Эстонии (1930–1933), Дании (1933–1934), Болгарии (1934–1938), отказался вернуться в СССР, предчувствуя арест в Москве, известен «Открытым письмом Сталину», в котором обличал репрессивную сталинскую политику, опубликованным в эмигрантской газете «Новая

Вышинского, которые оказались всего лишь грубой руганью, а не юридическим доказательством вины и государственной измены⁵².

Тесть Марлена Павловича Аронова, Платон Васильевич Саевич⁵³, до войны работавший ректором Минской ВПШ, а после войны министром просвещения, арестованный в 1951 г., вышел из лагеря с подорванным здоровьем и через два года умер. В кругу семьи вспоминали, как в 1937 г. он ворвался в кабинет председателя СНК БССР Н.М. Голодеда с криком: «Что происходит? Арестовывают самых надежных и проверенных большевиков, из каждых 10 взяли уже 6!?!» Голодед смутился, но ничего не ответил, а сзади него в темном углу Саевич различил наркома НКВД по Белоруссии Бермана. Потом, конечно, Саевичу это припомнили. Правда, сделал это уже не Берман, а Цанава. Так вот, Саевич, выйдя из лагеря, страшно болезненно воспринимал любую критику в адрес Сталина, его сознание не примирилось с очевидным. Сам Саевич после ареста, по его словам, тоже очень скоро принял «правила игры», чтобы уцелели жена и дочь. Его самооговор был положен в основу обвинения как главное доказательство его «вины» на суде. Почему? Платон Васильевич увидел, что все понимают, обвинение — заведомая «липа», но реальность угроз для близких была настоящей, и он оговорил себя.

В 1955 г. семья Павла Яковлевича обратилась в соответствующие органы с просьбой о реабилитации академика Панкевича. На семейном совете договорились, что лучше всего это сделать сыну, Марлену Павловичу: Галина Арсентьевна была арестована и осуждена, он же никогда не сидел, а наоборот, прошел войну, пять раз был ранен, имел боевые награды, являлся членом партии. Вот его рассказ:

Россия» в Париже (1939), умер при невыясненных обстоятельствах, реабилитирован (1963).

⁵² Архив автора. Запись беседы с Татьяной Павловной Панкевич в Минске 31 января 1990 г.

⁵³ Платон Васильевич Саевич (1892–1956 гг.) — ректор Белорусской академии сельского и лесного хозяйства в Горках (1926–1928), ректор Коммунистического университета БССР (1929–1932), директор Института истории партии и Октябрьской революции при ЦК КП(б)Б (1932–1933), зам. начальника политуправления Дальневосточного фронта, зам. заведующего отделом в ЦК КП(б)Б (1946–1947), министр просвещения БССР (1947–1951), арестован (1951) по обвинению в шпионаже, национализме, контрреволюционной деятельности и осужден на 25 лет, реабилитирован (1956).

Я пошел на прием к Якубу Коласу. Почему именно к нему? Колас был тогда одним из уважаемых людей республики, вице-президент АН БССР, лично близко знал и долгое время совместно работал с Панкевичем. Его мнение в той ситуации должно было быть очень весомым. Я. Колас всегда говорил образно, красиво, сочно и только по-белорусски. Трудно даже представить, что он когда-либо разговаривал по-русски. Все оказалось обыденно просто. Я записался на прием, вошел в кабинет, когда подошла моя очередь, сказал, что я сын репрессированного Панкевича, что возник вопрос о восстановлении доброго имени отца, и попросил, если это возможно, написать что-то положительное. Якуб Колас, молча посмотрел на меня, кого он помнил еще ребенком. Потом, не проронив ни единого слова, взял блокнот со своими именными бланками вице-президента, исписал полстранички и протянул мне. Я взглянул на листок и удивился: прекрасная русская речь, без единой помарки. Там говорилось, что Колас знал неперменного секретаря АН БССР П.Я. Панкевича по совместной работе и общественной деятельности с такого-то и по такой-то год, что может характеризовать его только положительно, что не сомневается в его честности и порядочности, преданности делу Коммунистической партии и Советского государства и т. д. и т. п., что еще пишут в таких случаях? И подпись⁵⁴.

С этой рекомендацией, заявлением Галины Арсентьевны и своим собственным Марлен Павлович отправился в минское Управление КГБ на Ленинском проспекте. Подал документы в окошко для посетителей как положено — процедура известная. Началась проверка органами КГБ и главной военной прокуратурой. Ах, как пригодилось тогда «Личное дело академика П.Я. Панкевича» № 752, чудом уцелевшее в те непростые годы. Сколько опасности и тревог пережила семья Сержаниных, сохраняя его в годы нацистской оккупации до освобождения Минска в 1944 г. и в период бесчинств Берии и Цанавы, пока не умер их патрон Сталин! Какое искушение испытывали не одиножды Сержанины сжечь эту тонкую папочку и избавить себя и детей от возможной беды.

⁵⁴ Архив автора. Запись беседы с Марленом Павловичем Ароновым в Минске 30 марта 1990 г.

Материалы «Личного дела» послужили в последний раз, и служба эта оказалась бесценной: не нужно было искать свидетелей, которые подтверждали бы очевидное, что да, действительно, Павел Яковлевич родился там-то, имел такое-то и такое-то образование, написал такие-то и такие-то труды, занимал такие-то должности, делал то и то. Если бы не эта папочка, на добывание справок и поиск свидетелей после войны, когда одни погибли, а другие неизвестно где, ушли бы долгие месяцы, а то и годы.

19 мая 1956 г. семья академика Панкевича получила официальное извещение о том, что после опроса шести свидетелей и изучения других архивных материалов достоверно установлено, что обвинение Павла Яковлевича в измене родине и антисоветских действиях полностью сфабриковано и являлось ошибкой. Приговор Военной коллегии от 28 июня 1938 г. «по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено». Реабилитация была посмертной. Эти скудные сведения, как и сообщение о том, что о «конкретном месте захоронения в архивных документах не указано» и «фотографий, личных документов и писем в деле не имеется», Панкевичи получили спустя 18 лет после того, как «приговор был приведен в исполнение».

С клеймом «членов семьи изменника Родины» Панкевичи мыкались после войны по чужим углам, по баракам, зарабатывая на пропитание поденной работой. Было время, когда спали «валетом». Бедствовали, жили впроголодь, да еще и на заем подписывались...

Всю жизнь преследовали Галину Арсентьевну воспоминания о прежних лишениях, не покидало чувство отверженности, обделенности в жизни и безотчетного страха. Часто по ночам снились Темниковские лагеря под Москвой и лесоповал, на котором она работала вместе с артистами из Большого театра. Оттуда она вышла сломленной, всего боялась. В Минске жить не разрешили, и она трудилась экономистом на торфяном предприятии под Смоленичами. Часто ее мучило больное сердце. Со страхом слушала она и теперь по утрам, какие новости сообщит радио, какие «договорные цены» придумала торговля. Государство выпустило таких, как она, на свободу нищими: многим так и не вернули незаконно отнятое при аресте имущество. Единственное, на что они могли рассчитывать, — два оклада по месту прежней работы мужа в виде частичной компенсации.

Дочь Татьяна по-своему несла выпавшее ей бремя. Пришлось очень трудно, потому что она не отрекалась от отца, ни от кого не

скрывала, что Павел Яковлевич репрессирован. И в школе отношение к ней было соответствующим. Училась Таня, по ее словам, принципиально на пятерки. Помогали учителя, которые помнили Павла Яковлевича, многие были его учениками. Но администрация школы, чтобы не дать ей золотую медаль, «зарезала» на экзамене по белорусскому языку — поставили четверку. Потом, когда подала документы в БГУ им. В.И. Ленина и сдала все на «отлично», комиссия не соглашалась ее принять как дочь «врага народа». С большим трудом сделали исключение, это был 1948 год.

Сын академика Панкевича, Марлен Павлович, храбро воевал в годы войны, пять раз был ранен, вернулся инвалидом второй группы. Несмотря на это, в 1951 г. он с отличием окончил Белгосуниверситет, после которого его направили учительствовать в Брестскую область. Через год вернулся в родной Минск и хотел поступить в аспирантуру. Однако заведующий аспирантурой БГУ Ворошилов на вступительном экзамене поинтересовался: не отец ли ему П.Я. Панкевич? И когда услышал утвердительный ответ, придрался к какой-то мелочи и снизил отметку. Но мир, как известно, не без добрых людей. Редактор «Зорьки» Есьман, зная Марлена Павловича еще по его публикациям в студенческие годы, пригласил работать в газете. Быстро все оформили, в один день. Этот поступок требовал мужества, ведь шел еще 1952 год. Потом работа с Алесем Осипенко в «Чырвонай змене», бессонные ночи, командировки, дежурства по номеру и одновременно подготовка к сдаче кандидатского минимума. В аспирантуру поступил уже в АН СССР с местом в Севастополе. Марлена Павловича рекомендовал в аспирантуру союзной Академии наук профессор Г.Г. Винберг⁵⁵, тоже в свое время опальный как сторонник Н.И. Вавилова⁵⁶. Тот самый

⁵⁵ Георгий Георгиевич Винберг (1905–1987 гг.) — советский гидробиолог, заложил основы экспериментальной гидробиологии, член-корреспондент АН СССР, заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных БГУ им. В.И. Ленина (1946–1967), президент Всесоюзного гидробиологического общества (1971–1986).

⁵⁶ Николай Иванович Вавилов (1887–1943 гг.) — русский советский генетик, ботаник, селекционер, химик, географ, общественный и государственный деятель, академик АН СССР (1929) и ВАСХНИЛ, президент (1929–1935), вице-президент (1935–1940) ВАСХНИЛ, директор Всесоюзного института растениеводства (1930–1940), директор Института генетики АН СССР (1930–1940), президент Всесоюзного географического общества (1931–1940), арестован по обвинению во вредительстве и связях с оппозиционными политическими группами (1940), приговорен к расстрелу (1941), который заменили 20 годами заключения, умер в Саратовской тюрьме, реабилитирован посмертно (1955).

Винберг, о котором рассказал Даниил Гранин в своем знаменитом «Зубре».

Многое пришлось пережить Марлену Павловичу как сыну опального академика, в том числе угрозу строгого выговора с занесением в учетную карточку по партийной линии за то, что скрывал правду о своем отце (писал в анкете, что П.Я. Панкевич умер, а не был расстрелян по приговору Военной коллегии). Только заступничество лично первого секретаря ЦК КПБ Н.С. Патоличева позволило прекратить «дело». В то время это было непросто: как правило, вставляли палки в колеса, и жизнь шла под откос...

Марлен Павлович рассказывал, что в 1962 г. в Севастополе его ждал сюрприз. Вместе с коллегой он подготовил интересный репортаж о работе биологической станции, который попал в эфир Всесоюзного радио. Каково же было его удивление, когда вскоре он получил письмо от родных своей матери, Лии Ароновой, из Москвы. Они же прислали и чудом уцелевшие фотографии отца, которые мать отправляла своим родственникам еще в 1930 г. И теперь это единственные фотографии Павла Яковлевича, дошедшие до нас. И это не случайно, ведь человек, который прожил пусть недолгую, но яркую жизнь, думал больше о других, чем о себе, не таил свои знания, а всегда щедро делился ими, не мог исчезнуть бесследно, хотя этого очень кому-то и хотелось. Долгое время, несмотря на посмертную официальную реабилитацию, не только труды академика Панкевича не публиковались, но даже имя его не упоминалось. Едва ли не единственный пример обратного мы имеем в «Антологии педагогической мысли Белорусской ССР», изданной в Москве в 1986 г. Имя Павла Яковлевича было также упомянуто в книгах по истории АН БССР, изданных в 1979 и 1989 гг., да еще в Белорусской энциклопедии.

До недавних пор нужно было обойти не одну библиотеку, долго рыться в каталогах и библиографических указателях, сборниках, чтобы отыскать следы трудов академика Панкевича, единственного доктора педагогических наук в довоенной Беларуси, видного организатора народного образования и просвещения, непременного секретаря и члена Президиума АН БССР. В каталогах нашлись другие наши земляки — однофамильцы Павла Яковлевича:

И.И. Панкевич. «Сила и жизнённость колхозного строя». Минск, 1948; И.И. Панкевич. «Что дала Советская власть трудящимся Белоруссии?» Минск, 1950 г.; А.А. Панкевич. «Породы крупного

рогатого скота в БССР». Минск, 1957 г.; А.А. Панкевич. «Выращивание телят до 6-ти месячного возраста». Минск, 1957 г.; Т.А. Панкевич. «Пильщики — вредители сельского и лесного хозяйства Белоруссии». Минск, 1981 г., а в газете «Вечерний Минск» до 20 августа 1974 г. был опубликован очерк «Щедрость сердца» о швее-передовике социалистического соревнования И.М. Панкевич.

И только в белорусском отделе Государственной библиотеки имени В.И. Ленина мне удалось отыскать сильно пожелтевшие от времени карточки в каталоге, которые только недавно вернули из спецхрана.

По свидетельству Петра Спиридоновича Солнцева, директора НИИ педагогики БССР в 1953–1966 гг., впервые он услышал имя Павла Яковлевича Панкевича только в середине 1960-х гг., когда из Института общих проблем педагогики в Москве в адрес Белорусского НИИ педагогики пришел официальный запрос с предложением уточнить список научных трудов П.Я. Панкевича. Нашли А.П. Пинкевича, а П.Я. Панкевича — нет. Думали, что опечатка в фамилии, но не совпадали инициалы. Продолжили поиски. Через некоторое время сумели найти в архиве Академии наук БССР тоненькую папку, в которой были собраны копии ответов вдове Павла Яковлевича, когда она хлопотала в 1950-е гг. о восстановлении доброго имени своего мужа и небольшой пенсии. Сотрудники НИИ педагогики встретились с Галиной Арсентьевной (она умерла в 1986 г.). В журналах Наркомпроса БССР 1920–1930-х гг. обнаружили следы бурной полемики с участием Панкевича о перспективах и практике школьного строительства. Вот, пожалуй, и все. До начала этих полуслучайных поисков никто из нового поколения научных сотрудников Института и слыхом не слыхивал об организаторе, зачинателе и первом директоре их НИИ⁵⁷.

Альберт Петрович Пинкевич⁵⁸ был не только современником и коллегой Павла Яковлевича Панкевича. Они состояли в служебной и

⁵⁷ Архив автора. Запись беседы с Петром Спиридоновичем Солнцевым в Минске 29 августа 1989 г.

⁵⁸ Альберт Петрович Пинкевич (1883–1937 гг.) — сын польского дворянина Петра Марковича Пинкевича, сосланного на Урал за участие в восстании 1863 г., российский советский педагог, педолог, организатор народного образования, а также общественный деятель, ректор 3-го Петроградского педагогического института (1918–1920) и Уральского госуниверситета (1920–1921), ректор 2-го Московского

научной переписке как заместитель заведующего Главнауки НКП РСФСР и заведующий Главнауки НКП БССР, ссылались на работы друг друга в своих научных публикациях, участвовали в одних и тех же всесоюзных семинарах и конференциях. А.П. Пинкевич разделил судьбу своего почти тезки из Беларуси. Крупный советский педагог, Пинкевич был специалистом в области методики естествознания, создал несколько общеизвестных до войны учебников и пособий для студентов высшей школы. В 1937 г. репрессирован и погиб.

В 1979 г. Научно-исследовательский институт педагогики Министерства просвещения БССР готовился торжественно отметить свое 50-летие. И дело даже не в том, что юбилеи в те «застойные» годы стали популярными и широко распространенными. Нет, путь, который прошла отечественная педагогика с конца 1920-х гг., действительно был значительным и, несмотря на все потери и утраты, заслуживает самого пристального внимания и уважения. Силами своих сотрудников институт подготовил и издал небольшую брошюру, рассказывающую об основных достижениях коллектива, о постоянном педагогическом поиске, в котором находятся ученые, о планах, которые еще предстоит осуществить. Сегодня, оценивая эту небольшую книжицу, приятно отметить, что в самом тексте ее наконец-таки помещен небольшой портрет академика Панкевича и есть краткое упоминание о том, что именно ему довелось быть первым директором НИИ педагогики и педологии, а также несколько добрых слов о его деятельности. В конце брошюры мы находим список на девяти страницах мелким шрифтом, где перечисляются важнейшие работы сотрудников института за 1929–1979 гг., вышедшие отдельными изданиями. И, конечно, из 233 упомянутых названий более чем 90 авторов не указана ни одна из работ Павла Яковлевича Панкевича.

Где найти этому объяснение? Парадокс или досадная закономерность? Так ли уж устарел Панкевич со своими идеями политехнической школы или это нерастратенная сила инерции времен сталинских запретов? Ведь ни в одном издании даже хрестоматий по истории педагогики, вышедших после 1956 г. в Беларуси, нет ни слова о герое

госуниверситета (1926–1930), доктор пед. наук (1935), профессор, положил начало созданию педагогики высшей школы, выступал за сохранение классно-урочной школьной системы и обязательность домашних заданий, арестован (1937) по обвинению в принадлежности к «троцкистской террористической группе» и расстрелян, реабилитирован посмертно (1956).

нашего рассказа... Не хочется вспоминать о сталинских репрессиях или в продолжении забвения Панкевича кто-то заинтересован?

Павел Яковлевич Панкевич не дожил до старости. Когда июньской ночью 1938 г. прозвучали оборвавшие его жизнь выстрелы, ему исполнилось только 43 года. Но он прожил яркую и насыщенную жизнь: сначала профессионального ученого, исследователя, а потом крупного организатора науки Беларуси.

...Передо мной на письменном столе лежат три пожелтевшие от времени фотоснимка Павла Яковлевича в кругу семьи. Какая все-таки радость найти свидетельства, которые могут оживить эти старые фотографии, повернуть время вспять и позволить соприкоснуться с человеческой энергией, которая бессмертна.

Глава 4

Опала

...Минск, 1931 год. По Советской улице идут двое. Женщина ведет за руку пятилетнего мальчугана. В другой руке она держит небольшой узелок. Их обгоняют прохожие, спешащие по своим делам. Кто-то участливо здоровается, кто-то отворачивается, делая вид, что не узнает. Довоенный Минск был маленьким, и большинство его жителей знали друг друга в лицо, тем более если прохожий известен по газетам или постановлениям ЦИК и СНК республики. Дойдя до угла улиц Советской и Володарского, они свернули направо. Еще несколько минут неторопливой ходьбы, и — достигли своей цели. Перед входом в старое каменное дореволюционной постройки здание с толстыми стенами, четырехметровым забором и двумя огромными башнями по бокам в назначенный день и час вилась очередь. У каждого в руке узелок. Ничто не нарушает тишину. И глаза у женщин и мужчин тихие, не выражающие ни горя, ни отчаяния, а как бы какую-то непреходящую боль, тяжкую и безнадежную, будто долгий-долгий безмолвный упрек, но и упрек этот не кричащий, не страстный, не замерший, а какой-то неизменный. Взгляд у людей в тюремной очереди к приемной ОГПУ на улице Володарского в Минске, или на Кузнецком мосту в Москве, или где-то еще — всюду свой адрес, был тяжелый и остановившийся, будто взглянул человек на что-то ужасное, а это увиденное там, внутри глаз, замерло и осталось.

Мужчины и женщины в очереди иногда безмолвно взглядывали друг на друга, усталость чувствовалась во всех их движениях. И они не прилагали усилий к тому, чтобы двигаться живее: зачем? Так далеко зашло измождение. Потихоньку, как в замедленном немом кино, они уступали место один другому — никто не спорил, не настаивал на своем. Участливо слушали и делились советом, что лучше положить в

передачу, как экономнее расставить слова в записке с фиксированным количеством строчек. И было в этой вежливости что-то болезненное и опять же усталое. И напоминало это все панихиду.

Тамара Павловна Сорокина не думала, что человеческая спина способна так пронзительно передавать состояние души. Люди, подходившие к окошечку дежурного, просительно вытягивали шеи, и спины их с поднятыми плечами, казалось, умоляли о сострадании и милости. В выражении глаз, в складках у рта этих людей, молодых и старых, было много общего, и Сорокина подумала, что, если бы они даже повстречались ей в трамвае или на улице, она могла бы догадаться, из какой они очереди. Неоднократно за эти месяцы, последовавшие после ареста мужа, она мысленно возвращалась к тем весенним дням 1919 года, когда она, молодая студентка медицинского факультета Новороссийского университета в Одессе, проходила практику как сестра милосердия в военном госпитале. Именно там она и познакомилась с Антоном. Учиться в Одессу Тамара Павловна приехала из Бендер, соседней Бессарабской губернии. Ее родители всегда жили в нужде и с трудом сводили концы с концами. Однако семья считалась интеллигентной: отец служил путевым обходчиком на железной дороге, мать учительствовала в школе.

...Антон Васильевич Балицкий, 28-летний учитель из Беларуси, в недавнем прошлом подпоручик царской армии, энергичный работник Одесского губернского отдела народного образования, пришел в госпиталь по делам белорусских беженцев. Тамара Павловна удивилась такому превращению, ведь еще год назад она видела Балицкого в роли военного комиссара Бендерского уезда. Во френче, ремнях, с наганом в кобуре, его окружали какие-то военные с красными бантами и беспрекословно выполняли распоряжения своего комиссара. Они познакомились, стали встречаться. Это оказалось серьезно, на всю жизнь. Тамара Павловна тогда сделала свой выбор и никогда потом об этом не пожалела.

Уже спустя годы, когда Балицкие вернулись в Беларусь, а вихрь событий закружил их в круговороте времени, Тамара Павловна узнала до последних подробностей, как непросто складывалась судьба ее мужа. Во многом типичная судьба для революционного времени, когда мир перевернулся и вчерашние «властители судеб» оказались в роли изгоев, а те, кто влачил жалкое существование, — у кормила государственной и политической власти.

А.В. Балицкий родился 17 сентября 1891 г. (по новому стилю) в деревушке Баличи Лашанской волости, что в Волковысском уезде Гродненской губернии. Дед его был крепостным, а родители владели всего шестью десятинами земли. Антон — восьмой ребенок в семье, и, как он потом сам вспоминал в автобиографии: «...рос, воспитывался и учился в обстановке нищеты и голода, так как семья большая, а хозяйство было разрушено пожаром, который случился, когда мне было пять лет»¹.

Родители Антона, как и все его братья и сестры, были неграмотными, но, когда пришло время, решили отдать смышленного мальчика в церковно-приходскую школу, чтобы хоть один член семьи овладел премудростями письма и счета. Ближайшая школа была в деревне Лаша, центре одноименной волости. Если судить по «Справочнику волостей и важнейших селений Европейской России губерний Литовских и Белорусских областей» за 1886 г., Лаша тоже была небольшим селом, но имела свой приход, 46 владельцев дворов, 456 жителей². «Краткий топонимический словарь Белоруссии» В.А. Жучкевича сообщает, что название «Баличи» происходит от «балий» — знахарь, шептун, а «Лаша» восходит, вероятно, к прежнему названию реки, притоку Свислочи, которая теперь называется Лахва³.

Антон учился с упоением, открывая для себя новый мир, школьные предметы давались ему легко, без особых усилий, и он усвоил все, что изучалось. Мальчика заметили и по рекомендации учителя в 15 лет определили в Свислочскую учительскую семинарию Гродненской губернии на государственный счет. Снова обратимся к материалам автобиографии, составленной Антоном Васильевичем собственноручно в октябре 1923 г.: «В семинарии существовали революционные народнические традиции, которые учащиеся передавали друг другу из поколения в поколение. Поэтому, поступив в семинарию, я перестал верить в Бога, стал знакомиться с запрещенной литературой, главным образом эсеровской, и к выпуску из семинарии считал себя революционером. С великим энтузиазмом я пошел учительствовать в деревню».

¹ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 15, оп. 5, д. 11, л. 7.

² Справочник волостей и важнейших селений Европейской России губерний Литовских и Белорусских областей. Вып. 5. Изд. Центр. стат. к-та, 1886 г., с. 73.

³ В.А. Жучкевич. Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974 г., с. 17, 197.

Здесь, наверное, стоит пояснить, что представляли собой «революционные традиции», которые семинаристы передавали друг другу из поколения в поколение. Местечко Свислочь, что в 90 км от Гродно, вошло в состав Российской империи в 1795 г. и с 1801 г. стало центром волости Волковысского уезда. В 1805 г. в Свислочи открыли гимназию, учителя и ученики которой поддерживали связи с тайным революционным обществом «Военные друзья». В 1851 г. гимназию перевели в Шавли, а вместо нее было открыто пятиклассное дворянское училище, которое в свое время, кстати, окончил Кастусь Калиновский⁴. Грянул 1863 г., и гимназисты приняли самое деятельное участие в восстании. Свислочь заняли восставшие, а местечко стало быстро развиваться. Если в 1886 г. его население составляло почти две тысячи жителей, имело волостное правление, пивоваренный и винокуренный заводы, церковно-приходскую школу, церковь, три еврейских молитвенных дома, синагогу⁵, то в 1897 г. — уже более трех тысяч жителей, 526 зданий, шесть кожевенных предприятий, одно пивоваренное, два медоваренных производства и сельскую лечебницу⁶.

Мы не случайно столь подробно остановились на характеристике Свислочской учительской семинарии и места, где жил и учился Антон Балицкий. Окружение, сама среда, в которой «варился» будущий организатор народного просвещения и образования Беларуси, не могли не оказать на него определенного воздействия и оставили глубокий след в его мировоззрении. Наконец, это помогает понять, как именно произошел поворот в сознании А.В. Балицкого от идеалов революционного демократизма к социалистическим убеждениям, к полной поддержке советской власти.

Итак, в 1911 г. после окончания Свислочской учительской семинарии молодой учитель, которому едва исполнилось двадцать, Антон Балицкий получил должность и начал работать:

⁴ Кастусь (Константин Семенович) Калиновский (1838–1864 гг.) — революционер, публицист, поэт, один из руководителей польского восстания 1863 г. на территории современных Беларуси и Литвы, считается национальным героем в современной Беларуси, Польше, Литве.

⁵ Справочник волостей и важнейших селений Европейской России... с. 113.

⁶ Белорусская ССР: Краткая энциклопедия. Минск, 1979 г., т. 1, с. 643.

С юношеским пылом приступил я к делу служения народу, собирал крестьян и по вечерам вел с ними беседы о попах и помещиках, рабочих и крестьянах. Об этом стало известно уряднику, который донес по начальству⁷.

Последствия могли быть плачевными, но, учитывая настроения в тогдашнем в обществе, а также относительную беспечность властей после разгрома первой русской революции 1905–1907 гг., Антон Васильевич отделался довольно легко. Правда, помог и его величество случай. Инспектором народных училищ местного учебного округа оказался Лепешинский, в прошлом учитель Свислочской семинарии, который хорошо знал Балицкого. Лепешинский заступился за молодого учителя и добился, чтобы его на первый раз не ставили под надзор полиции. Дело ограничилось тем, что Балицкого взяли на поруки. Он, в свою очередь, стал осторожнее, связей с революционными организациями уже не искал.

Как нам представляется, инспектором народных училищ состоял либо отец Пантелеймона Николаевича Лепешинского, соратника Ленина, либо кто-то из его братьев. Семья Лепешинских, проживавшая в соседней Могилевской губернии, была очень большой — 18 детей, и большинство из них так или иначе оказались связанными с народным образованием⁸. За два года педагогической деятельности Антон Васильевич трижды менял свое место работы из-за «неладов с духовенством и устройства воскресных школ для крестьян». Вскоре Балицкий решил продолжить образование. В архивном фонде Витебского учительского института сохранились прошение второго учителя Дрогичинского двухклассного приходского училища Бельского уезда Гродненской губернии А.В. Балицкого от 27 июня 1913 г. и разрешение допустить его к сдаче вступительных экзаменов в означенный институт⁹. Там же имеется удостоверение от 11 июля 1913 г., в котором указывается, что А.В. Балицкий «происходит из крестьян, вероисповедования православного, в должности учителя состоит с 1 октября 1911 г., а в Дрогичинском училище — с 1 августа 1912 г., к отбыванию воинской повинности призывался в 1912 г. и зачислен в

⁷ Из автобиографии А.В. Балицкого (рукопись). НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, л. 7.

⁸ *Деятели СССР и революционного движения России*: Энциклопедический словарь Гранат. Москва, 1989 г., с. 509.

⁹ НИАРБ, ф. 2645, оп. 1, д. 82, л. 55.

запас. Препятствий к допущению его к сдаче экзаменов в учительский институт не имеется»¹⁰.

Что еще важно? Отметим, что только въедливый историк, привыкший копаться в архивных материалах, знает, сколько документальных свидетельств оставляет человек за свою жизнь. Бюрократическая система государства на каждом этапе бесстрастно фиксирует события и заносит в свои анналы. Нужно только знать, где и как искать документы, и тогда картина прошлого может быть восстановлена с большой степенью достоверности. Например, сохранился не только аттестат А.В. Балицкого об окончании им Витебского учительского института, датированный 23 января 1916 г., но и подробные результаты вступительных экзаменов в институт. Заглянем в них. Если летом 1913 г., выдержав вступительные испытания, Антон Балицкий имел средний балл 3,7, то в январе 1916 г. — уже 4,3 балла. Причем из одиннадцати учебных дисциплин шесть им сданы на «отлично», а русский язык и геометрия, за которые он получил на вступительных только «удовлетворительно», он пересдал уже на «отлично». Эти бесстрастные цифры, как нам кажется, — лучшее доказательство его упорной и повседневной учебы в Витебском учительском институте¹¹.

Первые годы учебы Балицкому платили стипендию, а потом его выручало репетиторство. Однако после окончания учебного заведения работать Антону не пришлось. Шла Первая мировая война, Россия несла большие потери в офицерском корпусе, и А.В. Балицкого направили в Павловское военное училище в Петрограде¹². Ровно через четыре месяца его произвели в прапорщики. Службу предстояло начать в Ростове-на-Дону в 249-м пехотном запасном полку. Еще через год он получил повышение в должности и новое звание подпоручика теперь уже 300-го пехотного полка.

К событиям Февральской буржуазной революции 1917 г. Антон Васильевич был давно внутренне готов. Вел он себя неподобающе: неоднократно беседовал откровенно с «низшими чинами» о порядках в самодержавной России, о бесцельности войны, о тяготах повседневной жизни. С подчиненными не заигрывал, службу требовал, но не с усердием. Наверное, поэтому, когда встал вопрос, кого выбирать в полковой комитет после отречения царя Николая II, выбор пал на

¹⁰ НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, л. 7.

¹¹ НИАРБ, ф. 2645, оп. 1, д. 82, лл. 3, 253.

¹² НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 643, т. 1, л. 171.

Балицкого. Вскоре поручик Балицкий возглавил полковой комитет 300-го пехотного полка в Бендерах.

События развивались стремительно, каждый день приносил с собой новости. Сначала быстро привыкли к тому, что потом долгое время называлось не иначе как «буржуазно-демократические свободы» (слова, собраний, митингов и шествий, вероисповедания и т. д.), затем крестьяне явочным порядком начали делить землю, рабочие устанавливать 8-часовой рабочий день на предприятиях, а кое-где даже брать их под свой контроль. Военно-исполнительный комитет Бендер, куда входил А.В. Балицкий, не оставался в стороне. Так постепенно «левел» и Антон Васильевич Балицкий, хотя ни к одной партии он тогда еще не принадлежал.

В июле 1917 г. в Петрограде разразился июльский политический кризис и двоевластие кончилось. Опять были введены военно-полевые суды, новая власть пыталась управлять армией, но события уже вырвались из-под контроля. Бесконечные отсрочки созыва Учредительного собрания, непопулярный лозунг «Война до победного конца!», карательные меры против крестьян, крушивших помещичьи имения, — это и многое другое лишало авторитета Временное правительство А.Ф. Керенского.

В августе и сентябре 1917 г. генерал Корнилов попытался совершить государственный переворот и установить диктатуру. Как события развивались дальше, общеизвестно. Балицкий повел весь гарнизон г. Бендеры против Корнилова, и за это на заседании исполкома Бендер его избрали военным комиссаром Бендерского уезда. Так вместо учителя Антон Васильевич стал политиком.

Балицкий был человеком образованным, и это помогало ему ориентироваться в происходящих событиях. Обладая острым природным умом, будучи полемистом, характер имел резкий и порой даже крутой, что, наверное, характерно для того времени. Его часто видели на митингах в Бендерах, Вознесенске, Одессе. Антон Васильевич был непременным участником политических диспутов, бесед, читал лекции на «революционные темы», однако марксистом не считался и больше тяготел к левым эсерам. В автобиографии он признается, что понастоящему его знакомство с марксистской литературой началось только после победы Октябрьской революции.

В 1918 г. на Украине и в Бессарабии положение складывалось не в пользу большевиков. Развал старой армии уже невозможно было предотвратить — солдаты рвались домой, чтобы успеть разделить

помещичью землю. В Киеве и других городах Украины к власти пришел Петлюра, на Бессарабию наступали румыны. Балицкий в этой обстановке принял решение демобилизоваться и переехать в Одессу. По своим склонностям он продолжал оставаться глубоко гражданским человеком. Борьба за власть, кровь, громкие призывы к патриотизму, демагогия и невыполненные обещания ему внутренне претили, и Антон Васильевич попытался отойти от политики. В Одессе он поступил в сельскохозяйственный институт...

Одесса 1918–1919 гг. оказалась центром белорусского беженства. Первый поток беженцев составили бывшие военнослужащие румынского фронта, который формировался в основном за счет призыва из Беларуси, а второй поток — беженцы из Гомельской и части Брестской и Могилевской губерний. В белорусских национальных организациях Одессы сложилось свое буржуазно-демократическое, довольно радикальное крыло, которое действовало среди этих беженцев. Советскую власть они отрицали, делали попытки образовать Белорусское войско, войсковую Раду. Подчинение признавали только Раде Белорусской народной республики (БНР), основанной на принципах буржуазной демократии. Вспомним, что советская власть в тот период прежде всего отстаивала интересы интернационального характера, мировой коммунистической революции. «Одесские белорусы» не верили, что большевики предоставят государственный суверенитет Беларуси. Честно говоря, у них для этого были все основания.

В 1918 г. А.В. Балицкий — инструктор белорусской секции Одесского губернского отдела народного образования (губнаробраза), затем член коллегии, заведующий внешкольным отделом, а потом и социального воспитания (соцвос). Но душа его просила конкретного, осязаемого дела, и Антон Васильевич на восемь месяцев уехал работать учителем народной школы в село Беляевка Вознесенского уезда Одесской губернии. Не исключено, что этот шаг был также продиктован и соображениями личной безопасности, так как Одессу в очередной раз заняли петлюровцы, скорые на расправу со всеми инакомыслящими, в их понимании создававшими опасность для украинского национального возрождения.

В 1919 г. петлюровцев на Украине сменили деникинцы. И снова Балицкий оказался в центре событий, он был вынужден оставить преподавание в школе и взяться за оружие. В Приднестровье начал действовать партизанский отряд, сформированный под началом Антона Васильевича из крестьян окрестных сел и рабочих водопро-

водной станции Вознесенска. Обстоятельства заставили Балицкого действовать совместно с другими партизанскими отрядами, созданными украинскими «коммунистами-боротьбистами». В октябре 1919 г. в Одессе Антон Васильевич вступил в их ряды.

Украинские боротьбисты по своим идейным воззрениям были близки к Белорусской коммунистической организации (БКО) В.М. Игнатовского¹³. Это были, если можно так выразиться, национальные коммунисты, и выделились они из партии украинских эсеров. Борьбистов советская историография долгое время определяла как национал-уклонистов. По существу, это были левые эсеры, и приоритет они отдавали не мировой революции и диктатуре пролетариата, а национальному строительству. В энциклопедии «Гражданская война и военная интервенция в СССР» можно прочесть:

Борьбисты — украинская партия левых социалистов-революционеров, основана в марте 1919 г. Лидеры: Качинский, Алексеев, Терлецкий и др. Численность в 1920 г. — 7 700 чел. Партия отражала процесс полевения мелкобуржуазных масс и тяготение среднего крестьянства к союзу с рабочим классом. Борьбисты заявляли о своем признании советской власти и о желании сотрудничать с большевиками. Съезд боротьбистов в мае 1920 г. принял программу, где наряду со своими традиционными положениями признавал авангардную роль рабочего класса в социалистической революции. Однако, выступая под флагом борьбы за демократию, боротьбисты утверждали, что Советы должны стать формой диктатуры трудящихся, а не диктатуры пролетариата и призывали к борьбе с диктатурой одной партии¹⁴.

Борьбисты не давали увлечь себя абстрактной идеей мировой революции, высказывали обоснованные опасения установления дикта-

¹³ Всеволод Макарович Игнатовский (1881–1931 гг.) — ученый, историк, деятель белорусского национального движения, нарком просвещения БССР (1920), академик и руководитель Института белорусской культуры (1927), президент АН БССР (1928), директор Института истории АН БССР (1929), освобожден от должности президента АН БССР как «кулацкий агент», вызывался на допросы ОГПУ, исключен из партии (январь 1931), в ходе допросов по делу «Союза освобождения Белоруссии» 4 февраля 1931 г. покончил с собой.

¹⁴ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. Москва, 1983 г., с. 72.

туры одной партии. Однако в атмосфере классового ожесточения гражданской войны, непримиримой борьбы за власть голос боротьбистов, как и большинства левых партий, услышан не был. Им оставалось либо признать непререкаемый авторитет большевиков, либо окончательно сойти с политической арены, что, в конце концов, и произошло.

Как повели себя в этой обстановке одесские белорусы? Противоречия политической борьбы заставили их забыть на время о социальных вопросах, и их лидеры начали терять опору в массах. Большевики же, наоборот, осознали свою ошибку 1918 г. и клялись, что отдадут крестьянам землю, исправят просчеты, связанные с созданием Северо-западной коммуны, когда крестьяне почти ничего не получили. В 1919 г. СНК Литовско-Белорусской ССР такое решение принял. Народные массы Белоруссии и беженцы повернули к большевикам и начали активно бороться с немецкими оккупантами и польскими legionерами Пилсудского. Сторонники БНР, таким образом, утратили социальную базу и были вынуждены искать внешнюю опору в какой-то новой ориентации. Отсюда и знаменитая телеграмма кайзеру Вильгельму II с просьбой о признании БНР и предложением совместной борьбы с большевиками, и обращение к Варшаве, где намекали на автономию в составе федеративной Речи Посполитой, и пр. В итоге одесские белорусы все больше и больше «левели».

После восстановления советской власти на Украине А.В. Балицкий вернулся в Одессу и возглавил городской политико-просветительный комитет. Он стал лектором Одесской совпартшколы, одновременно возглавляя губернский Союз работников просвещения. Антон Васильевич — участник учительских конференций и семинаров культпросветработников, популяризатор науки о школе и педагогике. При его активном содействии закладывались основы строительства советской школы в соответствии с требованиями диктатуры пролетариата в союзе с крестьянством.

Март 1921 г. сулил радужные надежды. В прошлое уходила политика «военного коммунизма». Россия, «кровью умытая»¹⁵, казалось, колебалась относительно будущего своего развития: вернуться к европейским нормам поведения с поисками компромиссов,

¹⁵ «Кровью умытая» — выражение, ставшее крылатым, после выхода в свет романа «Россия, кровью умытая» Артема Веселого (Николая Ивановича Кочкурова) в 1928 г. в Москве.

политическим плюрализмом и свободой рынка или же отгородиться от всего мира «железным занавесом» и замкнуться в одиночестве классового превосходства?

Политическая гибкость советского правительства начала 1920-х гг. оставляла надежду, и люди хотели верить, что идея национального примирения, облеченная в форму новой экономической политики, это действительно «всерьез и надолго». На родину вернулось более 120 000 беженцев из-за рубежа. Советская власть установила контакты с представителями национально-освободительных движений, и в частности с белорусской эмиграцией (А.И. Луцкевичем, В.У. Ластовским, А.К. Головинским и др.). В июне 1923 г. СНК БССР принял постановление об амнистии. В 1924 г. самораспустилась партия белорусских эсеров. В 1925 г. Жилунович отправился за границу, чтобы провести кампанию в поддержку селянской Грамады, осуществлялось финансирование белорусской прессы «за кордоном». Одновременно в Берлине в 1925 г. было опубликовано заявление о самороспуске Рады БНР. В 1926 г. председатель ЦИК БССР А.Г. Червяков, председатель Инбелкульта В.М. Игнатовский и председатель Главискусства Наркомпроса, заведующий Госархивом Д.Ф. Жилунович провели в Минске академическую конференцию, на которой вели переговоры с представителями белорусской эмиграции. В 1927 г. в СССР вернулись В.У. Ластовский и А.И. Цвикевич. Политика национального примирения начинала приносить свои плоды.

Одновременно шел процесс собирания распыленных национальных сил только что образованных советских республик. Правительство Советской социалистической республики Белоруссии (ССРБ) через СНК РСФСР неоднократно обращалось к соотечественникам с призывом вернуться на родину и помочь в восстановлении ее потенциала. Поверив этим посулам, Антон Васильевич Балицкий в октябре 1921 г. переехал в Минск. Ему сразу доверили работу в Народном комиссариате просвещения и вскоре кооптировали в состав Коллегии НКП наряду с Волосевичем, Дьяковым, Кореневским, Успенским, Лысовым, Ахромовичем и Танхилевичем.

Балицкий с головой ушел в новые обязанности. Работа на родине окрыляла. Он был полон новых идей по претворению в жизнь культурной политики советской власти. Сделать предстояло очень много: бороться с неграмотностью, открывать новые школы, заниматься подготовкой учительских кадров, наконец, формированием системы народного образования и просвещения республики.

Антон Васильевич принимал самое живое участие в осуществлении политики национального примирения, действуя совместно с В.М. Игнатовским, Д.Ф. Жилуновичем, Д.Ф. Прищеповым и И.А. Адамовичем. Аналогичные процессы шли и в других союзных республиках, например на Украине. Однако то, чего удалось добиться в этом отношении в Беларуси, превзошло все ожидания. На Украине имело место мощное националистическое движение и, в свою очередь, более мощное отторжение со стороны большевиков. Поэтому в КП(б)У оказалось значительно меньше бывших деятелей национально-освободительного движения. В Беларуси же благодаря демократическому крылу Игнатовского-Жилуновича-Балицкого произошла замечательная стыковка: стороны сумели договориться и понять друг друга, как большевики, так и те, кто примкнул к ним позднее. Все, кто приехал в Минск, получили прощение и были наделены должностями в соответствии со своими знаниями. Одни были избраны академиками АН БССР, другие возглавили издательства, газеты, третьи приступили к работе в вузах и т. д.

Переход к мирному строительству после окончания гражданской войны требовал восстановления всего комплекса народного хозяйства. В состоянии полного кризиса находились не только промышленность и сельское хозяйство, но и культура. Империалистическая война, эвакуация населения, немецкая и польская оккупация, бандитизм привели культуру и народное образование к полному упадку. Сказывались и последствия русификаторской политики царского самодержавия, которое противилось становлению национального самосознания белорусского народа. В 1921 г. Беларусь переживала голод, продолжала существовать жесткая система карточного распределения. Месячный паек составлял 22 фунта муки, несколько фунтов крупы, фунт сахара и обед за рабочий день. Народный комиссар просвещения республики Игнатовский, характеризуя начало восстановительного периода¹⁶, писал:

Мало культурных сил, мало средств, мало хлеба, но много дисциплины, энергии и тяжелой работы, много пролетарской солидарности, много крестьянской поддержки власти. Нужно поднять не только благосостояние рабочих и крестьянской Белоруссии, нужно

¹⁶ *Звезда*, 1923 г., 11 июля.

поднять и укрепить белорусскую культуру, которую на протяжении столетий топтали эксплуататоры¹⁷.

Эту мысль продолжал заместитель председателя Госплана БССР В. Нодель:

С неослабной энергией и настойчивостью нужно крепить Советское государство. С той же самопожертвенностью будем строить один этаж за другим в гигантском здании, имя которому — Коммуна! Крепче молот держи, рабочий! Крестьянин, крепи свое хозяйство! Фабрика и завод, культурное крестьянское хозяйство ведут нас наиболее быстрым путем к нашей заветной цели¹⁸.

Народному комиссариату просвещения БССР, который в начале 1920-х гг. включал в себя не только отделы народного образования, но и Главполитпросвет, Главискусство, Главархив, Главпрофобр, отвечал за вопросы социального воспитания (соцвос), досталось тяжелое наследие. В 1920 г. количество грамотных в республике на 1 тыс. населения составляло всего 315 чел. (в РСФСР — 374)¹⁹. Высших учебных заведений, за исключением Горецкой сельскохозяйственной академии, в республике не существовало, семь учительских семинарий и полтора десятка профессиональных учебных заведений среднего профиля разных отраслей знаний — вот и все, чем могла располагать Советская Беларусь. Их учебно-материальная база была изношена и растеряна, а частью оставлена в местах бывшей эвакуации, поэтому почти все предстояло создавать заново.

В 1920–1923 гг. народное образование БССР пережило в своем развитии два основных этапа: период стихийного роста культурно-просветительных учреждений и школ и период их стремительного сокращения в связи с НЭПом. И только в последующие годы начался третий этап — плановое развитие народного образования и просвещения.

А.В. Балицкий, назначенный в 1922 г. заместителем наркома, выступил с серией статей в периодической печати («Советская Белоруссия», «Звезда», «Чырвоная змена», «Асвета», «Камуністычнае

¹⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 1, л. 53.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Педагогическая энциклопедия*: В 3 т. Москва, 1927–1929 гг., т. 3, с. 609.

выхавання», «Вестник Наркомпроса» и др.), где пытался анализировать ход событий.

Действительно, годы революции и гражданской войны стали временем размаха инициативы и энтузиазма. Почти в каждом большом селе или деревне открылись школа, изба-читальня или пункт ликвидации неграмотности (ликпункт). В 1921 г. изб-читален в БССР уже имелось 1 113, число учителей тоже постоянно росло. В 1917 г. их насчитывалось 1 526 чел.²⁰, а в 1919 и 1921 гг. соответственно 2 086 и 4 783 чел. Сам аппарат НКП БССР вырос до выхода из кризиса. Для этого, прежде всего, приняли решение о введении платного обучения. Вырученные деньги должны были помочь Нарпромпросу поддержать наиболее важные звенья системы образования: городские школы-интернаты и детские дома. Учащиеся первых классов платили один рубль золотом, а выпускных — три рубля золотом в месяц. Предусматривалось, что учащиеся первых классов в связи со своим имущественным положением могут быть освобождены от платы за обучение до 60% от общего количества учащихся, а старших классов — до 40%.

Повысилась зарплата школьным работникам (шкрабам) до 60 руб. золотом в месяц. В течение учебного года это принесло доход только по Минску 1 153 530 руб. — школы начали самоокупаться²¹. Кроме того, местному населению разрешили открывать учебные заведения на основе заключения коллективных договоров. Эти школы не входили уже в государственную сеть, их материально полностью обеспечивали родители учащихся. За счет этого была налажена работа других учреждений культуры, школы, избы-читальни и ликпункты своевременно снабжались топливом. Оклад культпросветработника составил уже не менее 10 пудов ржи в месяц. В сельской местности он колебался от 10 до 15, а в городах — от 15 до 20 пудов ржи. Культпросветучреждения в деревне бесплатно снабжались письменными принадлежностями и учебниками²².

Правительство республики даже в тех чрезвычайно трудных условиях экономической разрухи заботилось об укреплении учебно-

²⁰ *Звезда*, 1923 г., 11 июля.

²¹ А.В. Балицкий. Народное образование в Белоруссии: Из доклада в СНК БССР // *Звезда*, 1922 г., 31 августа.

²² А.В. Балицкий. Три года строительства по народному образованию // *Звезда*, 1923 г., 11 июля.

методической базы учреждений культуры и народного образования. 31 декабря 1921 г. СНК БССР принял специальное постановление, в котором говорилось:

В целях расширения и углубления просвещения населения республики и согласно резолюции III Всебелорусского съезда Советов:

1. Воспретить выселять школы и другие просветительные учреждения из усадеб бывших помещичьих имений, продавать, передавать или сдавать в аренду кому бы то ни было, кроме учреждений Наркомпроса. Усадьбы уже распределенных имений также предоставлять под школы и арендной платы с них не взимать.

2. Наделять школы и учреждения просвещения садами площадью для школ первой ступени 1–3 десятины и для школ второй ступени 5–10 десятин²³.

Предметом особой заботы государства оставались воспитанники детских домов. В основном это были сироты и бывшие беспризорники, лишенные не только родительского внимания и заботы, но и просто средств к существованию. Часть бюджета, которая составляла треть расходов наркомата, направленная на детские дома, никогда не сокращалась. В 1922 г. воспитанников детских домов насчитывалось 3 800 чел. Их нужно было не только одевать и кормить, но и обучать. Одна пара обуви приходилась на троих, одно пальто — на 15 чел. В одном из отчетов Наркомпроса БССР мы находим документ, где Балицкий сокрушается: «На имеющиеся средства Наркомат просвещения республики способен заказать только 950 пальто, и это на 3 800 детей». Однако хронический недостаток средств заставлял закрывать детские учреждения: в феврале 1922 г. перестали действовать пять детских домов, 22 школы второй ступени и 1 091 начальная школа²⁴. Но уже в апреле 1922 г. губсоцвоссы БССР получили следующее распоряжение:

В связи с сокращением штатов во многих городах закрываются уездные отделения правовой защиты, ликвидируются институты воспитателей и детских инспекторов. Это недопустимо. Учитывая рост беспризорничества, предлагается ни в коем случае не уничтожать

²³ НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 643, т. 1, лл. 113 и 119.

²⁴ Там же, л. 168.

отделения правовой защиты, а наоборот, идти по пути усиления их деятельности, привлекая туда лучшие силы. Кадры для этой работы будут дополнительно выделены²⁵.

Вопросы оказания материальной помощи наиболее бедствовавшим учащимся выносились даже на заседания коллегий НКП БССР. Это приводит к выводу о том, что бюджет наркомата был настолько напряженным, что не позволял принять решение в рабочем порядке. Однако никто не считал эти вопросы мелкими. 19 августа 1922 г. состоялось заседание Коллегии НКП под председательством А.В. Балицкого, в повестке дня которого значилось: «Об оказании помощи круглым сиротам, дочерям белорусского писателя К.К. Костровицкого (Каганца) — Галине и Милене Костровицким». Коллегия постановила: «1. Предложить заведующей педагогического техникума г. Минска принять Галину Костровицкую с состав учащихся с выдачей ей стипендии. 2. Выдать со склада Наркомпроса Галине Костровицкой пару ботинок, чулки и платье. 3. Зачислить Милену Костровицкую в детский дом им. А.Г. Червякова»²⁶.

Такая позиция государственных органов могла вызвать только одобрение. Вместе с тем, как свидетельствуют документы, сострадание со стороны деятелей партии и государства проявилось по отношению не вообще ко всем нуждающимся, а «прежде всего к беднейшим слоям и членам профсоюзов». Все же остальные, и особенно выходцы из «социально чуждых слоев» населения, во внимание не принимались. Другими словами, классовое противостояние закладывалось с детства. Об этом красноречиво говорит, например, такой документ (осень 1922 г.):

Освобождать членов комсомола от платы за обучение во всех школах Белоруссии при условии представления комитетами КСМ в Наркомпрос особых списков об освобождении²⁷.

Антон Васильевич Балицкий был сыном своего времени, отнюдь не ангелом и не сверхчеловеком. Ироничный, обаятельный, взыскательный и всегда находившийся в гуще жизни, он никому и никогда не позволял заряжать себя до абсурда противоречиями классовой морали.

²⁵ НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 643, т. 1, л. 235.

²⁶ Там же, л. 324.

²⁷ Постановление Коллегии Наркомпроса БССР от 9 ноября 1922 г. См.: НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 643, т. 1, л. 384.

Он давно сделал свой выбор: противостоять стереотипу «винтика». В первые годы НЭПа, наиболее трудные для становления народного образования республики, когда вступал в свои права рынок и дотации государства стремительно убывали, когда почти никаких субсидий для Наркомпроса не выделялось, он не дал сотрудникам разбежаться, сохранил коллектив. Балицкий был способен услышать в каждом его добрую струну и направлял душевные силы товарищей на созидание. В характеристике 1922 г., подписанной в Наркомпросе, Центральном бюро ЦК КП(б)Б и СНК БССР, говорилось:

А.В. Балицкий известен как опытный организатор и руководитель в области народного образования. Печатных трудов не имеет, за исключением статей в периодической печати. По своим политическим убеждениям он является коммунистом²⁸.

Да, действительно, научных исследований Балицкий не написал, он весь без остатка был поглощен практикой строительства отделов народного просвещения на местах, разрабатывал систему политпросов, следил за тем, чтобы учреждения социального воспитания отвечали своему назначению, и т. д. Но как тогда оценить такой документ, вышедший из-под пера Антона Васильевича:

28 марта 1922 г. всем работникам аппарата НКП. Напоминаю, что у нас издается «Вестник Наркомпроса», ежемесячно. До сих пор в него не подано ни одной статьи заведующих главками окружкомов и инструкторов. Это ненормально. Ответственные работники НКП должны делиться своими знаниями и опытом на страницах «Вестника» со всей массой культурных работников. Поэтому предлагаю ежемесячно давать материал для печати в форме статей, заметок и отчетов, обследований, дискуссионных статей. Помещенные статьи хорошо оплачиваются²⁹.

Документ очень красноречивый. Можно даже сказать, что в нем весь Балицкий: человек-практик, хваткий, требовательный, принципиальный, болеющий за дело и в то же время идущий от жизни: заработал — получи. Как долго мы этого стеснялись, считали второ-

²⁸ Постановление Коллегии Наркомпроса БССР от 9 ноября 1922 г. См.: НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 643, т. 1, л. 113.

²⁹ Там же, л. 217.

степенным, несущественным и... в результате имеем мздоимство, взяточничество, протекционизм.

Каким он был внешне? Симпатичный, широкоплечий, немного выше среднего роста, без животика. Прическа всегда короткая, иногда брил голову, как было модно. По характеру оставался открытым, приветливым. Зла ни на кого не держал, часто позволял себе шутить и отличался нескрываемым оптимизмом. Трудностей быта не замечал. Не в том смысле, что не имел их как один из руководителей Наркомпроса, фактически министр, а считал чем-то не заслуживающим внимания. Очень верил в свои силы и возможности советской власти «перетряхнуть» старый мир и все переделать заново во имя человека труда. Препятствия и неудачи, которые встречались на его пути, принимал терпеливо. Был убежден, что они временные и не более чем просто «трудности роста». Жил скромно. Жалованье Антона Васильевича, даже когда он стал наркомом, сменив на этом посту В.М. Игнатовского (1926 г.), оставалось небольшим. Тогда за этим следили строго. Партийный человек должен был служить по убеждению. Оклад наркома составлял всего-навсего 150 руб., больше не позволял получать так называемый «партмаксимум».

Жена Балицкого, Тамара Павловна, приносила домой зарплату как врач — 700 руб., но трений из-за этого между супругами не возникало. Деньги считались не главным в той жизни. Главным была идея, которой служили. Тамара Павловна как женщина мудрая понимала, что общественный престиж мужа нельзя измерить в рублях, и никогда этим не корила. Собственно, и купить в магазинах второй половины 1920-х гг. можно было только самое необходимое. В коммерческие заведения советские работники ходить стеснялись, да и изобилие отсутствовало. Сейчас это даже трудно себе представить, но самовар в атмосфере советского аскетизма считался буржуазным или купеческим излишеством. Поэтому своих гостей Балицкие неизменно угощали чаем, который заваривали в обычном чугунном чайнике. Выпивок Антон Васильевич не допускал принципиально — не лежала у него к этому делу душа. Кто-то из знакомых мог зайти к нему под хмельком, но знал, что на угощение со спиртным рассчитывать не приходится. Не курил и на здоровье не жаловался. Время от времени только беспокоили уши — еще с детства, когда ребенком он схватил осложнение после скарлатины. Зрение испортил книгами, поэтому носил очки. Быт того времени отличался умеренностью и скромностью, это считалось признаком выдержанности и порядочности. Люди жили

одинаково трудно, имели только самое необходимое. В 1929 г., чтобы получить отрез на брюки по карточкам, нужно было простоять в очереди ночь, и т. д. Сегодня можно усомниться в терпеливости и вере людей 1920 и 1930-х гг. Власти находили все новые объяснения трудностям, которые называли временными: неурожай, сложная международная обстановка, происки врагов и пр. Но в сознании тех, кто постарше, жили еще картины дореволюционного изобилия. Благополучие работавших, чего греха таить, было значительно выше, не говоря уже об интеллигенции. Тот, кто трудился, жил в достатке, а полки в магазинах и лавках никогда не пустовали.

Однако для второй половины 1920-х гг. характерно другое: общественная мораль ориентировала людей на добровольный отказ от «излишеств», уравнилельное распределение даже по самым низким нормам считалось гарантией против реставрации капитализма. И люди в своем большинстве принимали это искренне, Антон Васильевич был из их числа. Все жили одинаково, уравниловку принимали как благо, а не грозную опасность общественному развитию. И только теперь, спустя десятилетия, в наши дни, стало очевидным, что именно уравниловка убила желание работать, совершенствоваться, соревноваться. Пришли, к сожалению, в обратную сторону.

Жили Балицкие в бывшем доме минского архиерея на ул. Красноармейской. Когда Антон Васильевич переехал в Минск из Одессы, там размещался краеведческий музей, но часть комнат на втором этаже еще оставалась свободной, и там он получил свое жилье. По соседству разместились Игнатовские, Радзиевские, Аладовы.

По воспоминаниям Ариадны Павловны Высоцкой (Сорокиной), свояченицы Балицкого, квартира эта была скромной, почти тесной: в одной комнате размещались Мария Яковлевна Сорокина (теща Антона Васильевича) с внуком Антоном и сама Ариадна Павловна, дальше шла небольшая походная комнатка-кабинетик, в третьей комнате — спальня, тоже очень небольшая по размеру, окнами во двор.

У Антона Васильевича было много друзей. Наиболее близкие — А.Г. Червяков³⁰, Д.Ф. Жилунович³¹ и Янка Купала, часто приходили Д.Ф. Прищепов³², А.Ф. Адамович³³, П.В. Ильющёнок³⁴ и др. Непремен-

³⁰ Александр Григорьевич Червяков (1892–1937 гг.) — председатель СНК БССР (1920–1924), председатель ЦИК БССР (1920–1937), на XVI съезде КП(б)Б был подвергнут резкой критике за недостаточную работу по уничтожению «врагов

ными гостями оставались белорусские писатели, художники, музыканты, поэты, веселые, молодые, полные задора, часто спорили, шутили. Иногда у Балицких даже устраивались импровизированные концерты, в которых принимали участие Л.П. Александровская³⁵, Н.И. Аладов³⁶, И.М. Болотин³⁷. Тамара Павловна часто выступала в роли аккомпаниатора. Янка Купала, Михась Чарот, Андрей Александрович читали свои стихи. По выходным дням Антон Васильевич имел обыкновение гулять с детьми в парке Профинтерна (после 1936 г. —

народа» и 16 июня 1937 г. в перерыве съезда застрелился в своем кабинете, посмертно реабилитирован (1956).

³¹ Дмитрий Федорович Жилунович (Тишка Гартный, 1887–1937 гг.) — белорусский писатель, поэт и драматург, журналист, редактор. Глава Временного рабоче-крестьянского правительства ССРБ (1919), академик АН БССР (1928), арестован 15 ноября 1936 г., в тюрьме объявлен психически больным и переведен в Могилевскую психиатрическую лечебницу, где и умер 11 апреля 1937 г., по другим сведениям, покончил жизнь самоубийством, посмертно реабилитирован (1956, 1988).

³² Дмитрий Филимонович Прищепов (1896–1940 гг.) — народный комиссар земледелия БССР (1924–1929), одновременно зам. председателя Госплана БССР, арестован ОГПУ БССР по так называемому делу «Союза освобождения Беларуси» (1930). Осужден на 10 лет, отбывал наказание на строительстве Беломорканала, затем на Дальнем Востоке, освобожден в июне 1937 г., через полтора месяца повторно арестован в Магадане, доставлен в Минск и приговорен к расстрелу (1939), умер в тюремной больнице Минска, посмертно реабилитирован (1956, 1988).

³³ Александр Фомич Адамович (1900–1937 гг.) — зав. отделом печати ЦК КП(б)Б, зам. редактора газеты «Белорусская деревня» (1925–1928), зам. народного комиссара земледелия (1928), исключен из партии за идеологическую неустойчивость, примиренческое отношение к национал-демократизму (1929), арестован по делу «Союза освобождения Белоруссии» (1930) и приговорен к 10 годам лагерей, повторно арестован (1935), приговорен к смертной казни (1937), посмертно реабилитирован (1957, 1988).

³⁴ Петр Викентьевич Ильющёнок (1891–1945 гг.) — директор Белорусского гос. издательства (1924–1928), арестован (1930) по делу «Союза освобождения Белоруссии» и приговорен к 10 годам лагерей, повторно арестован (1937), третий раз арестован (1942), умер в Тайшетлаге, реабилитирован посмертно (1988).

³⁵ Лариса Помпеевна Александровская (1904–1980 гг.) — советская оперная певица (сопрано), режиссер, публицист, общественный деятель, народная артистка СССР (1940), лауреат Сталинской премии (1941).

³⁶ Николай Ильич Аладов (1890–1972 гг.) — белорусский советский композитор, педагог, переехал из Москвы в Минск (1924), один из организаторов Белорусской консерватории, народный артист Белорусской ССР (1955).

³⁷ Исидор Михайлович Болотин (Израиль Рувимович Болотный, 1907–1961 гг.) — советский певец (лирико-драматический тенор) и общественный деятель, солист Государственного театра оперы и балета БССР (с 1933), народный артист БССР (1944).

им. Горького). Компанию ему составляли обычно Червяков с дочерью Лялей и Жилунович с Галочкой.

Наркомпрос до войны находился на площади Свободы, в центре старого Минска, здание это сохранилось до наших дней. В своем служебном кабинете Балицкий засиживался редко, как правило, был весь в движении, настоящий человек-энергия. Того же требовал и от подчиненных. Часто лично выезжал в наиболее отдаленные районы республики, добирался до глубинки. Собственно, что тогда считалось глубинкой? Если дороги несносные, особенно осенью и весной, когда чуть в сторону от наезженного тракта или большака грязь непролазная, ухабы, болото, — вот тебе и глубинка. Поэтому ездили больше зимой, когда сделать это было проще. Антон Васильевич надевал поношенный рыжий кожанок, валенки, на голову шапку-ушанку, брал вещмешок и — готов в путь.

Что представляли собой эти выезды наркома? Даже не назвать их инспекцией в полном понимании этого слова. Антону Васильевичу важно было увидеть все своими глазами, услышать из первых уст, при этом не в тягость прочитать лекцию, может быть даже экспромтом, выступить с докладом о текущем моменте. Иногда приходилось рассказать о последней инициативе ЦИК или Бюро ЦК КП(б)Б, разъяснить постановление Наркомпроса, организовать семинар для начинающих учителей-комсомольцев, многие из которых работали в школе и учились одновременно в педтехникумах.

В 1920-е гг. еще существовала практика не преувеличивать значение собственной персоны, не перекладывать на подчиненных свою ношу. Грамотных, толковых людей не хватало, и кадры перебрасывали на самые неожиданные участки. Возможно, так боролись и против кабинетного стиля работы? Но можно утверждать и другое — стремление руководителей быть в гуще народа, жить его заботами, чувствовать себя равными с людьми от станка или сохи, отличалось искренностью. Надежды на светлое будущее считались естественными и вполне реальными.

Дело спорилось, Балицкий пользовался непоказным авторитетом не только в аппарате Наркомпроса, но и в учительской среде. Работой своей он гордился, считая ее очень важной. Часто дома и в кругу семьи делился своими заботами и проблемами.

Как понимал А.В. Балицкий задачи, которые стояли перед советской школой? Подводя некоторые итоги первому десятилетию Октябрьской революции в 1927 г., Антон Васильевич писал:

Все существо старой классовой, буржуазной школы необходимо повернуть в обратную сторону, выбросить все ненужное и мешающее рабочему классу-диктатору разрушить капиталистическую и феодально-шляхетскую систему образования и приступить к строительству пролетарского просвещения на новых принципах и с новым содержанием. Готовить новое подрастающее поколение как борцов за коммунистическое общество с психологией коллективистов, с твердой волей и общественно-необходимой квалификацией, с материалистическим мировоззрением на основе ясного понимания законов развития природы и общества³⁸.

В первые годы школьного строительства наиболее типичными учреждениями были семилетние школы (трудовые) в соответствии с разработанными новыми учебными программами и планами по всем предметам. Типичными являлись и детские дома-коммуны с летними колониями, в которых зимой занятия проходили в классах и мастерских, а летом в поле. Недостаток государственных средств, как уже отмечалось, существенно сократил их сеть. Но причины были разные. В городах, главным образом, из-за материального состояния учащихся и их родителей, а в сельской местности — ввиду недостатка учителей, отсутствия школьных помещений и учебного оборудования.

К середине 1920-х гг. общее положение упрочилось. Строились новые типовые школы, ежегодно открывались сотни классов-комплексов, последовательно осуществлялся капитальный ремонт старого фонда. И как результат — количество учащихся в начальных трудовых школах постоянно росло. В 1924/25 уч. г. охват детей в возрасте 8–12 лет был 63,2%, а в 1926 и 1927 уч. гг. соответственно 66,2 и 71,6%. Для сравнения вспомним, что в 1914 г. этот показатель был равен 43,9%³⁹.

Конечно, работы еще предстояло много. Для уже открывшихся школ необходимо было построить еще 50% учебных помещений, 60% школьных зданий требовали капитального ремонта. Нуждалось в повышении профессионального и методического уровня школьное учительство (только 30% учителей БССР имели педагогическое образование). Не был до конца отрегулирован и режим работы учеб-

³⁸ *Асвета* (Мінск), 1927 г., № 7, с. 3.

³⁹ *Итоги культурного строительства БССР в 1917–1927 гг.* // НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 290, лл. 11–12.

ных заведений: продолжительность учебного года, сроки проведения каникул везде были разными.

Не в каждой школе местные органы власти организовывали горячие завтраки и материальную помощь для наиболее нуждающихся учащихся. Возможно, поэтому меньше школьников второго концентра (12–15 лет) посещали учебные заведения: в 1925 г. 8% от всех учащихся школ, а в 1927 г. — 8,8%⁴⁰. Одновременно все больше родителей стремились дать образование детям, и школы оказались перегружены учащимися. В городах на одного педагога приходилось до 40 учеников, а в сельской местности — до 50 и более. Это заставляло открывать параллельные классы, половина всех семилеток имели интернаты, но это не решало проблемы — нужно было расширять школьную сеть.

А.В. Балицкий не устал говорить о нуждах народного образования на всех уровнях, начиная от коллегии в НКП и кончая совещаниями в ЦИК, СНК БССР и Бюро ЦК КП(б)Б. В основном он находил понимание в руководящих инстанциях, хотя, как известно, выкраивать средства для школ из крайне скудного государственного бюджета было очень непросто. Самое большое, что могли выделить правительство и Госснаб республики, — 6 тыс. руб. на строительство одного школьного здания, тогда как для этого требовалось, по крайней мере, 9 тыс. руб. Предполагалось, что население начнет активно помогать государству. С этой целью Наркомпрос развернул широкую кампанию в прессе, действовал через сельские и городские Советы. Родители брали на себя обязанность безвозмездно заготавливать строительные материалы, подвозить лес, выполнять бесплатно подсобные работы и т. д.

Антон Васильевич внимательно следил за передовым педагогическим опытом. Как известно, 1920-е гг. были временем повсеместного поиска оптимальных систем народного образования как в СССР, так и за рубежом. Решением СНК БССР от 22 июля 1925 г. А.В. Балицкого направили в Берлин для участия в педагогической конференции для иностранцев (17–29 августа 1925 г.)⁴¹. Не будем забывать, что это были годы, когда человечество приходило в себя после ужасов Первой мировой войны. Отступали инфляция и карточная система, пошла на

⁴⁰ *Итоги культурного строительства БССР в 1917–1927 гг.* // НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 290, лл. 13–14.

⁴¹ НАРБ, ф. 7, оп. 1 д. 192, л. 20.

убыль безработица, и две общественно-политические системы настраивались на мирное сосуществование, начинали понемногу привыкать друг к другу. Наверное, отсюда Балицкий привез идею создания «опытно-исследовательских школ», предназначенных играть роль лабораторий передового педагогического опыта. В них был принят так называемый «дальтон-план». Что это такое?

В Минске в 1926 г. такая школа располагалась в парке им. Проф-интерна, напротив «Эльвода» (от слов «электричество» и «вода»), как минчане называли городскую электростанцию, которая питала электроэнергией весь город. Здание школы было каменным, двухэтажным. На первом этаже размещались начальные классы, а ученики старших классов — на втором этаже. Учащиеся трех старших классов занимались совместно в одной классной комнате. Кроме того, были и особые кабинеты-лаборатории (химии, математики, физики, истории, языка и литературы). Обучение велось на белорусском языке. Педагогов называли «дзядзькамі».

В начале урока учитель вывешивал на доске задание для учеников каждого класса по каждому предмету в отдельности, например по математике. Учащиеся подходили к доске и переписывали его, затем садились за парту и готовились. Если что-то было неясно, можно было подойти к наставнику и спросить. Подготовил, сдал учителю и — свободен. Время строго не ограничивалось. Занятия продолжались в основном по три часа. Короткий отдых и — переход в следующий класс-лабораторию и т. д. Следующие три часа уже проходили по классам: пение, немецкий язык, история, физкультура, еще что-то. Многие предметы, как правило, по выбору, изучались факультативно. Ставка делалась на сознательное обучение, раскованное и без зубрежки. Взаимоотношения учителя и учащегося строились на принципах сотрудничества, а не назидания старшего младшему. Это было очень необычно по сравнению со старой школой, демократично. Подобные школы не считались обязательными, и те, кто приходил туда учиться, в основном делали это с удовольствием.

Такая постановка учебно-воспитательного процесса, конечно, заслуживает внимания, особенно после доведенной до абсурда позднее стандартизации советской школы, ее унифицированных программ и учебных планов, одинакового учебного режима и прочего. Самое главное, как нам представляется, обучение не теряло своего творческого характера, оно не строилось по принципу «бери, что дают». Каждый учащийся при желании мог ощутить себя в роли перво-

открывателя. Конечно, нужно учитывать и тот факт, что общественный престиж и материальное положение образованного человека были гораздо выше в те годы, чем сейчас.

Наряду со школьным строительством Балицкого волновал вопрос ликвидации неграмотности среди взрослого населения. С этой целью были написаны и изданы специальные буквари для взрослых на белорусском, русском, еврейском, польском и других языках народов, проживавших в Белоруссии. С 1924 по 1927 г. через сеть ликпунктов прошло свыше 110 тыс. чел.⁴² При этом Наркомпрос руководствовался известным положением В.И. Ленина о том, что неграмотный человек стоит вне политики. Активное участие в хозяйственном и культурном строительстве в условиях НЭПа было невозможно без решения этой проблемы. Дело продвигалось медленно. Планы Наркомпроса срывались, количество грамотных в республике на 1 тыс. населения по сравнению с Российской Федерацией отставало⁴³:

**Количество грамотных граждан в Российской Федерации
и Белорусской ССР, на 1 тыс. чел.**

Год	РСФСР	БССР
1897	229	178
1920	374	315
1926	441	407

Таблица составлена автором
по материалам журнала «Асвета», 1927 г., № 7, с. 9.

В 1927 г. Антон Васильевич самокритично признавал, что сеть вечерних школ для взрослых неудовлетворительна⁴⁴. В городах республики к тому времени вечерних школ повышенного типа для взрослых было 27, школ рабочей молодежи (ШРМ) — 20, в сельской местности (в местечках) школ рабочей молодежи — 79, а вечерних школ для сельской молодежи — 100. Армия культпросветработников в БССР насчитывала 11 970 чел., неграмотных же в возрасте 16–36 лет было 623 701 чел. На основании этого Балицкий, делая несложный

⁴² НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 290, л. 22.

⁴³ Педагогическая энциклопедия: В 3 т. Москва, 1927 г., т. 3, с. 610.

⁴⁴ *Асвета*, 1927 г., № 7, с. 9.

подсчет, приходил к выводу, что на каждого работника учреждений культуры приходится всего 52 неграмотных, и считал, что если собрать все силы в кулак, то вполне можно ликвидировать существующий разрыв.

Такая постановка вопроса вряд ли может считаться научной, она явно грешит схематизмом, когда желаемое выдается за действительное. Здесь мы видим пример искусственного ускорения темпов развития по стране к концу 1920-х гг. на всех направлениях, включая культурное строительство. Преобразования в духовной сфере должны были опираться на фундаментальную базу, осуществляться постепенно и с «прицелом» на будущее. Мы же вместо этого находим голословные призывы. В августе 1927 г. Балицкий писал:

Только направленная и упорная воля рабочих и крестьян, руководимая мощной, как гранит, и твердой, как сталь, Коммунистической партией, дала возможность БССР за небольшой срок своего существования поднять экономику и культуру до нынешнего положения... В 10-ю годовщину Октябрьской революции, несмотря на ползучие темные тучи с Запада, наша поступь становится все более уверенной и голос громче⁴⁵.

Тем не менее вскоре был открыт крестьянский вечерний университет в Горках, а в 1928 г. — рабочий университет в Минске. Продолжали успешно работать вечерний рабочий техникум и два вечерних рабфака. В целом в республике в это время действовали четыре высших учебных заведения и 32 техникума, 30 профессиональных школ и 15 фабрично-заводских семилеток. 7 ноября 1927 г. произошла торжественная закладка университетского городка. На его строительство правительство республики отпустило 6 млн. руб. Одновременно продолжали возводить здания новых учебных корпусов и лабораторий, мастерских для сельскохозяйственной академии в Горках Могилевской обл.⁴⁶

В парадных отчетах Наркомпроса, которыми он начинает грешить все больше и больше во второй половине 1920-х гг., мы находим данные, сравнительный анализ которых показывает масштабы проделанной работы. Скажем, царское правительство в 1913 г. на все народное образование Западного края (без Гомельской области),

⁴⁵ *Асвета*, 1927 г., № 8, с. 3.

⁴⁶ Там же, № 7, с. 9–10.

вместе с земствами и церковно-приходскими школами, отпустило около 6 млн. руб., а СНК БССР в 1927 г. — 18 290 тыс. руб. Однако на деле абсолютные цифры не давали правдивой картины. С 1924 по 1927 гг. бюджет Народного комиссариата просвещения республики неуклонно снижался. Если в 1924/25 уч. г. рост его составлял 75,9%, то в 1925/26 и 1926/27 уч. гг. соответственно — 54,5 и 23,9%. Надежда на то, что положение выправится и рост бюджета будет обеспечен за счет укрепления профессионального образования, увеличения социального обеспечения работников культуры и просвещения, не оправдалась⁴⁷. Такая непродуманная финансовая политика, когда в свои права все больше вступали «остаточный принцип» и политика опоры на собственные силы, приводила к плачевным результатам. С 1925 по 1927 г. по плану Наркомпроса следовало построить 246 двухкомплектных школ, а на деле было построено только 154 и т. д.⁴⁸

Таким образом, с одной стороны, делались широковещательные заявления о необходимости осуществить всеобщее начальное, а затем и среднее обучение, ликвидировать неграмотность и малограмотность среди взрослых, а с другой — средств на эту политику отпускалось все меньше. Предложенные же альтернативные источники финансирования оказались несостоятельными. Поэтому программа реализации всеобуча в БССР, намеченная на 1934 г., не могла быть успешно выполнена. Важной стороной деятельности Народного комиссариата просвещения, о которой нужно сказать специально, являлась национальная культурная политика. Она стала одним из главных условий успеха этой работы. Беларусь по составу населения в силу ряда исторических причин была многонациональной. Советская власть в начале 1920-х гг. предложила формулу национального развития, которая оказалась приемлемой для всех народов, независимо от того, где они проживают. В отличие от сталинской формулы 1930-х гг.: «национальная по форме и социалистическая по содержанию» — ленинская звучала как «свободное и полноценное развитие каждой нации есть гарантия развития всех наций и союза их в целом».

В июле 1923 г. нарком просвещения БССР В.М. Игнатовский, подводя итоги трехлетнего развития Белорусской ССР после освобождения от белополяков, писал:

⁴⁷ *Асвета*, 1927 г., № 7, с. 16.

⁴⁸ Там же, с. 7–8.

Развитие белорусской культуры связано с развитием еврейской и польской. Глубокое сочувствие культуре народов, угнетенных царизмом, характерно в республике. Мы строим новую жизнь, где не будет места национальному угнетению. Мы работаем и говорим на четырех языках, но прекрасно понимаем друг друга, ибо мы граждане единой Советской Белоруссии, ибо мы граждане великого и единого СССР⁴⁹.

Сотрудники аппарата НКП БССР, его городские, уездные и окружные отделы народного образования, специалисты культпросвет-учреждений (избачи, завклубами, библиотекари и учителя) — люди разных национальностей, которых сама жизнь «перемешала» в республике, поэтому идея интернационального развития, выдвинутая большевиками, была им близка, она помогала жить вместе и сотрудничать. Но не будем забывать, что одновременно присутствовала и идея мировой революции («Мы наш, мы новый мир построим, кто был ничем, тот станет всем»).

Балицкий постоянно находился в центре этой работы. Интернационалист по убеждениям и патриот Беларуси, он всегда держал «национальный момент» в поле зрения. И неслучайно, что именно его кандидатуру, а также Игнатовского, Ошеровича⁵⁰, Жилуновича и Гельтмана Национальная комиссия ЦИК БССР рекомендовала Совету национальностей ЦИК СССР включить в состав членов инициативной группы по организации Коммунистического университета изучения национальных меньшинств Запада им. Мархлевского в Москве⁵¹.

К 1927 г. трудовые школы республики по национальному признаку были представлены следующим образом: белорусских школ-четырёхлеток насчитывалось 4 190, семилеток — 197, русских четырёх- и семилеток соответственно 407 и 32, еврейских — 147 и 53, польских — 125 и 11, латышских — 17 и 1, немецких четырёхлеток — 3, национальных школ других народов — 32⁵². Все перечисленные учебные заведения появились в Советской Беларуси почти на пустом месте.

⁴⁹ *Звезда*, 1923 г., 11 июля.

⁵⁰ Илья Перцович Ошерович (1879–1937 гг.) — заведующий отделом подготовки кадров АН БССР, редактор газеты «Октябрь» (на идише), автор работ по истории революционного движения и Бунда в Беларуси, арестован и расстрелян (1938), реабилитирован посмертно (1957).

⁵¹ Протокол № 35 заседания Президиума ЦИК БССР от 5 марта 1926 г. См.: НАРБ, ф. 6, оп. 1, д. 970, л. 281.

⁵² НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 290, л. 22.

Царское правительство категорически возражало против национального строительства, и все школы в Западном крае Российской империи были русскоязычными. Педагогов, которые вопреки запретам пытались вести занятия на родном языке, власти преследовали.

Для подготовки национальных учительских кадров при БГУ им. Ленина были образованы еврейская и польская секции. В республике успешно действовали три еврейских, один польский и белорусские педагогические техникумы. Учителей для латышских школ Беларуси готовил Ленинградский латышский педагогический техникум. Быстрыми темпами продвигалась переподготовка и повышение квалификации национальных учительских кадров. В Минске работал Еврейский государственный театр (БелГОСЕТ), при Институте белорусской культуры (Инбелкульте) действовали еврейская, польская и латышская секции. Планы Госиздата БССР предусматривали 70% изданий на белорусском, 15% — на еврейском, 8% — на русском, 5% — на польском и 2% — на латышском языках. Из 17 периодических изданий в республике в 1927 г. девять выходили на белорусском, четыре — на русском, два — на еврейском (идише) и два — на польском языках⁵³.

Проводилась и белорусизация учебных заведений как исполнение постановлений второй сессии ЦИК БССР (июль 1924 г.). В основном делали это постепенно, вдумчиво и с большим тактом, начиная с детских дошкольных учреждений. Кроме белорусских школ, белорусский язык как язык большинства населения республики преподавали во всех без исключения учебных заведениях. Русский язык как общесоюзный тоже являлся обязательным. Эту работу систематически проводили в средних профессиональных и высших учебных заведениях, но темпы ее здесь были гораздо медленнее, чем в трудовых школах, как правило, по причине неоднородного национального состава учащихся и недостаточной подготовки кадров преподавателей. Поэтому только педтехникумы БССР в 1927 г. полностью перешли на белорусский язык, что касается техникумов сельского хозяйства, то они сумели это сделать на 63%, другие средние специальные учебные заведения — на 12–38%, профессиональные школы — на 60%, рабочие факультеты — на 69%, вузы — на 17,5%⁵⁴.

В целом Наркомпрос БССР в 1920-е гг. успешно решал задачи

⁵³ НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 290, л. 29.

⁵⁴ Там же, л. 23.

национального культурного строительства, а его сотрудники в основном тонко чувствовали деликатный характер этой проблемы. Они учитывали, что национальные отношения в республике продиктованы самой жизнью. И большая заслуга здесь по праву принадлежала А.В. Балицкому как умелому руководителю. Цензура ослабла. Минск бурлил лекциями, кружками, клубами. Молодежь, прошедшая гражданскую войну, страстно тянулась к культуре и наполнила до отказа учебные аудитории и классы: атеисты пробовали силы в публичных дискуссиях с верующими, один за другим открывались литературные альманахи и журналы, широкое распространение получили кооперативные издательства, товарищества поэтов, художников, литераторов и музыкантов — все это было характерно для общественной атмосферы, созданной НЭПом. Никто не мог предположить, что надежды на гражданский мир так быстро будут разбиты, что совсем скоро одних отправят в изгнание за границу, а другие будут обречены на жизнь в отсутствие свободы.

Во второй половине 1920-х гг. в Беларуси, как и по всей стране, все более ощутимо давали знать о себе попытки И.В. Сталина насадить административно-командные методы руководства в строительстве социализма, просматривалась тенденция к упрощению, унификации и единомыслию, при этом национальное сознание начали отождествлять с националистическим.

Первой жертвой скрытого идеологического наступления режима стала национальная интеллигенция. Прежде всего те, кто пришел к руководству государственными и общественными органами республики из числа бывших участников национально-освободительного движения. Антон Васильевич Балицкий попал в их число. Первый «звоночек» прозвучал для него еще летом 1923 г., когда решением Центральной контрольной комиссии при ЦК КП(б)Б А.В. Балицкому объявили строгий выговор с лишением его права в течение одного года быть избранным в партийные органы и на партконференцию⁵⁵. Почему? Из-за независимой позиции, занятой им во время выборов в РК КП(б)Б Минска в мае 1923 г., когда Антон Васильевич возглавил, выражаясь языком ЦКК, при ЦК(б)Б «нежелательные тенденции в ячейке Наркомпроса, а во время партийной дискуссии отошел от большевистских принципов»⁵⁶.

⁵⁵ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 3, л. 434.

⁵⁶ Там же.

1923 г. был полон дискуссий, которые продолжались и после завершения работы XII съезда РКП(б). Это был первый после Октябрьской революции съезд партии, на котором не присутствовал В.И. Ленин, прикованный к постели в Горках. В резолюции по отчетному докладу ЦК съезд подчеркивал, что обстановка НЭПа создала почву для уклонов в партии. Действительно, именно тогда появились «рабочая оппозиция», «группа демократического централизма» (децисты), «заявление 46-ти»⁵⁷, с собственной позицией выступил Л.Д. Троцкий. Дискуссии захлестнули партийные организации по всей стране. Не стала исключением и Беларусь. Началась, по существу, уже борьба за ленинское «наследство». Речь шла о судьбе социализма. В этой обстановке местные партийные организации получили директивные указания Политбюро ЦК РКП(б) из Москвы, любые отступления от которых считались крамолой. Обвинение возглавить «нежелательные тенденции» и отойти во время дискуссии «от большевистских принципов» становилось опасным. Но чтобы заслужить его, многого не требовалось. Достаточно было публично усомниться в одной из присланных сверху директив или в чем-либо подобном, не говоря уже о том, чтобы отстаивать какую-то собственную позицию. То, что на этот счет своей позиции Балицкий не имел, говорит хотя бы тот факт, что его никогда не обвиняли в троцкизме.

Через год Балицкому выговор сняли, но вскоре снова завели персональное дело. На этот раз Антона Васильевича исключили из партии 4 июля 1924 г. как «идеологически чуждый элемент, не переваривший из-за пребывания в партии бюрократизм и оторванность от партийной жизни»⁵⁸. В резолюции заседания партколлегии ЦКК при ЦК КП(б)Б говорилось, что т. Балицкий «является неустойчивым членом партии, что выразилось в устройстве им банкета по случаю чествования Д.Ф. Жилуновича, чему был придан мещанский и обывательский характер»⁵⁹. Докладывал вопрос на заседании партколлегии ЦКК по ее поручению

⁵⁷ «Рабочая оппозиция» — группа в РКП(б), выступавшая за передачу управления народным хозяйством профсоюзам, считала, что управление экономикой должно быть в руках рабочих, а не бюрократии. Лидерами были Шляпников, Коллонтай и другие, осуждена и распущена на XI съезде РКП(б) в 1922 г.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

В.Ф. Шарангович⁶⁰, уполномоченный по проверке ячейки Наркомпроса. В постановлении партколлегии ЦКК от 21 июля 1924 г. говорилось:

1. Исключить т. Балицкого из партии сроком на один год.
2. РК КП(б)Б влить в рабочую ячейку т. Балицкого, который должен в течение года доказать свою устойчивость и преданность большевистской партии, ее принципам и тактике.
3. Просить ЦК КП(б)Б влить в НКП на руководящую работу выдержанного и стойкого большевика на предмет углубления партийной линии.
4. Прием обратно в партию через рабочую ячейку.

Вместе с Балицким пострадал и Жилунович. Даже беглое знакомство с личностью Дмитрия Федоровича Жилуновича убеждает нас в том, что, скорее всего, в этой истории лета 1924 г. главной мишенью был именно он, а не Балицкий. Жилуновича любили. Участник первой русской революции, член Копыльской организации РСДРП с 1906 г. Сначала кожевенник, а потом рабочий завода «Вулкан» в Петербурге. После победы Октябрьской революции — секретарь Белорусского национального комитета (Белнацкома) в Петрограде, редактор газеты «Дзянніца», затем первый председатель (1919 г.) Временного революционного правительства Советской Белоруссии. Участник гражданской войны, популярный писатель и поэт, известный больше под псевдонимом Тишка Гартный, историк литературы, критик — всего не перечесать. В 1923 г. в связи с его 15-летним творческим юбилеем вышло даже партийное решение о признании его народным поэтом республики. Однако соответствующего правительственного постановления не последовало. Почему?

Кто были недоброжелатели Жилуновича? Что их не устраивало? Дмитрий Федорович оставался человеком чести — независимый, с норовом, патриот, он мог поставить под сомнение абстрактную идею мировой революции, хотя и сам состоял в большевистской партии, его поведение отличалось непредсказуемостью, но к его мнению прислушивались, с ним считались, у него просили совета. Любопытно, какую характеристику дала партколлегия НКП в июне 1924 г., рассматривая его дело совместно с делом Балицкого:

⁶⁰ См. Словарь имен с. 362.

Д.Ф. Жилунович (ячейка НКП), 36 лет, партстаж с октября 1917 г., состоял членом РСДРП (группа Троцкого с 1904 по 1917 г.), интеллигент-журналист, образование низшее, зав. Госархивом, зав. коллегией Истпарта, исключен из партии 4 июля 1924 г. за оторванность от масс и обывательскую психологию.

Постановили:

- 1. Исключить из партии т. Д.Ф. Жилуновича на 6 месяцев.**
- 2. Предложить т. Д.Ф. Жилуновичу связаться с рабочей массой, заняться самоподготовкой и изжить мещанские тенденции.**
- 3. Обратный прием в партию через рабочую ячейку с проверкой партийных знаний⁶¹.**

А.В. Балицкий и Д.Ф. Жилунович не согласились и апеллировали к Бюро ЦК КП(б)Б, после чего были восстановлены в партии. В отношении Антона Васильевича, в частности, в протоколе Бюро ЦК КП(б)Б было записано:

Принимая во внимание способность тов. Балицкого воспринимать партийное руководство и партийные директивы, просить партколлегию пересмотреть вопрос об исключении из партии⁶².

Собственно говоря, руководство Компартии республики и не могло принять другого решения, потому что еще совсем недавно (12 января 1923 г.) оно за подписью В.А. Богуцкого, первого секретаря ЦК КП(б)Б, характеризовало Балицкого следующим образом:

Энергичный, твердый, дельный работник, хорошо знакомый со всеми сторонами дела народного образования. Имеет три года административно-организаторского стажа в этой отрасли. Может быть использован как агитатор. Некоторое упрямство в его характере приводит к недоразумению⁶³.

Что такое «некоторое упрямство»? Возможно, под этим как раз и скрывались независимость и самостоятельность Балицкого? По крайней мере, хорошо известно, что послушным и покладистым, «удобным человеком» он, действительно, не был. Здесь очень важно привести еще одну выписку из протокола Президиума Центрального бюро

⁶¹ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 3, л. 434.

⁶² Там же, л. 409.

⁶³ Там же, ф. 15, оп. 5, д. 11, л. 9.

КП(б)Б от 25 октября 1923 г.: «А.В. Балицкий фактически руководит Наркомпросом БССР»⁶⁴.

Возможно, Балицкому помогло и то обстоятельство, что Вацлав Антонович Богуцкий лично знал его по Гродненщине. Фигура Богуцкого разрасталась легендами: член социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы (1904 г.), он был девять раз арестован за революционную деятельность и четыре года провел в тюрьмах, создатель организаций Компартии Польши в Белостоке и Гродно, а затем председатель Гродненского Совета (1919 г.), в 1919–1920 гг. он возглавлял ЧК в Минске, член ЦК КП(б)Б и одновременно член Бюро по нелегальной работе ЦК КП(б)Б Литбела. В 1922–1924 гг. он также исполнял обязанности секретаря ЦК КП(б)Б и зам. председателя СНК БССР⁶⁵.

Однако Антон Васильевич стал уже «меченым». Несмотря на то, что он прекрасно разбирался в вопросах народного образования, «не вылазил», по его собственному выражению, из командировок по самым отдаленным районам республики, без устали выдвигал новые предложения по культурному строительству — одним словом, работал не за страх, а за совесть, доверия к нему со стороны партаппарата не было. Когда встал вопрос о том, кто же может быть преемником Игнатовского на посту наркома НКП БССР в связи с перегрузкой общественной работой, лучшей кандидатуры, чем его заместитель Балицкий, не было. Вместе с тем заседание Бюро ЦК Компартии Белоруссии от 20 ноября 1924 г., обсуждавшее этот вопрос, записало в своем решении:

1. Назначить В.М. Игнатовского заведующим отделом печати ЦК КП(б)Б.

2. Считать, что по политическим соображениям до следующего съезда Советов БССР необходимо оставить В.М. Игнатовского на посту народного комиссара просвещения.

3. Возложить всю работу по Наркомпросу на А.В. Балицкого⁶⁶.

Как воспринял это Антон Васильевич? Конечно, был огорчен. Быть без вины виноватым, выслушивать несправедливые упреки горько. Но время и труд, как известно, лечат. Жизнь продолжалась. Тем более что

⁶⁴ НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, л. 9.

⁶⁵ *Белорусская ССР: Краткая энциклопедия*. Минск, 1982 г., т. 5, с. 66.

⁶⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 10, л. 389.

за должностями Балицкий никогда не гнался, а обязанностей у него всегда хватало. Кем только ему ни доводилось бывать! Даже членом Совета Осоавиахима республики, шефом РККА Минского гарнизона, членом президиума Рабпроса, директором Минской партшколы, лектором и организатором всевозможных курсов повышения квалификации учительских кадров, ответственным за работу Минского политпросвета и т. д.

Осенью 1924 г. был образован первый состав Института белорусской культуры (Инбелкульт) под председательством Игнатовского. В его президиум вошли пять человек, кроме того, организовано 16 постоянных комиссий и 16 секций. Балицкого назначили председателем педагогической секции. И везде ему нужно было успевать⁶⁷. Антон Васильевич успевал. Его любили, им гордились, хотя и немного побаивались. И вот закономерный результат — 4 февраля 1926 г. Бюро ЦК Компартии республики на своем заседании принимает решение о рекомендации СНК БССР назначить А.В. Балицкого на пост народного комиссара просвещения республики⁶⁸.

Засучив рукава, Балицкий принялся за работу уже в новом качестве. В 1927/28 уч. г. в Беларуси существовало 5 167 четырехлетних трудовых школ, не считая семилетних, фабрично-заводских семилеток, школ рабочей и сельской молодежи. В четырехлетних школах как наиболее массовых и распространенных учебных заведениях республики обучалось 356 850 учащихся, работал 7 761 педагог, в семилетних же (309) обучалось 110 243 учащихся, которым преподавали 4 057 учителей⁶⁹.

Зимой 1928 г. в Минск пришло приглашение принять участие в работе международной педагогической конференции, которую организовал в Лейпциге Парижский интернационал работников просвещения. К конференции планировалось приурочить специальную выставку о состоянии педагогической науки и народного образования в городах Германии, Швейцарии, Австрии, Чехословакии, Польши, Франции и всех союзных республик Союза ССР⁷⁰.

Антон Васильевич загорелся этой идеей. По его мнению, выставка должна была уделить внимание вопросам развития единой трудовой

⁶⁷ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 4, л. 615.

⁶⁸ Там же, д. 10, л. 60.

⁶⁹ *Педагогическая энциклопедия*: В 3 т. Москва, 1927 г., т. 3, с. 606.

⁷⁰ НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 290, лл. 41–43.

школы. Он составил следующий примерный план выставки: просветительная политика советской власти и система народного образования СССР, ее материальная база и особенности управления, кадры работников просвещения, школьная сеть. Особо выделялись типы единой трудовой школы, и им давалась обстоятельная характеристика: школы для переростков, фабрично-заводская семилетка (ФЗС), школа крестьянской молодежи (ШКМ) и профессиональный уклон в школах второй ступени (5–9-й классы). Отдельные стенды были посвящены учебным планам и программам, комплексной проработке одной из тем в каждой из четырех групп, а также общественно-полезной работе, физическому труду в школе, художественному воспитанию, спортивной подготовке в школе, самоорганизации учащихся, клубной работе, детскому коммунистическому воспитанию, школьному краеведению, охране детства, дошкольному воспитанию.

Выставка в Лейпциге 9–12 апреля 1928 г. прошла успешно. Павильон Советского Союза, где были представлены материалы, рассказывавшие о состоянии народного образования Беларуси и других союзных республик, оказался одним из самых популярных. Посетителей интересовало, как на практике можно поставить дело народного образования в обществе, где отсутствует частная собственность, эксплуатация человека человеком, элитарные и закрытые учебные заведения, где школа отделена от церкви, а церковь от государства. А.В. Балицкий, в числе других организаторов экспозиции советского павильона, получил благодарность от руководства Наркомата просвещения СССР. Положительную оценку А.В. Луначарского Балицкий имел не случайно. За год до этого, в апреле 1927 г., VIII съезд Советов БССР уже знакомился с концепцией народного образования республики, одним из авторов которой был Антон Васильевич Балицкий. Проект «Система народного образования БССР» полностью публиковался в газете «Звезда». Там же мы находим и резолюцию съезда:

Считать, что организационный опыт существования культурно-просветительных учреждений является удовлетворительным... Съезд Советов поручает СНК БССР в ближайший период рассмотреть и утвердить систему народного просвещения Белоруссии. Во исполнение этого решения Наркомпрос БССР вынес проект системы народного образования на рассмотрение и утверждение законодательных органов республики. Особо хочется выделить в нем такой момент: значительно

улучшилось материальное благосостояние учительства и учащихся. Это должно было повысить социальный статус педагогических работников и улучшить условия жизни и учебы тех юношей и девушек, для которых стипендия, выплачиваемая в учебных заведениях, была одним из основных источников существования⁷¹.

Так, в течение первой пятилетки, начиная с 1928/29 уч. г., планировалось поднять заработок учителя первого концентра (1–4-й классы) до 80 руб. в месяц, второго концентра (5–9-й классы) — до 120 руб., техникумов и училищ — до 140 руб. Размер стипендий высших учебных заведений теперь равнялся 25 руб., а в средних специальных учебных заведениях — от 16 до 18 руб. Воспитатели детских садов по данному проекту получали уже 60 руб., а стипендии воспитанникам детских домов, которые поступили на учебу в техникумы и на рабфаки, составили 23 руб.⁷²

Вместе с тем накал политической борьбы в Советском Союзе на фоне экономических противоречий, вызванных НЭПом, стремительно нарастал. Все ближе становился сталинский «крутой перелом». Борьба за власть в партии и руководстве страны близилась к своей завершающей фазе. Сталинская группа, узурпировавшая власть в ЦК ВКП(б), разворачивала государственную машину в обратную сторону, общество готовилось жить вновь по законам «военного коммунизма». Разрушение свободного рынка, национализация земель, промышленности, торговли требовали создания целой армии бюрократии, куда более многочисленной, чем даже при царском режиме. Врожденным пороком новой казенной системы явилась вопиющая невежественность. На руководящие посты назначались не специалисты, знатоки своего дела, а «сознательные большевики», умевшие обеспечить повиновение. Некомпетентность новых чиновников вынуждала брать на работу вместо одного дельного работника двух несведущих. Рождалась новая каста людей, которые вскоре начнут мнить себя солью земли. НЭП был для них только помехой.

Антон Васильевич Балицкий тяжело переживал эти перемены. Штаты разбухали на глазах, людей, с которыми он начинал работу в Наркомпросе, приходилось увольнять (хорошо еще, если по собствен-

⁷¹ НАРБ, ф. 42, оп. 1, д. 290, лл. 41–43.

⁷² Там же, л. 30.

ному желанию), ибо не все мирились с показухой, которой требовали при «ускоренной подготовке» кадров для социалистической промышленности и сельского хозяйства. Школьное строительство откровенно рассматривалось как подсобное хозяйство для нужд экономики. Культурное развитие все больше отодвигалось на дальний план, замедлялся духовный рост учащихся. Именно по этой причине со своего поста вынужден был уйти А.В. Луначарский, симпатизировавший Балицкому и даже дважды (1926 и 1927 гг.) побывавший в гостях у Антона Васильевича дома в Минске.

Что должен был чувствовать Балицкий, читая в своем рабочем кабинете ежедневную сводку о настроениях учительства в том или ином округе республики, составленную специально для руководящих работников Наркомпроса по требованию партийных органов? Нам удалось отыскать в архиве одну такую сводку за 1928 г. Приведем из нее несколько фрагментов:

Настроения в разных группах учительства не одинаковы. В сельской местности и местечках учителя подвержены влияниям идей, которые родились в результате натиска на частника и ухудшения его материального положения. Городское учительство стоит ближе к нам и с пониманием воспринимает задачи Коммунистической партии и советской власти. Если говорить о еврейском учительстве, то оно болезненно реагирует на проявления антисемитизма. Среди польского учительства часть настроена к советской власти враждебно, многие общественно пассивны, но большая часть близка к нам по духу и ведет большую работу среди польского населения. Среди латышского учительства пассивной, в основном, является старая часть учителей, некоторые настроены просто враждебно к мероприятиям советской власти. Остальные близки к нам, среди них много коммунистов и комсомольцев. Большинство литовских учителей нам симпатизируют. В последнее время усилилось влияние церкви на учащихся. Отмечаются случаи непосещения школ в дни религиозных праздников, а среди еврейских детей — нежелание писать в субботу. Особенно сильно сгущается влияние церкви на польских и литовских детей, слабее на латышских⁷³.

⁷³ НАРБ, ф. 42, оп.1, д. 290, л. 38.

Антон Васильевич гнал от себя дурные мысли. Слишком велика была его вера в здравый смысл, в товарищей, с которыми он не однажды пережил самые непростые ситуации. Или сказывалась недюжинная сила его оптимизма?

Был ли Балицкий реалистом? Да, безусловно. Понимал ли он, что события, которые разворачивались у него на глазах, должны были иметь свое логическое продолжение? Уже состоялся показательный процесс над деятелями «Промпартии»⁷⁴, так называемое «Шахтинское дело»⁷⁵, закручивалось дело «Трудовой крестьянской партии»⁷⁶. Кто станет следующим? Самое трудное было определить эпицентр партийного и государственного землетрясения, толчки от которого последовательно ощущались по всей стране. Сегодня мы знаем, что через непродолжительное время основную когорту старых революционеров снимут с руководящих постов и одна ее часть окажется в тюрьмах и ссылках, другая капитулирует и, деморализованная, будет владеть жалкое существование в рядах партии. Третьи превратятся в верных слуг вождя-диктатора. Здесь будет к месту привести свидетельство современника, участника описываемых событий, осмелившегося подняться на борьбу с самим Сталиным. Секретарь Краснопресненского РК ВКП(б) г. Москвы Мартемьян Рютин⁷⁷ в начале 1930-х гг. писал в своей книге «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»:

⁷⁴ «Дело Промпартии» — организованный властью СССР крупный судебный процесс на основе сфабрикованных материалов по делу о вредительстве в 1925–1930 гг. в промышленности и на транспорте, состоявшийся 25 ноября — 7 декабря 1930 г., все осужденные по этому делу были реабилитированы в 1991 г.

⁷⁵ «Шахтинское дело» — судебно-политический процесс (1928 г., Москва) над руководителями и специалистами ряда шахт Донбасса, которых обвинили во вредительстве и саботаже, обозначивший переход от НЭПа к «социалистическому наступлению» в экономике.

⁷⁶ «Трудовая крестьянская партия» — дело о контрреволюционной вредительской организации, якобы существовавшей в СССР в 1921–1941 гг., как часть борьбы против курса на коллективизацию деревни. Все обвиняемые реабилитированы (1987).

⁷⁷ Мартемьян Никитич Рютин (1890–1937 гг.) — советский политический и партийный деятель, один из тех, кто пытался противостоять Сталину, не принял политику коллективизации в деревне и методы индустриализации страны и поддерживал правую оппозицию, смещен с должности секретаря Краснопресненского РК ВКП(б) Москвы, арестован по делу «Союза марксистов-ленинцев» (1932), отказался отвечать на вопросы следователя, несмотря на жестокие истязания и обещания дать свободу, пытался покончить с собой, расстрелян (1937), реабилитирован (1988).

Сначала осторожно, а потом все смелее сбрасывая с себя маску «скромного» старого большевика, которого партия «заставила нести тяжкое бремя генсека», Сталин все более проявлял стремление проникнуть в пантеон великих людей, не брезгуя никакими средствами. Уже свой 50-летний юбилей он превратил в настоящее «коронование на царство». Тысячи самых подлых, гнусных, холуйски-раболепных резолюций и приветствий от «масс», состряпанных вымуштрованными партийными, профсоюзными и советскими аппаратами, адресованных «дорогому вождю», «лучшему ученику Ленина», «гениальному теоретику», тысячи статей в «Правде» и др. газетах, в которых авторы объявляли себя учениками Сталина, — все это было в 1929 г.⁷⁸

И далее:

...партийный работник должен уметь виться ужом, гнуться, как тростник, беспрерывно балансировать на «генеральной линии партии»⁷⁹.

В конце 1920-х гг. сталинизм начал прямое наступление на интеллектуальный потенциал союзных республик. Главной мишенью стали представители национально-освободительного движения, пришедшие в партию и начавшие активно сотрудничать с советской властью в ходе революции и гражданской войны. В числе первых подвергся массовой атаке даже не Игнатовский, организатор и руководитель в прошлом так называемой Белорусской коммунистической организации, влившейся позднее в КП(б)Б, а председатель ЦИК БССР и член ЦИК СССР А.Г. Червяков.

Игнатовского ввели в состав комиссии ЦК партии, которая готовила решение по Червякову. Игнатовский был еще «чист» в 1928 г. Но Червяков оказался слишком крупной фигурой, чтобы свалить ее с первой попытки. От него отступились, и с момента XII съезда Компартии Белоруссии начинается открытая атака на Игнатовского. Система пробовала «варианты», проверить их она еще не успела, но основные фигуры, по которым предполагалось нанести удар, были намечены. Повторим еще раз, что речь идет еще не о «правоверных больше-

⁷⁸ НАРБ, ф. 42, оп.1, д. 290, л. 38.

⁷⁹ Там же.

виках», а о тех, кто пришел из национального движения. Из-за своего прошлого, а также того, что он находился в числе тех, кто активно проводил белорусизацию и в целом выступал за суверенитет Беларуси, за ее национальное и государственное самоопределение, Игнатовский был обречен. Здесь важно помнить, что самой белорусизации как таковой без поддержки Коммунистической партии и быть не могло⁸⁰.

Белорусских деятелей культуры и науки стали обвинять в национал-демократизме. Первоначально это понятие рассматривалось как правая опасность в культурном строительстве, а позднее оценки ужесточились. Под ним начали понимать идеологию и практику контрреволюционного националистического течения, которое ставило своей целью реставрацию капитализма в БССР. В действительности такой опасности не было и близко.

Обвинения в нацдемовщине все чаще стали звучать в адрес таких известных государственных и партийных деятелей, как В.М. Игнатовский, Д.Ф. Жилунович, Д.Ф. Прищепов, П.В. Ильющёнок, А.Ф. Ульянов, М.С. Куделька (Михась Чарот), П.Р. Головач, А.Ф. Адамович и А.В. Балицкий. При этом за проявление крамолы выдавались факты, не содержавшие никакой враждебности социализму, но в истолковании сталинистов получившие именно такую интерпретацию.

В подтверждение сказанного здесь можно сослаться на прозвучавшую официальную критику выступлений Балицкого, Жилуновича и Игнатовского на академической конференции, посвященной проблеме белорусского правописания (ноябрь 1926 г. в Минске). В вину Антону Васильевичу Балицкому ставилось то, что он не протестовал против оформления зала заседаний конференции в национальных тонах. Его также упрекали в том, что в своей речи он не славословил Коммунистическую партию, ее роль в создании БССР и развитии белорусской культуры, а В.М. Игнатовского — в преувеличении роли белорусских революционных демократов в пробуждении национального самосознания, в идеализации отдельных сторон исторического прошлого Белоруссии⁸¹.

Примечательно, что комиссия ЦКК ВКП(б) под руководством В.Т. Затонского, обследовавшая в мае-июне 1929 г. практику нацио-

⁸⁰ Архив автора. Запись беседы со старшим научным сотрудником Института истории партии при ЦК КПБ А.С. Королем в Минске 22 апреля 1989 г.

⁸¹ Н. Сташкевич, Ю. Смирнов. «Трудный путь к истине» // *Советская Белоруссия*, 1989 г., 12 сентября.

нального строительства в БССР, в своем докладе Президиуму ЦКК ВКП(б) обратила внимание на примиренческую позицию Игнатовского, Жилуновича, Адамовича и Балицкого при обсуждении вопроса о возможности перехода на латинский шрифт. Комиссия фактически поставила под сомнение всю практику национально-культурного строительства в Белоруссии, охарактеризовав ее как не соответствующую линии партии. Правда, ее главный вывод гласил:

Нет ни малейших оснований подозревать партийное руководство Беларуси в каких бы то ни было симпатиях к белорусскому национализму⁸².

Это, однако, впоследствии не спасло партийных, государственных работников, деятелей культуры и науки республики от жестоких проработок и репрессий. В сентябре 1929 г. Я.Б. Гамарник, первый секретарь ЦК КП(б)Б, провел специальный пленум ЦК, который должен был теоретически подготовить разгром нацдемовщины. Решения приняли, но выполнять не торопились, они «повисли в воздухе». Тогда Сталин отозвал обратно в Москву Гамарника и начальника ОГПУ по Белоруссии Пиляра в срочном порядке, не подобрав замену, и республика несколько месяцев жила без первого секретаря ЦК. Потом прислали замену. На пост первого секретаря ЦК Компартии республики был «избран» К.В. Гей, а начальником ОГПУ назначен Г.Я. Рапопорт. Они оказались достаточно активными исполнителями сталинского «поворота» в БССР.

Сохранились телеграммы Гея в Москву о том, что интеллигенция республики настороженно приняла «новую политику» центра, с недоверием отнеслась к назначенному руководству, отказывается от сотрудничества. Одной из первых жертв оказался президент Академии наук БССР, предшественник А.В. Балицкого на посту наркома НКП БССР В.М. Игнатовский, застрелившийся у себя дома в Минске после оскорбительного допроса в ОГПУ. Похороны Игнатовского пришлось даже переносить. Сделали это намеренно, чтобы не собрались коллеги, друзья и соратники, просто люди из народа проводить его в последний путь. Сначала было объявлено, что похороны состоятся в 14:00, а предали тело земле рано утром втайне от посторонних. Два сына

⁸² Н. Сташкевич, Ю. Смирнов. «Трудный путь к истине» // *Советская Белоруссия*, 1989 г., 12 сентября.

Игнатовского погибли в лагерях, арестованные в середине 1930-х гг. как «члены семьи изменника Родины» (ЧСИР).

Как объясняли нападки на национальные кадры союзных республик? В чем состоял парадокс шельмования? Как нам представляется, никакого «парадокса» не существовало. Просто сталинисты не верили представителям старой интеллигенции. Они считали, что должна быть новая генерация людей, выросших при советской власти, полностью оторванная от «вредного» прошлого. Считалось, что только такой человеческий материал будет пригоден для строительства нового общества. Это оказалось страшной и трагической ошибкой как для советских людей, так и для общего дела построения социализма.

Довольно типична для того времени и судьба Владимира Ивановича Самойло, учителя Янки Купалы. В прошлом он был кадетом, а в 1940 г., когда Красная армия пришла в Вильно, его арестовали. Зачем? Ему было уже 75 лет. Не доверяли в принципе. В.И. Самойло, конечно, погиб. Другими словами, уничтожали все и вся, что было связано со старым миром и особенно с политическими противниками большевиков⁸³.

Травля национальной интеллигенции, по мысли ее организаторов, в условиях невиданной централизации и силы аппарата должна была действовать чуть ли не автоматически. Терроризируя кого-то, каждый в то же время вынужденно терроризировал и самого себя. Заставляя лицемерить других, и сам выполнял определенную долю этой «работы». К чести Балицкого, он оказался выше подобных расчетов. Примером может служить его позиция в конце 1928 г., когда Антон Васильевич публично отстаивал принципы Научно-методического комитета (НКП) БССР и его руководителя Ривеса.

14 октября 1928 г. «Советская Белоруссия» опубликовала фельетон «Плевок белорусскому языку и школе малограмотных», который содержал надуманные и голословные обвинения отделов народного образования и научно-методического комитета Наркомпроса. Балицкий, анализируя «фельетон», убедительно доказал его несостоятельность. В частности, он говорил, что в обязанности НКП входили не корректорская, редакторская и издательская деятельность, а контроль за научной и методической стороной педагогических работ, которые

⁸³ Архив автора. Запись беседы со старшим научным сотрудником Института истории партии при ЦК КПБ Николаем Стефановичем Шашкевичем в Минске 24 декабря 1988 г.

готовились Комитетом к печати. Антон Васильевич при этом делал ударение на том, что «крайне неуместно имеющимся просчетам в конкретной и практической работе НМК придавать идеологический и политический характер»⁸⁴.

Действительно, научно-методический кабинет Наркомпроса имел в Минске только двух штатных работников, методические же комитеты в округах и районах республики вообще не располагали штатными должностями сотрудников. Всю работу там выполняли учителя-энтузиасты на общественных началах. Балицкий, самокритично принимая в свой адрес упрек в том, что огромный объем работы еще предстоит выполнить, сообщал в то же время, что есть конкретные результаты, а именно: составлены стабильные программы деятельности для целого ряда культпросветучреждений, изданы учебные программы и рабочая книга для одноклассных школ. Многим из них еще не было аналогов в целом по стране.

В марте 1929 г., чувствуя, как тучи сгущаются над его головой, Антон Васильевич находит в себе мужество защищать своих коллег и единомышленников. По его инициативе Коллегия НКП БССР принимает специальное постановление в защиту академика Пичеты: «В связи с выпадами отдельных научных сотрудников БГУ как в печати, так и на собраниях против ректора БГУ Пичеты, Коллегия Народного комиссариата просвещения постановляет считать общую линию правления БГУ им. Ленина во главе с профессором Пичетой правильной»⁸⁵. И подпись: «Народный комиссар просвещения Балицкий»⁸⁶. Мог ли он сделать еще что-нибудь? Вскоре политические оценки национал-демократизма в республике превратились в обвинение большой группы белорусской интеллигенции в неприятии советского строя. В общественное мнение настойчиво внедряли мысль о существовании в БССР якобы тщательно законспирированной контрреволюционной организации «Саюз вызвалення Беларусі» (СВБ)⁸⁷, хотя ни тогда, ни

⁸⁴ НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, лл. 65–67.

⁸⁵ Л. Шуман. «Держаться правды» // Сельская газета, 1990 г., 20 февраля.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Дело «Саюза вызвалення Беларусі» сфальсифицировано ГПУ против деятелей белорусской науки и культуры; весной и летом 1930 г. было арестовано 108 чел., из которых 86 осуждены. В 1937–1941 гг. дело СВБ было пересмотрено, многие обвиняемые расстреляны, другие заключены в лагеря, а следователи ГПУ, которые вели дело «Саюза вызвалення Беларусі», устранены, репрессии против еще оставшихся в живых обвиняемых в членстве в СВБ продолжались и в 1949–1952 гг.

позже не удалось обнаружить прямых доказательств существования такой организации. Дело «Саюза вызвалення Беларусі» фактически знаменовало собой изменение соотношения сил в ВКП(б) и отказ от политики коренизации⁸⁸ в пользу ассимиляции национальных республик, русификации и интернационализма.

Пленум ЦК КП(б)Б в октябре 1930 г. открыто заявил о существовании «Саюза вызвалення Беларусі». По республике прокатилась серия необоснованных арестов видных представителей белорусской культуры, науки и просвещения. Руководство «организацией» приписывалось Я.Ю. Лёсику, С.М. Некрашевичу, В.Ю. Ластовскому и др. Следственные органы стремились во что бы то ни стало доказать связь СВБ с другими организациями, будто бы существовавшими в Беларуси:

...Проникнув в ряд учреждений (Наркомзем, Наркомпрос, Белгосуниверситет, Академия наук, Белгосиздат и др.) нацелены под прикрытием своей агентуры, пролезшей в партию (Игнатовский, Прищепов, Адамович), сосредоточили свою работу на следующих направлениях:

- 1. Подготовка классовой базы внутри республики, на которую могла бы опереться интервенция, укрепление кулачества. Организация остатка городской буржуазии и реакционной части белорусской интеллигенции.**
- 2. Шпионская работа по заданию белорусских контрреволюционеров за границей и разведок соседних капиталистических стран⁸⁹.**

Для этой цели якобы были широко использованы краеведческие товарищества, географическая комиссия БАНа и др. Кроме того, осуществлялось идеологическое обеспечение отрыва БССР от СССР и присоединение к белопанской Польше. Этому служила и «теория

⁸⁸ Коренизация — политика преодоления противоречия между центральной властью и коренным населением советских республик (выдвижение к руководству представителей местных национальностей, создание национально-территориальных автономий, внедрение языков национальных меньшинств в книгоиздание, средства массовой информации, делопроизводство, образование) была свернута конце 1930-х гг. и заменена политикой русификации.

⁸⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 130, лл. 80–83.

самобытности», которая возводила в принцип узкую национальную ограниченность, затушевывание помощи Белоруссии, искоренение из белорусского языка всего того, что его сближало с культурами других народов страны, насыщение белорусского языка польскими, чешскими заимствованиями, непонятными массам, ориентация на язык белорусского кулачества, вытравливание слов, рожденных пролетарской революцией, а также «теория» борьбы белорусской и русской культур и связи белорусской культуры с капиталистическим Западом.

Мы не случайно подробно процитировали документ той эпохи, который до сих пор нигде не публиковался. Вчитываясь в «аргументацию» следственных органов ОГПУ, которая фабриковалась по заданию партийных органов союзного и республиканского подчинения, можно понять весь абсурд обвинения, несостоятельность которого не подлежит никакой критике.

В этой связи позволим себе привести еще несколько выдержек из документов ЦК КП(б)Б, которые показывают планомерный и последовательный характер фальсификации:

Эта работа стала возможной в результате притупления большевистской бдительности и наличию в КП(б)Б ярко выраженного националистического уклона под руководством В. Игнатовского, который, как установлено, был провокатором в рядах партии. ЦКК при ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 25 марта 1930 г. указала Компартии Белоруссии, что «национал-демократизм пока еще не уничтожен, и, поскольку сохраняются классы и обостряется классовая борьба, возможны новые проявления национал-демократизма и попытки его создать противодействие генеральной линии партии». Конец относительной стабилизации капитализма, переход к новому туру революций и войн, усиление фашистской реакции в мире делают основной ставку нацдемов на интервенцию. Национал-фашисты за границей объединяются: Луцкевич, Островский и др. в Польше, Езовитов и Пигулевский в Латвии, Яковюк в Литве, а также тесная связь их с русскими и украинскими белогвардейцами, германскими и польскими фашистами. Все эти силы объединились против рабочих и крестьян Белоруссии⁹⁰.

⁹⁰ НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 130, лл. 80–83.

Упоминание в документе об «украинских белогвардейцах» не случайно. Фабрикация «дел» о националистах и предателях в союзных республиках осуществлялась целенаправленно. В том же 1930 г. на Украине состоялся «процесс» по делу СВУ «Спілка визволення України», мифической организации, как и СВБ. До конца 1980-х гг. нельзя было говорить о Василе Чумаке, Василе Эллане-Блакитном, а тем более Игнате Михайличенко и Андрее Заливчем. Их на десятилетия предали анафеме⁹¹. Расследование «преступной деятельности» «Саюза вызвалення Беларусі» шло трудно. Из Москвы поступали строгие директивы, а в Белоруссии их не торопились выполнять. Подтверждение этому мы находим в постановлении VIII Пленума ЦК КП(б)Б (декабрь 1933 г.):

ЦК ВКП(б) в своих постановлениях предупредил ЦК КП(б)Б о необходимости усиления борьбы со словесно-декларативным отношением коммунистов к проведению генеральной линии партии и усиления борьбы с гнило-перерожденческими тенденциями в партии, прикрывающими свою антисоветскую работу фальшивым национальным флагом. ЦК ВКП(б) потребовал от Коммунистической партии Белоруссии развернуть действительно большевистскую борьбу за принципы интернационализма, имея в виду отдельные случаи потворства белорусскими партийными и советскими организациями буржуазно-кулацким и националистическим тенденциям⁹².

Упрек из Москвы о «потворстве» имел прямое отношение к делу Балицкого. 31 августа 1929 г. было принято постановление Президиума ЦИК БССР об освобождении Антона Васильевича от обязанностей народного комиссара просвещения республики и о назначении на этот пост Антона Мартыновича Платуна⁹³. В середине сентября 1929 г. начинается организованная кампания в прессе, направленная против бывшего наркома. 14 сентября появляется статья в «Звезде» под громким названием «На кого брал ставку Наркомпрос?» Автор статьи-доноса В. Межевич, бывший заведующий одним из окружных отделов народного образования БССР, выдвинул сразу несколько совершенно нелепых обвинений в адрес А.В. Балицкого. Например, в том, что «в число аспирантов попали дети попов, бывших помещиков,

⁹¹ И. Дзюба. «Пятьдесят лет спустя» // *Дружба народов*, 1989 г., № 4, с. 211.

⁹² НАРБ, ф. 4, оп. 3, д. 130, л. 85.

⁹³ *Собрание законов БССР*, 1929 г., отд. 2, № 20, пост. 137.

кулаков и белогвардейцев, кого угодно, но только не дети рабочих и крестьянской бедноты» или что «идеологически враждебная нам профессура создавала для аспирантов-коммунистов невыносимые условия, и они вынуждены были покидать учебу»⁹⁴.

Балицкий отреагировал мгновенно. 16 сентября он лично принес в редакцию «Звезды» свое заявление, в котором протестует и высказывает возмущение недобросовестностью аргументов Межевича. Антон Васильевич приводит цифровой материал, который свидетельствует о том, что на самом деле представлял собой социальный портрет аспирантуры Наркомпроса БССР⁹⁵. Так в 1928/29 уч. г. по всем учреждениям НКП республики в составе аспирантов были 58% коммунистов, 21% рабочих, 52% крестьян, 25% служащих и 2% «прочих».

Антон Васильевич напоминает, что еще в марте 1929 г. он возглавлял проверку состава аспирантуры, для того чтобы вычистить социально чуждых⁹⁶. Кроме того, Балицкий приводит данные приема в белорусские вузы и техникумы, сравнивая их с учебными заведениями РСФСР и Украины. Эти данные свидетельствовали, что процент рабочих в Беларуси рос быстрее, чем в названных союзных республиках. Кроме того, НКП БССР вел специальную социальную статистику, чего не делалось в Российской Федерации и на Украине. Но преследования в прессе продолжались. 27 сентября 1929 г. «Сельскохозяйственная газета» опубликовала фактически анонимную статью, подписанную инициалами «А.И.» под названием «Политика и люди». В подзаголовке значилось: «Правый оппортунизм и вопрос о кадрах. Теория уступок и классовая борьба». В статье читаем:

Бывший наркомпрос Балицкий был связан в прошлом с белой гвардией. На протяжении нескольких лет он ничего не сделал для подготовки специалистов из рабочих. Наркомпрос покровительствовал тем студентам, которые боролись против пролетаризации вузов. В своих отчетах он с особым удовлетворением отмечал не рост пролетарской прослойки в вузах, а увеличение числа белорусов «вообще».

⁹⁴ *Звезда*, 14 верасня 1929 г.

⁹⁵ Аспирантура Академии наук БССР и Института им. В.И. Ленина во внимание не принимались, ибо они не были подведомственными Наркомпросу и набирали аспирантов самостоятельно (примечание А.В. Балицкого).

⁹⁶ НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, лл. 68–69.

Удивительно ли после этого, что в БССР до сих пор не было твердого курса на подготовку преданных революции марксистско-образованных сил? Курс был диаметрально противоположный, на всяческое обхаживание национал-демократической интеллигенции. Эта последняя, в свою очередь, использовала этот курс для того, чтобы захватить в свои руки научные учреждения⁹⁷.

«Сельскохозяйственная газета» издавалась в Москве. Следовательно, удар наносился оттуда. В Минске его должны были продублировать. И действительно, 29 сентября орган ЦК КП(б)Б газета «Рабочий» перепечатала статью полностью со ссылкой на «Сельхозгазету». Но, как известно, у лжи короткие ноги. Возможно, кому-то вне пределов Белоруссии «аргументы» «А.И.» и показались убедительными, но только не в самой республике, где знали настоящее положение дел и самого руководителя Наркомпроса. Неслучайно поэтому уже 1 октября 1929 г. газета «Рабочий» помещает примечание от редакции, где указывается, что сделанная перепечатка из «Сельхозгазеты» является ошибкой и редакция «Рабочего» с ней не солидаризируется⁹⁸.

В конце октября 1929 г. А.В. Балицкий продолжал бороться. Он был глубоко убежден не только в своей правоте, но и в том, что партия его защитит от наветов недоброжелателей, наконец, что все это просто «недоразумение». 29 октября 1929 г. Антон Васильевич написал письмо на имя наркома РКИ СССР и члена Президиума, секретаря партколлегии ЦКК ВКП(б) Емельяна Ярославского. Вместе с заявлением Балицкий послал приложение на 14 листах, вырезки из периодической печати, свои объяснения.

Сохранился подлинник письма А.В. Балицкого на имя Емельяна Ярославского⁹⁹. Нам удалось отыскать его в фонде Центральной контрольной комиссии ЦК КПБ, приведем его полностью:

⁹⁷ *Сельскохозяйственная газета*, 1929 г., 27 сентября, № 174.

⁹⁸ *Рабочий*, 1929 г., 29 сентября и 1 октября.

⁹⁹ Емельян Михайлович Ярославский (Миней Израилевич Губельман, 1878–1943 гг.) — российский революционер, советский партийный и государственный деятель, руководитель антирелигиозной политики в СССР, один из главных идеологов сталинизма, академик АН СССР (1939), лауреат Сталинской премии (1943).

«Сельскохозяйственная газета», орган СНК СССР, 27 сентября 1929 г. поместила анонимную статью «Политика и люди», которая компрометирует меня не только как бывшего наркома просвещения, но и как члена партии. Материалом для нее послужили слухи, которые ни на чем не основаны, и сплетни. В ответ я написал статью и передал в «Сельхозгазету» для печати. Несмотря на то, что мой ответ документально опровергал выводы и положения анонимной статьи, редакция ответила мне, что не может ее опубликовать, т. к. ей неясно, почему при наличии тех цифр и документов, на основании которых составлен мой ответ, меня сняли с работы в Наркомпросе и обвинили в правом уклоне. Считаю ответ редакции неубедительным. Прошу Вас рассмотреть прилагаемые мной материалы и заставить редакцию «Сельскохозяйственной газеты» напечатать мою статью-ответ или сделать сообщение, что факты и выводы «А.И.» не подтвердились, т. е. публично меня реабилитировать. С коммунистическим приветом. А.В. Балицкий. Минск. Красноармейская, 3–7¹⁰⁰.

Наверное, мы так бы и не узнали подробности драмы Балицкого, если бы неизвестный партийный чиновник по долгу службы аккуратно не подшивал выписки из решений Бюро ЦК и ЦКК при ЦК КП(б)Б, документы и заявления, поступавшие в различные инстанции от самого Антона Васильевича и на его имя. Знакомясь с ними, приходится удивляться, насколько аргументированно парировал бывший нарком выпады своих оппонентов. Он не оставлял без внимания ни один тезис обвинения. Очередной раз апеллируя к рассудку своих гонителей, Балицкий доказывает, что в 1928–1929 гг., для того чтобы увеличить процент рабочих и беднейших крестьян в вузах и техникумах БССР, Наркомпрос ввел специальную систему комплектования контингентов учащихся. С ее помощью определялась бронь для абитуриентов из пролетарской среды. За это время не было отмечено ни одного случая отказа рабочим и беднейшим крестьянам, если они хоть как-нибудь выдерживали испытания на приемных экзаменах. Наоборот, такого рода лицам в течение последних нескольких лет после окончания ими вечерних школ, которые приравнивались к семилеткам, давалось право поступать в некоторые вузы вообще без экзаменов или по распоряжению НКП БССР. Среди аспирантов Наркомпроса постоянно наблюдался заметный рост сокращенных испытаний (постановление Коллегии НКП БССР от 30 июля и 2

¹⁰⁰ НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, лл. 44–45.

августа 1928 г.) Среди аспирантов Наркомпроса постоянно наблюдался заметный рост партийной прослойки. Если в 1926/27 учебном году члены ВКП(б) составляли 25% аспирантов, то в 1927/28 и 1928/29 учебных годах – соответственно 49 и 58%¹⁰¹.

Здесь нужно оговориться: негласные правила служебной и партийной этики требовали обязательного покаяния. В противном случае заявителю грозило обвинение в неискренности. Нужно было покаяться и Балицкому, что он и сделал. Но в чем же признал себя виновным Антон Васильевич? В обращении на имя Емельяна Ярославского, на которого он возлагал, по-видимому, самые большие надежды, Балицкий пишет, что признает, прежде всего, упреки в нарушении сроков по организации аспирантуры НКП БССР и не пре-одоленную полностью «засоренность» аспирантуры выходцами из социально чуждой среды:

Опоздание в своевременном открытии аспирантуры в условиях Белоруссии очень пагубно. До революции здесь не только не было марксистско-образованных людей, но и даже вообще коммунистов-белорусов с дореволюционным стажем почти нет. В Белоруссии слабая пролетарская прослойка, многие члены партии являются выходцами из мелкобуржуазной среды. Продолжает существовать пестрый национальный состав населения, а вопросами белорусского языка и культуры мы занялись только после Октябрьской революции. При этом нужно помнить, что в 35 км от Минска находится буржуазный Запад¹⁰².

Оставим на совести Балицкого отсутствие в Белоруссии до революции «марксистско-образованных» людей, но в целом нужно признать, что его анализ политической ситуации в республике близок к истинному положению вещей, что подтверждается современными исследованиями. Самое же главное, налицо отказ Антона Васильевича взять на себя роль «козла отпущения» и полное неприятие обвинений в «правом уклоне» и национал-демократизме.

Кампания, развернутая в прессе против Балицкого, и его попытки оправдаться перед общественностью республики оказались лишь составной частью опалы Антона Васильевича. 17 сентября 1929 г.

¹⁰¹ НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, лл. 44–45.

¹⁰² Там же, л. 56.

решением Бюро ЦК КП(б)Б ему объявили строгий выговор за допущенные искривления линии партии в работе Наркомпроса и запретили в течение двух лет занимать ответственные руководящие должности, а также рекомендовали перевести его на низовую работу.

Предметом «искривления» в работе Наркомпроса, в частности, послужило неправильное, как расценили в партийных органах, представление Балицким ряда кандидатур к награждению орденом Трудового Красного Знамени в ознаменование 10-летия образования БССР и Компартии республики в 1929 г. Репутация Антона Васильевича была настолько безупречной, что вынесения выговора кому-то в Бюро ЦК КП(б)Б показалось мало, и тогда добавили упоминание еще об одном «грехе» — неправильном распределении льготных железнодорожных билетов для студентов. Такая мелочность в подходе к оценке видного советского работника поражает. Здесь и уровень компетентности тогдашних руководителей республики, и открытая неприязнь к Балицкому, близкому другу Игнатовского, Жилуновича и Некрашевича, и стремление во что бы то ни стало примерно наказать самостоятельно мыслящего коммуниста, способного твердо отстаивать собственные позиции. Стоит сказать, кого же Антон Васильевич видел достойным носить на груди высокую правительственную награду? Их было шестеро: учитель с 40-летним стажем работы в школе Калиновский (Бобруйский округ), Сечко (г. Орша), Пейсах Рубин (г. Минск), артисты первого Белорусского драмтеатра (БДТ-1) А.С. Криница, Ф.П. Жданович и белорусский издатель, языковед Б.И. Эпимах-Шипила¹⁰³. Вскоре эти достойные люди получают свои заслуженные премии, будут положительно оценены в докладах правительства республики и награждены орденами, но в 1929 г. в связи с борьбой против нацдемов выдвижение их кандидатур граничило с крамолой. Дело Балицкого начало получать огласку. У Антона Васильевича нашлись влиятельные заступники, люди, у которых представления о партийной этике и порядочности не расходились с идеалами гуманизма и просто со здравым смыслом.

¹⁰³ НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, лл. 20, 24, 32.

Спасти Балицкого пытался первый секретарь ЦК КП(б)Б Ян Борисович Гамарник¹⁰⁴. За несколько дней до своего отъезда из Минска в Москву, где ему будет предложена должность начальника Политуправления РККА и члена РВС СССР, Гамарник 3 октября 1929 г. просит ЦКК КП(б)Б пересмотреть свое постановление и разрешить назначить Балицкого заместителем директора Белсельтреста¹⁰⁵. Однако Президиум ЦКК, дождавшись, когда Я.Б. Гамарник отбудет в Москву, ответил отказом:

Президиум считает невозможным пересмотреть свое решение, потому что он руководствовался постановлением XVII партконференции ВКП(б) о коммунистах, не оправдавших себя на ответственной работе. Кроме того, т. Балицкий имел уже ряд случаев искажения партлинии в работе НКП.

**Подпись: председатель ЦКК А.Я. Калнин¹⁰⁶,
15 октября 1929 г.¹⁰⁷**

2 ноября 1929 г. на стол председателю ЦКК А.Я. Калнину ляжет и депеша из Москвы от Емельяна Ярославского с резолюцией разобратся в деле Балицкого и принять решение. И Август Янович принял решение. После этого Президиум ЦИК БССР исключил Балицкого из состава ЦИК БССР наряду с Г.И. Горецким, С.М. Некрашевичем, В.И. Пичетой, Е.К. Алексеевым¹⁰⁸. Освобожденный от работы, но еще не арестованный, Балицкий почувствовал вокруг себя пустоту. Даже места рядового наставника в минской школе не нашлось для отставного наркома. Пришлось ехать в Гомельский округ, тогда в основном русскоязычный. Семью он оставил на время в Минске. Когда

¹⁰⁴ Ян Борисович (Яков Цудикович) Гамарник (1894–1937 гг.) — советский военачальник, государственный и партийный деятель, первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии (февраль 1928 — октябрь 1929), начальник Политуправления РККА (1929–1937), ответственный редактор газеты «Красная звезда», курировал связь между Наркоматом обороны и органами государственной безопасности, застрелился, предчувствуя свой арест по «делу Тухачевского» (11 июня 1937), посмертно реабилитирован (1955).

¹⁰⁵ НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, л. 21.

¹⁰⁶ Август Янович Калнин (1889–1937 гг.) — уроженец Лифляндской губ., член партии с 1913 г., отозван на партийную работу в РСФСР (1932), член ЦКК ВКП(б), репрессирован.

¹⁰⁷ НАРБ, ф. 15, оп. 5, д. 11, л. 20.

¹⁰⁸ СЗ БССР 1929 г., отд. 2, № 27, пост. 159, СЗ БССР 1931 г., отд. 1, № 1, ст. 5.

1929/30 уч. г. закончился, Балицкий вновь появился в городе, где ему довелось так много пережить.

В Минске Антона Васильевича встретили родственники и жены тех его коллег, сослуживцев и знакомых, чьих мужей постигла более суровая участь: арест и заключение по тем же нелепым обвинениям. И кто арестовывал? Своя же рабоче-крестьянская власть, большевики-коммунисты. Приговоры поспешно выносили советские суды, чернила советская пресса и в заключение отправляли в советские тюрьмы и лагеря. Свои преследовали своих, не понимая, что уже завтра они, возможно, будут очередной жертвой молоха классовой борьбы. Арестовывали цвет белорусской интеллигенции: писателей, художников, музыкантов, преподавателей учебных заведений, профессуру. Многие из этих людей специально приехали в Беларусь по приглашению ее правительства с самыми чистыми намерениями.

Узнав, что Антон Васильевич в Минске, жены Некрашевича, Радзиевского, Кореневского и многих других сотрудников и друзей бывшего наркома потянулись к его дому. Балицкий в свое время принимал живое участие в их судьбе. Всех этих людей он знал лично, рекомендовал, устраивал на работу.хлопоты Балицкого, хождения по инстанциям дали обратный результат. Вскоре после возвращения в Минск он и сам был арестован. Случилось это так. Семья находилась на даче недалеко от города. Что тогда называлось «дачей»? Дом в деревне, который снимали на лето за умеренную плату. Поздно вечером 3 сентября 1930 г. представители Минского ОГПУ приехали на городскую квартиру Балицкого, спросили Антона Васильевича. Дома оказалась только младшая сестра жены Балицкого, Ираида Павловна Сорокина. Гости спросили, где сам? Сорокина сказала, ведь спрашивали «свои». В половине второго ночи «гости» возвратились, и с ними уже был Антон Васильевич. Село Даровка, где он находился с семьей под Минском, располагалось в десятке километров от города, и на машине они обернулись быстро. Лицо Балицкого было бледным, хотя он изо всех сил старался казаться спокойным. Свояченице он только сказал: «Не волнуйся, сейчас у нас будет обыск».

Начался обыск. Чекисты перевернули все вверх дном. Поскольку особенно искать было негде, то много времени уделили книжным шкафам. Один из них оказался заполнен медицинской литературой супруги Балицкого, Тамары Павловны, а другой — его книгами. Люди в военной форме снимали очередную книгу с полки, листали, трясли за корешок и каждую бросали под ноги. И так полка за полкой.

Методично. Литературы было много. Можно сказать, что Балицкие ничем другим особенно и не располагали, только самым необходимым, что могло пригодиться в быту. Книги Антона Васильевича чекисты смотрели с пристрастием. Многое из того, что издавалось в республике и за ее пределами по вопросам культуры и искусства, народного просвещения, деятельности политпросветов, авторы дарили Балицкому. Это был естественный знак внимания и благодарности людей, в издании трудов которых Антон Васильевич принимал горячее участие. Очень много было белорусской литературы, часть из таких книг уже подлежали изъятию из библиотек, клубов и учебных заведений по специальным запретительным спискам. Это оказался единственный «компромат», ничего больше и не могло быть найдено. Антон Васильевич сидел молча на стуле и смотрел, как губили его библиотеку, оскверняли его дело. Под утро его увезли. На прощание он только сказал, что не сомневается в своем скором возвращении. Больше его никто из родных не видел...¹⁰⁹

А.В. Балицкого арестовали одновременно с его товарищами и коллегами, с которыми он был в близких отношениях: Д.Ф. Прищеповым, А.Ф. Адамовичем, П.В. Ильющёнком. Все они проходили по «делу» С.М. Некрашевича¹¹⁰, В.У. Ластовского¹¹¹, Я.Ю. Лёсика¹¹²,

¹⁰⁹ Архив автора. Запись беседы с Ираидой Павловной Сорокиной в Минске 29 мая 1990 г.

¹¹⁰ Степан Михайлович Некрашевич (1883–1937) — белорусский языковед и общественный деятель, инициатор создания и первый председатель Института белорусской культуры, академик Белорусской академии наук, вместе с И.В. Волк-Леоновичем и Е.Ф. Карским считается одним из основоположников современного белорусского языка, академик, вице-президент Белорусской Академии наук (с 1928), арестован по делу «Союза освобождения Беларуси» (1930) и приговорен к пяти годам ссылки в Сарапул (Удмуртия); повторно арестован и в декабре расстрелян (1937), реабилитирован посмертно (1978, 1988).

¹¹¹ Вацлав Устинович Ластовский (1883–1938 гг.) — белорусский писатель, общественный и политический деятель, премьер-министр Белорусской народной республики (1918), академик АН БССР (1928), историк, филолог, директор Белорусского государственного музея, арестован (1930) и осужден на пять лет, повторно арестован и расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1958, 1988).

¹¹² Язэп (Иосиф) Юрьевич Лёсик (1883–1940 гг.) — белорусский общественный и политический деятель, писатель, публицист, языковед, педагог, академик АН БССР (1928), первый раз арестован (1922) за «контрреволюционный» учебник белорусской грамматики, но отпущен, второй раз арестован (1930) по делу так называемого «Саюза вызвалення Беларусі», лишен звания академика и сослан на пять лет в г. Камышин, амнистирован, но с запретом на возвращение в Минск (1934), третий раз

А.А. Смолича¹¹³ и других, главным образом работники науки, культуры и искусства, а также ряд наркомов республики, которые обвинялись в принадлежности к контрреволюционной организации нацдемов, так называемого «Саюза вызвалення Беларусі» (СВБ). Аресты были произведены в феврале-сентябре 1930 г. полномочным представительством ОГПУ по БССР.

В декабре 1930 г. материалы по делу Балицкого, Прищепова, Адамовича и Ильющёнка выделили в отдельное производство. Обвинение сводилось к тому, что они якобы собирали контрреволюционные силы в руководимых ими учреждениях и пропагандировали нацдемовские идеи в учебных заведениях, литературе и печати, в научных учреждениях БССР и всесоюзных научных центрах, а также распространяли контрреволюционные литературные произведения, написанные нацдемовскими поэтами и писателями по заказу центра СВБ¹¹⁴.

В чем же конкретно обвиняли арестованных? Некрашевич сообщил на следствии, что еще в 1926 г. по инициативе Лёсика научно-терминологическая комиссия, разрабатывавшая программу белорусского языка для школ, была названа СВБ — «Саюз вызвалення Беларусі» и стала во главе белорусского «возрожденческого движения». Организация, которая не имела устава и отделений на местах, «вела вредительскую контрреволюционную работу». В действительности это бросало тень на открытые при Балицком культурно-просветительные учреждения в Беларуси, созданные при нем научно-терминологическую комиссию, Институт белорусской культуры, Белорусский государственный драмтеатр в Минске и студии в Москве и Витебске, Государственную библиотеку БССР в Минске и т. д.

Некрашевича и Балицкого обвинили, что в 1926 г. во время служебной командировки за границу они встречались с представителя-

арестован (1938) и приговорен к пяти годам лагерей за «антисоветскую агитацию», умер от голода, посмертно реабилитирован (1988).

¹¹³ Аркадий Антонович Смолич (1891–1938 гг.) — деятель белорусского национального движения, один из руководителей Белорусской народной республики (1918), ученый в области экономики, сельского хозяйства, картографии и географии, профессор (1927), первый раз арестован по делу «Саюз вызвалення Беларусі» (1930) и сослан на пять лет в Осу Пермской обл., потом в Ишим Тюменской обл., вторично арестован (1937) и расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1957, 1988).

¹¹⁴ Из протеста первого заместителя прокурора БССР, государственного советника юстиции III класса В.К. Кондратьева 31 мая 1988 г. в Судебной коллегии по уголовным делам Белорусской ССР при Верховном суде БССР.

ми Белорусской крестьянско-рабочей Грамады («Беларуская сялянска-работніцкая грамада») Б.А.Тарашкевичем, С.А. Рак-Михайловским, П.В. Метлой, П.П. Волошиным и др. На этих встречах велись беседы о развитии белорусской национальной культуры и т. д. Этого оказалось достаточно, чтобы сделать вывод о существовании связи СВБ с реакционными кругами за границей.

Обвинения в контрреволюции просто смехотворны. Грамада возникла в 1925 г. под влиянием Коммунистической партии Западной Белоруссии, которая подчинялась Коминтерну в Москве. Депутаты польского сейма Тарашкевич, Рак-Михайловский, Метла и Волошин вышли из состава белорусской национальной фракции сейма и создали фракцию «Грамада», которая сразу же стала на позиции национально-освободительной борьбы¹¹⁵. Программа фракции содержала задачи создания в Польше рабоче-крестьянского правительства, самоопределения народов и объединения всех белорусских земель в единую республику, требования конфискации помещичьих и церковных земель, раздела их между крестьянами, ликвидации осадничества¹¹⁶, открытия белорусских национальных школ и другие. В начале 1927 г. «Грамада» была разгромлена и объявлена вне закона режимом Юзефа Пилсудского. Членов фракции «Грамада» после громкого политического процесса приговорили в Польше к 10 годам каторги каждого, а в 1928 г. советское правительство заключило сделку по их обмену. Всего через полтора года их снова арестовали, на этот раз уже ОГПУ — по обвинению в шпионаже в пользу польской разведки.

В определении Судебной коллегии Верховного суда БССР в июне 1988 г. сказано, что нет никаких оснований верить утверждениям о том, что СВБ имел своей целью путем вооруженного восстания и интервенции свергнуть советскую власть и установить буржуазную власть в Белорусской республике. Показания Балицкого и его товарищей по существу предъявленных обвинений были неконкретными и очень противоречивыми. Они не отрицали, что часто бывали в гостях друг у друга, кроме того, общаясь часто по работе, обсуждали вопросы

¹¹⁵ Белорусская крестьянско-рабочая грамада («Беларуская сялянска-работніцкая грамада») — революционно-демократическая организация в Западной Белоруссии (тогда часть Польши), действовавшая в период с 1925 по 1927 г. и насчитывавшая, по различным оценкам, от 100 000 до 150 000 членов.

¹¹⁶ Осадничество — переселение гражданских и военных колонистов (осадников) из центральных регионов Польши (более 3 000 чел.), которым выделили 600 тыс. га земли, на территорию Западной Беларуси в 1921–1939 гг.

развития народного хозяйства, науки и культуры республики. Однако все они на следствии заявили, что не слышали и даже не подозревали о существовании какой-то антисоветской организации, что ничего им о ней неизвестно и что такой организации никакого содействия они не оказывали.

Анализ материалов уголовного дела, проделанный в результате дополнительной проверки органами Прокуратуры БССР в 1950-е гг. и в 1988 г., свидетельствует, что оно поверхностно и никаких конкретных сведений о враждебной деятельности белорусской интеллигенции в лице Балицкого и его товарищей не содержало, да и сам факт существования СВБ не доказан. 70 чел. по этому «делу» были реабилитированы еще в 1956–1957 гг., а в отношении 14 чел. апелляции были рассмотрены в 1988–1990 гг.

Антон Васильевич вынужден был дать признательные показания, чтобы прекратить физические страдания и уберечь близких людей и родственников от репрессий. Как обращались с «врагами народа», «иностранными наймитами и шпионами» в органах ОГПУ-НКВД, мы знаем. Этому есть и официальные подтверждения. В протесте прокурора В.К. Кондратьева от 31 мая 1988 г. в Судебной коллегии по уголовным делам БССР говорится:

Признательные показания Балицкого были даны в результате длительного нахождения под арестом и активного воздействия следователей Аргова и Сикорского, последний из которых был уволен из органов ОГПУ в 1937 г. «за невозможностью дальнейшего использования»¹¹⁷.

И далее:

Дело в отношении Балицкого с применением незаконных методов следствия вел оперуполномоченный следственного отдела УГБ НКВД Быховский, который сам был осужден в апреле 1939 г. за грубое нарушение революционной законности в 1937–1938 гг.¹¹⁸

Важно отметить, что по делу Балицкого, Прищепова, Ильющёнка и Адамовича не допрашивали свидетелей, к делу были приобщены лишь

¹¹⁷ Архив автора.

¹¹⁸ Там же.

выписки из путаных показаний арестованных по другим «делам»: Красковского, Смолича, Цвикевича, Чаржинского и др. В дальнейшем от своих показаний (на следствии, в суде или в ходе дополнительной проверки) они откажутся, ссылаясь на применение к ним недозволённых методов физического воздействия. И, конечно, эти показания не могли быть основанием для доказательства виновности обвиняемых.

18 марта 1931 г. был объявлен приговор: постановлением Коллегии ОГПУ А.В. Балицкий и три его товарища были заключены в лагерь сроком на 10 лет каждый по обвинению в преступлениях, предусмотренных по ст. 57-11, 58-2 УК РСФСР (или ст. 76 и 64 УК БССР).

Сталинская номенклатура не хотела мириться с выдвиганием местных кадров. Большую опасность для нее представляла образованная, самостоятельно мыслящая интеллигенция непролетарского происхождения. Именно поэтому первый удар наносился именно по интеллигенции: белорусской, русской, еврейской, польской, по национальным республикам. Постепенно наращивая обороты, работала репрессивная машина. В 1931 г. в БССР было принято постановление «Об усилении борьбы с уклонами в национальном вопросе». В 1933 г. было «раскрыто» контрреволюционное вредительство в Тракторцентре БССР, Белгосснабе и др.

В ходе разгрома нацдемовщины политика белорусизации еще некоторое время продолжалась по инерции. Власти требовали проведения так называемой большевистской белорусизации. В 1933 г. объединенный Пленум ЦК и ЦКК КП(б)Б констатировал в своем постановлении, что «Компартия Белоруссии не только не позволила великодержавным элементам сорвать дело большевистской белорусизации, но и одновременно решительно отбила попытки белорусских нацдемов и их агентов внутри партии использовать большевистскую белорусизацию и реставрировать капитализм»¹¹⁹. Другими словами, нацдемов же и обвинили в «срыве» белорусизации! Вот такой перевертыш. Репрессиям 1920-х и 1930-х гг. более или менее равномерно подверглись представители всех народов в составе СССР. Московские, ленинградские, киевские или минские органы ОГПУ-НКВД не интересовались национальностью своих жертв.

¹¹⁹ Г. Тарнавский, В. Соболев, Е. Горелик. *Куропаты: следствие продолжается*. Москва, 1989 г., с. 128–129.

После того как Антон Васильевич был арестован и осужден, стражи порядка не забыли его семью: репрессии продолжились. Тамару Павловну Балицкую вынудили уйти с работы врача-ординатора 2-й городской клинической больницы Минска, где она ассистировала профессору Выдрину. Потом ее попросили и от профессора Прокопчука... Исключили из Минского политехникума ее младшую сестру, Ираиду Сорокину, как родственницу «врага народа» Балицкого. Старшая из сестер Сорокиных, Зоя Павловна, к тому времени учительствовала в Гомельском педучилище. Не дожидаясь развития событий, она уволилась, забрала с собой сестер и сына Балицкого, маленького Антона, и уехала к родственникам на Донбасс. Родной брат Тамары Павловны, народный артист СССР Глеб Павлович Сорокин, на протяжении всех лет своей работы в БДТ-1 им. Янки Купалы чувствовал на себе пристальное внимание органов, несмотря на то что был депутатом Минского городского Совета.

Сразу после ареста семью Балицких переселили. Новая квартира находилась на площади Свободы, д. 15. На первом этаже, маленькая, из двух комнат с чуланчиком и подвалами, из которых всегда задувало. Неисправные печи плохо хранили тепло, зябко было даже летом. Дом этот сегодня не сохранился, во время Отечественной войны на него упала бомба. Но, по свидетельству сына Балицкого, Антона Антоновича, через два месяца после «новоселья» их семью уплотнили — въехала еще одна семья. Хорошо еще, что не выгнали, могло ведь быть и такое...

На втором этаже в том же доме, прямо над Балицкими, в квартире № 8 жил нарком юстиции БССР Лодысев. С его сыном маленький Антон дружил, несмотря на то что был из семьи репрессированного. Относились к нему хорошо, иногда даже кормили, жили-то Балицкие не особенно сытно, в нужде. Этому не следует удивляться, шел только 1931 г., и на пятилетнего сына «врага народа» могли просто не обращать внимания. Лодысева не посадили и в 1937 г., может быть, потому что своевременно перевели в Москву, а там перебросили на другую работу. Вот рассказ Антона Антоновича Балицкого:

В момент ареста отца мне было только 4 года, поэтому многое не помню. Мама работала как проклятая, а мною занималась бабушка. Один раз только помню, как мы носили передачу в эту «Бастилию» на ул. Володарского, которая и теперь сохранилась и используется по

назначению. В 1936 г. мама неожиданно умерла¹²⁰, и мое воспитание полностью легло на бабушкины плечи. Нужно было не только воспитывать, но и кормить. Очень редко приходили письма от отца. Кажется, это было где-то в районе Соловецких островов. Он занимался с несовершеннолетними заключенными, вроде как по специальности своей. О чем писал отец? Желал, чтобы я стал «хорошим рабочим», «настоящим большевиком». Почему он так писал — не знаю, то ли верил искренне и хотел мне добра, то ли других писем лагерное начальство не пропускало, а подать о себе весточку, что жив и еще надеется на встречу, хотелось. Мы этого теперь, скорее всего, не узнаем¹²¹.

Через год Балицкие неожиданно получили на домашний адрес объемистую рукопись, присланную по почте Антоном Васильевичем из лагеря¹²². В ней подробно, с большим количеством примеров и фактов бывший нарком рассказывал о своей жизни и деятельности в Наркомпросе, делился сокровенным, рассказывал о своих взглядах и помыслах. В конце была пометка, где Антон Васильевич утверждал, что обвинение в его адрес сформулировано неясно, что он не понимает, за что арестован и вынужден отбывать наказание. На обложке рукописи содержалась просьба переслать ее в Москву Сталину. Ираида Павловна так и сделала. Пошла на Минский почтамт и отправила в Кремль заказной бандеролью. Копии не сделала: зачем? Теперь-то каждому должно быть понятно, что если Антон Васильевич сам и настолько подробно, в деталях, с примерами и фамилиями доказал свою невиновность, то его скоро освободят. Ответа не было. Но Балицкие надеялись, ждали, ходили на почтамт узнавать. Там неизменно отвечали, что да, ваша бандероль дошла, ждите ответа... Можно ли упрекать людей той эпохи в излишней доверчивости? По их тогдашним представлениям, они обращались к отцу родному, справедливому из справедливых, «верному ленинцу», защитнику обездоленных, униженных и оскорбленных...

¹²⁰ По воспоминаниям родных Тамары Павловны Сорокиной-Балицкой, смерть ее была загадочной. Скорее всего, это было самоубийство. Как иначе можно объяснить, что профессиональный медик выписала себе неправильную дозу лекарства и скоропостижно скончалась.

¹²¹ Архив автора. Запись беседы с Антоном Антоновичем Балицким в Минске 6 июня 1990 г.

¹²² Там же. Запись беседы с Ираидой Павловной Сорокиной в Минске 30 мая 1990 г.

В 1936 г., после смерти Тамары Павловны, бабушка увезла сына Балицкого к родственникам на Украину. Жили там три года, а в 1939 г. вернулись в Минск. Поселились у дяди, Глеба Павловича Сорокина¹²³, которого в свое время Балицкий «вытащил» из украинского захолустья в Беларусь и устроил в Минске в БДТ-1 им. Янки Купалы. Осенью 1940 г. 14-летний Антон бросил школу и поступил в ремесленное училище связи (РУ-13 в Минске), что на ул. Подлесной. До войны учиться там было престижным. Черные шинели, которыми так гордились мальчишки из ремесленных училищ, настоящие кожаные ремни с пряжками, на которых красовались буквы «Р.У.»! В военных парадах они участвовали вместе с войсками, а к армии тогда относились крайне уважительно. Летом 1941 г. Антону предстояла первая производственная практика между Радошковичами и Заславлем.

Сведений об Антоне Васильевиче уже давно никаких не поступало. Ни одной весточки. Родные помнили, что приговор Коллегии ОГПУ 18 марта 1931 г. был 10 лет лагерей, значит, считали они, в 1941 г. он вернется! Но только в 1988 г. из газет они узнают, что на самом деле произошло тогда, в те трагические предвоенные годы¹²⁴.

В 1937 г. классовая борьба снова «обострилась». В Беларуси обнаружили «объединенное антисоветское подполье, национал-фашистскую организацию» во главе с руководителями республики Н.Ф. Гикало, Н.М. Голодедом, А.Г. Червяковым. 440 фамилий содержит один только список исключенных из партии коммунистов, арестованных органами НКВД. А всего в ходе чисток и репрессий республиканская партийная организация потеряла более 40% своего состава. Из 101 секретаря РК КП(б)Б было арестовано 99. По неполным данным, в те годы были репрессированы 90 членов Союза писателей БССР, значительная часть работников искусства, учительская интеллигенция¹²⁵.

¹²³ Глеб Павлович Сорокин (1899–1967 гг.) — театральный псевдоним Глебов, народный артист БССР (1940), народный артист СССР (1948), в Белорусском театре им. Я. Купалы — с 1926 г., лауреат Государственных премий, депутат Верховного Совета СССР (1963–1967).

¹²⁴ В комиссии Бюро ЦК Компартии Белоруссии по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 1930–1940-х и начала 1950-х гг. // *Советская Белоруссия*, 1988 г., 28 ноября.

¹²⁵ *Советская Белоруссия*, 1989 г., 28 марта.

25 сентября 1937 г. А.В. Балицкому было предъявлено новое обвинение в участии в антисоветских организациях и связи с польскими разведывательными органами. Возможно, этому способствовал один из эпизодов в жизни Антона Васильевича десятилетней давности. В середине 1920-х гг. Балицкий, возвращаясь из заграникомандировки в Германию, встретился в Гродно со своим родным братом Александром. Западная Белоруссия, как известно, входила в то время в состав Польши. Антон Васильевич, желая помочь брату, предложил устроить его старшего сына Прокофия¹²⁶ учиться и получить образование. Очень сложными путями через генеральное консульство Прокофия переправили в БССР. Он подготовился и поступил сначала на рабфак в Витебске, а затем и в педагогический институт. Через пять лет он успешно окончил факультет математики и стал учителем. На всю жизнь Прокофий Александрович сохранил глубокую благодарность своему дяде за возможность учиться в те тяжелые годы¹²⁷.

В 1937 г. Прокофия арестовали как племянника А.В. Балицкого и польского «шпиона», который по заданию СВБ внедрился в белорусское учительство и готовил антисоветские акции. Суд был скорым и неправым, этапом Прокофия погнали до Читы, а потом довели до Колымы на барже и по железной дороге на золотые прииски. Жену Прокофия, Клавдию, тоже работавшую учительницей, директор школы пожалел, не выгнал, а позволил работать в школе уборщицей¹²⁸.

Антон Васильевич Балицкий привезли в Минск, и уже 30 октября 1937 г. судьба его была решена. Постановлением Военной коллегии Верховного суда БССР он был приговорен к высшей мере наказания (ВМН) по статьям 68, 69, 70 и 76 УК БССР и на следующий же день расстрелян¹²⁹. Тогда же погибли и его товарищи, которые проходили с ним по одному «делу», — Прищепов, Адамович, Ильющёнок¹³⁰.

¹²⁶ В семье Александра Васильевича Балицкого было 12 детей, Прокофий — старший.

¹²⁷ Архив автора. Запись беседы с дочерью П.А. Балицкого, Инной Прокофьевной Авдейчик (Балицкой), в Минске 4 июня 1990 г.

¹²⁸ Из воспоминаний И.П. Авдейчик (Балицкой): рукопись.

¹²⁹ Из протеста первого заместителя прокурора БССР В.К. Кондратьева.

¹³⁰ Д.Ф. Прищепов, А.Ф. Адамович, П.В. Ильющёнок были полностью посмертно реабилитированы и восстановлены в КПСС. Прокофий Александрович Балицкий в связи с событиями 17 сентября 1939 г. досрочно освобожден из лагеря на Колыме и отправлен на «материку»; в 1941 г. он добровольно вступил в ряды Красной армии и

Ничего об этом в течение почти 50 лет родные А.В. Балицкого не знали. По воспоминаниям сына Балицкого, Антона Антоновича, вопреки здравому смыслу в душе он все еще надеялся, что, возможно, отец его жив и находится где-то в лагерях на Севере или в Сибири. Когда Н.С. Хрущев в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС выступил с открытым осуждением культа личности И.В. Сталина, когда по партийным организациям и трудовым коллективам зачитывали секретный доклад Хрущева делегатам XX съезда, он ждал, что отец вот-вот объявится.

Судьба самого Антона Антоновича тоже складывалась непросто. Ему никогда не давали забыть, что он сын «врага народа». 28 июня 1941 г., когда немцы входили в Минск, он бежал из города вместе со своей двоюродной сестрой. В Жодино сели на проходившую мимо платформу с войсками и доехали до Куйбышева. Потом Урюпинск Сталинградской области, ремесленное училище в самом Сталинграде. Когда немцы подошли к Сталинграду летом 1942 г., Антона и его товарищей отправили в Ташкент, оттуда послали работать монтером в Наукатский район Ошской области. Это уже была Киргизия. Антон, как и большинство его сверстников, рвался на фронт, чтобы лично посчитаться с Гитлером. В ноябре 1943 г. юношу призвали в армию и с января 1945 г. он участвовал в боевых действиях.

Несмотря на то, что повоевать ему довелось только несколько месяцев, пришлось хлебнуть лиха. Истребительная противотанковая артиллерия, где оказался 18-летний Антон Балицкий, не оставляла надежды дожить не то что до Победы, а вообще до вечера текущего дня... 9 мая 1945 г. встретил на границе между Германией и Чехословакией. Награжден тремя медалями: «За отвагу», «За взятие Берлина» и «За победу над Германией». Как относились к нему сослуживцы? Нормально, ведь о том, что его отец был «нацдемом и иностранным шпионом», Антон не распространялся, в анкетах писал, что отец «умер». Удивительно, но до сих пор Антон Антонович искренне верит, что многим обязан советскому государству, которое не оставило его, сироту, дало образование, специальность, позволило заработать на кусок хлеба, «стать на ноги». Срочную службу он

воевал до 1944 г., когда получил тяжелое ранение, полгода лежал в госпитале, а затем его комиссовали. Работать учителем больше не смог, трудился экономистом на Гродненской табачной фабрике, умер в 1981 г.

завершил в 1949 г., потом окончил годичные курсы лейтенантов войск связи при Муромском военном училище.

В 1950 г. Антон Балицкий, 23-летний лейтенант, вернулся в Минск. Город восстанавливался из руин медленно, но настроение у него было отличное. Еще бы, девять лет назад он бежал отсюда перепуганным насмерть мальчишкой, а теперь он победитель, офицер, фронтовик! Проведал родственников, дядю, тетю. Среди старожилов Минска продолжало жить твердое убеждение, что предвоенные аресты были несправедливыми, ошибочными, что многих, в том числе и бывшего наркома Балицкого, погубили напрасно. Но лагерная тема оставалась запретной, поэтому даже дядя Антона Антоновича, Прокофий Александрович, до 1950 г., когда произошла их встреча, не отвечал на письма сына Балицкого.

В 1958 г. А.А. Балицкий с отличием окончил Киевское высшее военно-инженерное училище ВВС с присвоением звания капитан-инженера. Службу нес по всей стране. В Троицке Челябинской области он женился, родились дочери Ольга и Татьяна. Долгое время был на Дальнем Востоке. Дослужился до звания подполковника, старшего инженера корпуса. В партию не вступил, сначала не приняли, а потом боялся, что начнут спрашивать про отца... и оказался впоследствии единственным беспартийным подполковником на весь Дальневосточный округ.

Только 1 марта 1962 г. пришло извещение от Военной коллегии Верховного суда СССР за № с/4н-12435/57 о том, что

дело по обвинению А.В. Балицкого, бывшего народного комиссара НКП БССР, было пересмотрено 25 марта 1958 г., приговор от 30 октября 1937 г. отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено.

И ни слова о приговоре от 18 марта 1931 г., вынесенном Коллегией ОГПУ! Этот последний приговор будет отменен только решением Верховного суда БССР 14 июня 1988 г.

Любопытная деталь: в начале 1960-х гг. Антону Антоновичу пришлось через суд доказывать, что он сын наркома Балицкого. Как такое могло произойти? Все просто — из Минска с сестрой бежали без денег, вещей и документов, думали только о том, как уцелеть. Потом эвакуация, фронт, трудности послевоенного времени, приходилось помалкивать об опасном родстве. 24 сентября 1962 г. народный суд

Чугуевского района Приморского края вынес судебное определение о том, что Балицкий Антон Антонович действительно является сыном Балицкого Антона Васильевича, 1891 г.р., уроженца Гродненской обл. Белорусской ССР. Дело № 2-240. Так юридически через десятилетия родственные узы были восстановлены.

Из армии Балицкий-сын уволился в 1972 г., 46 лет от роду. Захотел вернуться на родину, в Минск. Однако сделать это оказалось не так просто. Для отставных офицеров Минск уже был закрытым городом, и неизвестно, что было бы, если бы в отделе кадров корпуса не посоветовали обратиться прямо к первому секретарю ЦК КПБ Петру Мироновичу Машерову, и Балицкий рискнул написать ему как кандидату в депутаты:

Я, Балицкий Антон Антонович, сын безвинно погибшего народного комиссара просвещения БССР в 1937 г. Антона Васильевича Балицкого, не могу возвратиться на родину в Минск, потому что формально призывался не из БССР, а из Киргизии, прошу оказать содействие.

Через месяц пришел положительный ответ, где было сказано, что в виде исключения Минскому исполкому городского Совета народных депутатов дано указание прописать. Спустя восемь месяцев Балицкие вселились в новенькую трехкомнатную квартиру на улице Якуба Коласа, что у «Русского чая».

Остается вопрос: почему понадобилось целых тридцать лет, чтобы окончательно оправдать людей, ошельмованных в начале 1930-х гг.? Целых тридцать лет пролегло между первой (1958 г.) и второй, последней, реабилитацией (1988 г.) Антона Васильевича Балицкого. Нельзя ограничиваться критикой одного Сталина. Ниточка неизбежно тянется к истокам административной Системы, военному коммунизму, «красному террору» и выводит на преемственность ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ. Ореола непогрешимости должны быть лишены все советские руководители, начиная с В.И. Ленина, которые исходили из принципа, что имеют право насильно вести людей к счастью. Наши отцы и деды, отстаивая советскую власть всеми силами, полагали, что, партия навсегда откажется от террора. Оказалось не так. И наш долг помнить почему, чтобы не повторять этих ошибок.

Глава 5

Душой и телом

Герои его произведений всегда были прямы и благородны, мужественны, а его книги лаконичны и точны, небесспорны, но чисты и честны. Его умение дружить, сближать и поддерживать людей восхищало: жизнь не раз испытывала его на прочность, но он не ожесточился и не озлобился — оставался открытым и обаятельным. К такому запросто можно подойти и заговорить. И те, кому посчастливилось подружиться с ним, преданно его любили. А что его беспокоило больше всего в жизни? То же, что и всех, — ненадежность бытия в мире и родном отечестве. И еще он возлагал большие надежды на любовь. Она была для него всем. Все доброе и хорошее, все успехи и счастье — от любви. И дети от любви, и — стихи. Рациональную любовь он не признавал, оставался идеалистом, мечтал о красивых людях, городах и зданиях, исчезновении навеки богатых и бедных — полной социальной гармонии.

Имя этого человека, известное в Беларуси 1930-х гг., сегодня знают только в узком кругу специалистов по литературе и искусству или любители поэзии в основном старшего поколения. Исаак Давидович Харик, или просто Изи Харик (1896–1937 гг.). Он родился 17 марта 1896 г. в местечке Зембин под Борисовом. Отец Изи был сапожником-кустарем, потом ломовым извозчиком, мать занималась домом. Жили трудно, дореволюционное еврейское местечко в Беларуси — это особый мир со своими обычаями и традициями, религиозными предписаниями, строгими писаными и неписаными законами, преступать которые считалось невозможным. Казалось, этот порядок заведен испокон веку и никогда не изменится.

Изи Харик — застенчивый юноша, но постоять за себя умел. Внешность его была примечательной: черные как смоль волосы, мел-

кие кудряшки которых напоминали, что он в своем далеком происхождении имел отношение к самаритянам и иудеям. Крепкого телосложения, закаленный нуждой и неприветливым бытом, он с детства познал вкус тяжелой работы и не боялся ее. Кем только ни пришлось ему побывать! И чернорабочим, и землекопом, и подмастерьем у сапожника, и даже приказчиком на сахаросушильном заводе в Ново-Борисове, а потом и аптекарским учеником.

Октябрьский большевистский переворот в Петрограде, который потом переименовали в Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 г. Харик принял с радостью. Как и многие, он искренне поверил в ее целесообразность и считал, что теперь, когда человек труда поднялся на борьбу за свое национальное и социальное освобождение, победа здравого смысла неизбежна. Он искренне верил в это и убеждал других. Изи Харик переехал в Минск и устроился на работу в библиотеку. Пригодились здесь учеба в хедере, а затем в русской народной школе в Зембине.

В 1919 г. гражданская война на просторах бывшей царской России была в разгаре, и он добровольцем вступил в ряды Красной армии. После ее окончания в 1920 г. Харик оказался на Украине, в Харькове, и попытался приобщиться к гражданской жизни, заняться мирным трудом, но как? Житейский опыт подсказывал ему, что дело необходимо выбирать стоящее, надежное, которое будет кормить сначала его самого, а потом и, возможно, семью. Там же, в Харькове, он экзаменовался на аптекаря, там же опубликовал свое первое стихотворение. Изи был молод, полон сил, вся жизнь впереди, а за плечами уже опыт самостоятельных решений, борьбы за кусок хлеба. Но душа его просила гораздо большего, чем просто принимать жизнь такой, какая она есть, хотелось понять ее законы, попытаться осмыслить их. Так Харик оказался в Москве, поступил в литературно-художественный институт им. В. Брюсова, преобразованный потом в Еврейский институт при 2-м Московском государственном университете. Был ли он идеальным студентом, любимцем своих педагогов, отсиживал ли примерно лекции? Не всегда. Вот свидетельство Софьи Львовны Рохкинд¹, старосты его академической группы:

¹ Софья Львовна (Шпринца Лейбовна) Рохкинд (1903–2000 гг.) — окончила еврейское отделение литературно-лингвистического факультета 2-го Московского гос. университета (1928), училась в аспирантуре АН БССР и защитила диссертацию по истории литературы на идише (1934), доцент МГПИ им. Горького (1933–1941),

Изи Харик и Зелик Аксельрод² пришли на наш курс в середине учебного года, кажется, это было в феврале 1923 г. Ничем он особенно не выделялся, посещал только те лекции, которые считал для себя интересными и необходимыми. Собственно, в этом тоже не было ничего предосудительного, ведь посещение лекций обязательным не считалось. Очень часто Харик задавал многочисленные вопросы преподавателям, чем иногда даже мешал вести занятия. К экзаменам готовился, как все, пользовался и моими конспектами. Я, как староста, иногда устраивала ему с Аксельродом выволочки за нарушения дисциплины и успеваемость. В общем, обычный студент. Мы и предположить не могли, что спустя некоторое время из него получится самобытный поэт, чуткий художник слова, ученый и видный общественный деятель³.

В 1927 г. Харик вернулся в Минск и начал работать в журнале «Штерн» («Звезда»), выходившем на идише, а через год стал его главным редактором. К тому времени он уже опубликовал первые произведения — в московском журнале «Коммунистический мир» и книжечку подражательных, не от мира сего стихов «Дрожь» (1922 г.).

Постепенно, строка к строке, складывалась его новая книга «На земле», которая вышла в 1926 г. и сразу же была оценена как приметная веха в еврейской советской поэзии. Стихи об отце, о доме, о детстве составили этот сборник. Нужно сказать, что к моменту появления книги «На земле» еврейская советская поэзия знала немало блистательных образцов революционной лирики, таких как «Восстание» и «Враг у ворот» Шварцмана, «Процессия» и «Город» Гофштейна, «Россия» и «Стены» Кушнирова. Однако все они изображали

вместе с Г.З. Шкляром выпустила первый в СССР «Еврейско-русский словарь» под эгидой Института литературы и языка (1940).

² Зелик Моисеевич Аксельрод (1904–1941 гг.) — советский поэт-идишист, брат художника Меера Аксельрода, обвинялся в «буржуазном индивидуализме» и «нездоровом интересе к прошлому», вместе с Изи Хариком возглавлял секцию еврейских писателей при Союзе писателей БССР, выступал против закрытия школ на идише, резко возражал секретарю Союза писателей Беларуси М. Лынькову, «что еврейские советские писатели не создали образы героев большой значимости», и вскоре был арестован (май 1941), 26 июня 1941 г. при отступлении Красной армии из Минска был расстрелян НКВД в числе других политических заключенных, реабилитирован (1957).

³ Архив автора. Запись беседы с Софьей Львовной Рохкинд в Минске 14 декабря 1990 г.

революционную явь в виде некой романтической всеобщности, которая начисто исключала мир отдельно взятой личности, его «однократность» и «единственность». Возникла необходимость в авторе, который, не снижая достигнутого поэзией уровня, сообщил бы ей вкус к этой земле, к плоти реального бытия, к отдельному человеку и формирующей его социальной среде. Таким поэтом и оказался Изи Харик. Он принес в поэзию человеческую личность во всей ее неповторимости и одновременно типичности бытовых, социальных и даже этнографических примет.

Традиционная для еврейской поэзии тема наследия, преемственности поколений, решавшаяся преимущественно на материале историко-культурном, книжно-библейском, у Харика получила неожиданно демократическое разрешение. В поэте заговорила «отцов голодных яростная сила», возник их забитый веками гнета и унижения, не записанный никем напев⁴. Поэт Харик был не просто очень талантливым, но и человеком огромной душевной щедрости. С исключительным вниманием он относился к любым чужим попыткам писать, выражать себя в литературе, сам искал таких и как мог поддерживал. Об этом прослышали начинающие поэты, поэтому многие приезжали в Минск и шли в редакцию журнала «Штерн». И для каждого посетителя находилось у Харика доброе слово, сердечное напутствие и умный совет. Нередко бывало, что паренек из местечка, привезя свои стихи, получал не только возможность напечататься в журнале, но и деньги на первое время, а то и приглашение переночевать в квартире поэта. Многих это смущало, но отсутствие у Исаака Давидовича признаков заносчивости, его неподдельная, без показного величия искренность и участие подкупали.

Бывало и так, что, если Харик замечал «искру божью» в начинающем поэте, он уже старался не выпускать его из поля зрения. Почти в буквальном смысле слова брал за руку и вел на рабфак, в школу, педтехникум. Харика все знали, и его рекомендация имела вес. Заведет такого местечкового поэта в кабинет к директору учебного заведения и скажет: «Вот, принимайте, это будущий талант. Вся Беларусь и СССР будут им гордиться!» Сейчас это кому-то может показаться протекцией, мол, без вступительных экзаменов, по знакомству... Но это не так. Харик ничьих дел не устраивал. Это был удиви-

⁴ *От полюса к полюсу: Стихи и поэмы. Вступительная статья Г. Березкина. Москва. 1971 г., с. 7–9.*

тельно честный, принципиальный и бескорыстный человек. Часто он просто раздавал свои гонорары молодым нуждавшимся поэтам, а когда наставало время и его «протекже» оправдывал надежды, Исаак Давидович приходил в неопиcуемый восторг: «Я же вам говорил! Я же вам говорил?!»

Здесь можно вспомнить историю Руви Рейзена, который до войны издал три поэтических сборника. Его родители уехали на заработки в Лондон, где отец Руви заболел и умер. Семья вернулась в Минск. Руви отдали в детский дом в Слуцке, откуда он убежал и стал бродить от местечка к местечку со стариком-шарманщиком. Руви сочинял стихи, а шарманщик их напевал как мог. Кто-то подсказал юноше обратиться к Изи Харику, который поддержал незрелый талант. Малограмотного Рейзена он устроил учиться на рабфак и относился к нему, как к родному сыну. Всегда внимательно читал и правил его стихи, помог издать первую книжку. Или еще одна примечательная история. На этот раз с Евгением Марковичем Ганкиным⁵, который родился в местечке Щедрин бывшего Паричского района. В 1935 г. родители отправили Женю учиться в Гомель, где была еврейская десятилетка. Оттуда паренек послал в журнал «Штерн» свои стихи и вскоре получил не только рецензию на них, но и предложение И.Д. Харики напечататься. Их переписка длилась в течение двух лет. Юноша оказался одаренным. Его стали публиковать «Чырвоная змена», «Октябрь», «Советская Белоруссия», «Звезда». Каково же было удивление 14-летнего Жени, когда ему сообщили, что по ходатайству Изи Харики Союз советских писателей БССР назначил ему персональную ежемесячную стипендию в 75 руб. Это была существенная по тем временам сумма⁶.

А вот, что рассказал мне Матвей Лазаревич Каплан (1910 г.р.), который познакомился с Хариком в 1930 г. Тогда существовал призыв: «Ударники — в литературу!» Имелось в виду, что передовики производства, люди от станка должны привнести в литературу свое классовое чутье, «пролетарское начало». Это, по-видимому, могло «оздоровить» литературу, приблизить ее к запросам «масс» и поставить на службу диктатуре пролетариата. Каплан работал столяром на

⁵ Евгений Маркович Ганкин (1922–1996 гг.) — советский и белорусский художник, заслуженный деятель искусств БССР (1968), окончил ВГИК (1944), работал на киностудии «Беларусьфильм» художником-постановщиком игровых фильмов.

⁶ Архив автора. Запись беседы с Евгением Марковичем Ганкиным в Минске 28 января 1991 г.

обувной фабрике им. Л.М. Кагановича (ныне производственное объединение «Луч»). В цехах было много ручного труда, и это как-то плохо соотносилось с задачами построения социализма. Лозунг второй пятилетки гласил: «Люди, кадры, овладевшие техникой, решают все!» Вот Матвей Лазаревич и задумал написать стихотворение, посвященное механизации труда рабочего человека, что называется, на злобу дня. Это стихотворение он отнес Харику, который отдал его редактору газеты «Октябрь» Хаиму Дунцу⁷, где оно и было напечатано. За первой публикацией вскоре последовали и другие⁸.

Харик нашел и воспитал целую плеяду талантливой поэтической молодежи. Среди них можно назвать и Льва Талалая из Калинковичей, и Семена Лельчука из Мозыря, и Григория Релеса⁹ из Чашников, и Пиню Плоткина из Бобруйска, и Элю Кагана из Минска, и Геннадия Шведика из Бобруйска, и многих других.

По свидетельству старейших членов Союза писателей БССР Алесь Звонак¹⁰ и Миколы Хведаровича¹¹, не существовало такой стороны

⁷ Хаим (Хацкель) Моисеевич Дунец (1897–1937 гг.) — зам. главного редактора еврейской газеты «Октябрь», гл. редактор газеты «Літаратура і мастацтва», один из руководителей еврейской секции Союза писателей БССР, заместитель наркома просвещения БССР (1930–1935), обвинен в троцкизме, дважды арестован (1936, 1937), расстрелян в Минске (29 октября 1937), посмертно реабилитирован (1967).

⁸ Архив автора. Запись беседы с Михаилом Лазаревичем Капланом в Минске 26 ноября 1990 г.

⁹ Григорий (Гирш) Львович Релес (1913–2004 гг.) — еврейский писатель и поэт, окончил Витебский педагогический техникум (1933), учился на еврейском отделении литературного факультета МГПИ им. Горького (1935–1937), учитель русского языка и литературы в школах Слуцка и Новогрудка (1937–1941), литературный работник газеты «Зорька» и журнала «Вожык» (1945–1947), преподавал русский язык и литературу в вечерних школах рабочей молодежи в Минске (1947–1973) и преподавал идиш в Минском товариществе еврейской культуры им. Изи Харики (1991–1999).

¹⁰ Алесь (Петр Борисович) Звонак (1907–1996 гг.) — белорусский советский поэт, драматург, переводчик, театровед, член Союза писателей СССР (1936), заслуженный работник культуры Республики Беларусь (1991), лауреат Государственной премии Республики Беларусь им. Янки Купалы (1992), сотрудник АН БССР (1934–1935), сотрудник газеты «Літаратура і мастацтва» (1935–1936), арестован (1936) и осужден на 10 лет, после отбытия срока остался в Магаданской обл., работал геологом, реабилитирован (1954).

¹¹ Микола Хведарович (Николай Федорович Чернушевич, 1904–1981 гг.) — белорусский поэт, прозаик, переводчик, ответств. секретарь журнала «Полымя рэвалюцыі», секретарь журнала «Минск», член литературных организаций «Молодняк» и белорусской ассоциации пролетарских писателей (1934–1937), арестован

жизни и такой темы, которые не осветила бы поэзия Изи Харика. В нем прекрасно сочетались талант проникновенного лирика и полемического оратора с острым видением мира, художника, который умел заглянуть в завтрашний день, осмыслить появившуюся надежду, событие и убежденно, взволнованно рассказать читателю о своих мыслях и чувствах языком подлинной поэзии.

В 1925 г. Харик написал «Шарманку» — поэму о любви, о столкновении двух социально антагонистических культур и психологий: культуры простонародной шарманки и аристократического фортепиано. Тем самым молодой Харик демонстрировал свое неприятие обособленности и замкнутости искусства, утверждал в качестве нравственной нормы действенный контакт человека с окружающим его миром.

Поэмы Исаака Давидовича — и не только лирическая «Шарманка», но и повествовательные «Минские болота» (1924 г.) — выросли из глубокой личной потребности автора рассказать о себе, родных и друзьях, своем восприятии мира и революционных перемен, свидетелем и участником которых он стал. Это поэма о молодом кровельщике, о нищенском, голодном быте рабочих окраин, медленно и неотвратимо копящих свой гнев, который однажды взорвет сытое благополучие тех, кто в «центре», в кварталах, где «лавки, собаки, разносчики, дамы...»

Жанровый бытовой рисунок поэмы, по очень емкой и справедливой оценке критика Григория Березкина¹², подробен, четок, порой слишком приземлен. Герои поэмы абсолютно достоверны, особенно во второй части, посвященной революции, гражданской войне и освобождению Минска от легионеров Пилсудского. Это поэтическое произ-

(1938), осужден на восемь лет, находился в заключении в лагерях на Кольском полуострове, участвовал в строительстве Мончегорска, с 1941-го — в Устьвымлаге (Коми АССР), повторно арестован (1949) и сослан в Енисейск Красноярского края, реабилитирован (1955).

¹² Григорий (Гирш) Соломонович Березкин (1918–1981 гг.) — белорусский советский литературный критик, литературовед, член Союза писателей СССР (1939), зав. отделом критики в редакции журнала «Польмя рэвалюцыі», литературный консультант в Союзе писателей Белорусской ССР (1938–1939), зав. отделом критики газеты «Літаратура і мастацтва» (1939–1941), арестован (апрель 1941), бежал во время расстрела НКВД политзаключенных под Минском (26 июня 1941), воевал под Сталинградом, на Курской дуге, под Киевом, в Карпатах, на Сандомирском плацдарме, при освобождении Праги, был ранен, репрессирован вторично (1949), отбывал наказание в лагерях Казахстана и Сибири, реабилитирован (1956).

ведение имело громадный успех у читателя, ведь оно говорило о понятном и близком ему. Полностью или частично поэма была опубликована отдельными изданиями, включена в школьные хрестоматии. Дети учили стихи Харики наизусть, готовя для школы урок дома, а родители их прислушивались и тоже начинали интересоваться автором. В домах появились его портреты, вырезанные из газет, им гордились. Произведения Харики отличались особой музыкальностью, его стихи и поэмы были очень мелодичны. Именно поэтому их так любили в народе. Песни на слова Харики включали в свой репертуар не только еврейские певцы, но и белорусские хоровые коллективы. Композитор Самуил Полонский¹³ составил из каждой главы «Минских болот» отдельную композицию и с успехом исполнял со своим хором. Каждого, кто не слышал о Харики, считали невеждой. Поэт нечасто баловал читателей своими стихами. Каждое из них, появившись в печати, становилось событием. Когда поэт приезжал в какое-то местечко, на улице за ним увязывалась толпа почитателей. Его поэтические вечера собирали полные залы изб-читален, школ и клубов. Люди стояли в проходах, под раскрытыми окнами, только чтобы услышать Харику¹⁴.

Мы уже говорили, что Харик отличался демократичностью. Кроме того, им безраздельно владели идеи абсолютной свободы воли. Его привлекал и был ему близок местечковый еврей, при этом общий круг его интересов отличался широтой и разнообразием. Он говорил языком матери, сопереживал местечковому жителю, искал социальной справедливости, поэтому многие его стихи трогают до слез. Харик считал, что белорусский еврей так и не стал оседлым, хотя и поселился в Беларуси более 300 лет назад и хорошо уживался с белорусами, русскими, поляками... Долгая совместная жизнь, борьба за более

¹³ Самуил Владимирович Полонский (1902–1955 гг.) — композитор, один из основоположников белорусской композиторской школы, заслуженный артист БССР (1940), руководил республиканской хоровой капеллой БССР, еврейским государственным ансамблем Беларуси, ансамблем песни и пляски Белорусского военного округа (1929–1941), опирался на белорусский и еврейский национальный фольклор, а также русскую музыкальную классику, особым успехом пользовались «Песня поселяня» и «Колыбельная», написанные на стихи поэмы Изи Харики «Хлеб» и «Биробиджанский фрейлехс» на слова Ицика Фефера, «Вечеринка в колхозе» на стихи Янки Купалы, жил в Москве (1945–1955).

¹⁴ Гирш Релес. *Еврейские советские писатели Белоруссии: Воспоминания*. Минск, 2006 г., с. 15.

справедливое и достойное будущее и экономика, и природа, и все душевные качества объединяли евреев и белорусов, они дружили крепко. Это хорошо знал и понимал Исаак Давидович и как поэт, и как гражданин, и как коммунист.

Если бы кому-то захотелось найти образцового советского еврейского поэта, то лучше Изи Харика было не придумать. Среди его героев и евреи, превратившиеся из торгашей в хлебопашцев, и молодая учительница, всю себя, до последнего вздоха, отдающая строительству большого нового мира в маленьком старом местечке. Среди его тем и уход евреев из местечка в город, отъезд на учебу в большие города, сопровождающийся трансформацией личности: от благодарности, что Калинин сохранил синагогу в Москве, до радости участия в социалистическом строительстве. Тема исхода¹⁵ становится неактуальной — вот уже едут в Биробиджан, и проблема работы в субботу отпадает, когда люди в талесах не могли помочь спасти хлеб под дождем.

Мотив ухода из старого еврейского мира вполне соответствует тому, что писали в то время молодые советские поэты Эдуард Багрицкий и Михаил Светлов. С той лишь разницей, что они в местечках не жили и биографию себе придумывали. Однако при сопоставлении идишистских стихов Харика 1924–1926 гг. со сборником стихов Светлова «Корни» бросается в глаза слишком много параллелей. Да и ориентация молодых идишистских поэтов на своих современников, пишущих по-русски, не менее интересна. И все же, как ни старался поэт уйти от самого себя, тоска по старому местечку давала о себе знать в ностальгических стихах, где — вновь отчасти по-светловски, отчасти по-есенински — он опять и опять сожалеет о нем в цикле «В твоих хибарках» (1925 г.), некоем местечковом аналоге есенинской «Руси уходящей»: та же элегическая печаль при свидании с родными сердцу переулками детства и то же нетерпеливое ожидание перемен — «хотел бы видеть каждый твой дом этажами в небо, в каменных плитах...»¹⁶.

¹⁵ Исход — библейское предание о порабощении евреев (израильтян) в Египте; массовый выход евреев по воле Бога из Египта под водительством Моисея является фундаментом иудаизма, упоминается в ежедневных молитвах и отмечается ежегодно в праздник Песах, имеет переносное значение — возвращение всех евреев, где бы они ни находились в изгнании, в Палестину.

¹⁶ Леонид Кацис. «Изи Харик» // *Лехаим*, 2007 г., № 3.

Почти в то же время он написал новую поэму «Хлеб», посвященную ОЗЕТу¹⁷. Это было связано со специальным решением советской власти нарушить вековой запрет заниматься евреям земледелием. Для того чтобы преодолеть замкнутость местечка, выйти за его пределы, справиться с нищетой и ужасной перенаселенностью, безработицей, желающие могли теперь получить землю. Еврей, работающий на земле, был в диковинку, кое-кто даже поначалу пробовал над этим смеяться. Но у многих дело пошло — их хозяйства начали приносить доход.

В июле 1926 г. газета «Звезда» писала, что прошло два года, как действует декрет ЦИК БССР о наделении трудящихся-евреев землей. За этот период организовано 146 сельхозкооперативов (14 755 дес. земли), в которых занято 22 881 чел. На нужды землеустройства в 1925–1926 гг. отпущено 490 000 руб. Так старое местечко перестраивалось и переходило к производительному труду. Слова «колхоз» тогда не знали, вместо него употребляли «коллектив». Был взят курс на устройство молочных и сыроваренных предприятий, в посевах видную роль занимали картофель, клевер и вика, люпин, стали широко использовать минеральные удобрения, завели домашний скот¹⁸.

Вслед за «Звездой» деятельность ОЗЕТ широко освещалась и другими периодическими изданиями республики: «Савецкая Беларусь», «Магілёўскі селянін», «Камуніст» (Бобруйск), «Малады араты», «Новая деревня» (Гомель), «Палеская праўда», «Полоцкий пахарь» и др. Например, отмечалось, что в Могилевском округе отношения между «коллективами» евреев-землепашцев и местным крестьянством сначала оставались натянутыми, но постепенно первые своей работой вызвали к себе уважение и доверие крестьян. Нередкими стали случаи взаимовыручки (Чаусы, Быхов, Эмес, Кировичи). В Бобруйском округе еврей-земледелец и белорусские крестьяне часто обращались друг к

¹⁷ ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейских трудящихся, 1925–1938 гг.) — организация, собиравшая и распределявшая средства для переселенцев, обеспечивавшая их общим и профессиональным образованием, культурной жизнью, медицинской помощью, способствовавшая взаимодействию с международными еврейскими организациями; в ходе массовых репрессий (1937–1938) была уничтожена значительная часть руководства ОЗЕТа, упразднены еврейские национальные районы и сельсоветы, а школы на идише превращены в русские, из 14 000 еврейских семей, поселенных на земле, значительная часть вернулась в города, а оставшиеся в сельской местности погибли в Холокосте.

¹⁸ *Звезда*, 1926 г., 11, 21, 25, 27, 29 июля.

другу за советом. На Стрешинской беспартийной крестьянской конференции (1925 г.) была принята резолюция, одобрявшая землеустройство евреев с пожеланием расширять его в дальнейшем. Районные съезды Советов крестьян Городского и Глубокского районов Витебского округа постановили просить окружное землеуправление срочно организовать в этих районах еврейские артели¹⁹.

В стихах Изи Харики жила теплая, чуть болезненная ностальгия по прошлому, сожаление об исторических потерях еврейского народа в борьбе за выживание в тех местах, куда он пришел. Однажды Исаак Давидович, поддавшись почти пролеткультовским настроениям, написал: «Местечко, исчезай!» Имелось в виду, что местечко — это рассадник мелкобуржуазных обывательских представлений о мире, противник широкомасштабных социалистических преобразований, что оно плодит уныние и неверие в огромные перспективы строительства новой жизни, местечко как оплот торговцев, мелкобуржуазных «махеров», где кустари-одиночки не хотели становиться промышленными пролетариями. Правда, вскоре Харик написал стихотворение, где он фактически покаялся: «Что я, местечко, к тебе имел?!», «Я хотел же тебя одеть в железо и камень». Другими словами, поэт пояснял, что он собирался воевать с нищетой, а не выступал против народных корней и традиций. Харик ясно понимал, каким сложным, часто трагическим путем идет человек по жизни в современном мире. Вот почему, обращаясь к будущим поколениям, он просил их не короновать «священным нимбом нас», а в другом стихотворении «Отсель кричу в грядущие года...» он писал о внуке, который в «светлом зданье грядущих веков приметит кирпич, на котором — старинная кровь»²⁰.

Есть у Харики и колыбельная, в которой рассказывается, как мать, убаюкивая дитя, размышляет вслух, каким же вырастет ее сын: «Может, на отца похож, может, станет мыслителем?» Одним словом, молодая мать мечтает о том, что ее сын станет мудрым, смелым, отважным, добрым и дружелюбным...

Насквозь трагедийна и поэма Изи Харики «Преданность» (1927 г.) — о молодой учительнице, которая приезжает в глухое,

¹⁹ НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 14, лл. 149–150.

²⁰ Изи Харик «Отсель кричу в грядущие года...» (1925 г.) — программное произведение поэта, в котором он сравнивает своих современников с кирпичами, которые сами себя кладут в фундамент будущего светлого завтра.

заброшенное местечко и здесь, взвалив на свои слабые плечи бремя забот о переустройстве патриархального быта, сталкивается с непониманием, настороженностью и даже открытой враждой. Она умирает как раз тогда, когда ее героические усилия наконец приносят свои плоды в быту, психологии, во всем укладе местечковой жизни. Смерть учительницы озарена торжеством того дела, которому она посвятила свою жизнь, за которое боролась.

Мы уже говорили, что Изи Харик был общительным и сердечным человеком, щедро делился своим талантом и мастерством. Редакция его журнала «Штерн», как и сам дом поэта, часто становились местом встречи коллег и друзей. Например, из начинающих тогда, в начале 1930-х гг., можно назвать Хаима Ласкера, Самуила Гельмонда, Григория Березкина, Сару Каган, Хаима Гуревича, Бориса Медреша, Захара Барсука, Матвея Каплана, Цале Ботвинника и др. По свидетельству жены поэта, Дины Звуловны Матлиной-Харик, всегда было весело, когда собирались вместе Моисей Кульбак, Зелик Аксельрод, Эля Каган, Мендл Лившиц. Розыгрыши и шутки не прекращались ни на минуту. Все хохотали до слез. Нередко шутки задевали за живое — друг друга они не щадили, однако никто не обижался за меткую остроту.

Однажды Эля Каган рассказывал о выступлении группы писателей в Борисове. Харик не присутствовал, но был молодой поэт, который подражал Харику даже внешне. Он был небольшого роста, худой, просто заморыш, но шевелюра у него была, как у мэтра. И пенсне носил, даже осанке Харика подражал. Во время его выступления одна из пожилых слушательниц всплеснула руками и со вздохом произнесла: «Увы и ах, что с Хариком стало!»

Из старшего поколения еврейских поэтов окружение Харики составляли Яков Бронштейн, Хаим Дунец, Давид Курланд, Арон Юдельсон, Эля Савиковский, Цодик Долгопольский. Близкие отношения Исаак Давидович поддерживал с Ициком Фефером и Змитраком Бядулей, Янкой Купалой, Исааком Платнером. Немного подробнее остановимся на отношениях И.Д. Харики с Исааком (Айзиком) Платнером. Платнер приехал в СССР в 1932 г., имея в кармане обратный билет в Соединенные Штаты Америки, гражданином которых он был, но билетом он не воспользовался. В Советском Союзе подходила к концу первая пятилетка, а в США разразился небывалый экономический кризис. Платнер вступил в интернациональную бригаду писателей и поэтов мира вместе с Луи Арагоном и Эльзой Триоле

из Франции, Ластом из Венгрии и другими. Они объездили Урал и некоторые районы Нечерноземья России, Сибири. Принимали их очень хорошо. Платнер увидел беспрецедентный в истории человечества, как ему показалось, народный энтузиазм, искреннюю веру в свои силы перевернуть старый мир и построить новую жизнь. Харик часто приглашал Платнера и его жену Дору в клуб Союза писателей БССР на Советской улице. Там всегда было многолюдно. Харик читал свои стихи, в том числе те, которые написал буквально за несколько дней до этого. Он живо интересовался произведениями американских писателей, их творческими союзами, чем и как они живут. Исааку Давидовичу льстило, что произведения советских авторов, в том числе и его лично, известны американской аудитории, что в 1929 г. на большом митинге в Мэдисон-сквер-гарден декламировали его стихи и поэмы. Кто мог подумать тогда, что эта искренняя дружба вскоре прервется трагически?

Несколько лет И.Д. Харик отдал работе над поэмой «Круглые недели» (1932 г.), посвященной социалистическому строительству в советской Беларуси. Герои «Минских болот», окрепшие и закаленные, возглавили теперь стройку, которая стала всенародной. По оценке Арона Вергелиса, в этой поэме Харика нет нивелировки действительности. Конфликты возникают в результате реальных трудностей нового быта и столкновений трудового героизма с рецидивами прошлого²¹. Однако Григорий Березкин считает, что поэме «Круглые недели» не хватает собранности, единства среды и личности, фона и человека, пафоса и «рисунка», которыми отличалась поэма об учительнице. Замысел «Круглых недель» раскрывается слишком широко, отсутствует живое сюжетное русло, по которому бы мог двигаться в поэме жизненный материал²². Своеобразную оценку поэме Харика дал секретарь ЦК КП(б)Б В.Ю. Жебровский²³ на расширенном заседании оргкомитета Союза писателей БССР в своем докладе «О задачах художественной литературы в Белоруссии»:

²¹ Изи Харик. *Стихи и поэмы*. Москва, 1958 г., с. 5.

²² Он же. *От полюса к полюсу* (на идише). Минск, 1934 г., с. 17.

²³ Вацлав Юлианович Жебровский (1895–1937 гг.) — третий секретарь ЦК КП(б)Б (1932–1934), ответственный редактор «Учительской газеты» (1934), газеты «За коммунистическое просвещение» (1935–1937), расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1956).

Еврейская советская литература республики в последнее время обогатилась рядом крупных художественных произведений. Так, Изи Харик в своей поэме «Круглые недели» развернул патетическую панораму социалистической реконструкции. Харик бичует в ней еврейский и белорусский нацдемократизм и показывает героинку социалистического «аврала». Однако авангард рабочего класса показан в поэме слабо²⁴.

И дальше в речи Жебровского акцентируется общий рефрен о том, что обострение классовой борьбы в стране пролетарской диктатуры, ожесточенное сопротивление и новая тактика классового врага, его изворотливость и умение сочетать методы борьбы «тихой сапой» с открытой предательской работой — все это находит отражение в художественной литературе.

Харик вынужденно участвовал в политических играх советских руководителей, которые усиленно искали врагов, чтобы оправдать свои неудачи в хозяйственном и культурном строительстве первой пятилетки. Проще всего было их найти среди бывших оппонентов большевиков, которые давно стали попутчиками. Так вспомнили про Бунд²⁵. В июле 1933 г. на заседании партийной ячейки редакции газеты «Октябрь» Харик как член Президиума ЦК КП(б)Б предостерегал против новой угрозы со стороны Бунда: «Среди членов партии, даже самых преданных, существуют такие, кто до сих пор высказывается о Бунде с энтузиазмом... Им по-прежнему неочевидна контрреволюционная сущность Бунда»²⁶.

Действительно, противоречивые политические процессы в Советском Союзе, приводившие к необратимым последствиям в жизни страны, все явственнее проступали в литературе, на «культурном фронте», как было принято тогда говорить. В этой связи особенно ценным оказывается свидетельство ответственного работника Коминтерна Леонида Островского (Иосифа Бергера²⁷) в журнале «Советиш

²⁴ *Рабочий* (Минск), 1933 г., 30 марта.

²⁵ См. Словарь терминов и понятий, с. 365.

²⁶ Элисса Бемпорад. *Превращение в советских евреев: Большевицкий эксперимент в Минске*. Москва, 2016 г., с. 109.

²⁷ Иосиф Михайлович Бергер-Барзилай (Ицхак Желязник, 1904–1978 гг.) — один из основателей Коммунистической партии Палестины, журналист, политолог и советолог, преподаватель университета Бар-Илан в Рамат-Гане, руководил Ближневосточным отделом Коминтерна (1932–1934), арестован (1935), отбывал наказание на

геймланд»²⁸. Островский подробно рассказывает о своей встрече с И.Д. Хариком в начале 1933 г., когда тот приезжал в Москву на Всесоюзное совещание еврейских писателей. Харик привез с собой замысел большого эпического произведения о жизни евреев в Белоруссии начиная с царских времен и до последнего времени. Там поэт собирался затронуть события Октябрьской революции 1917 г., гражданской войны, НЭПа, первых советских пятилеток, чтобы отразить участие евреев в историческом процессе преобразования бывшей царской империи.

Харик очень серьезно относился к новому замыслу и хотел иметь подлинный исторический материал. Он просил направить его в Палестину, чтобы увидеть все своими глазами и проверить, не «пахнет» ли там социалистической революцией. Коминтерн, по мысли поэта, мог бы связать его с местными коммунистами. Услышанное от Харика ошеломило Островского. Это не было похоже на творческую командировку, ведь в случае ареста пришлось бы отрицать свое отношение не только к Коминтерну, но и к России, к СССР, даже не говорить по-русски, а это уже удел профессиональных революционеров; в те годы действовала негласная установка не направлять на подпольную работу Коминтерна за границу граждан, родившихся в СССР.

Ответ Островского был то ли слишком осторожным, то ли не вполне понятным Харику, и поэт стал настаивать. Исаак Давидович приводил разные аргументы в пользу своей идеи. Например, он говорил о том, что как еврейский поэт и коммунист будет полезен для Палестинской компартии, что не претендует даже на командировочные расходы и поедет за свой счет. Харик категорически утверждал, что никого не посвящал в свой замысел, не делился даже с близкими друзьями и сумеет полностью сохранить инкогнито. Тогда Островский сделал последнюю попытку отговорить Харика. Он сослался на то, что поэтический талант последнего настолько велик и необходим Родине, что было бы безумием ставить его под удар. Более того, фигура Харика

Соловках (1936–1938), отправлен в Норильск (1939), осужден на вечное поселение в Сибири (1951), после освобождения (1956) получил польское гражданство и переехал с семьей в Польшу, сотрудник Института международных отношений в Варшаве, но уже через год уехал в Израиль как корреспондент польской коммунистической газеты, еще в лагере вернулся к религии, написал книгу на русском языке «Крушение поколения» (1973).

²⁸ *Советиш геймланд* (Москва), 1990 г., № 8, с. 31–33.

так заметна, что его внезапное и продолжительное исчезновение будет трудно объяснить. И здесь Харик, в свою очередь, стал предельно искренним. Он признался с горечью, что дела еврейской советской литературы запутаны, что многие из его коллег оставляют национальную литературу и переходят на русский и белорусский языки. Что уже в течение нескольких лет в отношениях между писателями и поэтами существует скандальная атмосфера, и все это отравляет ему жизнь. Он стал приводить примеры интриг, которые плелись вокруг его имени, попыток искать в его творчестве идеологические ошибки, о доносах на него и его товарищей в ЦК КП(б)Б и прочей напраслине. Сказал даже, что он вообще засомневался в перспективе еврейской советской литературы... В заключение Островский сделал вывод о том, что предполагавшаяся поездка Харика в Палестину, по-видимому, должна была вернуть ему внутреннее равновесие.

В начале тридцатых годов И.Д. Харик вел обширную переписку с деятелями культуры, литературы и искусства за рубежом, искренне переживал тревожные события, вызванные в мире великим экономическим кризисом (1929–1933 гг.), оживлением фашизма в Европе, ростом опасности новой войны, которая могла охватить весь мир. Харик искренне верил в то, что именно идеи Коммунистической партии окажутся главным центром притяжения для сил демократии и гуманизма. Исаак Давидович не замыкался в профессиональных рамках: он не только редактировал журнал «Штерн», состоял членом Президиума Союза писателей СССР и БССР, членом-корреспондентом Академии наук БССР, но и был избран членом ЦИК республики, что являлось тогда не только почетной обязанностью, но и весьма хлопотным делом. В феврале 1932 г. в Минске Союз писателей Беларуси начал издавать свой еженедельник «Літаратура і мастацтва», главным редактором которого назначили близкого друга Харика Х. Дунца. До своего прихода в кабинет редактора нового издания Хаим Дунец занимал пост заместителя народного комиссара просвещения по вопросам культуры. Заместителем главного редактора назначили Михаила Моделя, заведующего отделом культуры, литературы, искусства и театра ЦК КП(б)Б. Прежних должностей оставить им не позволили — приходилось совмещать. Кадров отчаянно не хватало, вот и приходилось трудиться сразу на нескольких направлениях как двуязычным. Да и не только им, многим, тогда так было принято.

В редакции еженедельника «Літаратура і мастацтва» сложился дружный коллектив. Отдел литературы и обязанности ответственного

секретаря взял на себя Борис Микулич. Степан Лиходиевский курировал вопросы искусства, театра и кинематографа. Станислав Шушкевич работал с поэтами, а машинисткой редакции стала мать будущего композитора Юрия Семеняки. На страницах нового издания освещались проблемы жизни писательской организации республики, задачи национального культурного строительства. Свои произведения печатали белорусские, русские, еврейские, литовские, латышские и польские авторы — члены национальных секций Союза писателей БССР. Крупнейшей из них по своей численности была еврейская, которую возглавлял И.Д. Харик.

Все творчество Исаака Давидовича было тесно связано с родной Беларусью. Он считал, что в каждой советской республике литература на идише имеет свою особенность. Литература на идише в Беларуси привносит в советскую литературу красоту белорусской природы, звучание белорусских народных песен, самобытность социалистического строительства. Харик дружил с Янкой Купалой, Платоном Головачом, Тишкой Гартным. Харику, кстати, принадлежит и сам термин «белорусский еврей». По свидетельству Сергея Граховского, знавшего Харика лично, в каждом описанном им пейзаже легко узнать белорусскую природу, особенности белорусских городов и деревень, характеры простых людей. В поэмах Харика особенно чувствуется мелодия белорусской песни и явное влияние белорусского фольклора²⁹. Конечно, все это не случайно, ибо его творчество родилось и развивалось на белорусской земле, и всем своим существом поэт был связан с судьбой белорусского народа, разделяя его мысли, чувства и надежды. Харика никогда не видели безразличным или уравновешенно спокойным, или самодовольным. Он всегда спешил, спешил больше сделать, поделиться душевным теплом, поэтому так к нему тянулись еврейские, белорусские, русские поэты разных поколений. Он и сам был воплощенной поэзией, с открытой душой, готовый поделиться с каждым своим опытом и щедрый талантом наставника и старшего друга. В марте 1968 г. Сергей Граховский, выступая на вечере памяти И.Д. Харика, посвященном 70-летию со дня его рождения, скажет:

Есть люди, встретив которых однажды, запоминаешь на всю жизнь. Есть поэты, голос которых помнишь десятилетия. Его ни с кем не

²⁹ Белорусский гос. архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ), ф. 201, оп. 2, д. 146, л. 5.

спутаешь, он не подвластен времени и самым изощренным имитаторам. Этот голос будоражит, зачаровывает и увлекает неудержимой волной поэзии и даже тогда, когда он звучит на непонятном тебе языке. Ты приобщаешься к подлинному искусству и становишься зрячим: нервами, сердцем, всем существом чувствуешь поэзию, ее музыку, темперамент, глубину и неподдельную правду чувств истинного художника... Я вижу его всегда молодым — черная непослушная копна кудрявых волос. Крупная складка у лба, скрывающая глубокую и трепетную мысль, волевой подбородок и полет — вечный полет неукротимой энергии, высокого вдохновения и стремительности³⁰.

По свидетельству С.П. Шушкевича³¹, Харика знала и любила вся Беларусь, он оставался искренним, верным и преданным сыном своей земли, которая жила в его сердце и поэзии. Его слушали с одинаковым восторгом люди разных национальностей как поэта — трибуна, лидера, философа и мудрого советчика. Все это было для Харика естественным³². Народный художник СССР З.И. Азгур вспоминал:

Харик любил Беларусь по-сыновьему. Как-то он сказал мне: «В книге Иисуса Навина пишется, что птицы имеют гнезда, рыбы — свой уголок, зверь — берлогу, а человек должен знать свое место...». У меня начинает биться сердце при слове «Борисов». У Змитрака Бядули оно откликается на слово «Логойск», у Моисея Тэйфа на слово «Минск», у Менделя Лившица — на слово «Речица», у Самуила Галкина — «Рогачев», у Моисея Кульбака — «Сморгонь»...³³

³⁰ БГАМЛИ, ф. 201, оп. 2, д. 252, лл. 1–2.

³¹ Станислав Петрович Шушкевич (1908–1991 гг.) — советский поэт и прозаик, заслуженный работник культуры БССР (1983), отец члена-корреспондента АН БССР, Председателя Верховного Совета Беларуси Станислава Станиславовича Шушкевича (1991–1994); работал в редакции газеты «Колхозник Белоруссии» (1934–1935), в газете «Звезда» (1935–1936), арестован по подозрению в принадлежности к контрреволюционной национально-демократической организации, находился в ссылке в Кемеровской области, работал шахтером, слесарем и бухгалтером в лагере МВД (1937–1946), повторно арестован (1949) и приговорен к ссылке в Красноярский край, реабилитирован (1954, 1975), работал в газете «Мінская праўда» (1956–1958), зав. отделом писем газеты «Літаратура і мастацтва» (1958–1970).

³² Архив автора. Запись беседы со Станиславом Петровичем Шушкевичем в Минске 9 декабря 1990 г.

³³ Заир Азгур. «День есть день» // *Полымя*, 1989 г., № 1, с. 210.

Харик оставался значимым и для тех, кто не имел отношения к еврейской среде, многие видели в нем образец для подражания. Он был членом ЦК КП(б)Б и в дни всенародных торжеств стоял на центральной трибуне Дома правительства рядом с партийными и советскими руководителями Н.Ф. Гикало, Н.М. Голодедом и А.Г. Червяковым. Изи Харик являлся делегатом Чрезвычайного XII Всебелорусского съезда Советов в ноябре 1936 г. Именно он перед тысячами минчан с трибуны дальновидность советской национальной политики в отношении евреев. В торжественной речи, посвященной новой советской конституции 1936 г., Харик заявил, что среди голосов свободных народов, обсуждавших конституцию, голос одного народа прозвучал впервые... раньше он не считался народом и никогда не стал бы народом без национальной политики Ленина-Сталина. То был голос еврейского народа³⁴.

До недавних пор исследователи творчества И.Д. Харика старательно обходили ряд важных вопросов, которых по известным причинам не следовало касаться. Действительно, как мог он, один из основоположников советской еврейской пролетарской поэзии, с его обостренным нравственным чувством, проходить мимо трагических событий современной ему жизни? Неужели он ничего не знал о репрессиях 1930-х гг., о деспотизме Сталина и его подручных? Или знал и молчал?

Дело обстояло, конечно, намного сложнее. Изи Харик не представлял себе действительность как праздник или идиллию. Он много путешествовал по стране, встречался с людьми, будучи редактором литературного и общественно-политического журнала, получал много писем читателей. Он трезво взвешивал все «за» и «против». Но при этом дело социалистической революции оставалось для него при любых обстоятельствах святым. Известно, что всякая революция рождает у людей надежду на справедливое переустройство общества. При его осуществлении возникает невиданный энтузиазм народа, который становится огромной созидательной силой. Энтузиазм завораживал Харика. Поэт видел вокруг себя новое поколение людей, в большинстве своем высоконравственных, чуждых карьеризму, бескорыстных — они ничего лично для себя не требовали.

Через поэзию все хотели узнать, как жить дальше. Даже тем, кто раньше никогда не обращался к стихам, в первое десятилетие советской власти казалось, что поэзия и есть то самое средство получить

³⁴ Элисса Бемпорад. *Превращение в советских евреев...* с. 243–244.

ответы на многочисленные проклятые вопросы, поможет преодолеть социальные несовершенства. Поэзия, творчество были любовью Харики, его жизнью. И он, возможно, рад был обманываться, тем более что непонимание всегда помогает самообману.

Как Харик относился к Сталину? Одни считают, что он гений всех времен и народов, другие объявляют его маньяком. Харик, конечно, многого не знал и находился под гипнозом пропаганды, которая идеализировала «великого кормчего революции» и отождествляла его образ с победой мировой коммунистической идеи. Энергия и целеустремленность Сталина, способность направить весь потенциал народа на выполнение поставленных задач imponировали не только Изи Харику, но и большинству людей в стране. Все положительное в СССР связывалось с именем Сталина: рост оборонного потенциала, стремительное развитие промышленности, появление новых городов, размах подготовки кадров специалистов, ликвидация малограмотности и пр. Да, но какой ценой? Не исключено, что Харик как поэт находил убедительными аргументы официальной пропаганды: великая цель требует великой энергии, великая энергия отсталого народа добывается только решительностью (жестокостью). Все это так, и известная поговорка «Лес рубят — щепки летят» оказалась аллегорией, отражающей горькую действительность³⁵.

В 1933 г. Харик принял участие в конкурсе на лучшее произведение для детей и юношества, объявленном Союзом советских писателей БССР. В 1934 г. в Минске вышла его поэма «От полюса к полюсу», посвященная «трудовым будням» Беломорканала³⁶. В этом конкурсе первую премию получил Янка Мавр за произведение «ТВТ» («Таварыства выяўнічных тэхніка»), второй премии удостоилась поэма Харики. Книгу оформил художник Марк Житницкий — она была выдержана в стиле своего времени: профиль прозорливого вождя и восторженные лица пионеров, внимательно слушающих рассказ школьного учителя о невиданных переменах в облике Северного края... Специальная глава книги была посвящена Главному политическому управлению (ГПУ), предшественнику НКВД:

³⁵ «Лес рубят — щепки летят» — русская пословица, которая означает, что когда происходит какое-либо крупное событие или изменение, то неизбежно возникают и побочные эффекты, которые затрагивают и тех, кто не участвует в них напрямую, в данном контексте «щепки» — это люди, которые страдают от последствий сталинских преобразований.

³⁶ И. Харик. *От полюса к полюсу...* с. 47–48.

*И перед его глазами все выросло.
Утро красной нитью ткёт покой и отдых,
Сталин звонит: «Кто это, Ягода, ГПУ?
Объяви своим героям, что есть светлый план,
Я доверяю его тебе и твоим орлам».
Отвечает Ягода спокойно: «Все готовы!»³⁸*

(Перевод с идиша)

Это произведение, конечно, нельзя отнести к числу лучших, созданных Изи Хариком. Вместе с тем в нем чувствуется и рука мастера, и встречаются яркие поэтические образы. Однако социальный заказ перевешивает. Но разве Харик был единственным? Сегодня мы задаемся вопросом, зачем Максиму Горькому, выдающемуся гуманисту и пророку новой счастливой жизни, понадобилось участвовать в редактировании сборника очерков по Беломорканалу³⁹, где рассказывалось о том, как хорошо и правильно советская власть перевоспитывает своих противников? Работали же там, как оказалось, невинные люди — крестьяне, рабочие, интеллигенты, просто несогласные с политикой государства диктатуры пролетариата или оклеветанные. Мог ли Харик в конце концов это не почувствовать? Раньше мы об этом только догадывались, не имея возможности проверить, не говоря уже о том, чтобы заглянуть в страшную суть явления. Наверное, поэтому кому-то хотелось просто закрыть глаза и не видеть всего названного, объявить несуществующей даже саму поэму Харика «От полюса к полюсу»⁴⁰. Это больно еще и потому, что Исаак Давидович оставался человеком искренним, который никому никогда не угождал. Как правило, поэт не нуждался в том, чтобы делать над собой усилие, не писал «отводя взгляд»... С тех пор это его произведение нигде не публиковалось. В Москве в издательстве «Художественная литература» в 1971 г. вышел поэтический сборник «От полюса к полюсу», где сама одноименная поэма отсутствовала, как и в 1958 г.

³⁸ И. Харик. *От полюса к полюсу*..., с. 14–15.

³⁹ Памятная книга «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (600 с.) была издана в конце 1934 г. государственным издательством «История фабрик и заводов» специально к XVII съезду ВКП(б) под редакцией М. Горького, многие авторы, а также редакторы Л.Л. Авербах и С.Г. Фирин впоследствии были арестованы как «враги народа».

⁴⁰ Поэма «От полюса к полюсу» с купюрами была опубликована в книге Изи Харик. «Стихи и поэмы» в московском издательстве «Советский писатель» в 1958 г., с. 262–284.

Осенью 1935 г. исполнялось 15 лет творческой деятельности Изи Харики как признанного мастера слова, литератора, общественного деятеля. Для того чтобы подготовиться к этой дате, 28 октября 1935 г. состоялось заседание общественной комиссии при Народном комиссариате просвещения БССР под председательством наркома НКП Чернушевича⁴¹.

Праздничный вечер проходил в помещении первого Белорусского государственного театра (ныне им. Я. Купала) в Минске 17 ноября 1935 г. с участием партийной, советской, профсоюзной и комсомольской общественности. С докладом о творческом пути И.Д. Харики выступил Яков Бронштейн⁴². С приветствием от имени Центрального комитета Компартии Белоруссии выступил заведующий отделом культуры А.И. Дьяков⁴³, от предприятий Минска — рабочие завода имени К.Е. Ворошилова и фабрики «Октябрь». Под руководством заведующего Главискусством БССР И.П. Ошеровича был дан концерт из музыкальных произведений, написанных на стихи Изи Харики. Затем чествование поэта перенесли в клуб Союза писателей республики. Госиздат БССР получил заказ на издание избранных произведений Харики, а Наркомпрос премировал поэта творческой командировкой по Советскому Союзу.

Юбилейные чествования поэта состоялись по всей республике, по инициативе Центрального совета профсоюзов в рабочих клубах и ленинских уголках прошли литературные вечера, посвященные творчеству Харики. Всего на празднование юбилея поэта СНК БССР отпустил 35 000 руб.⁴⁴ Газеты республики печатали приветствия общественных организаций и телеграммы в адрес Изи Харики. Например, в приветствии ЦК КП(б)Б говорилось следующее:

⁴¹ НАРБ, ф. 265, оп. 1, д. 439, л. 1.

⁴² Яков Анатольевич Бронштейн (1897–1937 гг.) — научный сотрудник Института литературы АН БССР (1930–1937), профессор МГПИ им. Горького (1932), научный сотрудник Института языкознания, литературы и искусства АН БССР, одновременно зав. кафедрой еврейской литературы и языка в МГПИ: читал курсы лекций по истории русской, белорусской и еврейской литературы, ответственный секретарь Союза писателей БССР (1932–1937), член-корреспондент АН БССР (1936), арестован (июнь 1937), расстрелян (октябрь 1937), посмертно реабилитирован (1956).

⁴³ Ананий Иванович Дьяков (1896–1937 гг.) — ректор БГУ им. В.И. Ленина (1934), заведующий отделом культуры и просветительской работы ЦК КП(б)Б (1935), нарком просвещения БССР (1936), арестован (май 1937) и расстрелян (октябрь 1937).

⁴⁴ Юбилей Харики послужил образчиком для юбилеев Я. Купала и В. Голубка в 1935–1936 гг.

Юбилей Харика свидетельствует о победе ленинской национальной политики. Октябрьская революция создала все условия для раскрытия талантов из глубин трудового народа. В условиях капиталистического строя Харик не сумел бы развивать свой талант художника слова, он оставался бы обыкновенным местечковым сапожником... Своими произведениями И. Харик зовет трудовые массы на борьбу за пролетарский интернационализм, за построение бесклассового социалистического общества. Партия, пролетариат, все трудящиеся ждут от тов. Харика новых крупных произведений, достойных нашей прекрасной эпохи. Пожелаем же юбиляру многих лет плодотворной работы на благо нашей социалистической Родины⁴⁵.

Слова искренних поздравлений произнес Янка Купала, пользовавшийся огромным авторитетом:

Поздравляю с днем юбилея от чистого сердца. Пусть Ваши думы, песни и дальше расцветают на благо нашей великой свободной Родины, пусть пробуждают в сердцах людей радостные чувства нашей прекрасной жизни. Пусть Ваши освещенные лучами ленинской партии такие светлые, прямые стихи идут к читателю, который ожидает их с открытой душой. Желаю Вам счастливого пути в Вашей дальнейшей плодотворной судьбе — жить, творить и вечно любить нашу Родину, наших людей, которые так заботятся о своем социалистическом хозяйстве, жить и творить для наших сказочно творческих, небывалых в веках героических дней. Хорошо, славный Изи Харик, жить и творить в великую советскую эпоху⁴⁶.

Приветствия и поздравления поступили также от Союза писателей СССР, редакции журнала «Полымя рэвалюцыі», а также лично от А. Александровича, Я. Бронштейна, П. Бровки, И. Гурского, П. Головача, Я. Коласа, М. Лынькова, М. Климковича, К. Чорного, М. Чароты и др.⁴⁷ Однако не все было столь безоблачным, как может пока-

⁴⁵ *Літаратура і мастацтва*, № 62, 1935 г., 21 лістапада.

⁴⁶ *Звязда*, № 261, 1935 г., 17 лістапада.

⁴⁷ *Полымя рэвалюцыі*, 1935 г., № 11.

заться. К середине тридцатых годов в Беларуси, как и по всему Советскому Союзу, развернулась невиданная по своему размаху борьба с «врагами народа», многочисленными «троцкистами», «зиновьевцами», «диверсантами» и «шпионами», «саботажниками» и «агентами» империалистических государств. Гонения на так называемых нацдемов послужили хорошей репетицией для сталинистов.

Изи Харик болезненно переживал недобрые перемены. На его глазах развенчивались жизненные идеалы, таяла надежда, утрачивалась вера в прежних кумиров, уходила почва из-под ног. Но выразить вслух свой протест поэт, как и большинство его современников, не решался. Почему? Не был до конца уверен в том, где находится эпицентр дьявольской силы, делавшей из друзей и прежних соратников партии и рабочего государства врагов? Боялся, что это повредит идеям ленинизма и самой советской власти? Или срабатывал инстинкт самосохранения? Но молчать и оставаться безучастным Харик не мог. Он прибег к эзоповскому приему. В своей лучшей поэме «На чужом пиру» (1936 г.) поэт осмелился публично определить свои чувства и мысли, заявить свою позицию.

Сюжет поэмы состоит в том, что на свадьбу в соответствии с древней еврейской традицией приглашен скоморох, сказитель, «бадхен», «певец, музыкант и плясун, бедняк с бесшабашной душой», затравленный хозяевами жизни. Дед Изи Харика тоже был сказителем, отсюда можно предположить, что в роли бадхена поэт изобразил самого себя: «Пускай бы я был бондарем, простым лозокрутом, но только не сказителем». И далее: «Ты обязан петь и веселить, когда болит душа, когда тебе невыносимо плохо!», «Когда же тебя используют и ты больше не нужен, тебя выбросят, как веник...».

Заключительная глава поэмы «На чужом пиру» отмечена потрясающей силой. В ней говорится, что за вольнодумные речи гости потребовали прогнать сказителя вон. И тогда бадхен рассказывает им притчу о царе, который все, что бы ни предпринимал, обязательно оборачивал в свою пользу и во вред народу. В конце концов сказителя изгоняют не только со свадьбы, но и из местечка как источник всех бед, за которые Господь наказал его жителей. Бадхен уходит и присоединяется к восставшим белорусским крестьянам-бунтарям. Он поднимается на бой со своими деспотами и погибает в неравной схватке.

В Лейзере-бадхене психологически точно автор прослеживает все переходы от послушания героя к смятенности и от них — к протесту, бунту, принимающему в духе времени и фольклорных преданий форму «благородного разбойничества». Поэма «На чужом пиру» густа по фактуре, по разнообразию и богатству бытовых красок, подсвеченных изнутри трагическим чувством ответственного, мятущегося и погибающего героя — художника из народа.

Можно утверждать, что Изи Харик в этой поэме предсказал свою судьбу. Он написал образы будущих хулителей и палачей, даже изобразил тот «послушный хор», который после получения известной команды с остервенением будет скандировать: «Харик — враг! Харик — враг! Ату его, ату!» Однако это будет после, а пока Харик продолжал жить в своей Беларуси среди ее народа. 3 июля 1936 г. все газеты страны опубликовали проект сталинской Конституции, в которой подводились итоги 20-летия советской власти, высочайше «даровались» демократические свободы — собрания, слова, печати, вероисповедания и волеизъявления независимо от национальности, пола, классовой принадлежности и политических взглядов. Сам этот документ является непревзойденным образчиком лицемерия, когда слово расходится с делом, когда провозглашенные в нем юридические нормы вскоре будут жесточайшим образом вероломно попорнаны.

Насколько советские люди продолжали верить в правоту и справедливость советской власти? В крепость слова, данного Коммунистической партией и самим Сталиным? Верили или сомневались? Аппарат подавления инакомыслия через цензуру, тайных осведомителей, добровольных помощников-доносчиков, уверенных в правоте советской власти, искусно дирижировал общественным мнением. 11 июля 1936 г. вся белорусская печать опубликовала открытое письмо белорусского народа великому Сталину, которое изложили в стихах Янка Купала, Якуб Колас, Андрей Александрович, Петрусь Бровка, Петро Глебка и Изи Харик.

В наши дни, знакомясь с этим посланием, невольно обращаешь внимание на высокий слог произведения, удачные эпические образы, апеллирующие к истории белорусского народа, его вековым традициям и обычаям. Тема Великого Октября и строительства социализма дополнялась лозунгами и здравницами в честь Коммунистической партии и ее «любимого руководителя» Сталина. Письмо подписали два миллиона граждан БССР. Отрывки из него тут же вошли во все школьные хрестоматии и стали обязательными к изучению.

События раскручивались неумолимо. На пороге стоял 1937 год, хотя, казалось, к Харику они не имели отношения. 24 января 1937 г. Всебелорусское радио транслировало его творческий вечер, посвященный выходу новой поэмы, где выступили Ошерович, Аксельрод, Кульбак, Бронштейн и сам Харик, а также прозвучали песни в исполнении еврейского ансамбля БССР⁴⁸.

Тем временем «банды вредителей» власти находили повсюду — в Белколхозцентре, Тракторцентре, ЦК КП(б)Б, СНК БССР, штабе Белорусского особого военного округа, на предприятиях и в учреждениях. Репрессии коснулись и творческой интеллигенции, причем прежние заслуги значения не имели. 14 ноября 1936 г. арестовали группу белорусских писателей. Взяли 12 человек, и среди них: Змитрака Астапенко, Михася Богуна, Евгения Боричевского, Василя Залуцкого, Алеся Звонака, Сергея Знаемого, Бориса Микулича, Сергея Ракиту, Станислава Шушкевича, Владимира Хадыко, Яна Скрыгана и Алеся Якимовича. Затем наступил черед еврейской секции Союза писателей БССР. Но делали в НКВД БССР это с «подходом». По свидетельству Доры Ильиничны Платнер, летом 1937 г. в газете «Октябрь» (Минск) появилась статья за подписями Изи Харика и Лазаря Кацовича, в которой они подвергли критике поэта Айзика Платнера:

Мы приехали из Америки, а вокруг искали иностранных шпионов. Возможно, поэтому мой муж стал одной из первых мишеней? Как водилось тогда, нашли «ошибки», «грехи», «происки» — в общем, компрометирующий материал. Это послужило основанием для срочного исключения Платнера из Союза советских писателей БССР, но с разрешением работать, хотя, конечно, никто и не собирался теперь его принимать трудиться. Многие отвернулись, шарахались как от чумного. Еврейские писатели забеспокоились: кто следующий? Айзик Платнер ничего не высказывал в кругу семьи о своем отношении к той злополучной статье в «Октябре» за подписью своих бывших товарищей по перу — он был человеком мудрым, о многом догадывался. Скорее всего, в их среде знали, что это была вынужденная акция, чтобы уцелеть остальным, тем более что Платнера не арестовали, а «только» исключили из творческого союза. Обвинения выглядели смехотворными

⁴⁸ Октябрь, 1937 г., № 19, с. 4.

и глупыми, упреки — несостоятельными. Однако нужно было соблюдать правила «игры», это уже было всерьез⁴⁹.

Через полтора месяца после случившегося Платнер рассказал жене, что к нему приходил Харик, который был чем-то очень встревожен и расстроен, угрюм необычайно: «Ты знаешь, Айзик, у тебя хоть жена обеспечена, у нее есть профессия и работа (Дора была заведующей кафедрой английского языка Белгосуниверситета — Л.С.), а что будет делать моя Дина с двумя малышами?»⁵⁰

Харик как в воду глядел — беда подкрадывалась к нему все ближе. Незадолго до ареста Дине приходилось забирать мужа в бессознательном состоянии прямо с улицы, где его находили случайные прохожие. Исаак Давидович не был в состоянии алкогольного опьянения, но наутро обычно ничего вспомнить не мог. И так повторялось несколько раз. Что это было, до сих пор выяснить не удалось. Существует версия, что так, по-видимому, провокативно действовал НКВД с целью скомпрометировать видного общественного деятеля, члена ЦИК БССР, члена-корреспондента Академии наук республики, любимого и уважаемого народом поэта — подмешивали что-то в питье. Известно, что за полгода до ареста Харика уже «таскали» на допросы в «высокий дом». Его посетители в обязательном порядке давали расписку о неразглашении «государственной тайны»...

В августе 1937 г. Изи Харик с семьей отдыхал в Доме писателей и творческих работников под Пуховичами. Там находился прекрасный бывший барский дом с большим садом и огородом, невдалеке — маленькая речка. Все отдыхающие были с детьми — а тут свежий воздух, в изобилии парное молоко, ягоды. В то лето вместе с Хариками отдыхали семьи Бровки, Кучера, Глебки, Вольского, Климковича... 11 сентября И.Д. Харика забрали. Супруга поэта, Дина Звуловна, была в это время в Минске, и ей о случившемся сообщили соседи, которые видели, как конвой ОГПУ вел его к станции. Харик успел только крикнуть: «Передайте Дине, что меня забрали, пусть не беспокоится!»

Через несколько дней пришли с обыском и к Дине. Все перевернули вверх дном, три комнаты опечатали. Вначале почему-то задали дурацкий вопрос: «Где ваш муж?» Наверное, проверяли, знает

⁴⁹ Архив автора. Запись беседы с Дорой Ильиничной (Гилелевной) Платнер (Рутштейн) в Минске 28 ноября 1990 г.

⁵⁰ Там же.

ли супруга об аресте. И только под утро, когда уходили, сказали, что он задержан. Спустя еще некоторое время, возможно через неделю, к Дине Звуловне постучался посыльный из НКВД и сказал, что принес ей письмо от мужа. Там было всего несколько слов: «Я не виноват. Разберутся. Береги детей». И далее следовала приписка, что Исаак Давидович передает жене 900 руб. Скорее всего, он дал распоряжение сберкассе, где выдали эту сумму. Однако нарочный из органов передал Дине только 500 руб...⁵¹

Как следует из официального ответа КГБ БССР № Х-2195 от 24 декабря 1990 г. на запрос жены поэта, И.Д. Харик был арестован органами НКВД с санкции военной прокуратуры Белорусского особого военного округа и обвинялся в том, что якобы «являлся участником контрреволюционной троцкистской террористической организации, подготовившей и осуществившей убийство С.М. Кирова», что он принял установку троцкистов о переходе на путь террора и вошел в состав боевой террористической группы, что «был связан с агентами немецких и польских разведывательных органов, от которых получал задания шпионского, диверсионного и террористического характера, что проводил активную контрреволюционную троцкистскую деятельность в области литературы и печати, т. е. по статьям 69, 70 и 76 УК БССР (в редакции 1928 г.)».

Обвинения в адрес Изи Харика оказались неслыханными. Они и сегодня выглядят совершенно неправдоподобно, но выдвинуты были законными органами власти. Многочисленные почитатели поэта не принимали случившееся, но разум говорил им, что, раз об аресте сказано официально, значит — правда.

За Хариком наступил черед Кульбака, Кагана, Бронштейна и других. Элю Кагана, например, забрали прямо на вечере в Союзе писателей, причем так тихо, что никто этого и не заметил. Каган пришел туда со знакомой и вдруг куда-то исчез. Его подруга удивилась, что он пригласил ее в писательский клуб и бросил, и забеспокоилась. Потом к ней все-таки подошли из администрации Союза писателей и сказали, что Кагана увели...

Исаак Давидович, оказавшись в тюрьме, сильно переживал, что будет с его семьей. Он оставался в полном неведении о том, что с ними происходит. Молодая любимая жена и двое маленьких сыновей.

⁵¹ Архив автора. Запись беседы с Диной Звуловной Харик (Матлиной) в Минске 30 ноября 1990 г.

История женитьбы поэта примечательна. Он взял в жены 16-летнюю красавицу Дину Матлину, которая приехала в Минск из Бобруйска. Отец ее до революции работал приказчиком в лавке, семья у родителей была большая — семеро детей. Жили трудно, и четверо из братьев и сестер умерли еще маленькими, Дина старшая... Она оказалась очень смышленной, рано научилась читать и писать, а в 12 лет уже стала председателем школьного комитета, получала только «отлично». Ей все было интересно. Дина хотела продолжить учебу дальше, но мать не позволяла: «Станешь портнихой!» Тогда она прибавила себе годик-другой и тайком уехала в Минск. Там ее как отличницу приняли без экзаменов в Еврейский педагогический техникум, после окончания которого она работала воспитательницей в детском саду.

Знакомство с Хариком произошло случайно, на улице Островского в Минске. Шел 1931 год, знаменитого поэта часто можно было встретить в рабочем клубе, на митинге, в Академии наук, в газетах помещали его портреты. Через полгода Дина дала согласие выйти за Харика замуж, но предстояло еще получить благословение ее родителей. У него к тому времени мать и отец уже умерли, возможно, поэтому Исаак Давидович считал важным начать свою семейную жизнь в полном согласии с родными будущей жены. Сделать это оказалось непросто. Мать Дины, едва услышав новость от дочери, взмахнула руками: «Дорогая, ты лезешь не в свои окна!» Конечно, можно понять ее переживания — девушка делает свой выбор в шестнадцатилетнем возрасте. Но мало этого, зятем должен был стать сам Изи Харик! Отца невесты беспокоило другое, он считал, что разница в возрасте его дочери и жениха слишком велика — 20 лет!⁵²

Действительно, было над чем призадуматься — когда Исаак и Дина шли вдвоем, то прохожие принимали их за отца и дочь, а не пару, решившую сочетаться законным браком. Как-то однажды отец не выдержал и сказал напрямик: «Зачем тебе второй отец?» Но разве когда-нибудь молодые слушали старших? Так случилось и на этот раз, и родители Дины решили: будь что будет. Свадьба прошла скромно, в синагогу не пошли. Так дом Изи Харика перестал быть пристанищем холостяка. Дина прекрасно справлялась с обязанностями молодой хозяйки — она держала дом в чистоте, создавала уют, принимала гостей. Стараясь тянуться за мужем, поступила в педагогический

⁵² Архив автора. Запись беседы с Диной Звуловной Харик (Матлиной) в Минске 30 ноября 1990 г.

институт. В июле 1934 г. у Дины и Исаака родился первый сын. Слабенький ребенок, и родители опасались за его жизнь. Но велика оказалась гордость Изи: «Я уже отец, отец, — сообщал он всем. — Совсем недавно никого у меня не было. Теперь я муж и отец! Мы сделаем все, чтобы поставить ребенка на ноги!»

По ночам Исаак Давидович часто просыпался и подходил к кровати сына. Он специально ездил в Москву за необходимыми лекарствами и витаминами для жены и ребенка, приводил профессоров. Поэт хотел назвать ребенка по своему отцу — Давидом. Но, поскольку жизнь малютки была в опасности, Дина боялась дать ему это имя, потому что в случае его гибели Исааку вдвойне трудно было бы перенести эту потерю. И она предложила: «Имя твоего отца сохраним для второго сына, а этого назовем Юликом, потому что он родился в июле. Имя это звучит поэтично». Исаак грустно усмехнулся, но согласился. Через полгода у Юлика появился аппетит, он начал набирать вес. Радости родителей не было границ. Когда ребенок окреп и уже все меньше нуждался в повседневном уходе и посторонней помощи, Харик вернулся к своему обычному режиму работы. В 1936 г. у четы Харик родился второй сын, крепкий и увесистый.

«Ну, этот у нас станет богатырем! — твердил поэт. — Юлик не будет единственным». Второго малыша, конечно, назвали Давидом.

Тяжелое предчувствие не обмануло Харика — однажды ночью в ноябре 1937 г. пришли за его женой... В ту ночь одновременно были арестованы свыше 80 жен «изменников Родины» — видных партийных, советских работников, военачальников, инженеров и деятелей культуры и науки, и это было не совпадением, а целенаправленной репрессивной акцией. Вина арестованных женщин заключалась только в том, что они и их мужья составляли единое целое⁵³. Несмотря на весь трагизм положения, не обошлось и без курьеза. В кабинет первичного досмотра прибывших арестованных вводили по одному. Когда ввели Дину Харик, следователь, который оформлял бумаги, поднял на нее глаза и спросил:

— Девочка, а тебе что нужно?

⁵³ Дина Звуловна Харик (Матлина, 1911–2003 гг.) — родилась в Бобруйске, арестована НКВД в Минске 28 ноября 1937 г., приговорена как «член семьи изменника родины» к восьми годам исправительных работ, отбывала наказание в Казахстане, освобождена и вернулась на родину в 1946 г., реабилитирована 14 августа 1956 г. Личное дело № 6846-с Д.З. Харик хранится в Центральном архиве КГБ Беларуси в Минске.

— Как что? — удивилась Дина. — Меня привезли, я — жена.

— Жена? — вырвалось у следователя, и он уставился на нее, оторвавшись от своей писанины.

— Да, жена! — подтвердила та. — Дина Харик.

— Ну тогда садись, — только и вымолвил он.

Разница между супругами в 20 лет, конечно, сказывалась. Дина ошеломляла своей юностью и хрупкостью в гнетущей атмосфере неопределенности и страха, нависшей под тяжелыми сводами казематов. Вдруг дверь отворилась, и в кабинет вошел сам начальник Минской тюрьмы НКВД. Фигура его была непомерно велика. Толстых людей в 1930-е гг. встретить можно было нечасто, но здесь размеры начальника, его живота, рук и ног, казалось, превосходили все разумные пределы. Он стал прохаживаться по комнате, потом неожиданно подошел к Дине и в присутствии своих подчиненных, ничуть их не стесняясь и ничего не объясняя своей жертве, начал снимать с нее золотое обручальное кольцо, золотые часы, привезенные в подарок Исааком Давидовичем из Москвы после рождения первенца, серебряную цепочку, что-то еще. Дина просто онемела от такой наглости. Она прекрасно понимала, что полностью находится в его власти, рассчитывала, что будут допросы, очные ставки, что нужно будет что-то доказывать, уточнять, что потом, когда разберутся, обязательно выпустят. Здесь же просто забирали личные вещи... И тут у нее вырвалось: «Так вот, оказывается, почему вы такой толстый!» (Начальник тюрьмы молча снимал и прятал в свои карманы ее вещи.) Тот сразу побелел как стена, потом стал вдруг красный как рак, да как закричит: «В одиночку ее! Немедленно!»

Дину заперли в одиночную камеру. Она разрыдалась, застучала своими кулачками в железную дверь и заголосила — все оказалось напрасным. Никто не пришел, никто не отворил, а дома у нее оставались два маленьких сыночка... Она закрыла глаза и вспомнила еще и еще раз, как ее арестовывали. В два часа ночи раздался глухой стук в дверь. На вопрос кто там, сказали: «НКВД, откройте!» Впустила, старшему, Юлику, исполнилось три года, а младшему, Давиду, всего год и восемь месяцев. Все комнаты уже были опечатаны раньше, а Дина с детьми ютилась в кабинете мужа. После беглого осмотра квартиры незваные «гости» сказали одеваться, пообещали, что к утру доставят на машине обратно, но Дина не соглашалась: «Как же так, с кем оставить детей? Домработница будет только утром». «Ничего, —

ответили ей люди в форме с синими околышами в петлицах. — Вы поедете с нами ненадолго, а с детьми посидит наш сотрудник. С ними ничего не случится, не беспокойтесь...»

На плечи Дине набросили халат, заставили взять с собой пальто и вытолкнули из квартиры. Больше своих детей она не увидела. Через двадцать лет, когда она вернулась в Минск, то первым делом побежала в МГБ на проспекте Сталина с вопросом: «Где мои дети, живы ли?»

Ей ответили, что действительно в картотеке органов госбезопасности числятся два мальчика, Юлик и Давид Харики, но куда они делись, неизвестно. Живы, умерли? Получили ли другие имена и фамилии, чтобы уцелеть? Спаслись ли из Минска, когда пришли немцы, или погибли в гетто? Никто не может до сих пор ответить на все эти проклятые вопросы. Кстати, детей Кульбака и Бронштейна, которых постигла аналогичная судьба, потом нашли, но все поиски Дины остались безуспешными...⁵⁴

Изи Харика после ареста доставили в Минскую тюрьму НКВД, так называемую «американку», и посадили в одиночную камеру. На первых порах следователи вели себя корректно, старались сохранять спокойствие, предлагали сотрудничество, обещали содействие его семье. Для этого нужно было только назвать сообщников, всего лишь... Потом начались истязания — бесконечные допросы без сна, угрозы и обещания скорой расправы. Ранимая и чрезвычайно восприимчивая психика Исаака Давидовича выдерживала это с трудом. Его сознание, как и у большинства его товарищей по несчастью, не могло принять реальность и понять, что же произошло. Почему он, Харик, стал врагом? Кому это нужно? Мучительные, неотступные вопросы, вопросы без конца. И ни одного более или менее вразумительного ответа. Так продолжалось изо дня в день. Бесконечные изматывающие допросы. Требования назвать «сообщников», подписать составленные для него «собственные» показания. Все это накатывалось на него горячей волной, не давая прийти в себя, но более всего его мучило одно — осуществят ли они свою угрозу в отношении Дины и детей? Посмеют ли? И не с кем перемолвиться словечком, попросить совета — только четыре стены и тяжелая дверь.

⁵⁴ Архив автора. Запись беседы с Диной Звуловной Харик (Матлиной) в Минске 30 ноября 1990 г.

И.Д. Харик сидел в камере под номером 16. В камере № 15, тоже одиночной, держали Бронислава Тарашкевича⁵⁵, привезенного из Москвы. В камере № 14 сидели уже четыре человека, в том числе и знакомый Харика — молодой белорусский поэт Станислав Шушкевич, а также ветеринарный врач Волоханович, инженер минского «Эльвода» Богданович и польский коммунист, которому не разрешали даже назвать свое имя. Польский коммунист владел азбукой Морзе и перестукивался с Тарашкевичем. Тот долго отмалчивался, а потом передал, что жить ему, скорее всего, осталось недолго, потому что на допросах переломали все кости, места живого не осталось.

В камерах напротив — № 11, 12 и 13 — сидели приговоренные к смерти «контрреволюционеры». Рядом с туалетом находился, как шутили тюремщики, «кабинет» арестованного Николая Федоровича Гикало, бывшего первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии⁵⁶. Это была самая сырая камера, где на полу всегда стояла вода. Станислав Петрович Шушкевич, которому посчастливилось пережить все ужасы допросов НКВД, несправедный суд и жестокий приговор, дожидаясь своей реабилитации, рассказывал, что многие следователи догадывались: перед ними никакие не враги, однако изменить они ничего не могли, ибо тогда разделили бы участь своих жертв. Рассказывает Шушкевич:

Как шел допрос? Ночь. Сидим со следователем друг перед другом через стол. Он в который раз говорит, чтоб я раскаялся и сказал, как стал «врагом народа», кто меня завербовал, с кем я обязан был связаться, что предпринимать и т. д. Я в очередной раз все отрицал.

⁵⁵ Бронислав Адамович Тарашкевич (1892–1938 гг.) — белорусский общественно-политический деятель левого и коммунистического толка, языковед, переводчик, публицист, академик АН БССР (1928), автор первой «Грамматики белорусского языка», арестован по обвинению в организации так называемого «Белорусского национального центра» (1937), расстрелян (1938), реабилитирован посмертно.

⁵⁶ Николай Федорович Гикало (1897–1938 гг.) — советский государственный и партийный деятель, первый секретарь ЦК КП(б) Узбекской ССР (1929), Азербайджанской ССР (1929–1930) и Белорусской ССР (1932–1937), провел большую чистку партийных организаций, после чего их численность уменьшилась почти вдвое, отвечал за проведение индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, первый секретарь Харьковского обкома и горкома КП(б) Украины (1937), активно участвовал в репрессиях, арестован (октябрь 1937), приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян (25 апреля 1938), посмертно реабилитирован (1955).

Следователь сидит-сидит и начинает дремать. Кемарю и я, потом вдруг шаги. Следователь сразу голову подымает и опять начинает диким голосом на меня орать: «Ты будешь, наконец, говорить, шпионская морда, или нет?» Я на него смотрю, выпучив глаза, а он на меня. Затихли шаги, он набок голову и дремать, и я тоже... Такая волынка обычно продолжалась часов до четырех утра, и потом отпускали в камеру⁵⁷.

Состояние здоровья Исаака Давидовича ухудшалось с каждым днем. Физические страдания и душевный надлом приближали психологический срыв. Больше всего его мучило то, что он не мог разобраться в причине своего ареста. Вера в справедливость советской власти оставалась безграничной. Когда же поэт подвергся чудовищному произволу: его сначала били, а потом задавали вопросы — унижение человеческого достоинства стало правилом обращения с арестованными, — он не выдержал. Сначала появились галлюцинации, работников госбезопасности он принимал за переодетых белогвардейцев. Потом он видел перед собой людей, с которыми был хорошо знаком в прежние годы. Харик страшно кричал, рвал на себе волосы, бился головой об стену. Он заявлял, например, что никогда не знал Хаима Дунца, что никогда не встречался с ним в служебной или домашней обстановке. Это уже начался бред. Хаим Дунец — главный редактор «Літаратуры і мастацтва», еженедельной газеты Союза писателей БССР, где Харик возглавлял еврейскую секцию. Дунец и Харик были близкими друзьями. Мир окончательно стал для поэта ирреальным, перевернулся, Харик сошел с ума. День и ночь из его камеры доносился истошный вопль: «Фар вос? Фар вос?»⁵⁸ Когда его привели в баню вместе с другими заключенными, он уже едва держался на ногах. Психика отказала: он никого не узнавал, не опознавал еду... В бане Харик обварился кипятком, и его страдания умножились.

Судя по документам Комитета государственной безопасности, Харик признался в «контрреволюционной деятельности», но потом от своих показаний отказался. Тот факт, что по «делу» Исаак Давидович проходил один, говорит о том, что «сообщников» он не назвал.

⁵⁷ Архив автора. Запись беседы со Станиславом Петровичем Шушкевичем в Минске 9 декабря 1990 г.

⁵⁸ «За что?» (*идиши*).

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила поэта 28 октября 1937 г. к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор привели в исполнение уже на следующий день. Поэта не стало, но никто об этом не знал. Было известно только то, что Изи Харика арестовали, а что с ним случилось дальше — нет. В этом отношении его судьба оказалась типичной. Точно так же бесследно исчезли почти три четверти списочного состава Союза писателей БССР, очень сильно пострадали остальные творческие союзы республики. Через 50 лет станут известны подробности этого преступления: выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР, где решали судьбу поэта, состоялась вечером 28 октября 1937 г. в Минске, председательствовал корпусной военный юрист Матулевич, а рядом восседали дивизионный военный юрист Миляновский, бригадный юрист Зарянов, а также секретарь суда военюрист 2-го ранга Кудрявцев. Обвинительное заключение гласило:

1. Активное участие в контрреволюционной террористической организации, осуществившей убийство С.М. Кирова.
2. Вхождение в состав группы, подготовлявшей теракты над маршалом К.Е. Ворошиловым и председателем ЦИК СССР М.И. Калининым.
3. Связь с агентами иностранных разведок Зискиндом и Эриком.
4. Проведение активной контрреволюционной деятельности в литературе и печати.

Суд был скорым и неправым. Дело слушалось без участия сторон и вызова свидетелей. Заседание началось в 17 часов 45 минут, а через 15 минут закончилось. За это время, если верить протоколу, было оглашено обвинительное заключение, разъяснены права подсудимого, заслушаны его объяснения, последнее слово, а после совещания объявлен приговор. И все это за 15 минут!

Имя Харика еще до суда, 21 октября 1937 года, оказалось в списке из 56 белорусских деятелей, которых предлагалось расстрелять. Под № 52 там значился Исаак Давидович Харик. Расстрел санкционирован Сталиным, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и Микояном. Одновременно были расстреляны Дунец и Бронштейн. По воспоминаниям современников, арест Изи Харика произвел на людей гнетущее впечатление. Многие находились в смятении, искренне полагая, что это ошибка, которую исправят. Однако правомерно задать вопрос: к

осени 1937 г. молох репрессий достиг небывалой амплитуды, уже были погублены тысячи людей не менее достойных, как же Изи Харик мог уцелеть? Ответ на этот вопрос помогает найти народный художник СССР Заир Исаакович Азгур:

Все верили Сталину и никогда о нем плохо не говорили. Мы верили, что он не может арестовывать, что именно он и спасет невинных, заступится за них, освободит. Мы считали Сталина интернационалистом, верным марксистом-ленинцем. В него многие верили, как в Бога, картину же репрессий так масштабно никто не знал. Она стала вырисовываться только после 1956 г.⁵⁹

Как сложилась судьба палачей поэта? Сегодня это тоже известно. Оперуполномоченный следственного отдела УГБ БССР сержант госбезопасности Иван Кунцевич, проводивший арест и допросы Исаака Давидовича, был повышен в звании и должности, став начальником отдела. Однако в 1939 г. его карьера оборвалась арестом (как известно, в органах внутренних дел кадры обновлялись специфически). Военный трибунал Белорусского военного округа за нарушение революционной законности приговорил Кунцевича к расстрелу, однако в Москве приговор отменили, заменив на восемь лет лишения свободы. Следы Шейнкмана затерялись где-то в Читинской области. Судьи Иван Матулевич и Иван Зарянов в 1955 г. были исключены из партии и лишены генеральских званий, однако нашли другую работу, обустроив свою дальнейшую жизнь. Председатель Военного трибунала Белорусского военного округа Бронислав Милянковский, возглавлявший суд над Хариком, 3 августа 1938 г. был арестован, обвинен в принадлежности к антисоветской организации и приговорен к восьми годам лишения свободы. Освобождения не дождался — 6 марта 1941 г. умер в заключении.

«Гроздь гнева» зрели в народе подспудно. Исторически неправомерным было бы утверждать, что его прозрение произошло только после известных решений XX съезда КПСС. В подтверждение приведем рассказ поэта Григория Львовича Релеса:

⁵⁹ Архив автора. Запись беседы с Заиром Исааковичем Азгуром в Минске 22 января 1991 г.

В 1949 г. в Минске в самый разгар пресловутой кампании по борьбе с «безродным космополитизмом» на Немиге вдруг появился слепой музыкант-фронтовик в форме офицера Советской армии. Его сопровождала девочка-поводырь. Он наигрывал себе на скрипке и исполнял попури из произведений запрещенного тогда Харика (!) Там, к примеру, были такие строки: «Минск, задумав-шийся траур, с попрошайки вытянутой рукой, скажи, почему в твоём высоком доме такие глубокие подвалы?» И через несколько куплетов снова: «...И вот взяли их, таких молодых и горячих, и согнали в Сибирь», «Ах, когда уж этого царя вышвырнут через дверь?!», «А детки голенькие уже играют в песочке...» Здесь имелось в виду, что народились люди, которые низвергнут тирана и совершат переоценку идеалов⁶⁰.

Названные строки принадлежали перу Харика, но поэт писал их, имея в виду дореволюционные времена. Напетые же слепым музыкантом на Немиге в 1949 г., они воспринимались окружающими совершенно по-другому. Пелись баллады на идише, но и этого оказалось достаточно, чтобы люди останавливались, подолгу простаивая возле скрипача, хотя и слушали его с опаской на почтительном расстоянии. Время от времени самые смелые из прохожих рисковали приблизиться и бросить несколько монет в опрокинутую фуражку. И вдруг он исчез.

До сих пор никто не знает куда. То ли его забрали бдительные органы, то ли сам ушел в другое место, понимая опасность своего ремесла. Набожные люди говорили, что это сам Господь присылал к ним своего ангела...

В послевоенные годы в Советском Союзе начались новые идеологические кампании, направленные против работников литературы, искусства, музыки, культуры и науки, — «ленинградское дело» и «дело врачей». В этом же ряду оказалась и травля «буржуазных националистов» из Еврейского антифашистского комитета, который в годы советско-германской войны делал все возможное для того, чтобы мобилизовать международное общественное мнение на оказание помощи СССР в его борьбе с нацистской Германией.

12 августа 1952 г. большая группа членов Антифашистского комитета во главе с его председателем Лозовским стала жертвой

⁶⁰ Архив автора. Запись беседы с Григорием Львовичем Релесом 25 ноября 1990 г. в Минске.

интриг сталинистов. В их числе оказались такие выдающиеся деятели культуры, известные всему миру советские еврейские писатели и поэты как Перец Маркиш, Лейб Квитко, Давид Гофштейн, Ицик Фефер, Давид Бергельсон, супруги Ваттенберг (Чайка) и др.⁶¹ И кто может поручиться, что, если бы Изи Харик случайно избежал своей участи в страшном 1937 г., не сложил ли бы он голову вместе со своими товарищами, друзьями и единомышленниками в августе 1952 г.?

Зимой 1938 г. Дина попала в Казахстан, где прошла целый ряд сталинских лагерей, в том числе и знаменитый АЛЖИР⁶² (имена некоторых жен «врагов народа» были особенно на слуху⁶³). Климат казахской степи очень суровый: испепеляющая 40-градусная жара и тучи насекомых летом, 40-градусные морозы зимой и круглый год не утихающие степные ветра — то со снегом, то с песком. На территории лагеря располагалось озеро, заросшее камышом. Камыш служил для отопления бараков зимой и для строительства летом. Узникам запрещали вести переписку, получать посылки, работать по специальности. Музыканты, поэты, учителя трудились в поле и подсобными рабочими на стройке, больные, немощные, пожилые и дети — на вышивальной и швейной фабриках. Женщины-заключенные, имевшие маленьких детей, которых разместили в отдельном бараке — «мамкин дом» под присмотром няни (одной из заключенных лагеря), могли находиться со своими детьми только после работы. По достижении детьми трехлетнего возраста их отправляли в детские дома. Были среди заключенных и беременные женщины.

Дина строила кошары для пастухов, саманные домики, оросительные каналы для полеводства — чем только ни довелось заниматься, ведь таких, как она, не спрашивали — они делали, что велели. Нежданно-негаданно повезло: начальником санчасти одного из лагерей

⁶¹ Подробнее: *Еврейский антифашистский комитет в СССР, 1941–1948 гг.*: Документированная история / Под ред. Шимона Рейдиха и Геннадия Костырченко. Москва, 1996 г.

⁶² Акмолинский лагерь жен изменников Родины (А.Л.Ж.И.Р.) — распространенное название 17-го женского лагеря Карагандинского ИТЛ в Акмолинской области Казахстана (1938–1953), в 1938 г. в лагере находилось около 8 000 женщин, включая 4 500 жен «врагов народа».

⁶³ Содержались в АЛЖИРе сестра маршала М.Н. Тухачевского, жена и дочь А.С. Енукидзе, жена М.И. Калинина, жена Н.И. Бухарина, мать Булата Окуджавы, мать Майи Плисецкой, бабушка Е.Т. Гайдара и др.

оказался некий Гольдас Парей. Он отсидел свои 10 лет за «анти-советскую деятельность» и потом остался работать как вольнонаемный. Узнав, что Дина — жена Харика, очень удивился: «И вы сюда попали?» Парей распорядился открыть «парикмахерскую» и назначил туда Дину. В их лагере насчитывалось более 800 «жен», многие из которых в течение долгих месяцев со дня своего ареста и заключения не имели элементарной возможности постричься. Потом появилась у Дины «лагерная мама». Это была пожилая женщина из Гомеля — Фани Биндер, во многом благодаря которой Дина смогла более-менее приспособиться к лагерной атмосфере и быту заключенных. Фаня Биндер оберегала Дину как могла и часто защищала от лагерного произвола. Через полтора года пришлось снова переменить место заключения. Случилось это при драматических обстоятельствах. Неожиданно ночью явился конвоир и приказал срочно собираться с вещами на выход. Первой всполошилась Фани Биндер: куда? Но конвоир упорно отмалчивался. Надо, и все — больше ничего из него вытянуть не смогли. Чтобы не поднимать лишнего шума и не будить спящих заключенных, повели их вдвоем. До нового лагеря в Тазаике ехали на телеге целый день... Только спустя много лет Дина узнала, что в ночь накануне их «перевода» уголовники проиграли ее в карты и должны были «пришить». В Тазаике она заболела бруцеллезом и почти год не держалась на ногах, чуть не осталась инвалидом⁶⁴.

Почти двадцать лет, с 1937 по 1956 г., имя Исаака Давидовича Харика находилось под запретом. Нельзя было читать его книги, стихи и поэмы, вспоминать о встречах и общении с ним, о его необыкновенном внимании к людям и умении быть полезным и нужным, обо всем, что он успел сделать для родной Белоруссии и своего народа. Доброе имя поэта восстановлено благодаря подвижнической деятельности маленькой хрупкой женщины, Дины Звуловны Харик. Сначала она была его музой, женой и верным другом, разделяла его успех и тревоги, создавала необходимые условия для творчества. Затем она не покладая рук боролась за то, чтобы вызволить его имя из небытия. Поиски его рукописей и книг, изъятых в свое время из библиотек, хождение по инстанциям, собирание воспоминаний друзей и коллег поэта — все это делала она, которая сама как жена «врага народа» отсидела в тюрьмах, лагерях и на поселении почти 20 лет.

⁶⁴ Архив автора. Запись беседы с Диной Звуловной Харик (Матлиной) 30 ноября 1990 г. в Минске.

Благодаря усилиям Дины Звуловны Исаак Давидович Харик был реабилитирован. 9 августа 1956 г. она получила официальное уведомление о том, что дело по обвинению ее мужа пересмотрено Военной коллегией Верховного суда СССР 13 июня 1956 г. Приговор от 28 октября 1937 г. отменен по вновь открывшимся обстоятельствам и дело за отсутствием состава преступления прекращено. На конверте стоял адрес: Москва, ул. Воровского, д. 13 и подпись: председательствующий судебного состава Военной коллегии полковник Лигачев.

30 марта 1957 г. Изи Харик постановлением Бюро ЦК Компартии Белоруссии был восстановлен в партии. Самую активную поддержку в восстановлении доброго имени поэта оказал Союз писателей Белоруси и его ветераны: Максим Танк, Алесь Звонак, Микола Хведарович, Сергей Граховский, Максим Лужанин, Григорий Березкин, Григорий Релес, Станислав Шушкевич, Петрусь Бровка, Михась Лыньков. Многие для этого сделали Арон Вергелис и Заир Азгур. В 1958, 1968, 1978 и 1988 гг. в Минске в Доме литераторов проходили вечера памяти поэта, где читали его стихи, люди, знавшие Изи Харика, делились о нем воспоминаниями. Однако все эти мероприятия носили скорее благодушно-парадный характер, чем осуществляли попытку беспристрастного анализа жизненного пути поэта⁶⁵. Творчество Харика было глубоко новаторским: он мастерски пользовался обновленной лексикой тех лет, неологизмами, новыми для еврейской поэзии образами и метафорами. Герой зрелой лирики Харика — это сильный, закаленный человек, созидатель, порвавший с «жалким местечковым прошлым». Увлечение строительством социалистической жизни, а также литературное новаторство и мастерство роднили и его с такими поэтами, как В. Маяковский, Н. Тихонов, И. Сельвинский.

Единственным серьезным исследователем поэтического наследия Изи Харика по праву можно считать Г.С. Березкина, неутомимым популяризатором творчества казненного поэта стал Г.Л. Релес. В послевоенный период, начиная с хрущевской «оттепели», вышел ряд поэтических сборников Харика на русском, белорусском и идише⁶⁶.

⁶⁵ Михась Лынькоў. «Галенавіты паэт» // *Маладосць*, 1959 г., № 6; Ю.П. Гаўрук. «Сэрца, раскрытае насцеж» // *Літаратура і мастацтва*, 1968 г., 15 сакавіка; Пятрусь Броўка. «Пра паэта і таварыша» // *Літаратура і мастацтва*, 1973 г., 23 сакавіка; Памяти поэта // *Літаратура і мастацтва*, 1988 г., 8 апреля.

⁶⁶ Изи Харик. *Стихи и поэмы*. Перевод с еврейского языка. Москва, 1958 г.; И.Д. Харік. *Выбраныя творы*. Мінск, 1969 г.; И. Харик. *От полюса к полюсу* (на рус. яз.). Москва, 1971 г.

Лучше других его переводили Вольский, Бородулин, Граховский. При этом можно утверждать, что белорусские переводы Харика оказались более удачными, нежели русские. Почему? Не только из-за того, что белорусские переводчики старались ближе держаться к оригиналу, самое главное заключается в том, что в стихах Харика многое строилось на тех же оборотах речи, что и в белорусском языке. Это еще раз подтвердило близость его к той земле, где он родился, жил и творил.

В наши дни интерес к творчеству знаменитого поэта сохраняется. Однако сейчас уже недостаточно говорить, что стихи Харика дышат гражданским пафосом, героикой революции, что они отмечены живописным колоритом, имеют своеобразную и неповторимую лирику. Все это так. Но нам очень важен полный и беспристрастный анализ всех его лучших и ярких произведений, как и тех, в которых поэт не смог себя до конца реализовать. Исаак Давидович был кровь от крови и плоть от плоти целой эпохи 1920-х и 1930-х гг. советской истории, которая оказалась настолько трагичной. Можно утверждать, что творчество Изи Харика не получило достойного освещения. В первое и второе десятилетия советской власти в руководстве партии и государства состояли люди, которые признавали силу таких феноменов, как «национальный характер» и «национальное самосознание». Однако почти все они находились в умозрительно созданном будущем, где исчезнут классы и нации. Народные традиции и устоявшийся вековой уклад жизни миллионов людей объективно становились препятствием. Впереди маячили перспективы создания невиданных городов, построенных по карте и с циркулем. И далее уже о том, что общество поставит своей целью создать более высокий общественно-биологический тип, если угодно — сверхчеловека. Именно поэтому «национальное» и было объявлено «националистическим», а раз так, значит, враждебным, подлежащим ликвидации. Вне всякого сомнения, творчество прекрасного, самобытного и неповторимого поэта Исаака Давидовича Харика ждет своего нового прочтения.

Послесловие

Так что же произошло в СССР в 1930-е гг.? Как объяснить вакханалию беззакония, которая захлестнула тогда страну? Почему такой размах приняли превентивные аресты людей, которые не были врагами советской власти? Очевидно, что октябрьский переворот большевиков в 1917 г. в России, названный потом революцией, произошел в малокультурной стране. К власти пришла группа профессиональных революционеров, среди которых находились просвещенные люди. Затем их сменили малообразованные приспособленцы, которые узурпировали власть.

Советское государство в ходе развития НЭПа стало перед дилеммой: руководствоваться демократическими ценностями и поделиться политической властью с оппозицией или свернуть в сторону всеобщей регламентации экономической и культурной жизни? Сохранение в СССР либеральной судебной системы, амнистии бывшим политическим противникам советской власти, зачатки гражданского общества к концу 1920-х гг. начали представлять серьезную опасность власти большевиков.

В ходе политической борьбы в стране одержали победу сторонники Сталина, которые начали возврат к идеалам государственного коммунизма. После провала неудавшихся реформ в экономической и культурной жизни страны (коллективизации, индустриализации и культурной революции) Сталин почувствовал угрозу своей личной власти. Вот почему ему потребовались массовые репрессии и разгром гражданского общества. Диктатор нуждался в смене всего руководства страны — партийного, государственного, военного, культурного, научного, системы образования и просвещения, чтобы оправдать

провалы в экономике, уйти от ответственности, запугать несогласных и привести к управлению новое поколение руководителей, никогда не принадлежавших к «старому миру», выросших и получивших образование после 1917 г., более послушных и управляемых. Только этим объясняется логика устранения (вплоть до физического) наиболее образованных, заслуженных и опытных людей, которые не приняли или могли не принять сталинские реформы, основанные на внеэкономических формах принуждения якобы в интересах рабочих и крестьян. Поэтому и понадобилось придумать несуществующие контрреволюционные организации, которые будто бы выполняли задания разведок капиталистических стран (США, Англии, Франции, Германии, Польши, Румынии, Финляндии, стран Балтии), и даже заговор советских маршалов во главе с маршалом М.Н. Тухачевским для свержения власти Сталина. Внешне все это оправдывалось необходимостью СССР выжить во враждебном капиталистическом окружении в ходе построения бесклассового общества всеобщего благоденствия.

Подобные события разворачивались параллельно во всех советских республиках, включая БССР. Рост национального самосознания даже в том половинчатом виде, который был допущен советской властью в 1921–1928 гг., требовал политической свободы, что не на шутку пугало большевиков. Они понимали, что если этот процесс не остановить, то он неизбежно приведет к отказу от всех достижений революции и сделает очевидной бессмысленность попыток перестроить мир за счет бесчисленных жертв, противопоставляя себя опыту развития человечества.

В Беларусь была направлена комиссия ЦК ВКП(б) В.П. Затонского, найти предлог для того, чтобы ликвидировать весь верхний эшелон руководителей науки и культуры республики и расчистить путь для сталинских преобразований. Бывшие заслуги роли не играли. Ошибкой был признан курс на белорусизацию и идишизацию, а на этой основе сфабрикован несуществующий «Саюз вызвалення Беларусі» и появились т. н. нацдемы, которые якобы планировали отторжение советской Беларуси и присоединение ее к «буржуазно-помещичьей» Польше. К 1939 г. в руководстве Компартии Беларуси, НКВД и СНК БССР, за редким исключением, не осталось самих белорусов, которых заменили выдвиженцами из других районов Советского Союза, для того чтобы они не испытывали сантиментов при выполнении карательных функций, расправляясь с теми, кто неугоден Москве.

На смену старому поколению революционеров и ученых пришли молодые люди из глубинки, поколение так называемых «сталинских соколов», воспитанных советской властью, готовых беспрекословно исполнять приказы из всесоюзного центра. В жизнь воплощалась формула «одна страна — один народ — одна идеология — одна партия — один лидер». Советский Союз строили, как один завод, где целые регионы представляли собой что-то вроде отдельных цехов гигантского конвейера. Для воспроизводства новой власти в условиях однопартийной системы нужна была своя интеллигенция — с особыми нервами, моралью, системой знаний. Новое поколение советских интеллигентов, отштампованное по матрицам большевиков, было приспособлено для производства и потребления социалистического реализма. У нас нет точных сведений о том, как именно восприняли перемены сталинского времени Афанасьев, Бузук, Балицкий, Панкевич и Харик. Но они не уехали за границу, хотя имели такую возможность, а решили служить верой и правдой своему отечеству. И уж, конечно, они не были «штампованными интеллигентами», выработанными на «социалистической фабрике». Их знания, научная квалификация, накопленный опыт сложились до октябрьского переворота, поэтому мероприятия советской власти часто они воспринимали критически. Специфика 1920–1930-х гг., с оправданием классовой борьбы и диктатуры пролетариата, наложила известный отпечаток на их научные труды и тематику исследований. Однако в главном — поиске научной истины — сделанный ими выбор оставался непоколебимым.

Сталинская машина подавления действовала безотказно. Диктатура рабов оказалась страшнее диктатуры хозяев. Советское общество, изолированное от остального мира, покинуть было невозможно. Введение обязательной прописки по месту жительства (1923 г.), паспортов (1932 г.), трудовых книжек (1939 г.) контролировало передвижение в стране и личную жизнь граждан. Режим преуспел в манипулировании общественным сознанием. До 1939 г. вся жизнь СССР строилась на борьбе с фашистской угрозой. Но как только 23 августа 1939 г. в Москве был подписан пакт Молотова-Риббентропа¹,

¹ Договор о ненападении между Советским Союзом и Германией 23 августа 1939 г. завершил охлаждение отношений между Москвой и Берлином после прихода к власти в Германии Адольфа Гитлера. Он имел секретный протокол, который предусматривал включение Латвии, Эстонии, Финляндии, восточных областей Польши и Бессарабии в сферу интересов СССР, а Литвы и западной части Польши — в сферу интересов Германии.

нацистская Германия, как тогда шутили, стала «заклятым другом». В ходе репрессий все слои советского общества оказались беззащитными перед машиной страха и террора НКВД, поддержанного решениями ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Это коснулось всех граждан — от рядового рабочего и колхозника до ученого с мировым именем. Отказ от плюрализма предусматривал смену национальной политики в сторону ускоренной ассимиляции и русификации. Репрессированные академики, жизнь которых оборвалась на взлете творческих достижений, не были старыми людьми. Исаак Давидович Харик был погублен в 41 год, Павел Яковлевич Панкевич — в 42 года, Петр Афанасьевич Бузук и Антон Васильевич Балицкий — в 46 лет и только Яков Никитич Афанасьев — в 60 лет. Когда ученых вырвали из жизни, это стало не только трагедией их семей, которые тоже тяжело пострадали и, разбитые горем, вынуждены были приспособливаться к новой страшной действительности, но и науки, которая отказалась от научных достижений репрессированных. Общественная атмосфера настолько сгустила краски, что сын академика Панкевича перешел на фамилию матери и стал Ароновым, а 15-летняя Джессика, дочь поэта Айзика Платнера, побоялась проститься с отцом в тюрьме перед отправлением в ГУЛАГ сроком на 25 лет.

Репрессии скомпрометировали идею создания социально справедливого общества, построенного на отсутствии эксплуатации человека человеком, когда государство приняло на себя все обязанности и игнорировало общественное мнение. Репрессии привели к утрате обратной связи между рядовыми гражданами и руководителями страны. Публичные покаяния граждан под угрозой репрессий стали формой выживания. Страна фактически оказалась в положении изгоя в мировом сообществе с подорванной экономикой, дезориентированной (договор о дружбе и границе с Германией 28 сентября 1939 г.), с запуганным населением, лишенным инициативы, с неоправданной верой в правоту и компетенцию высшего руководства партии и государства, которое якобы обо всем осведомлено и обо всем позаботилось. Итогом сталинских репрессий 1930-х гг. стала неготовность Советского Союза к тем чудовищным испытаниям, которые обрушились на страну после нацистского вторжения.

Общая народная боль состояла из сотен тысяч личных трагедий. Эти раны саднят и сегодня. Хрущев, пришедший на смену Сталину, несмотря на разоблачение репрессий, сохранил авторитарную форму правления, став первым советским руководителем, который не стал

прибегать к массовым избиениям своих граждан. Но и эта власть не предусматривала распределения функций между партией и государством, соблюдения прав личности, на которые она по-прежнему могла покуситься. Что последовало затем, хорошо известно. Вместе с тем дети репрессированных ученых остались советскими патриотами, и, когда летом 1941 г. нацистская Германия напала на Советский Союз, они добровольно вступили в Красную армию и воевали героически. Марлен Павлович Аронов (Панкевич) стал снайпером², Антон Антонович Балицкий — артиллеристом³, Юрий Яковлевич Афанасьев оказался в пехоте⁴. Детям академиков повезло, они дожили до победы и живыми вернулись домой, а сын А.В. Балицкого даже стал кадровым военным и дослужился до полковника. Добрые имена ученых были восстановлены после смерти Сталина прежде всего благодаря хлопотам их родственников. Но только в 1988 г. советское государство, наконец, спохватилось и продолжило реабилитацию граждан, незаконно осужденных в 1930–1940-е гг. и начале 1950-х гг., без необходимости подачи личных заявлений родственников. По сведениям Генеральной прокуратуры и Министерства внутренних дел СССР, с 1988 по 2001 г. было реабилитировано свыше 4 млн. граждан, включая 2 млн. 438 тыс. чел., которые были приговорены в судебном и несудебном порядке к мерам уголовного наказания, исключая нацистских преступников, работников ОГПУ-НКВД-МГБ-КГБ, занимавшихся фальсификацией уголовных дел, а также лиц, совершивших убийства⁵.

Разоблачение беспримерных сталинских репрессий в конце 1980 — начале 1990-х гг. вызвало демократизацию советского общества, что

² Марлен Павлович Аронов (Панкевич), 1924 г.р. — снайпер 191-го гвардейского полка 64-й гвардейской стрелковой дивизии 30-го гвардейского корпуса, пять раз был ранен, кавалер орденов «Красная звезда» и «Отечественная война» // ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 537, л. 20.

³ Антон Антонович Балицкий (1925 г.р.) — сержант 324-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка, удостоен медалей «За отвагу», «За боевые заслуги» и «За взятие Берлина» // ЦАМО, ф. 33, оп. 690306, д. 497, л. 223.

⁴ Юрий Яковлевич Афанасьев (1924 г.р.) — старший сержант 17-го гвардейского стрелкового полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии, кавалер ордена «Отечественная война» // ЦАМО, ф. 8486, оп. 137370, д. 24, л. 190.

⁵ *Курс уголовного права* / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. Москва, 1999. Т. 1. Гл. 8. Уголовное законодательство периода либерализации общественных отношений (1953–1960 гг.), с. 49–51.

привело к распаду СССР в декабре 1991 г. Сторонники перемен выступали за национальный суверенитет Беларуси, а их противники — за сохранение СССР в прежнем виде.

Возможно ли повторение трагедии 1937 г. в обозримом будущем или когда-нибудь вообще? Обречены ли мы пережить ее вновь? Еще недавно я бы ответил однозначное нет. Сегодня, наблюдая, как разворачиваются события на постсоветском пространстве, у меня уже нет такой уверенности. Одно могу утверждать, что это зависит от всех нас и каждого человека лично. Забыть трагическое прошлое не в наших интересах.

Приложения

Горечь и величие правды

Прошли времена, когда предмет советской истории напоминал звуки бравурного марша, констатировал одни победы, когда любое упоминание о наших потерях и утратах считалось отступничеством, неуважением к памяти отцов. И это не случайно, если писать историю как хочется, а не как было на самом деле. Это привело к тому, что советские люди перестали воспринимать историю такой как она есть. Часто можно было услышать реплики «зачем нам ваша история, мы и без нее будем пахать и сеять».

В советской истории есть не только героическое, но и трагическое. В наши дни все больше историков оглядывается назад: с чего все начиналось? Как возник культ личности Сталина, и можно ли было его избежать? События 1920–1930-х гг. очень поучительные, если их изучать не по учебнику. Одни люди их идеализируют, видят только папанинцев, челюскинцев, перелет через Северный полюс, народный энтузиазм. Все это действительно было. Другие видят главным образом ошибки и просчеты, неудачи и поражения — кто прав? Прежде всего нужно понять, почему так получилось?

На рубеже 1920–1930-х гг. произошла резкая перемена политики ВКП(б), изменился ее состав и стиль руководства. Старая партийная гвардия была отодвинута в сторону, ее заменили выдвиженцы более позднего периода, люди героического склада, но, как правило, не шибко подкованные в теоретическом отношении, а многие вообще малограмотные. Опираясь на них, Сталин и его окружение совершили политический переворот. Был установлен режим личной власти, контроль кучки функционеров в партии, чиновников над народом.

Директивный стиль руководства стал господствующим, а честная политическая борьба невозможной. Несогласных изолировали или уничтожали. После смерти Ленина выделились только два лидера, которые могли возглавить руководство страной и обществом, — Л.Д. Троцкий и И.В. Сталин. Троцкий был более известен, даже знаменит. Капризный и заносчивый Сталин это хорошо понимал и начал путь к единоличной власти. Как? За счет текущей работы генерального секретаря ЦК РКП(б) и кадровой политики. Если Ленин выдвигал людей по политическим и деловым качествам, то Сталин — по принципу личной преданности.

Ленин считал, что НЭП — это всерьез и надолго, что человека труда нужно заинтересовать, не прибегая к принуждению. Сталин в 1929 г. отбросил НЭП «к черту» — это его слова. Предпочтение было отдано методам командной экономики, которая не учитывала общих законов экономического развития. Пропаганда рисовала Сталина как человека скромного и наиболее последовательного ученика Ленина. Сила идей Октября действовала безотказно. Вот почему народный энтузиазм, дух состязательности, единения в предвоенные годы — вовсе не вымысел людей преклонного возраста. Сбрасывать это со счетов нельзя. Но важно помнить, какой ценой доставались успехи сталинских преобразований, тогда становится понятно, что феномен 1930-х гг. в развитии народного хозяйства страны оплачен непомерно высоко.

Что произошло с теми, кто совершал большевистский переворот в октябре 1917 г.? Большинство этих людей были репрессированы как «враги народа», покончили жизнь самоубийством или умерли своей смертью до войны. Из 25 участников расширенного заседания ЦК РСДРП(б), которое состоялось за восемь дней до штурма Зимнего дворца в Петрограде, 14 человек были объявлены «врагами народа» и расстреляны НКВД, трое покончили с собой, шесть умерли еще в 1920-е гг. После массовых репрессий 1930-х гг. в живых остались только двое — Сталин и Скворцов-Степанов, который исчез при невыясненных обстоятельствах в 1941 г. Из 15 народных комиссаров (министров) правительства Ленина были расстреляны восемь человек, четверо умерли ранее, Л.Д. Троцкого выслали за границу. Остались лишь Сталин и Авилов, который умер при загадочных обстоятельствах в 1942 г.

Как понимали роль правящей в стране партии Ленин и Сталин?

По Сталину, это «орден меченосцев»¹, по сути, это повторение мысли Троцкого о том, что партия должна быть похожа на касту самураев, где дисциплина, верность и личная преданность являются ценностью самостоятельного порядка.

Для Ленина же партия была добровольным союзом единомышленников, сплоченных единством дела. Он всячески стремился избежать ложных попутчиков. Ленин был обеспокоен, что к партии примыкали авантюристы, жулики и горлопаны. Когда было нужно, он говорил очень резко: «Нужно карать коммунистическую сволочь, которая

¹ И.В. Сталин. *Сочинения*. Москва, 1947 г., т. 5, с. 71.

умеет калякать и важничать, а работать не умеет»².

Ленин говорил о вращении крестьян в социализм. Сталин — о необходимости насаждения колхозов и совхозов. Ленин писал, что постепенно политическая форма борьбы уступит место культурной работе. Сталин — о нарастании классовой борьбы. Ленин завещал контроль за должностными лицами вплоть до генсека снизу доверху. При Сталине же этот контроль свернули и ликвидировали. В результате страна получила культ личности, подавление несогласных, превентивные аресты, ГУЛАГ, господство бюрократии и карьеризма.

Культ личности возник не на пустом месте. Он появился в стране с определенными традициями. Долгие годы в России существовало крепостное право, до этого прошли столетия татарского ига, потом иго бюрократизма и чиновничества и, наконец, иго водки. То, что укоренилось до 1917 г., не могло быстро исчезнуть. В той или иной степени это было использовано в 1920–1930-е гг. Показательна история составления советских пятилеток. Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР разрабатывали лучшие умы государства, которых потом репрессировали, показатели плана непомерно завысили и не смогли выполнить. Второй пятилетний план даже не был составлен настолько тщательно и продуманно, как первый, поэтому не представлялся на публичное обсуждение. Третий пятилетний план рассылали только в списках для служебного пользования. Что же касается четвертого, пятого и шестого, то их вообще не публиковали, печатали только контрольные цифры.

Все, что произошло за 60 лет советской истории, — это тяжелый и поучительный урок для общества. Сталинский социализм был построен на чрезвычайных мерах без научного расчета и уважения к человеку, на подавлении инакомыслия, безнаказанности полицейской системы, нагнетании шпиономании, всеохватывающей цензуры и монополии государства над средствами массовой информации.

Сталинский режим относился к истории не как к науке, а как к пропагандистской служанке, призванной оправдать его преступления, и не так скоро, как хотелось бы, наука снимает этот фартук служанки.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Горечь и величие правды» // *Знамя юности* (Минск), 7 ноября 1988 г.

² В.И. Ленин. «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики». Письмо Д.И. Крупскому 22 февраля 1922 г. // *ПСС*, т. 44, с. 397.

Уроки одной драмы

Современное поколение историков находится в неизмеримо более выигрышном положении, нежели их предшественники до 1989 г. — нет риска заслужить обвинение в аполитичности, объективизме, отходе от классовых позиций или отсутствии патриотизма. Вместо этого требование одно — быть достоверным. Но позволяет ли это громить историков старшего поколения? Вопрос более чем деликатный. Где гарантия, что через 15–20 лет, а может быть и раньше, нынешние исследования не будут так же лихо развенчиваться теми, кто овладеет новым багажом знаний? Чему тут удивляться? Движение вперед возможно только на основе критической оценки достигнутого.

Народная мудрость гласит, что о мертвых нужно говорить хорошо, либо ничего вовсе. Примерно так мы и поступали до сих пор, оценивая опыт прошлого. Особенно тех лет, которые мы называем «сталинщина». Статус мученика получили все, кто пострадал от незаконных репрессий. Насколько это справедливо? Как быть с теми, кто не принимал непосредственного участия в них, но своими действиями прямо или косвенно способствовал возникновению и укреплению режима личной власти? Настроения и мысли поколения 1930-х гг. были далеко не однозначными. Одни доносили, другие оказались жертвами доносов. Одни играли роль молота, другие — наковальни. Проблема выбора и нравственного долга оставалась делом совести каждого даже во время самой жестокой тирании. Так было всегда и у всех.

На моем столе лежит письмо, адресованное первому секретарю ЦК Компартии БССР К.В. Гею¹ и заместителю наркома просвещения республики А.А. Чернушевичу от 22 июля 1931 г. Авторы — члены правления Всебелорусского общества историков-марксистов В. Сербента², П. Саевич³, М. Югов⁴, М. Поташ⁵. Известно, что через

¹ Константин Вениаминович Гей (1896–1939 гг.) — 1-й секретарь ЦК КП(б) Беларуси (январь 1930 — январь 1932), секретарь Московского обкома ВКП(б) (1932–1934), арестован (2 окт. 1938), расстрелян в Москве (25 февр. 1939), реабилитирован посмертно (1956).

² Виталий Андреевич Сербента (1895–1980 гг.) — председатель Товарищества историков-марксистов Беларуси, профессор БГУ и Коммунистического университета им. В.И. Ленина, директор Института истории партии при ЦК КП(б)Б (1929–1932), академик АН БССР (1931), один из редакторов перевода Собрания сочинений

непродолжительное время это общество будет распущено и запрещено, а названные его руководители — репрессированы. Уже одно это должно было вызвать к ним сочувствие или снисхождение.

Это были известные и уважаемые в Беларуси люди, строки биографий которых характеризовали их с самой лучшей стороны, но что заставило их обратиться в высокие инстанции? Они письменно обличали противников большевизации⁶ высшей школы республики по следам искоренения последствий нацдемовщины⁷. Итак, вот что было написано в письме К.В. Гею и А.А. Чернушевичу:

Доводим до вашего сведения наши соображения об ошибках, допущенных при праздновании 10-летия Белгосуниверситета. Мы глубоко убеждены, что это имеет политическое значение и необходимо обратить внимание соответствующих органов, чтобы предупредить возможные негативные последствия.

В чем же увидели крамолу авторы письма? Какую политическую опасность собрались разоблачить? Оказывается, они обнаружили просчеты в праздновании юбилея БГУ и награждении недостойных преподавателей и сотрудников:

В.И. Ленина в 12 т. на белорусский язык, перевел с немецкого на белорусский язык 1-й том «Капитала» К. Маркса, арестован (1937) и осужден на 10 лет, реабилитирован (1956), зав. сектором истории философии Института философии и права АН БССР (1957–1967).

³ См. Словарь имен, с. 357.

⁴ Михаил Симонович Югов (1901–?) — из семьи служащих, окончил Институт красной профессуры в Москве, доцент кафедры российской истории БГУ на рубеже 1920–1930-х гг.

⁵ Моисей Абрамович Поташ (1892–1973 гг.) — советский историк-марксист, общественный деятель, член Бунда (1914–1920), вступил в РКП(б), лидер «троцкистской оппозиции» в Витебске, профессор БГУ (1924–1936), зам. директора Института истории партии при ЦК КП(б)Б (1931–1936), научный работник Белорусской гос. библиотеки им. В.И. Ленина (1937), арестован (1937) и осужден на восемь лет, которые отбывал в Красноярске, ст. научный работник Института истории АН БССР (1946–1948), вторично арестован (1949) и отправлен в ссылку, реабилитирован (1955), жил в Бресте.

⁶ Большевизация — усиление большевистского влияния, внедрение большевистских принципов; увеличение количества большевиков в какой-либо организации.

⁷ См. Словарь терминов и понятий, с. 369.

В ходе чествования недостаточно привлекалась пролетарская общественность. В рабочих коллективах на предприятиях города не было сделано докладов о достижениях белорусской высшей школы. Не читались лекции на профсоюзных активах, в периодической печати в должной мере не освещались названные вопросы, не была мобилизована и оказалась в стороне общественная мысль республики.

Однако наиболее подробно авторы письма остановились на характеристике награжденных сотрудников БГУ, которым давались нелестные характеристики:

Келейный характер принял подбор кандидатур для поощрения. Прежде всего, нужно было рекомендовать тех, кто более других содействовал большевизации и белорусизации высшей школы. Вместо этого выбор пал на тех, кто не служил этому делу, а также преподает малозначимые учебные дисциплины: историки Н.М. Никольский⁸, В.Н. Перцев⁹, правовед М.И. Гредингер и др., которые были в свое время наиболее близки к В.И. Пичете¹⁰ и помогали ему сохранять традиции академизма в университете. Под этим прикрытием они сопротивлялись «большевистскому засилью». Все они — обломки буржуазной профессуры, которую приходится терпеть только в общественных науках, только в условиях крайней нужды в квалифицированных марксистских кадрах.

⁸ См. Словарь имен, с. 351.

⁹ Владимир Николаевич Перцев (1877–1960 гг.) — советский и белорусский историк, академик АН БССР (1940), доктор ист. наук (1935), профессор (1921), заслуженный деятель науки БССР (1944), член белорусской делегации на учредительной конференции ООН (1945), считается одним из самых известных белорусских историков, основатель медиевистики в БГУ им. В.И. Ленина.

¹⁰ Владимир Иванович Пичета (1878–1947 гг.) — русский и советский историк-славист, первый ректор БГУ им. Ленина (1921–1929), академик АН БССР (1926), арестован по обвинению в великодержавном русском шовинизме, белорусском буржуазном национализме и прозападной ориентации (1930), лишен звания академика и содержался в ленинградской тюрьме (193–1931), сослан в Вятку на пять лет, профессор Воронежского педагогического института (1934), ст. научный сотрудник Института истории АН СССР (1937), профессор Московского пед. института им. В.И. Ленина и МГУ (1938), восстановлен в звании академика АН БССР (1940), зам. директора Института славяноведения АН СССР (1946), реабилитирован (1967).

Никольский и Перцев, которые по праву сегодня считаются видными представителями белорусской исторической школы, приехали в республику в начале 1920-х гг. по приглашению первого ректора БГУ академика В.И. Пичеты. Это были единомышленники, которые приняли идеи Октябрьской революции и во многом поступились своими личными интересами. В 1929 г. Владимира Ивановича Пичету обвинили в сочувствии национал-демократизму и заставили уехать из БССР, куда он больше не вернулся. Продолжим чтение письма:

Другая группа была отмечена грамотами и орденами научных работников, правда, имела отношение к белорусизации (литературовед Тепин, педагог Перебило), но являются абсолютно чуждыми как марксизму, так и большевизму, подлинной научной методологии. Тепина сняли с работы как идеологически чуждого с рабфака, а теперь выгоняют из Комвуза. Перебило присутствует в БГУ только как «вынужденный ассортимент». Нельзя признать удачными и кандидатуры коммунистов. Ни Вольфсон¹¹, ни Панкевич, ни особенно Кореневский¹² и Успенский не проявили никаких выдающихся качеств партийной работы. Наоборот, в их работе были допущены просчеты, которые не ликвидированы до сих пор. Особенное недоумение вызывает награждение Успенского, которому не так давно ЦКК¹³ вынесла

¹¹ Семен Яковлевич Вольфсон (1894–1941 гг.) — советский философ и социолог, участвовал в создании БГУ, профессор (с 1921), декан факультета права и хозяйства (1925–1930), занимался профсоюзной работой, академик АН БССР (с 1928), академик-секретарь Отделения общественных наук АН БССР (с 1936), директор Института философии и права АН БССР (1931–1938), возглавлял редакцию «Беларускай энцыклапедыі», издание которой не было воплощено в жизнь из-за массовых репрессий научных и культурно-просветительских сотрудников, заместитель наркома образования БССР (1931–1933), уволен за «проявления великодержавного шовинизма», скрывался от репрессий в психиатрической больнице (1938), погиб с семьей в Минске в первые дни войны.

¹² Иосиф Петрович Кореневский (1887–1937 гг.) — белорусский советский ученый-педагог, ректор БГУ им. В.И. Ленина (1929–1931), сотрудник Института красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики в Москве (1931–1937), арестован в Москве и перевезен в Минск (1937), где был приговорен как польский шпион к ВМН и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1957).

¹³ ЦКК — Центральная контрольная комиссия РКП(б), ВКП(б), КПСС, высший контрольный орган партии в 1920–1934 гг. и в 1990–1991 гг.

строгий выговор с предупреждением за правооппортунистические ошибки в практической работе.

Наверное, нам уже не дано понять действительные причины, по которым историки-марксисты ополчились на своих коллег. Чем им, например, не угодил Семен Яковлевич Вольфсон, профессор, директор Института философии и права, академик-секретарь отделения общественных наук Академии наук БССР? Или Павел Яковлевич Панкевич, доктор педагогических наук, директор НИИ коммунистического воспитания, председатель Главнауки Наркомпроса республики? Наконец, что имелось в виду под правооппортунистическими ошибками в практической работе Успенского? В качестве обвинения были приведены примеры того, что не отмечены ни один секретарь партячеек БГУ, ни ударники из числа вспомогательного персонала, ни достаточное количество сотрудников из числа молодежи. Все это венчал глобальный вывод о намеренном игнорировании роли молодой марксистской прослойки БГУ. В заключительной части цитируемого письма авторы пытаются смягчить общую удручающую представленную ими картину, тем более что большая часть аргументов выглядят несостоятельными, но линию свою они продолжили:

Мы не сомневаемся, что руководство университета, организовавшее празднование юбилея, не имело дурных намерений, но своими действиями вводит в заблуждение партийные и советские организации, допускает ошибки, которые препятствуют консолидации марксистских и близких к ним научных работников. Это мешает мобилизации студенческой массы на почве борьбы за большевизацию высшей школы и исполнение стоящих перед партией задач на фронте культурного строительства и овладения техникой.

Тогда, в 1931 г., письмо-донос Сербента, Саевича, Югова и Поташа в ЦК КП(б)Б и Наркомпросе оставили без последствий. Доказательство тому не только то, что оригинал письма был найден мною в Национальном архиве Республики Беларусь¹⁴, а не отослан в НКВД БССР, но и то, что никто из перечисленных товарищей не подвергся опале, не был уволен с работы и не лишился присужденных наград. Это слу-

¹⁴ НАРБ, ф. 4, оп. 14, д. 11, лл. 129–132.

чится позже, в 1937 г. Белорусские ученые и педагоги, подвергшиеся унижительной критике в письме на имя Гея и Чернушевича, не были диссидентами. Более того, в других обстоятельствах они сами выступали в роли обвинителей невинных коллег. 14 декабря 1929 г. П.Я. Панкевич председательствовал на заседании фракции КП(б)Б Центрального бюро секции научных работников, где рассматривался вопрос о выдвижении профессора Н.Н. Дурново¹⁵, имя которого было хорошо известно в науке, в состав Академии наук БССР. Казалось, какие могли быть сомнения в его компетенции? Постановление же, подписанное Панкевичем, гласило:

Категорически возражать против кандидатуры Дурново как идеологически чуждого и враждебно настроенного научного работника. Поднять вопрос о целесообразности его дальнейшего пребывания в составе АН БССР¹⁶.

И Николай Николаевич Дурново вынужден был уехать в Москву — ни талант, ни научные заслуги, ни мастерство педагога-лектора роли не сыграли. Тавро идеологически чуждого довлело над всем остальным. Как все это могло произойти? Как возникло положение, при котором большевики указывали ученым, как мыслить, и крестьянам, как пахать землю? После того когда старая гвардия в партии была отстранена от управления государством, а затем и ошельмована, ВКП(б) оказалась в цепях сталинского видения построения социализма в одной отдельно взятой стране. Что же касается людей науки, специалистов и интеллигенции, то их отлучили от научной дискуссии и свободы обсуждения даже по профессиональным вопросам. В обществе широко пропагандировали лишь то, что решили за его

¹⁵ Николай Николаевич Дурново (1876–1937 гг.) — русский и советский лингвист, член-корреспондент АН СССР (1924), академик АН БССР (1928–1930), труды по русской диалектологии, истории русского и славянских языков, русской морфологии, теории грамматики, а также по древнерусской литературе, создал классификацию русских диалектов, был объявлен «буржуазным националистом», уволен из университета и исключен из АН БССР, уехал в Москву (1930), арестован вместе со старшим сыном по «делу славистов» (1933), осужден на 10 лет лагерей как «контрреволюционер» и отправлен на Соловки, вторично арестован (1937), приговорен к ВМН и расстрелян (окт. 1937), были расстреляны оба его сына — Андрей и Евгений (1938), реабилитированы посмертно (1964, 1967).

¹⁶ НАРБ, ф. 4, оп. 14, л. 10, л. 148.

спиной в кабинетах власти. Пожар классовой ненависти раздувался сознательно, чтобы противопоставить друг другу различные слои общества. Очень искусно использовалось слабо подготовленное теоретически, но многочисленное новое пополнение в партии, нацеливая его на истребление всех несогласных с генеральной линией ЦК ВКП(б). Использовалось известное правило — чтобы опорочить доводы оппонента, нужно опорочить его лично.

Мы связаны с собственной историей больше, чем это может показаться. Привычка сводить суть к плакатной простоте имеет над нами силу. Не потому ли повторяются человеческие драмы на новом витке истории? Трагической оказалась судьба одного из инициаторов разобранного нами письма 22 июля 1931 г. Платона Васильевича Саевича. Искренне веря в правоту партии и мудрость ее великого кормчего, он не жалел себя и без остатка отдавался порученному делу. Участник Великой Отечественной войны, организатор партизанского движения, послевоенного восстановления республики, Саевич в 1946 г. был в аппарате ЦК КП(б)Б не последним человеком, а с 1947–1951 гг. — министром просвещения БССР. Из-за конфликта с Лаврентием Цанава его арестовали и осудили. Выйдя через несколько лет из лагеря после смерти Сталина с надломленным здоровьем, он мучился даже не от физических страданий, а от осознания краха идеалов его поколения. Несмотря на это, Саевич до последних своих дней болезненно воспринимал критику в адрес Сталина, его разум мог не принять очевидное.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Уроки одной драмы» // *Советская Белоруссия*, 16 августа 1991 г.

Кто был ничем, тот станет всем

Долгое время в умах советских людей жила устойчивая иллюзия исторического знания. Теперь мы заново открываем для себя события, которые считались раз и навсегда данными. О поколении 1920-х гг. принято говорить словами поэта: «Гвозди бы делать из этих людей, крепче бы не было в мире гвоздей»¹. Чуть позже работа потребовалась более тонкая, стали нужны «винтики».

История, о которой пойдет речь, может показаться небольшим эпизодом, частным случаем на пути построения светлого будущего человечества. Но в ней как в капле воды видны глобальные процессы, которые охватили все стороны жизни общества. Память о революции 1917 г. у нас искажена. Все было далеко не так прямолинейно и двигалось не всегда вверх по восходящей линии, как излагалось в трудах советской истории, санкционированной сверху. Например, утверждение о том, что Октябрьская революция широко распахнула двери всех учебных заведений и сделала доступными и бесплатными все виды образования, начиная от школы и кончая вузом. К сожалению, далеко не для всех, даже наоборот.

Искусственная смена критериев, исходя из которых молодых людей принимали на учебу, готовили специалистов народного хозяйства, культуры и науки, нанесла невосполнимый вред как самой идее революции — раскрепощению человека, — так и практике социалистического строительства. В основу была положена мысль В.И. Ленина о том, что нравственным является все, что служит интересам дела пролетариата². Следовательно, кадры будущих специалистов должны были иметь одну идеологическую группу крови. Но как же тогда с принципами общечеловеческой морали, правами человека, гуманитарными ценностями, которые никому не дано преступить? Их отодвинули в сторонку «на время». Учебные заведения в числе первых это на себе почувствовали. Социальный состав учащихся «улучшался» самым непримиримым образом. В 1928 г. в высших учебных заведениях Белорусской ССР обучалось 11 226 студентов, из которых рабочие составляли 21,5%, крестьяне — 42,7%, служащие — 23%, единоличники — 6,3% и прочие — 6,5%³.

¹ Строфа из стихотворения Николая Тихонова «Баллада о гвоздях». Москва, 1922.

² Сравнение из речи В.И. Ленина на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза молодежи 2 октября 1920 г. в Москве.

³ НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 141, л. 278.

Прием абитуриентов на первый курс сопровождался жестким отбором, при котором главное внимание уделялось социальному происхождению, а не знаниям. При этом зачисление в учебное заведение не давало гарантии, что через год или два часть из них не будут «вычищены» как антипролетарский элемент. Архивы хранят письма исключенных и непринятых на учебу, которые представляют собой красноречивые свидетельства эпохи. На истории одного такого письма остановимся подробнее. Оно было написано 2 сентября 1928 г. сельской комсомолкой Фатиной Лагацкой из Самохваловичей Минской области.

Время написания письма показательное. Сталин еще не провозгласил «великий перелом»⁴, не объявил красный поход против кулачества, оставались на своих постах Бухарин⁵, Рыков⁶, Томский⁷, еще не отозвали в Москву из БССР Гамарника⁸ и не травили Жилуновича⁹, еще были при должностях Игнатовский¹⁰, Балицкий и др. Казалось, все шло своим чередом.

⁴ Выражение И.В. Сталина, которым он охарактеризовал начатую в конце 1920-х гг. в СССР политику форсированной индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства, создание мобилизационной экономики с предельной концентрацией ресурсов в государственных институтах, отказ от плюрализма, гражданского общества, демократических ценностей, что неизбежно привело к невиданным репрессиям.

⁵ Николай Иванович Бухарин (1888–1938 гг.) — революционер, политический деятель, член Политбюро ЦК ВКП(б) (1924–1929), один из самых эрудированных представителей партии после ее прихода к власти, свободно владел французским, английским и немецким языками, в повседневной жизни был дружелюбен и приветлив, оставался доступным в общении, лидер так называемой правой оппозиции в ВКП(б), последовательный противник политики коллективизации, академик АН СССР (1929), расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1988).

⁶ Алексей Иванович Рыков (1881–1938 гг.) — русский революционер, советский государственный деятель, первый нарком внутренних дел РСФСР (1917), нарком почт и телеграфа СССР (1931–1936), председатель СНК СССР (1924–1930), член Политбюро (1922–1930), выступал против свертывания НЭПа, форсирования индустриализации и коллективизации, что было объявлено «правым уклоном» в ВКП(б), расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1988).

⁷ Михаил Павлович Томский (Ефремов) (1880–1936 гг.) — российский революционер, советский партийный и профсоюзный деятель, выступал против свертывания НЭПа и форсирования индустриализации и коллективизации, покончил жизнь самоубийством (авг. 1936).

⁸ См. Словарь имен, с. 341.

⁹ См. Там же, с. 345.

¹⁰ См. Там же, с. 346.

Ф. Лагацкая писала своему товарищу по комсомольской работе, который выехал по заданию партийных органов в Московскую область. Приведем ее письмо с небольшими сокращениями:

Коля! Случилось невероятное — меня не приняли в БГУ. Видимо, кто-то подал отвод. Сначала приняли, а потом отказали. Скорее всего, это из-за материального и социального положения моих родителей. Никаким справкам не верят, только вмешательство ЦК партии способно что-то изменить. Ты знаешь, я порвала со своими родителями раз и навсегда и материально от них не завишу. Что делать? Мне сказали, что может помочь Кнорин¹¹, если ему обо всем рассказать. Не поспособствует ли мне в этом твой отец? Время не терпит. Черт знает, что это такое, ведь и у моего отца нет ничего страшного, он всего лишь середняк¹², даже не зажиточный. Но факт, я порвала с ним со времени вступления в комсомол в 1925 г. Идейные расхождения стали причиной нашего духовного разрыва.

Коля! Ты знаешь, какая я комсомолка и вообще каковы мои взгляды. Будь товарищем, помоги. У меня уже нет сил, слишком это событие на меня подействовало. Такие неудачи, и ведь я знаю, что я преданнее многих здесь комсомольцев. Была и буду, но вместе с тем меня не принимают как недостаточно надежного типа. Это обиднее всего. Нет времени и сил писать. Я окончательно убита. Очень ласкает мысль о самоубийстве. Я понимаю, что это бессмыслица, малодушие. Но подумать только, что меня опасаются, что мне не верят. К черту все, когда меня считают чужой среди своих. Когда я с самыми чистыми мыслями и намерениями перешла в другой лагерь, порвала все узы с семьей, что было не без боли. И теперь этого не хотят признать? Не считаются!

Коля! Скорее пиши. Близких товарищей у меня здесь в настоящую минуту нет. Мне нужна поддержка, у самой не осталось сил, понимаешь? Первый раз в жизни нет сил. Если хочешь, помоги. Фатина.

¹¹ См. Словарь имен, с. 358.

¹² Средняки (среднее крестьянство) — в дореволюционной и Советской России занимали положение между бедняками и кулаками, имели единоличное хозяйство, которое обрабатывали без привлечения наемной силы.

В письме Лагацкой обращает на себя внимание открытость и искренность, желание добиться справедливости, юношеский максимализм и безапелляционность. Воображение рисует девушку 19–20 лет в красной косынке, категоричную в суждениях, мыслях и поступках, бескомпромиссно принявшую идеи революции. И в конце письма это застенчивое девичье «если хочешь, помоги».

Николай Чешко, к которому обращалась Фатина, отнес письмо в газету «Правда», сопроводив следующей припиской:

Тов. Лагацкую Ф.К., комсомолку, я знаю как человека, преданного интересам рабочих, и идейную. Отношением к ней я возмущен до глубины души. Прошу прекратить безобразное отношение бездушных формалистов, которые, по моему мнению, толкают ее на самоубийство. О принятых мерах прошу сообщить по адресу: Московская губерния, Московский уезд, Мамонтовка. Н. Чешко.

Письмо Чешко неожиданно быстро получило ход. 25 сентября 1928 г. «Правда» послала запрос в ЦК КП(б)Б в Минск с просьбой разобраться и дать ответ. Такой оборот был делом нешуточным. «Правда» в строившейся пирамиде советской административно-командной системы занимала особое положение, имела высокий авторитет — фактически являлась рупором ЦК ВКП(б), с помощью которого рассылались на места директивные указания самого Сталина, хотя и не раскрывавшего раньше времени свои далеко идущие планы. На маленьком листке официального бланка газеты (10x15 см) в правом верхнем углу под лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» была помещена выдержка из обращения ЦК ВКП(б):

Партия призвала трудящихся к жесткой самокритике, чтобы использовать ее для действенного исправления всего аппарата, для действительной, а не бумажной борьбы с бюрократизмом, для массового похода против всех врагов, начиная от кулаков-вредителей и кончая элементами разложения в наших собственных рядах.

С левой стороны бланка — выписка из циркуляра Верховного суда РСФСР:

Разглашение должностными лицами имен корреспондентов, как и содержание заметок, передаваемых для расследования, является уголовно наказуемым преступлением. Виновные в этом будут

привлечены к ответственности по ст. 104, п. «В» и 107 Уголовного кодекса РСФСР.

Внизу бланка в самом конце было выделено жирным шрифтом и взято в черную рамку:

«Правда» ждет ответ без напоминания!

ЦК КП(б) Белоруссии, исполняя полученную команду, поручил партийной ячейке Белгосуниверситета им. В.И. Ленина разобраться и доложить. 17 октября 1928 г. секретарь партячейки педагогического факультета БГУ Морока отвечал:

Комиссия не приняла гражданку Лагацкую на педфак, потому что по социальному происхождению кроме нее были более подходящие кандидатуры. В настоящий момент принять Лагацкую на учебу не представляется возможным из-за отсутствия вакантных мест. На будущий год она сможет претендовать на поступление на педфак только в том случае, если райком партии представит сведения, которые опровергнут имеющуюся у нас информацию о кулацком происхождении Ф.К. Лагацкой.

Отказ из университета не смутил товарищей в ЦК КП(б)Б, решено было провести дополнительно самостоятельную проверку, ведь держать ответ нужно было перед Москвой и лучше, чтобы ответ был положительным. Самохваловичский райком партии на запрос из Минска сообщал:

В собственности крестьянина Кастуса Лагацкого, проживающего в селе Гречина Самохваловичского района Минского округа, имеется 15 десятин пахотной земли, 3,6 десятины сенажати («сенокоса», бел.), 2 лошади, 4 коровы, 4 овцы, 4 свиньи, едоков — 6, заплатил налог в сумме 210 руб. 10 коп.

Где-то в Среднем Нечерноземье России такое хозяйство, возможно, и попало бы в разряд «кулацких». Но в Беларуси в те годы это была обычная крепкая гаспадарка («хозяйство», бел.), в котором трудились все от мала до велика с пяти утра до позднего вечера, зарабатывая на хлеб в поте лица. При этом в сообщении из райкома партии ни слова не говорилось об использовании наемного труда, что очень показательно. Во внимание не было принято и подтверждение из

комсомольской организации Гречинского сельсовета о том, что с 1925 года Фатина Лагацкая порвала с родителями.

Общая резолюция за подписью заместителя заведующего Агитпропа ЦК КП(б)Б Будзинского и секретаря Агитпропа Нозика:

Ознакомившись с документами и заслушав доклад товарища Козловского (председателя приемной комиссии БГУ), который, в частности, указал, что если бы Ф.К. Лагацкая подавала заявление на физико-математический факультет, а не на педагогический, то, возможно, ее вопрос был бы решен положительно, считаем, что ваш отказ необоснован. В связи с этим предлагаем восстановить тов. Фатину Лагацкую на педагогический факультет БГУ им. В.И. Ленина и об исполнении доложить¹³.

Итак, грустная история и счастливый конец? К сожалению, нам не дано проследить, как разворачивались события с нашими героями дальше. Как вообще сложилась судьба Фатины Константиновны? Позволили ей окончить университет или исключили во время одной из многочисленных чисток? Вышла замуж, построила семью и родила детей? Раскулачили ее отца во время коллективизации деревни в 1929–1931 гг. или же тот сам, повинувшись чувству самосохранения, отдал все заработанное горбом и вступил в один из сталинских колхозов?

И, наконец, самое главное — не использовала ли Система саму Фатину, с ее железными принципами и преданностью делу рабочего класса, при сплошной коллективизации? Не раскулачивала ли она сама таких, как ее родители, с которыми она идейно порвала в 1925 г.? Всего этого нам уже не узнать, ведь не осталось в живых никого из участников этой драмы местного значения осенью 1928 г. Но ставить эти вопросы нужно. Беда классовой морали, которая далеко не умерла в советском обществе, заключается в том, что она не признает страдания и велит человеку руководствоваться директивными представлениями о добре и зле, а не тем, что подсказывает совесть. Мы не в состоянии переиграть свое прошлое, но обязаны сделать все возможное, чтобы оно не повторилось.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Кто был ничем, тот станет всем?» Из жизни БГУ им. Ленина 1920-х гг. // *Добрый вечер* (Минск), 1 июня 1991, № 76.

¹³ НАРБ, ф. 4, оп. 7, д. 190, лл. 64–74.

Черный ящик из ГУЛАГа (письма из лагеря Василия Штыхова)¹

Когда самолет терпит крушение, то начинают искать «черный ящик». В нем запись переговоров экипажа с землей, последние данные приборов. Без этого чаще всего невозможно объяснить катастрофу, и поэтому ящик стараются достать даже со дна моря. Письма — это наши «черный ящик». Только они смогут объяснить что-то о нас тем, кто останется жить дальше. Человек, ушедший без писем, сродни пропавшему без вести. Сжигающий письма всегда сжигает «черный ящик» памяти о ком-то.

Наша встреча произошла случайно. Георгий Васильевич Штыхов в свое время был моим педагогом, читал курс лекций по археологии. Студенты его любили, хотя иногда могло показаться, что он не от мира сего... То ли об этом свидетельствовала его рассеянность, свойственная известной части ученых, то ли скромность и непритязательность в быту, но предмет свой он знал отлично, возил студентов в археологические экспедиции и писал книги. Словом, это был историк настоящий. Слово за слово, мы заговорили о планах. Георгий Васильевич признался, что читал мои статьи о сталинщине и неожиданно предложил показать письма из ГУЛАГа своего отца, подлинные, почти три десятка.

Василий Леонтьевич Штыхов родился в 1889 г. в Старой Белице Уваровичского района Минской губернии в семье крестьянина-бедняка, беспартийный, он всегда сохранял лояльность властям и всего себя отдавал любимой педагогической профессии. Это был учитель по призванию, строгий и требовательный. В школе он и проработал без малого тридцать лет. В 1917 г. грянула революция. Сначала в феврале, потом в октябре. Люди радовались, затем встревожились: классовая ненависть расколола общество — началась гражданская война.

После окончания гражданской войны и подписания Рижского мира в 1921 г. казалось, все возвращается на круги своя, что все наладится. Однако к концу 1920-х гг. НЭП начал выходить за ранее определенные ему рамки. Предоставленная ему большевиками экономическая

¹ Полностью опубликованы: *Полымя*, № 10, 1992 г., с. 154–179.

свобода даже в ограниченном размере требовала поделиться политической властью, иначе в стране возникал экономический кризис. Но Сталин, успевший к тому времени захватить власть в руководстве партии, был категорически против. Эти события захватили многих, казалось бы, абсолютно посторонних людей. Василий Леонтьевич в 1932 г. переехал в г. Речицу, где купил старое жилье и стал учительствовать в одной из пригородных школ (д. Жмуровка). Была семья, трое детей. В апреле 1933 г. его арестовали. Вот что вспоминает сын, Георгий Васильевич:

Пришли ночью и увели. Мне было пять лет. Встаю утром — мама в слезах. Что такое? Рассказывает, какое несчастье приключилось. Никто не понимал почему: отец был не просто лояльным человеком к советской власти, почти активистом, любое ее мероприятие, даже то, к которому не лежала душа, проводил в жизнь, считал необходимым. И вдруг такое.

Василий Леонтьевич как учитель нес большую общественную нагрузку. В 1922–1923 гг. он был председателем сельсовета, членом райземотдела, провел в Старой Белице раздел на поселки. В Бервеновке председательствовал в секции рабоче-крестьянской инспекции при сельсовете, был во главе ревизионной комиссии при колхозе, создавал колхоз «Малинник». Приходилось кого-то и обидеть, выполняя директивы партии...

Вскоре выяснилось, что взяли еще многих. Арестованных привезли в Гомель. Камера была полна. Говорили вполголоса, атмосфера царила гнетущая. События разворачивались быстро, как в детективном романе. Оказывается, Василий Леонтьевич Штыхов был членом «разветвленного антисоветского заговора в Уваровичском районе» (всего 22 человека).

Кормили заключенных очень плохо. Заранее считалось, что все они виновны — раз взяли, значит, что-то есть, и обращаться с подсудимыми нужно как с преступниками. Давали в сутки 600 гр. хлеба. Утром чай, на обед неполную миску баланды, в которой «крупинка догоняла крупинку». Передачи разрешали только тем, кто признал себя виновным. Их обычно сразу переводили в другие камеры. Все арестованные жили с постоянным ощущением голода. Сытый человек может не есть день, два, три. Но когда недоедает систематически, изо дня в

день, из недели в неделю, из месяца в месяц, голод страшен. Все сны были только о еде, а когда 30–40 таких голодных собраны вместе и не могут разойтись, их мысли взаимно усиливаются и принимают форму психоза. Следователи играли на этом чувстве.

Уполномоченный ГПУ Лучина предъявил обвинение Штыхову по ст. 64, 72 и 76 Уголовного кодекса БССР в редакции 1928 г. — вооруженное свержение государственного строя. От уговоров и обещаний Лучина переходил к угрозам и вымогательствам: «Вот вы и обнаружили свое лицо контрреволюционера — не хотите помочь советской власти». Грозил затеять еще одно дело: «Материалов на вас достаточно, и вы никогда не выйдете отсюда!» Трехэтажная матерщина, долгое стояние у стены, отсутствие сна. Допросы продолжались ежедневно. Лучина вызывал двух здоровенных охранников, и они втроем с нецензурной бранью, криком, угрозами, рукоприкладством вытягивали душу: подпишешь все что угодно — «намерение поджечь воду в Днепре или взорвать земной шар».

За свое «преступление» Василий Леонтьевич получил пять лет высылки в Западный Казахстан. Белорусский учитель попал в Каменский район Западно-Казахстанской области, где ему удалось устроиться работать по специальности в неполную среднюю школу при Шиповском мясосовхозе № 432. Время было трудное, работы много, а грамотных наперечет, и Василий Леонтьевич в новые обязанности ушел с головой.

Ссылному учителю доверили быть не только ликвидатором неграмотности среди местного населения, но даже читать лекции на районных курсах по подготовке и переподготовке учителей и, более того, вести занятия в партшколе (!) при совхозе. Штыхов прошел необходимую аттестацию окружного отдела народного образования и поступил на заочное отделение Уральского пединститута. Семья оставалась в Речице, туда он и отсылал зарплату. Работал как двухжильный, с утра до вечера. Казалось, он уже почти забыл о своем несчастье. Из обращения Василия Леонтьевича к генеральному прокурору СССР в 1938 г.:

Я не курил и не пил водки, не вел развратной жизни с женщинами, не имел друзей. Школа и клуб были единственным местом, где я встречался с людьми. Книги и газеты были моими друзьями. Я заслужил благодарность учеников и их родителей. Я приобрел знатность не только в совхозе, но и благодаря работе на курсах во всем Каменском районе...

Однако наш герой был меченным Системой, а таких она не отпускала. 25 октября 1937 г. неожиданно Штыхова уволили. Все его коллеги были в недоумении — хороший учитель, любящий и прекрасно знающий свой предмет, «ударник», и вдруг — «враг народа», белорусский националист.

Как следует из дела № 2479, присланного 14 августа 1991 г. из Управления КГБ Казахской ССР по Уральской области, основанием для повторного ареста послужил донос счетовода колхоза «Шиповский» Кузьмы Ипатовича Давилина, который сообщал, будто бы Василий Леонтьевич общался со ссыльными ленинградцами, высказывался против колхозно-совхозной системы, положительно говорил о Зиновьеве, был груб со школьниками и др. Печально, но действительно один раз учитель не сдержался и назвал дочку счетовода, неопрятную и ленивую ученицу 4-го класса, «чушкой немойтой». Этого оказалось достаточно, чтобы отец школьницы свел счеты с обидчиком. «Свидетелями» выступили секретарь сельсовета В.И. Максимов, учитель Рахимбердин, но их показания удивительным образом напоминают друг друга, что дает основания полагать — авторство исходило из одного источника. Организовали и крохотную заметку в газете под названием «Бесконтрольность в школе» без подписи.

Василий Леонтьевич искал правды, но на его вопрос, за что уволили, заведующий Каменским РОНО Боженков отчеканил: «По воле партии и правительства». Как мы сейчас понимаем, это был немудреный, но чистосердечный и правдивый ответ чиновника. 27 ноября 1937 г. последовал и сам арест в Уральске, где ссыльный учитель поступил учиться заочно в институт.

Следователь Уральского НКВД старший сержант Тарануха не бил и не ругался нецензурной бранью. Он предъявил обвинение по 58 ст. УК РСФСР (политическая контрреволюция, террор) и потребовал признания: «Мы сильны и страшны. На нас суда нет. Как хотим, так с вами и поступим. Вас замучит совесть, что упустили счастливый случай и не сознались, на вас есть ряд свидетельских показаний!»

Учитель отказался, и тогда следователь в протоколе дознания написал: «Контрреволюционной работы не вел, агитацией не занимался, но продолжает оставаться на прежних контрреволюционных позициях». На вопрос учителя «почему?» пояснил: «Вы человек пожилой, ссыльный и, по-моему, имеете все основания быть недовольным советской властью». Как говорится, комментарии не нужны. Неприкрытый произвол не нуждался в каких-то аргументах.

Существовала разнарядка на количество «врагов», проще всего было их находить среди ссыльнопоселенцев. Вскоре Василию Леонтьевичу в тюрьме сообщили, что постановлением «тройки» НКВД Уральской области он осужден по ст. 58¹⁰, ч. 1, на 10 лет лагерей за антисоветскую пропаганду.

Зарешеченный «столыпинский» вагон повез речицкого учителя к его гулаговскому «острову». Адрес: Свердловская область, Гаринский район, 10-е отделение НКВД, п/я 239/10. Василий Леонтьевич не успокаивается, он атакует всевозможные мыслимые и немыслимые инстанции письмами, обращениями и жалобами на имя Сталина, Вышинского, Молотова, Ульриха и других. Приведем отрывки из одного такого обращения:

Гражданин Прокурор СССР! В свое время М.И. Калинин говорил, что бдительность заключается не в том, что человек неумело высказался, а в его повседневных делах и куда эти дела направлены. М.М. Литвинов с трибуны Лиги Наций в Женеве заявлял, что обвинение, основанное на слухах, на догадках, подозрениях, есть ложь, сплетня и клевета. Всем известна сталинская забота о людях, о кадрах, которые решают все. В 1908–1937 гг. я без перерыва работал учителем. Моя общественная работа проходила по двум-трем-четырем линиям. Не проходил ни один Госзаем, чтобы я не подписался на месячный заработок, ни одно обращение о пожертвовании, чтобы я и моя полуголодная семья не подписались и не пожертвовали. В чем же заключается моя вина? Прошу внести протест в отношении несправедливого моего приговора.

Пачками приходили отказы. Учитель направлял новые письма. Родина была ему хуже мачехи: хоронила заживо, выживала из родных мест. 21 июля 1939 г. Василий Леонтьевич пишет домой:

Здравствуйте мои дорогие! Старайтесь пережить это тяжелое время. Помните, что не одни вы его переживаете. Подобное переживают миллионы людей. Ходим в лес за 8–10 км прорубать новые дороги шириной 14 м. Выворачиваем большие деревья, жжем лесной хлам. Иногда дадут кило хлеба, иногда 600 гр., а иногда и 400 гр. в день. Как-нибудь живем. Конечно, тяжело, но деваться некуда, живем...

Лучше других на общих работах трудились раскулаченные, молодые, молчаливые. На них вполне можно было положиться, несмотря на все несправедливости и обиды. Техники не было никакой, даже обычные автомашины редкость. Все делалось вручную, иногда при помощи лошадей. Основой всей работы был «ребячий пар», как говорили заключенные. Странно, что даже в неволе, даже в обиде труд увлекал, поднимал настроение. Рядом был лагерь, где держали поляков. Их привезли из Галиции, Львовщины, Западной Украины и Западной Белоруссии. «Публика чисто одетая, интеллигентная, городская. Получается у них хуже, чем у нас, к такой работе они непривычны».

Василию Леонтьевичу исполнилось уже 50. Каторжные работы давались все труднее. Силы таяли.

31 января 1940 г. он пишет домой:

Я тощий, слабый, грязный, оборванный и вшивый. Вот моя фотокарточка. К этому присоединилась малярия, которая постоянно мучит. Письма передают вскрытыми. Я простудил шею, сзади получились большие нарывы, но они, по мнению врача (тоже заключенного), не должны мешать работать. Целый месяц так ходил на работу. Часто вижу вас всех во сне.

12 апреля 1940 г.:

Проходили снова медкомиссию. Меня признали инвалидом и поставили плести лапти. Три пары в день — норма. За это я буду получать в сутки 600 гр. хлеба, черпак супа утром, вечером тот же суп и порцию каши. До этого времени ходил на общие работы в лес, сильно истощал и ослабел. Вчера я мылся в бане и сам ужаснулся, насколько мое тело худое, желтое, дряблое. Я буду весить не более трех пудов... Ничего так не хочу, как повидать своих детей.

10 мая 1940 г. (жене):

Дорогая Гаша! Очень жаль, что тебе приходится дополнительно оплачивать мои письма. На каждое письмо я наклеиваю марку в 30 копеек. Но их отклеивает наш воспитатель на лагерном пункте. Теперь эту сволочь перевели в другое место. Крепись, Гаша, не падай духом.

Многие теперь страдают гораздо больше нас. Жалобы о помиловании подавать не буду и тебе не велю. Просят о помиловании те, кто виноват, а я не чувствую за собой никакой вины, выдумывать же на себя не могу и не хочу. Надо терпеливо ждать. Власть приказала меня взять, власть прикажет меня и отпустить.

28 августа 1940 г.:

Становится страшно, Гаша, что из дома нет никаких известий. Передумаешь много разных дум, что вы там да как? Часто вижу вас во сне, то тебя, то Галю, то Жору [детей — Л.С.]. Сны тревожные, нехорошие. Будто бью вас, ругаю и гоню от себя прочь. Особенно тебя, бил по лицу, ругал грубыми словами, плевал в лицо, гнал от себя. Но в душе я очень жалею тебя. Недавно получил из Ирбита извещение от Управления Северо-Уральских лагерей о том, что мои жалобы получены и направлены по назначению. Во всех жалобах я прошу пересмотреть мое дело и назначить открытый судебный процесс или расстрелять меня, если моя «вина» будет доказана, хоть на волос.

16 сентября 1940 г.:

Вот уже три года, как я не видел и не ел никаких овощей, фруктов, мяса, молока, яиц. Я забыл даже сам вкус этих продуктов. Мне кажется, что нет ничего вкуснее на свете сои. Напишите, какой у вас урожай, какие цены на продукты?

16 января 1941 г.:

Дорогая Гаша, пришли отказы на мои жалобы. Последний раз обращался на имя А. Жданова. Не знаю, за что такие несчастья на нас? Как видно, придется отбывать все 10 лет, а отсидел я только три года и полтора месяца! Ну что же делать? Руки налагать на себя я все-таки не буду, что бы ни пришлось испытать на своем ужасном пути. Дети мои путные и многообещающие в жизни в будущем. Они — моя отрада и надежда. Очень печально, что я ничем не могу вам помочь, ни материально, ни духовно. Умейте обходиться без моей помощи. Какие у вас цены на одежду и обувь? Из других мест пишут, что они очень

высокие. Штаны ватные — 100 руб., ватная куртка-жилетка — 150 руб., валенки — 200, сапоги рабочие — 300 и выше. Продукты питания тоже очень дорогие. Моя верхняя одежда — одна рвань. Ты не можешь себе представить, что человек способен носить такие отрепья, в каких хожу я, но уже ко всему привык. Мне кажется, что вся жизнь устроена так, что легче жить нельзя. Прошлая жизнь кажется каким-то чудным сном и никак не верится, что это было на самом деле ...

Это письмо особенно выразительно подчеркивает личность Василия Леонтьевича. Будучи сам в бедственном положении, он сокрушается, что не может ничем облегчить участь своих близких, семьи, которые оставались на воле. Видно, и сама воля при сталинском режиме ненамного отличалась от заключения. Но не это главное, обращают на себя внимание следующие строки письма от 16 января 1941 г.: «Прошлая жизнь мне кажется каким-то чудесным сном и никак не верится, что это было на самом деле». Что здесь автор имел в виду?

Поколение советских людей не имело представления о материальном достатке дореволюционного учителя. Мы помним только сакраментальную фразу В.И. Ленина о том, что задача советской власти заключается в том, чтобы поставить народного учителя на такую высоту, на которой он прежде никогда не бывал. Задачу эту выполнить большевикам не удалось. Не потому, что они пренебрегли заветом своего вождя или недооценили его прозорливости в отношении дела народного образования. Это не позволили сделать затратная экономика и насилие над здравым смыслом, что было характерно для всей марксистской экономической теории. Казна была пуста, экономили на всем, в том числе и на школах. Перед арестом Василий Леонтьевич получал в месяц 100 рублей и пуд зерна за свою работу.

В этой связи небезынтересно сравнить его, сельского педагога, жизнь до революции и после нее, ведь учительствовал он с 1908 г. Денежные доходы учителей средней и низшей школы Беларуси в начале XX ст. значительно возросли. Рост цен на продовольственные и промышленные товары был более низким. Например, по данным советского историка и экономиста С.Г. Струмилина, общий индекс цен в России с 1893 по 1913 г. поднялся на 25,3%, тогда как ежегодное жалованье учителей — на 50%! Кроме фиксированных окладов учителя имели всевозможные надбавки, а также столовые деньги

(т. е. на питание), а нередко и квартирные или казенную квартиру. Причем казенная квартира существенно снижала общие расходы учителя. Ибо если им приходилось нанимать себе квартиру, то ее цена могла колебаться в зависимости от ее местонахождения и благоустроенности от 150 до 3 000 руб. Правда, в белорусских губерниях наемная цена квартир, как и розничных хлебных цен, оставалась, по сравнению с другими регионами России, достаточно низкой.

Добавим и такой любопытный факт. В 1914 г. средняя цена дойной коровы в Беларуси колебалась от 40 до 50 руб., а цена рабочей лошади — от 40 до 200 руб., что оказывалось нередко ниже, чем среднемесячный оклад преподавателей гимназии или реального училища. К тому же царский серебряный рубль был свободно конвертируемой валютой, десяти- и двадцатирублевые монеты чеканились из золота высокой пробы. Их с радостью принимали в любом государстве мира.

Такое внимание до революции к благосостоянию и материальному достатку учителя объясняется общим экономическим подъемом в начале XX в., высшей точкой которого стал 1913 г. В свою очередь, и народное образование России достигло небывалого ранее уровня. Менее чем за 20 лет кредиты, ассигнованные министерству народного просвещения, возросли с 25,2 до 161,2 млн. руб. Сюда не входили бюджеты школ, черпавших свои кредиты из других источников: школы военные и технические или содержавшиеся местными органами управления (земствами, городами), кредиты которых на народное образование возросли с 70 млн. руб. в 1894 г. до 300 млн. руб. в 1913 г. Общий бюджет народного просвещения России достиг по тому времени колоссальной цифры — 0,5 млрд. руб. золотом!

По закону первоначальное обучение было бесплатное, а с 1908 г. (когда Василий Леонтьевич начинал свою учительскую карьеру) стало и обязательным. С этого года ежегодно открывалось около 10 тыс. школ. В 1913 г. их количество превысило 130 тыс. Если бы не октябрьский переворот и гражданская смута, то обязательное начальное обучение было бы уже давно свершившимся фактом. Впрочем, Россия и так почти достигла этого результата. Анкетирование, проведенное советской властью в 1920 г., установило, что 86% молодежи в возрасте от 12 до 16 лет умели писать и читать. Несомненно, что они обучались грамоте при дореволюционном режиме.

Лагерные письма гомельского учителя, безусловно, подвергались строгой цензуре. Писать можно было только на бытовые темы, разрешенные начальством, поэтому в них не найти описания произвола властей, надругательства над человеческим достоинством, произвола уголовников и др. Не пишет Василий Леонтьевич и о тех, с кем приходилось встречаться в лагерях, о чем беседовали и спорили заключенные между собой. Все это осталось за «кадром», объясняться приходилось намеками. Самое главное в тех условиях было подать весточку на волю, сообщить, что еще жив.

С особой силой письма рисуют отношение учителя к своим детям: старшему, Жене, дочери Галине и младшему, 12-летнему Жоре. Они полны тепла и ласки, родительского беспокойства и заботы. Прикоснемся снова к некоторым из писем:

10 марта 1940 г.:

Здравствуй, мой милый сыночек Жора! Славный ты мальчик, что помогаешь маме: ходишь в очередь за хлебом, отгребашь снег. Исполни мою отцовскую просьбу. Не кури, не бери даже в рот эту гадость, не божись, не ругайся ни на кого, не употребляй матерных слов, не воруй ничего ни у кого, как бы ты сам ни нуждался... Я люблю тебя и жалею больше себя самого, поэтому ничего от меня не скрывай.

10 мая 1940 г.:

Милый Жора! Ты моя радость, гордость и надежда! Какие чудесные ты прочитал книги! На каникулах налегай на Гоголя, язык произведений которого необыкновенно легкий и красивый. Читай не для того, чтобы прочитать книгу. Делай это неспеша, вникай в смысл прочитанного. Иногда реши задачку на простые дроби, иногда на десятичные. Если задача не выходит у тебя сегодня, то принимайся за нее завтра. Будь настойчив. Загорай и купайся на Днепре, но осторожно, чтобы не утонуть. До свидания. Твой папа.

28 августа 1940 г.:

Дорогой мой Жора! Кончаются последние дни летних каникул. Ты переходишь в шестой класс. Я знаю, что вы теперь бедствуете. Вы

ничего не посеяли и работать не можете, а мама больна. Вы бедно одеты и обуты, но все это временное. Не падай духом, учись, читай книги. Знай, что плохая дружба к хорошему не приведет. Не один ты такой, есть много детей, живущих гораздо хуже, чем ты.

16 января 1941 г.:

Дорогой сыночек! Не обижайся, что я в твоём письме (отсылаю его тебе обратно) подчеркнул ошибки. Мне больно смотреть на это и еще большее молчать... Есть описки, не поставил «ь» в слове «теперь». В простых предложениях не отделяешь запятой односложных членов. В сложных предложениях не ставишь запятую перед союзом «но». Со стороны красоты и стройности почерка я желал бы тебе лучшего. Милый сынок, контролируй каждое свое слово, чтобы оно было сказано или написано правильно. Приобретай хорошие навыки в письме или разговоре. Знай, что полезные навыки сами не приходят, их нужно добывать упорным кропотливым трудом.

22 января 1941 г.:

Жора! Я советую тебе свободное время посвящать чтению художественной литературы XIX в. Это хорошо, что ты прочитал «Три мушкетера», но обрати больше внимания на Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, Толстого, Чехова и др. Для новой советской литературы ты еще молод.

Эта последняя фраза коротенького письма сыну — «для новой советской литературы ты еще молод» — показательна. Василий Леонтьевич, оценивая прожитую жизнь, вспоминая все хорошее и плохое, что довелось ему в ней пережить, по-новому воспринимал советскую действительность 1930-х гг. в сталинских застенках. Ах, какими ложными оказались многие идеалы, сколько не сбылось надежд! Но как сказать об этом сыну, минуя тюремное начальство, как хотя бы намекнуть?! Отсюда и совет читать и перечитывать то, что оставили великие русские гуманисты XIX в.

Русскую классику, питавшую своими нравственными идеями весь просвещенный мир, вытеснили насильно классики марксизма-ленинизма. В стране не хватало учебников, исчезли издательства, выпускавшие доступные книги для народа. Зато фантастическими тиражами издавались «светочи» официальной идеологии. В 1930-е гг. с

гордостью говорили о том, что Маркс и Энгельс изданы в СССР тиражом в 7 млн. экз., Ленин — 14 млн., Сталин — более 60 млн. экз. (!)

При советской власти финансовая база народного образования оказалась серьезно подорванной, в особенности начального. Роспуск земств нарушил систему воздействия интеллигенции (учителей, врачей, агрономов, статистиков) на народ и иссушил такой важный источник средств народного образования, как местный бюджет и благотворительные фонды, дававшие ощутимый привес к ассигнованиям из государственной казны. Школьные учреждения, и особенно на селе, оказались на «сухом» госпайке и стали жертвами остаточного принципа. Денег для партии, армии, органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, для финансирования международных обязательств СССР за границей хватало, не было их только для школы и культуры.

Сталин любил называть себя учеником Ленина, причем самым верным и исполнительным. Оставим это утверждение на совести генерального секретаря ЦК ВКП(б), но что же сам Владимир Ильич? В отличие от русских мыслителей Ленина интересовал не сам человек, а совокупность общественных отношений. По мнению вождя, «в основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма»². Из этого прямо вытекало, что человеком можно пожертвовать во имя коммунистического идеала.

Подводя итоги первого десятилетия Советской России, Н.И. Бухарин с гордостью говорил: «Мы создаем и создадим такую цивилизацию, перед которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит “собачий вальс” перед героическими симфониями Бетховена»³.

Но вернемся к письмам нелегких предвоенных лет, когда сталинские пятилетки довели советских людей до нищеты, когда военные расходы СССР выросли до умопомрачительных размеров, высасывая все соки из народного хозяйства. На пороге стояла война с фашизмом, а дома свой советский порядок не позволял ни подняться человеку в полный рост, ни вдохнуть полной грудью.

² В.И. Ленин. *Задачи союзов молодежи*: Речь на III съезде Российского Коммунистического Союза молодежи в Москве 2 октября 1920 г.

³ Н. Бухарин. «Ленин и проблема культурной революции» // *Путь к социализму в России*. Нью-Йорк, 1967, с. 375.

31 января 1940 г.:

Здравствуйте, мои дорогие! Спасибо за посылочку сухарей [разрешалось до 2 кг]. Больше не посылайте, вы сами сильно нуждаетесь, а я тут как-нибудь проживу. Спасибо за бумагу и конверты, в них у меня большая нужда. Спасибо за фотокарточки, я часто люблюсь на них, и мне становится легче. Пусть дети пришлют мне свой рост и вес в килограммах и сантиметрах, я хочу узнать, насколько они выросли без меня. Прошу вас всех, усту-пайте всем и за все, не сердитесь и не мстите ни за какие обиды. Поскорее забывайте обиды и не заводите себе личных врагов. Нет ничего опаснее и вреднее, чем личный враг, особенно в пережи-ваемое нами время. В любую минуту он способен оклеветать и уничтожить шутя. У нас ходят слухи, что скоро будет пересмотр следствия, что лагеря закроют, а заключенные будут отбывать свои сроки, если их не освободят, по месту прежнего жительства. Но пока это только слухи, и нужно терпеливо ждать.

И, наконец, последнее письмо.

16 июня 1941 г.:

Милая Гашенька! Ах, какое несчастье тебя постигло! На работе не заплатили обещанные 100 рублей (уборщица в школе. — Л.С.), квартиранты не отдали плату за четыре месяца, жить не на что. Такова участь всех слабых и беспомощных, но опускать руки нельзя. Кто не может бороться, тот должен погибнуть. Но погибать еще рано, ведь мы еще и не жили. Нужно крепиться, скоро ты получишь помощь от детей, а пока им нужно помочь стать на ноги. Я как инвалид работаю дневальным по бараку. Есть свободное время, читаю газеты, если удастся их достать, слушаю радио о военных действиях в Европе, Азии и Африке. Одежонку и обувь дали. Я благодарю небо, что не привык курить. Ох, какое это для меня счастье в условиях лагеря. Очки мои украли два года назад, а с месяц назад я нашел стекло от сильно увеличивающих очков и читаю через него великолепно. У меня выпало семь коренных зубов, жую пока корнями левой челюсти. Здесь можно вставить зубы из нержавеющей стали — 10 руб. за зуб, но я пока обхожусь. Если бы ты знала, моя дорогая, как бы я хотел помочь в твоём горе, но на мою долю остались только тоска, слезы и нетерпеливое ожидание весточек из дому.

Переписку прервала война. Остается только гадать, как Василий Леонтьевич воспринял известие о нападении Германии на Советский Союз, как ужесточился после этого лагерный режим и оскудел продовольственный паек, насколько беспощадными стали принудительные работы. Но больше всего, как нам кажется, сердце больного учителя терзали неизвестность и страх за свою семью, которая могла остаться на оккупированной территории. Так оно потом и произошло...

Здесь нужно сказать несколько слов о том, как жила семья Василия Штыхова. Старшего сына учителя, Евгения, исключили со второго курса Речицкого педтехникума как члена семьи изменника Родины. Пришлось уйти в Гомель, скрывать свою настоящую биографию, так только и получилось — окончить десятилетку. Потом Ленинград, педагогический институт имени А.И. Герцена. Вуз окончил досрочно весной 1941-го. Несколько месяцев поработал учителем в г. Тихвине, на каникулы приехал к родным в Речицу. Там и застала его война.

В июле 1941 г. немцы были уже под городом. Железная дорога бездействовала, и для эвакуации из Речицы оставался только один путь — на пароме через Днепр. Мать сказала Евгению: «Иди, защищай Сталина, ведь он тебя учил!» На что тот ответил: «Пойду защищать не Сталина, а Ленинград!» Видно, закрались в его душу уже тогда большие сомнения в отношении «великого вождя народов». Пойти в Речицкий военкомат он не захотел, ведь здесь знали, что он сын «врага народа». Поехал обратно в Ленинград через Москву, которую уже бомбили.

Как бесценную реликвию хранит младший, Жора, последнее письмо старшего брата, написанное на листке из школьной тетради и достигшее адресата в Речице.

31 июля 1941 г.

Здравствуй, мама! Я в Ленинграде. Доехал благополучно. Сегодня в 10 часов еду в военкомат, меня куда-то пошлют — не знаю. Вчера я прошел медкомиссию и признан годным для строевой службы. Направят, очевидно, учиться. Все мои товарищи находятся в военных училищах. Из студентов нет уже никого здесь (из мужчин). Женщины отбывают трудповинность. Здесь все продукты по карточкам. Как вы живете? Между прочим, ситец и одежду здесь выдают тоже по карточкам. Не знаю, где у вас (в Белоруссии) фронт. Где Галя? Никуда не едете — хуже сделаете. Беженцев целые потоки, дороговизна ужасная.

Живите, пожалуйста, на месте. Смотрите сами, я вам ничем не помогу. Обо мне не беспокойтесь. Я ехал через Москву. Написал вам письмо из Гомеля, открытку из Брянска, заказное из Москвы. Пока все. Будьте здоровы и счастливы. Целую, Женя.

Евгения Штыхова нельзя было причислить ни к «ворошиловским стрелкам», ни к «сталинским соколам», но он был настоящим патриотом. Несмотря на жестокую обиду, причиненную государством, — арест отца, он пошел добровольно защищать Родину и погиб или пропал без вести, согласно одному более позднему извещению — в 1943 г., а по-другому — в 1944 г. Семья Василия Леонтьевича осталась в оккупации. Находились в Речице, перебивались как могли, пахали «сотки» на себе, ходили в лес собирать желуди. Жили как все. В ноябре 1943 г. Речицу освободили войска Советской армии.

Шло время, страна залечивала раны. Все возвращалось в прежнее русло, не было только никаких известий от Василия Леонтьевича. Куда только ни обращалась Агафья Иосифовна, во всех инстанциях сухо отвечали: «Не беспокойтесь, вам сообщат...» Галина пошла по стопам отца и старшего брата. После окончания Речицкого педтехникума и Гомельского педагогического института учительствовала в школе, преподавала историю в сельскохозяйственном техникуме.

Младший сын, Жора, любимчик отца, к которому Василий Леонтьевич неоднократно обращался со словами надежды и мудрых родительских наставлений, тоже обнаружил тягу к учению. Сначала по совету знакомых он поступил в Гомельский железнодорожный техникум, но через год его бросил — не лежала душа к машинам. Надумал поступать не куда-нибудь, а в Ленинградский государственный университет на философский факультет. Мать сокрушалась: «Опять политики захотелось? Мало тебе отца, забыл, что он тебе говорил?» Действительно, Василий Леонтьевич не раз сетовал и в письмах: «Пусть будет инженером, врачом, агрономом, кем угодно, но не лезет в гуманитарии...»

Однако родительские гены, пример брата и сестры, которые выбрали педагогическое поприще, пересилили. Правда, было еще одно. Уж очень хотелось самому разобраться: что же было не так? Почему столько бед свалилось на головы советских людей, его родных? Почему и за что, наконец, арестовали отца, в невинность

которого он по-прежнему свято верил. Поступить в университет удалось, не указав в анкетных данных, что отец находился в заключении.

В Ленинграде Георгию пришлось увидеть многое. Конечно, великолепие бывшей столицы царской империи, грандиозная архитектура, музеи и выставки, театры, сама атмосфера великого города наложили глубокий отпечаток на сознание белорусского юноши. Наконец, книги, к которым он получил возможность прикоснуться, общение со сверстниками-студентами со всего Советского Союза, лекции профессуры с мировыми именами поглощали всего Георгия без остатка. Но, как это часто бывает, чем больше приходило знаний, тем чаще стали появляться и сомнения. 1947–1952 гг. в советской истории были временем постоянных «дискуссий», идеологических проработок, апофеоза культа личности И.В. Сталина. Потом ему довелось стать свидетелем «Ленинградского дела»⁴, арестов тех студентов, кто неосторожно обронил запретное слово, дал нестандартную оценку явлениям общественной жизни.

Арест отца, жизнь на оккупированной территории, постоянная нужда в родительском доме повлияли на мировоззрение юноши. Он уже понял, что история — это не сумма фактических знаний о том, какие события следовали в прошлом одно за другим, история — это еще и проникновение в мир других людей, взгляд на ситуацию, в которой они находились, их глазами и решение для себя вопроса: правилен ли способ, с помощью которого они хотели справиться с этой ситуацией?

В 1950 г. Георгию пришлось оставить учебу на философском факультете, ибо стала реальной опасность повторения участи отца. В 1953 г. умер И.В. Сталин, зашаталась устои общественной жизни, но коммунистическое мировоззрение осмеливались ставить под вопрос лишь очень немногие. 1956 г. был громом среди ясного неба, хотя к нему люди готовились исподволь. Из лагерей стали приходить

⁴ «Ленинградское дело» — серия судебных процессов в СССР конца 1940-х — начала 1950-х гг. против партийных и государственных руководителей, связанных с Ленинградом, по обвинению во вредительско-подрывной работе и коррупции; несмотря отмену в 1947 г. смертной казни в СССР, главные обвиняемые, и среди них секретарь ЦК ВКП(б) Алексей Кузнецов, председатель Госплана СССР Николай Вознесенский, председатель СМ РСФСР Михаил Родионов, первый секретарь Ленинградского ОК и ГК ВКП(б) Петр Попков, были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны сразу же после вынесения приговора 1 октября 1950 г., реабилитированы посмертно (1954).

несправедливо оклеветанные, кто еще уцелел. Изменилось и отношение к семьям мнимых «врагов народа», им начали отвечать на запросы. Так стало известно, что Василий Леонтьевич умер в заключении. Надежда старого учителя на прижизненное освобождение и реабилитацию не сбылась. Он разделил судьбу миллионов советских людей, которые стали безвинными жертвами Системы тоталитаризма.

30 марта 1940 г. Василий Леонтьевич писал родным:

Не покидает надежда, что рано или поздно меня должны освободить. Буду терпеть и ждать. Ничего так не хочу, как пови-дать своих детей. Часто вижу вас всех во сне, пришел, кажется, домой. Вы меня встречаете, а я целую вас и плачу от радости. Проснувшись, я часто думаю, дождусь ли того времени, когда буду вволю наедаться той картошки, которую у меня отказывались есть свиньи. Целую вас всех. Пишите.

Вместо надежды на встречу Агафья Иосифовна в 1957 г. получила свидетельство о смерти мужа, в котором говорилось, что он умер 13 апреля 1943 г. в возрасте 54 лет. Место смерти: город Уральск, причина — сотрясение мозга.

Нужно было добиваться посмертной реабилитации, на что вдове и детям потребовалось еще несколько лет. В мае 1958 г. постановлением Президиума Западно-Казахстанского суда дело Василия Леонтьевича Штыхова было прекращено, иначе говоря, снята судимость за «антисоветскую пропаганду» 1937 г. В июле 1962 г. Верховный суд БССР после вмешательства прокурора республики, наконец, отменил постановление «тройки» от 25 мая 1933 г. и реабилитировал его «за отсутствием состава преступления». Казалось, справедливость восторжествовала...

Но боль невосполнимой утраты оставалась. С нею жили дети и вдова сельского учителя. По-своему складывались судьбы детей. Галина учительствовала в Речице, а Георгий (Жорочка) работал в Гудогайской школе Островецкого района, Сутковской школе Лоевского района, недалеко от Речицы, затем в Полесской школе Чечерского района. Два района богаты археологическими памятниками, которые особо заинтересовали пытливого молодого учителя.

В 1956 г. Георгий окончил заочно исторический факультет Белорусского государственного университета, где слушал лекции известного археолога А.Г. Митрофанова, с которым потом многие годы они вместе работали. В 1959 г. Штыхов-младший поступает в аспирантуру Института истории АН БССР по специальности «археология», затем

была защита кандидатской и докторской диссертаций о древних городах Полоцкой земли-княжества.

Георгий Васильевич Штыхов стал одним из видных белорусских историков и по-своему воплотил наказ отца, который хотел видеть его своей «надеждой и гордостью, опорой и верой». Перу доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии БССР Г.В. Штыхова принадлежит 170 научных трудов, включая пять монографий, в том числе наиболее известная «Города Полоцкой земли IX–XIII вв.», и др. Он — соавтор двух изданий истории БССР (1972, 1977 гг.) «Нарысаў гісторыі Беларусі», член редакционного совета Белорусской энциклопедии, из 10 его аспирантов восемь уже защитили кандидатские диссертации. Это ли не доказательство того, чего способен достигнуть человек, с которого было снято клеймо сына «врага народа»? Но как быть с теми, кто ставил это клеймо и потворствовал чудовищным беззакониям, имя которым сталинщина?

Профессор Г.В. Штыхов обратился с официальным запросом в КГБ БССР. Ему уклончиво ответили, что дело отца за 1937 г. находится в ведении сотрудников Управления КГБ Казахской ССР по Уральской области. Написал туда и 16 августа 1991 г. получил ответ о том, что уголовное дело Василия Леонтьевича Штыхова направлено в КГБ Белоруссии и там можно будет ознакомиться с ним на месте. В конце письма была сделана приписка: «Если Вы захотите посетить места, где жил и работал Ваш отец, то со стороны УКГБ по Уральской области Вам будет оказано всяческое содействие».

В начале сентября 1991 г. профессора Штыхова вежливо пригласили в КГБ БССР на Ленинском проспекте и... дали ознакомиться с уголовным делом отца, насквозь фальшивым по своему содержанию, надуманным и сфабрикованным обвинением. Теперь нам предстоит по-новому оценить свое прошлое и решить, насколько правы те, кто считает, что после всего, что мы узнали о революции 1917 г., она оказалась кровавым фарсом, который заодно унес с собой тех, кто его затеял; что революция означала побег из Европы, разворот против свободомыслия и национальной государственности. Так или иначе, но если мы не осмыслим истинные корни дня вчерашнего и дня нынешнего, то рискуем снова пойти в завтра с закрытыми глазами.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Черный ящик» из ГУЛАГа. Судьба семьи Штыховых из Речицы: *Репрессивная политика советской власти в Беларуси: Сборник научных работ*. Вып. I, Минск 2007 г., с. 269–287.

Как стать американским шпионом

Исаак Хаимович Платнер (1895–1961 гг.)

Военному трибуналу Белорусского
военного округа
от Доры Ильиничны Платнер (Деборы Гилелевны Рутштейн)

Жалоба

12 июня 1955 г.,
Минск

Я недавно была в далеком лагере, где имела свидание с моим мужем, Исааком Хаимовичем Платнером, осужденным Особым совещанием на 25 лет за «измену Родине». Я никогда не сомневалась в невинности мужа, которого превратили в «изменника» бандиты Берия, которые до сих пор носят партийные билеты и работают в органах госбезопасности, хотя им место только там, где сейчас Берия, Рюмин и вся эта банда.

Надеюсь, что приведенные ниже данные помогут установить истину и разоблачить виновных. Моего мужа арестовали 8 июня 1949 г. работники МГБ. Подполковник Нечаев и полковник Хорошевин привели его к бывшему министру Цанава, который встретил его отборной руганью и приказал избить. Мужа отвели в подвал, где Хорошевин и Нечаев не допрашивали его и, не предъявляя ему никаких обвинений, избили до потери сознания.

Все допросы впоследствии велись с резиновой плеткой на столе, циничной руганью и систематическими избиениями. Два месяца мужу не давали спать, допрашивая с 10 часов вечера до 5 часов утра. Угрозами арестовать меня и дочь из него выбили признание в преступлениях, которых муж никогда не совершал и абсурдность которых устанавливается даже при поверхностной проверке. Исаака Хаимовича Платнера обвинили в том, что:

1. Перед отъездом из США в СССР в 1932 г. он был завербован для шпионской работы Моисеем Ольгиным, редактором коммунистической газеты на идише «Морген Фрайгайт», по заданию которого он переслал статью о музее классика еврейской литературы Менделе Мойхер-Сфорима в Одессе и должен был представлять данные о развитии советской еврейской культуры.

2. Связь с Соломоном Михоэлсом, о чем свидетельствует письмо американского рабочего Подольского Михоэлсу, в котором сказано: «товарищ Платнер посоветовал обратиться к вам».

3. Встречи в Москве и Минске в 1946–1947 гг. с редактором газеты «Морген Фрайгайт» П. Новиком, который вел шпионскую и антисоветскую деятельность в Еврейском антифашистском комитете.

4. Проводил в Минске националистическую деятельность, встречался в течение 17 лет с разными писателями, ряд из которых были арестованы.

Абсурд этих обвинений очевиден. Перед отъездом в Советский Союз в 1932 г. М. Ольгин дал мужу письмо к советским писателям, в котором рекомендовал его как активного члена организации пролетарских писателей США. Это письмо муж вручил по приезду секретарю секции еврейских писателей при РАПП Кушникову.

Когда Хорошевин стал ногой у мужа на шее, а Нечаев на ногах и зверски избивали его, мой муж, Платнер, чтобы избавиться от пыток, «признал» его вербовку Ольгиным. В материалах следствия указано, что когда Михоэлс и Фефер были в США в 1946 г., то они говорили с Ольгиным о муже, и Ольгин советовал Феферу использовать Платнера на шпионской работе в СССР. Безграмотные бандиты забыли, что Ольгин умер еще 22 ноября 1939 г., о чем был опубликован некролог в «Правде» № 325 (8010) за 24 ноября 1939 г., забыли, что Ольгин был корреспондентом «Правды» в Нью-Йорке, членом компартии США и умер честным коммунистом. Только их подлые руки сделали из него вербовщика шпионов. Об абсурдности обвинений свидетельствует и «задание» мужу сообщать о развитии советской еврейской культуры. Разве это шпионские сведения? Или статья о музее Менделе Мойхер-Сфорима — шпионские сведения?

Чтобы избавиться от дальнейших пыток, муж признался в этом шпионаже, а Нечаев, будучи не в состоянии придумать что-либо другое, после долгих колебаний решил, что и это сойдет за шпионаж. В материалах следствия указано, что при вербовке мужа Ольгиным в 1932 г. в его кабинете присутствовал П. Новик. Но ведь Новик тогда был в Испании, очерки оттуда печатались в газете «Морген Фрайгайт» летом 1932 г. В шпионскую деятельность превратили и поездку, организованную ВЦСПС и Союзом советских писателей СССР, Платнера вместе с Луи Арагоном, Эльзой Триоле и другими писателями на Урал, выступления на митингах, очерки и стихи, напечатанные в журналах «Наши достижения», «Интернациональная

литература», и книгу мужа «Из Америки». На основании этой белиберды и выбитого признания Платнера, советского патриота, бандиты-инквизиторы из НКВД сделали его изменником родины.

В 1946 г. мой муж, находясь в Минске, получил от бывшего жителя г. Борисова Подольского письмо до востребования, в котором последний просил совета, как переслать деньги, собранные в Нью-Йорке, евреям г. Борисова на постройку больницы. Муж посоветовал Красный Крест или Еврейский антифашистский комитет, куда последний и обратился, и это квалифицировали как шпионскую антисоветскую деятельность. Да, Платнер встречался с Ициком Фефером и Шахно Эпштейном, и Еврейский антифашистский комитет организовал в 1946 г. его творческий вечер в Москве, где он читал свою книгу стихов и поэм «Любовью и верой» не только на еврейском языке, но и в переводе на белорусский язык. Книга имеется и сейчас. Это книга честного советского писателя-патриота, в чем нетрудно убедиться, прочтя ее. Фефера и Эпштейна муж знал как коммунистов-писателей, которым партия поручила ответственные посты, и не имел с ними никаких преступных антисоветских связей.

5. В материалах следствия указано, что Платнер при встречах в 1946 и 1947 гг. с Новиком передавал ему шпионские сведения и клеветнически жаловался, что у него нет квартиры. Это гнуснейшая клевета, состряпанная Нечаевым. Новик — член компартии США, редактор прогрессивной еврейской газеты, видный антифашист, которого таскают в комиссию Маккарти (см. газета “Volks Stimme”, орган ЦК Польской объединенной рабочей партии на еврейском языке за № 105 (1175) 5 июля 1955 г.). На основании каких данных из него сделали шпиона-вербовщика?

В 1946 г. муж встречался с Новиком в кабинете Михоэлса в присутствии многих людей и второй раз в Минске в 1947 г. на квартире академика Никольского, который все время присутствовал при беседе и принимал в ней активное участие, рассказывая о своем пребывании в партизанском отряде. Муж встретил Новика с белорусскими писателями в клубе Союза писателей, где тот рассказывал о борьбе американских рабочих против фашизма.

Люди, присутствовавшие при их беседах, живы, но их не спросили. У мужа выбили признание вины, посадили на 25 лет, но они забыли, что есть партия, которая рано или поздно их разоблачит. Все, что муж написал на еврейском языке, следователем объявлено антисоветским и

националистическим. На просьбу мужа прочесть хотя бы что-либо антисоветское следовала отборная ругань его мучителей.

6. Моего мужа палкой заставили показать, что все члены еврейской секции Союза писателей — это члены подпольной националистической организации, которой в действительности не было. Большинство членов еврейской секции ССП погибли на фронте. С того света, видно, следователь вытащил арестованных в 1937 г. писателей Харика, Кульбака и других и убедил мужа в разговорах и встречах с ними, хотя муж встречался с ними только как с работниками редакции журнала «Штерн». Какие встречи, о чем разговоры, в деле не сказано. Очевидно, это понадобилось следователю для художественного оформления, чтобы показать, что муж всю жизнь только с врагами и ялся. Для этого на каждой странице, во всех падежах слова «подпольный», «антисоветский», «националистический», хотя конкретного ничего нет.

7. Платнера вынудили признать, что литературный вечер в 1947 г. в Бобруйске был «подпольный», «националистический», хотя следователь прекрасно знал, что вечер организовали ЦК КП(б)Б и Союз советских писателей БССР в Бобруйском городском доме партийного актива — вот уж нашли подполье! На вечере читали произведения, опубликованные в газете и книгах, изданных Белгосиздатом. Вот еще одно смехотворное обвинение, достойное всех предыдущих. Гнусной волей и грязными руками карьеристов, действовавших методами Берия и его ставленников, моего мужа, в прошлом рабочего — портного, испытывавшего на себе ужасы капиталистической эксплуатации, одного из организаторов союза пролетарских писателей в Нью-Йорке «Пролетпен», боровшегося с националистами, нашедшего свою настоящую Родину в СССР, советского писателя, превратили в изменника, сфабриковав для этого дело, выбив «признание».

Я ходатайствую о реабилитации мужа и строгом наказании виновных в фальсификации его дела и применении инквизиторских методов. Ввиду того, что на протяжении двух лет я пишу заявления и жалобы и никакого ответа не получаю, кроме трафаретного сообщения, что «дело пересматривается», я решила обратиться к Вам с просьбой заинтересоваться делом моего мужа.

Публикуется впервые

Из непридуманного

Самуил Иосифович Палей (1909–1995 гг.)

— Да, что вы звоните? Дверь открыта. Я все слышу, только подойти не могу быстро. Ноги болят, и вижу очень плохо. Только перенес операцию на глазах.

Передо мной стоял немощный старик, одетый в ватник, что сразу бросалось в глаза в городской квартире типичной одноэтажки, которые во множестве строили в 1960-е гг. в Минске, как и по всей стране. Голова седая, по плечам рассыпана перхоть. Глаза, красные от воспаления, часто мигают. Пригласил зайти в комнату, маленькую и тесную, обстановка под стать хозяину — диван-развалюха, круглый старомодный стол посередине, заваленный доверху рецептами и лекарствами, телефон и письменный стол, в углу — телевизор.

Работая над историей довоенной Беларуси, я всегда искал не только документы в архивах, которые начали открывать свои фонды впервые за 60 лет, мне были интересны люди, которые представлялись живыми ископаемыми, многие из них влачили жалкое существование на задворках истории советской власти.

Найти Самуила Иосифовича Палея стало для меня редкой удачей, поскольку он оказался ныне почти единственным здравствующим работником Академии наук БССР с момента ее основания в 1928 г.

Я попросил рассказать Палея о его жизни и услышал историю, которая, будучи внешне обыденной, отличалась правдивостью, искренностью и давала почувствовать атмосферу эпохи, давно утраченную в трудах советских историков. Его горький юмор, который сопровождал рассказ, был неотделим от оптимизма, присущего людям того поколения. Они верили в правоту своего дела, советской власти, большевистской партии. Наверное, потому и выжили.

Самуил родился в 1909 г. в Слуцке, но поселился в Минске в 1928 г. Отец — бывший столяр, мать умерла в 1924 г., оставив пятерых детей. Тяжелая была жизнь. «Когда я пришел на работу в Академию наук, она располагалась на ул. Ленина. На одной ее стороне находилась Академия, а на другой, ул. Университетской — биржа труда. Институтов еще было немного, и сотрудники знали друг друга в лицо. Можете себе представить, что в одной комнате сидел чуть ли не весь секретариат АН БССР — Слюсарев, Регин. Два вице-президента

академии находились в одном кабинете. В одном углу сидел В.К. Щербаков¹, а в другом, у печки, — Якуб Колас. Президентом был историк П.О. Горин², который больше занимался не наукой, а общественной работой и в своем кабинете бывал редко.

До прихода в академию я работал на обувной фабрике и меня как коммуниста в числе “пятитысячников”³ направили от производства на укрепление партийной прослойки, как тогда выражались, Академии наук. Вызвал меня в Минский горком партии секретарь Рискин, и вместе с Ходасевичем беседовали. Рискин по специальности был портным, а Ходасевич — сапожником. Оба тогда секретари минского ГК КП(б)Б и одновременно — секретари ЦК Компартии Беларуси. Райкомов тогда не было, а только один горком — коммунистов не хватало. И горком со всем справлялся.

Назначили меня сначала на должность завхоза (заведующего хозяйством) академии. Затем сделали заместителем директора по хозяйственной части. Вскоре моя должность уже именовалась как заместитель управляющего делами АН БССР. Я был делегатом XVI съезда Компартии республики, который проводили летом 1938 г. Дебаты шли очень бурно, критиковали до хрипоты. Главное было критиковать. Вдруг объявляют, что в перерыве между заседаниями съезда в своем кабинете застрелился А.Г. Червяков⁴.

Работу съезда отложили на три дня. И за это время приехал А.А. Андреев⁵, который привез с собой из Москвы П.К. Пономаренко⁶, послушно избранного делегатами первым секретарем ЦК КП(б)Б. Ну, раз Москва рекомендовала...

¹ См. Словарь имен, с. 363.

² Павел Осипович Горин (1900–1938 гг.) — ученый секретарь Общества историков-марксистов, директор Института истории Коммунистической академии, президент АН БССР (1931–1936), организатор науки, редактировал труды Ленина на белорусском языке, автор работ об установлении советской власти в Белоруссии, переведен в Москву (1936), декан исторического факультета МГУ (май 1937), арестован (август 1937), приговорен к смертной казни и расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1955).

³ Призыв рабочих-коммунистов с промышленных предприятий для укрепления партийных организаций КП(б)Б учреждений и ведомств БССР в начале 1930-х гг.

⁴ См. Словарь имен, с. 361.

⁵ Андрей Андреевич Андреев (1895–1971 гг.) — секретарь ЦК ВКП(б), после ареста Н.И. Ежова в конце 1938 г. председатель комиссии Политбюро по расследованию деятельности НКВД.

⁶ См. Словарь имен, с. 362.

Через две недели состоялось общее партийное собрание Академии наук, куда пришел Пономаренко⁷. С ним был Тупицын⁸, секретарь Сталинского райкома партии Минска, тогда уже появились районные партийные организации. Смотрю, выдвигают мою кандидатуру в состав парткома. Перепугался я не на шутку, знал, что после этого бывает. Я отпирался руками и ногами, а Тупицын наступал — ты тут всю академию на себе держишь, все ключи у тебя. Тебя тягали и били в НКВД при Ежове, а ты — выдержал. Быть тебе в парткоме! Секретарем парткома академии в 1938 г. избрали Яшку Обугова. Боевой был парень, погиб под Сталинградом. Меня сделали его заместителем. Как мы тогда жили — больно вспоминать, как на вулкане.

В конце 1930-х гг. состав АН БССР подвергли жутким репрессиям. Никто не понимал что и почему. Приходили и забирали, говорили, что враги. Меня тоже неоднократно обвиняли, что я защищаю “врагов народа”. А как я их защищал? Не подписывал то, что должно было изобличить. Когда начали сажать, уволился управляющий делами Шпилевский⁹. На его место поставили Дидяева из Москвы. Тот видит, что здесь всех сажают, — утёк. Потом был Уласевич, рабочий с завода, который попал под выдвижение и уехал секретарем райкома партии в Бобруйск. Скоро посадили Уласевича. Вдруг узнаю, что арестовали назначенного вместо него управляющего делами академии Антоненко, члена партии с 1917 г.

За что его посадили, а за что меня били? Потому что я не соглашался на него подписывать. Абсурд обвинения трудно себе представить, но так было. Колонны аркады Президиума АН БССР, которые выдержали войну и стоят до сегодняшнего дня, мол, выполнены были с изъёмом и вот-вот должны рухнуть. Меня вызвали в НКВД, и следовательно, многозначительно положив на край стола наган, кричал: “Признайся, подпиши на Антоненко, и тебе ничего не будет!” Я ему отвечал, что колонны ведь стоят, как же можно говорить, что

⁷ См. Словарь имен, с. 354.

⁸ Михаил Николаевич Тупицын (1906–1993 гг.) — зав. сектором ЦК КП(б)Б (октябрь 1937 — август 1938 г.), первый секретарь Сталинского районного комитета КП(б)Б в Минске (август 1938 — март 1939 г.), начальник Управления НКВД Полесской обл. (апрель 1939 — февраль 1940 г.).

⁹ Иван Федорович Шпилевский (1891–1941 гг.) — советский революционер, белорусский историк-краевед, научный сотрудник, управляющий делами АН БССР, секретарь Центрального бюро краеведения, в июне 1941 г. находился в больнице в Минске, погиб при бомбежке санитарного поезда.

они упали? Следователь возражал, что стоять им осталось недолго, а “когда рухнут, поздно будет оправдываться, и тебя возьмем”. Я ему сказал: “Если бы Академия сама себе их строила, тогда можно обвинять Антоненко, но воздвигал-то их Наркомат по строительству, а Академия же была только заказчиком, так и говорите с ними”. Дальше все повторялось, как в сказке про белого бычка. Следователь мне: “Подпиши, упадут колонны!” Я ему: “Не подпишу, колонны стоят...”. Все боялись. В 1938 г. в республику приехал П.К. Пономаренко. Его избрали первым секретарем ЦК КП(б)Б, что совпало со смещением Н.И. Ежова. Понемногу репрессии начали стихать, некоторых даже освободили. Потом все началось снова.

Цанава¹⁰, который сменил Наседкина на посту наркома НКВД БССР, стал некоторых заключенных выпускать из тюрем. Выпустили Дорожкина¹¹, редактора газеты “Звезда” Стернина¹², Нестеровича¹³ и немногих других. За что они сидели? Говорить не о чем. В НКВД что хотели, то и делали, такой у них был заведен порядок. Кто допрашивал? Молодые совсем ребята, пацаны. Кому это было нужно? Теперь говорят, что Сталину. Я не верил, что все арестованные мои сотрудники из академии — враги. Другие тоже не верили, хотя нас и старались убедить.

За что арестовали Нестеровича? На стенах академии дети написали мелом какие-то каракули. Что могут написать дети? Меня вызвали в НКВД и сказали — подпиши, что это были фашистские знаки, тайнопись. “Какие фашистские знаки, — говорю я им, — вы что, рехнулись?” Или судьба директора Ботанического сада БССР Мельникова до войны? Польский консул иногда приезжал погулять в этом саду. Ну, дарили ему из вежливости букет цветов. Потом это

¹⁰ См. Словарь имен, с. 361.

¹¹ Николай Афанасьевич Дорожкин (1905–1993 гг.) — белорусский советский миколог и фитопатолог, академик Академии наук и Академии сельскохозяйственных наук Беларуси, профессор (1933), директор Института биологии АН БССР (1936–1952), арестован (1938), освобожден (1940), в годы советско-германской войны находился в партизанах.

¹² Николай Клеофасович Стернин (Богданович, 1900–? гг.) — отв. редактор газеты «Звезда», арестован (1938), освобожден за прекращением дела (1939).

¹³ Николай Дмитриевич Нестерович (1903–1984 гг.) — советский белорусский ученый-ботаник, академик АН БССР, сотрудник Центрального ботанического сада Академии наук, доктор биологических наук (1955), профессор (1956), вице-президент АН БССР (1969), изучал рост и развитие древесных растений.

стало основанием для обвинения в иностранном шпионаже. Мельникова арестовали и погубили, зачем? Спросите вы у меня...

Академия наук стояла почти вся пустая, лучших людей не стало. Вице-президент Якуб Колас ходил и трясся. Он всего боялся. Не мог бумагу подписать — пускай сначала товарищ Палей подпишет, ведь он партийный. Колас вступил в партию только в годы войны. Якуб Колас приходил на службу ровно в 8:30. Посидит в своем кабинете до 12:00 и говорит, что если начнут спрашивать, то пусть ищут в Союзе писателей или Белгосиздате, что он там. Его никто не искал, он никому не был нужен. Простой был человек. Пойдет, бывало, в буфет, возьмет тарелку соленых огурцов, сядет и жует. Почему не бутерброд с маслом? А почему он держал кабанчика? Я жил неподалеку и сам видел, как Колас утром вставал, надевал соломенную шляпу, полушубок и кормил кабанчика. Сено сам косил и в стог складывал, привык человек к крестьянской работе и ничего в этом зазорного не видел.

На углу Советской и Долгобродской в 1936 г. построили Дом специалистов, где жили многие сотрудники Академии наук. На 100 квартир, каждая из которых имела три-четыре комнаты. Первый дом в Минске на шесть этажей с лифтами и подвалом. В нем были не только лифты, своя котельная и собственный гастроном, но и телефоны во всех квартирах. И, конечно, паровое отопление. В квартиру № 54 въехал Андрей Александрович¹⁴. Рядом, в № 52 — Иззи Харик. Чуть ниже, в № 44, Целестин Бурстин¹⁵, а выше, в № 56, Николай Дорожкин. В правой части дома, в квартире № 27, жил Михаил Рафальский¹⁶, а в левой, в № 88 — Владислав Голубок¹⁷, а также

¹⁴ См. Словарь имен, с. 336.

¹⁵ Целестин Леонович Бурстин (1888–1937 гг.) — зав. кафедрой высшей математики БГУ им. Ленина (с 1929), директор физико-технического института АН БССР (1931–1937), арестован (1937), умер в тюремной больнице Минска (1938), посмертно реабилитирован (1956).

¹⁶ Михаил Фадеевич Рафальский (Моисей Федорович, Мойше-Арн, 1880–1937 гг.) — основатель и первый художественный руководитель Белорусского государственного еврейского театра (БелГОСЕТ) в Минске, народный артист БССР (1934), репрессирован и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1956).

¹⁷ Владислав Иосифович Голубок (1882–1937 гг.) — белорусский советский актер, режиссер, писатель, художник, декоратор, первый народный артист БССР (1928), один из основателей белорусского национального театра, художественный руководитель и директор Белорусского государственного театра, яркий исполнитель драматических и характерных ролей, воспитал многих белорусских актеров, арестован, осужден и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1957).

В.К. Щербаков¹⁸, Б.М. Шпенцер¹⁹ и др. Академики, артисты, писатели, военные в чинах, партийные руководители²⁰.

Порядок был такой, что все академики и члены-корреспонденты состояли на полном государственном обеспечении. То есть зарплату им платили, но квартира, дача, мебель и прочее принадлежали академии. Они этим имуществом только бесплатно пользовались. Одежда, стаканы, простыни — все числилось за хозяйственной частью. В бухгалтерии была специальная книга, где все записывалось. Арестовали Шпенцера, вызывают меня, чтобы я забрал имущество, а я вижу, что в квартире ничего нет. Голые стены. Я спрашиваю — что забирать? Мне отвечают, что брать ничего не нужно, только подпиши, что все принял. А кто брал? А кто там был? Они же не называли имен, когда арестовывали. Они вызывали, когда ничего не осталось, — одна мебель. Как я все пережил — не пережил, а перемучился. Спасло то, что в 1939 г. меня призвали в Красную армию. Сначала польская кампания 1939 г., потом финская в 1940 г. Кстати, моим командиром роты был Кондрат Крапива²¹. В нашей роте большинство солдат мобилизовали из Витебской области. Крапива всегда давал мне белорусские газеты, которые я им читал. Тогда же присвоили мне офицерское звание, ни курсов я не кончал, ни училища. Вызвали в штаб и сказали — распишись в приказе. И я стал лейтенантом.

Потом Великая Отечественная война, строили мы аэродромы для тяжелых бомбардировщиков и “У-2”²² прямо на передовой, часто под

¹⁸ См. Словарь имен, с. 363.

¹⁹ См. Там же, с. 362.

²⁰ 24 июня 1941 г. в правое крыло Дома специалистов попала немецкая авиабомба, левое крыло тоже было серьезно повреждено, руины стояли до 1948 г., позднее на их месте возвели новое здание, в котором сейчас помещается редакция газеты «Вечерний Минск».

²¹ Кондрат Крапива (Кондрат Кондратович Атрахович, 1896–1991 гг.) — белорусский советский писатель, поэт, драматург и переводчик, литературовед, сатирик, общественный деятель, зав. отделом в журнале «Полымя рэвалюцыі» (1932–1936), Герой Социалистического Труда (1975), народный писатель БССР (1956), лауреат двух Сталинских премий (1941, 1951) и Государственной премии СССР (1971).

²² «У-2» (*разг.* кукурузник) — советский многоцелевой биплан, созданный в 1927 г., один из самых массовых самолетов в мире, был исключительно прост и дешев в производстве и эксплуатации, легко ремонтировался, очень прост в управлении, способен совершать посадку и подниматься в воздух с крайне малым разбегом, обладал низкой скоростью и поэтому мог быть незаметным для противника.

носом у немцев. Ночью самолеты бомбят и садятся, а днем там уже никого нет. Всю войну прошел, награды имею. Самая у меня дорогая — это медаль “За отвагу”. Отпустили из армии только в 1948 г., приезжаю в Минск и никого найти не могу. Мои жена и дочь погибли, когда Минск горел в двадцатых числах июня 1941 г. Рассказывали, что накрыло сразу человек 60. Так я больше и не женился. Из всей семьи никого не осталось. Родители, братья и сестры — всех немцы замучили, а кто на фронте погиб. Выжили только три племянницы — в Слуцке, Донецке и Магадане, так нас жизнь разбросала».

Самуил Иосифович замолчал. Молчал и я. За вечер он рассказал мне всю свою жизнь. Только в 1970 г. ему предоставили однокомнатную квартиру. И не просто так, а пришлось ходить к Машерову²³. У Палея из-за военной контузии плохо со зрением и слухом. Мне приходилось почти кричать, когда я задавал свои вопросы. Но Палей еще работает вахтером в академии, чтобы иметь приварок к небольшой пенсии. Пора было уходить, за окном уже стемнело. Но я не удержался и спросил: «А если плохо станет, не страшно?» «Нет, — ответил Самуил Иосифович, — у меня телефон есть. “Скорую” можно вызвать, мне уже 81 год». «И никто о вас не заботится? — не успокаивался я. — Ни комсомольцы, ни пионеры?» — «Да кому я теперь нужен? Этажом выше в подъезде живет пенсионер-отставник, вот мы с ним вместе и держимся. За событиями я слежу. Телевизор, правда, не включаю, глаза болят. Но радио всегда слушаю. Все знаю: и про выборы в Верховный Совет, и про Белорусский народный фронт. На партийные собрания в Академии наук хожу, взносы партийные плачу, но меня оттуда никто не навещает».

Запись беседы в Минске 18 июля 1990 г.

Публикуется впервые

²³ Петр Миронович Машеров (1918–1980 гг.) — советский партийный и государственный деятель, один из организаторов и руководителей партизанского движения в Беларуси, Герой Советского Союза (1944), Герой Социалистического Труда (1978), первый секретарь ЦК КПБ (1965–1980), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1966–1980).

Художник и власть

Заир Исаакович Азгур (1908–1995 гг.)

«Внешность Изи Харика была примечательной. Черные как смоль волосы, мелкие кудряшки, которые напоминали, что он в своем далеком происхождении имеет отношение к самаритянам и иудеям, к Палестине, к евреям оттуда. Об этом говорил его внешний облик. Крепкого телосложения, всегда аккуратно одетый, интеллигентный, очень любил свою жену Дину, которая его вдохновляла.

Харик читал свои произведения гениально, например, когда он декламировал “Круглые недели”, то мороз по коже пробежал у всех, кто его слушал, даже у белорусов, которые слабо знали идиш. Но знали, потому что близкое соседство с евреями приводило к этому. Мы не случайно считаемся белорусскими евреями. Впервые я услышал это словосочетание из уст Изи Харика. Он, как и Кульбак¹, как и Бергельсон², старался глубоко проникнуть в суть диаспоры евреев, их отношения с другими народами, взаимодействия двух культур. Харик думал обо всем: и о партии, и о коммунизме. Он был человек убежденный, передовой и ни в коем случае не экстремист. Григорий Березкин³ и Эля Каган⁴ были настроены гораздо более резко к своим оппонентам. Слово “демократия” не слишком хорошо подходит к личности Харика. Им безраздельно владела идея абсолютной воли. В основном Харика интересовал местечковый еврей, хотя общий круг его интересов этим не ограничивался. Он сопереживал местечковому еврею, искал социальной справедливости. Поэтому многие его стихи нельзя слушать без слез.

¹ Моисей Соломонович Кульбак (1896–1937 гг.) — еврейский поэт, романист, драматург, работал в еврейском секторе АН БССР, редакции журнала «Штерн», автор сборников стихов, поэм, прозаических произведений и пьес, переводил на идиш стихи белорусских поэтов, «Ревизор» Н.В. Гоголя; произведения Кульбака переводились на английский, белорусский, иврит, немецкий, польский, русский, французский и другие языки, арестован и расстрелян (1937), реабилитирован посмертно.

² Давид Рафаилович Бергельсон (1884–1952 г.) — еврейский писатель, драматург, считался крупнейшим прозаиком-соцреалистом, пишущим на идише, член президиума Еврейского антифашистского комитета СССР, арестован (1949) и расстрелян (1952), посмертно реабилитирован (1955).

³ См. Словарь имен, с. 338.

⁴ См. Словарь имен, с. 347.

Харик читал как бог, лучше его это никто не делал. После гибели поэта хорошо читать его стихи удавалось Григорию Березкину. Я считаю, что белорусский еврей по своей сути так и не стал оседлым, хотя и поселился в Беларуси много лет назад. Большая, долгая совместная жизнь влекла евреев и белорусов друг к другу. Они дружили крепко, борьба за более справедливую и достойную жизнь их роднила. И экономика, и природа, и все душевные качества. Это хорошо чувствовал и сознавал поэт Харик. И как гражданин, и как человек, и как коммунист. Душа у него была с песней. Он даже стихи свои читал нараспев. Они были очень музыкальными. На них легко писались песни, о чем свидетельствовал композитор Полонский⁵, который был убежден, что для произведений Харика вообще не нужно выдумывать музыку, ибо они и есть сама музыка. У Харика, например, есть колыбельная, в которой рассказывается, как молодая мать, убаюкивая свое дитя, размышляет вслух, кем он будет, когда вырастет. Может, на отца похожим, может быть, мыслителем. Каким он должен стать смелым, отважным и добрым.

Харику была свойственна теплая, чуть-чуть больная ностальгия, еврейская тоска по историческим потерям, которые понес его народ в борьбе за выживание в ходе приспособления к тем новым местам, где евреи очутились. После встречи с Хариком я впервые глубоко осознал, что такое “мама”, “папа”, “родная земля” и вообще “родина”.

Когда Харика арестовали, я был очень удивлен, оставался в смятении, не верил, считал, что это какая-то ошибка, которую, конечно, скоро исправят, что его выпустят. Но это уже был август 1937 г., когда погубили столько достойных людей, которых шельмовали и расстреливали, неужели на что-то можно было рассчитывать? Почему Харик мог стать исключением? Вокруг творилась такая вакханалия. Мы об этом не подозревали. Верили Сталину. О нем тогда плохо не говорили. Наоборот, надеялись, что Сталин их спасет, освободит. Я не один был такой⁶. Я разговаривал со многими евреями, которые не верили, что Сталин способен арестовать, считали, что он интернационалист, марксист, верный ученик Ленина и т. п. Картину

⁵ См. Словарь имен, с. 353.

⁶ В 1938 г. Заир Азгур создал портреты Карла Маркса, Фридриха Энгельса и Владимира Ленина, за участие в выставке работ белорусских художников в дни декады белорусского искусства в Москве (1940) награжден орденом Трудового Красного Знамени и принят в члены Союза художников СССР.

репрессий никто тогда не представлял. Для меня лично она стала очевидной только после разоблачений, сделанных на XX съезде КПСС в 1956 г.

До этого я был верующим, я верил в Сталина как в бога, я верил Ленину, Дзержинскому, Кирову и многим другим коммунистам. Вот Хрущеву я не сразу поверил. Первое, что мне пришло в голову, когда он начал критику Сталина, — это государственный переворот. Меня упрекают, что я хвалил Сталина, лепил его не один раз⁷. Конечно, но разве Янка Купала, Якуб Колас, краса и гордость Беларуси, Кондрат Крапива и Петрусь Бровка не хвалили? Хвалили. Если бы не, то им бы оторвали голову. Сказали бы — молчишь, значит, не согласен? И убили бы.

Сейчас в Израиль уезжает много евреев. Появился даже анекдот: с кем останутся белорусы? Ответ: с евреями, которые “преданы родине”. Отъезжающих нельзя осуждать — они едут за лучшей долей. За это человека не осуждают. Он же не ворует, не насилует, не убивает, не обманывает, не ищет себе облегчения. Наоборот, такой человек ищет, где приложить свои силы так, чтобы достойно получить за свой труд. Человек имеет право знать, за что он работает. Очень серьезно нужно принимать понятия “зов крови”, “зов родины”. Была же у евреев историческая родина со столицей в Иерусалиме, тысячелетней традицией и культурой иудеев.

Кто такие антисемиты — это хамы, бездарные и необразованные, среди которых встречаются образованные, и даже очень, люди, как это объяснить? Это уже душа, следы воспитания, семьи. Антисемитизм — это не случайное, а выпестованное явление.

Я хотел бы забыть на всю жизнь выражение “жидовская морда”. Я хотел бы, чтобы не возникала нужда вспоминать стихи Абрама Рейзина⁸ из Америки “Яков, мой сыночек”, в котором есть такие душе-раздирающие строки:

⁷ В Минске памятники Сталину работы Азгура стояли на ул. Ленинградская, напротив общежития БГУ, в Михайловском сквере, возле парка «Профинтерн» (ныне Центральный детский парк им. Горького), у входа в библиотеку им. Ленина — композиция Ленин и Сталин беседуют между собой; ныне сохранился только памятник Сталину работы Азгура в историко-культурном комплексе в 20 км от Минска «Линия Сталина» (2006).

⁸ Абрам Калманович Рейзен (1876–1953 гг.) — еврейский прозаик, поэт, драматург, писал на идише, эмигрировал в США (1911), приезжал в СССР (1928), собрание сочинений Рейзена уже в 1929 г. насчитывало 24 тома, на его стихи писали песни,

*Яков, мой сыночек,
Кто тебя ловил,
Тот тебя и бил-давил,
Пиная кулаками и ногами.*

Есть ли будущее у евреев на белорусской земле? Это будет зависеть от каждого еврея в отдельности. Беларусь приняла нас, евреев, в свой дом и стала родиной. Мы породнились, не посчитались с запретами. Например, мои жены нееврейки, первая — белоруска⁹, а вторая — русская¹⁰.

Было такое время, когда евреи в Беларуси строили синагоги, вели торговлю, занимались ремеслом, арендовали землю, владели фабриками и заводами, строили железные дороги, сами на них работали, открывали банки. В большом почете была еврейская кухня, соблюдались традиции и обычаи, издавались книги, работали школы. Все было и ничего не стало... Теперь должно возродиться. Если еврей плохо жил, то сам был в этом виноват — плохо работал и плохо думал. Бедность — это личное зло, если в несчастье народа виноваты посторонние силы, то виновата политика, руководство страны, где они живут. Тогда это преступление. Если быть откровенным, то даже плохая царская политика не мешала евреям строить синагоги и иметь собственную национальную и экономическую жизнь. Национальная унификация советской власти оказалась губительной катастрофой. Дунец¹¹, был такой деятель в Наркомпросе БССР, я его называю “пердунец”, считал себя интернационалистом, но зачем же портить родное? Конечно, не Дунец и ему подобные вырабатывали эту политику. Они были стрелочниками, но, но и но... Слишком старались. Царь такую политику не вел.

многие из них стали народными; в Москве вышел сборник рассказов Рейзена «Такие люди были раньше» (2022).

⁹ Мальгрэта Шашалевич (?–1945 гг.) — дочь железнодорожника, актриса Белорусского драматического театра им. Янки Купала, погибла в 1945 г. во время железнодорожной катастрофы на пути из эвакуации в Минск из Омска в числе 30 других актеров.

¹⁰ Галина Горелова (1921–2015 гг.) — дочь художника Гавриила Никитича Горелова, которую З.И. Азгур считал своим ангелом-хранителем.

¹¹ См. Словарь имен, с. 345.

Память у меня в юности была феноменальная. Прочел я как-то “Сымона-музыку”¹² и запомнил наизусть, “Новую землю”¹³. На память я мог декламировать из нее целые главы. То же самое и с другими поэтами, например, с Тарасом Шевченко “Ах, око-око не дуже бачыш...”¹⁴

Моя вера в бога кончилась, когда я вступил в партию большевиков, с тех пор я платил членские взносы. Прекратил только недавно, не берет никто, и получается, что я беспартийный. Это очень печалит, выходит, я не принадлежу ни к какой политической партии. В пять лет умер мой отец, и я остался сиротой. Мать погибла в Витебске в немецкой душегубке в 1941 г. Расстаться с богом было не так просто. Мои раздумья длились до 1933 г., когда встретился с Эзрой Крачковским, философом из Минска. Для меня оказалось откровением, что мир осязаем и ощутим, что природа и человек взаимосвязаны, все кругом объемно и совместимо. Каждый человек внутри себя имеет море. Крачковский сказал, что нет черта и бога. Раньше я понимал, чтомышь, собака, змея, наконец, человек — вот это природа. Он раскрыл мне “Песнь песней” царя Соломона¹⁵. Он рассуждал, что человек, подобно червяку, несмотря на любое давление, должен выживать и выбираться наверх. Крачковский учил меня сопротивляться и при этом не потерять жизни.

Восстановление взаимодействия между СССР и Израилем¹⁶ можно и нужно приветствовать. Теперь и отношение к советским евреям изменится, не будут больше трепаться про “израильских агрессоров”.

¹² «Сымон-музыка» — лирико-эпическая поэма Якуба Коласа, написанная в 1911–1925 гг., где автор размышляет о путях развития национального искусства и трагической судьбе таланта из народа.

¹³ «Новая земля» — лирико-эпическая поэма Якуба Коласа, написанная в 1911–1923 гг., первое белорусское поэтическое произведение такого формата.

¹⁴ «Юродивый» — незаконченная поэма Т.Г. Шевченко (1857 г.), сатира которой направлена против русского самодержавия в лице Николая I, его сатрапов, украинского панства и покорной общественности, разоблачает общественную пассивность с помощью богоборческой идеи (мотив «всевидящего ока», безразличного к царским преступлениям).

¹⁵ «Песнь песней» Соломона — книга, входящая в состав Танаха и Ветхого завета, рассматривается в иудаизме как символическое описание любви бога к народу Израиля, а у христиан — как выражение любви бога и церкви.

¹⁶ Дипломатические отношения СССР и Израиля были прерваны после Шестидневной войны в июне 1967 г. и восстановлены в октябре 1991 г. после подавления августовского путча ГКЧП в Москве.

Никогда евреи не были агрессорами. Мы раздолбали этих египтян законно¹⁷, это была борьба за национальное выживание. Насер¹⁸ плохо себя вел. Что такое Песах? Это освобождение евреев из египетского плена...»

В течение всей жизни Заир Исаакович пытался понять, что заставляет одного человека поднять руку на другого и даже лишить его жизни. Художник пришел к выводу, что борьба не должна вестись за обладание чем-либо, что природа никого не создавала для единоличного владения остальным миром. Еврейская тема всю жизнь оставалась больной для Заира Исааковича. Он хорошо владел идишем, читал на иврите, но всегда вынужден был это скрывать, чтобы не прослыть еврейским националистом. Скульптор ушел из жизни 18 февраля 1995 г. в Минске. И что бы о нем ни говорили как о воплощении эпохи «социалистического реализма», он всегда оставался человеком смелым и неординарным. Были и будут желающие обвинить художника в смертных грехах, объявить приспособленцем, облаканным властью, но вычеркнуть его имя из художественной мысли человечества не дано никому. Здесь Азгур сказал свое слово. Сказал сам.

Запись беседы в Минске 22 января 1991 г.

Публикуется впервые

¹⁷ Шестидневная война (5–10 июня 1967 г.) — война на Ближнем Востоке между Израилем, с одной стороны, и Египтом, Сирией, Иорданией и Ираком — с другой, завершившаяся полным разгромом армий арабских стран, которые потеряли Газу, Синай, Восточный Иерусалим, Иудею и Самарию (Западный берег Иордана) и Голанские высоты, начало международного бойкота Израиля.

¹⁸ Гамаль Абдель Насер Хусейн (1918–1970 гг.) — революционер, военный, государственный и политический деятель, второй президент Египта (1956–1970), сверг короля Фарука (1952) и начал земельную реформу, культовая фигура в арабском мире из-за стремления к социальной справедливости, арабскому единству, политике модернизации и антиимпериализма.

Поэт и власть

Станислав Петрович Шушкевич (1908–1991 гг.)

«Камера, в которой меня держали, находилась в подвальном помещении Минской тюрьмы на ул. Володарского. Нас было четверо: инженер минского “Эльвода” Богданович, ветеринарный врач Валаханович, я и один польский коммунист, которому не разрешалось даже называть свое имя. Когда его вызывали на допрос, то называли его порядковый номер. Богданович попал в камеру позже всех и при одном любопытном обстоятельстве. Вдруг начал пропадать свет. Внезапно. Горит, горит и погаснет, потом снова появляется. Мы шутили, что не иначе будут искать вредительство на электростанции, и, когда через некоторое время в камеру привели человека, который назвался инженером с “Эльвода”, мы про себя горько усмехнулись...

Слева от нашей камеры находилась еще одна, в которой держали Бронислава Тарашкевича. Он пытался перестукиваться, но никто из нас не знал толком тюремной азбуки и не мог отвечать. Единственное, что нам удалось разобрать, были слова Бронислава о том, что кости его переломаны и жить осталось недолго. Но его еще успели “судить” и расстрелять.

Тарашкевич сидел в камере № 16, мы вчетвером — № 15, а Изи Харик — в № 14. Харик страшно кричал, рвал на себе волосы, бился головой об стену. Он кричал, что никогда не знал Хаима Дунца и не встречался с ним на квартире. Из этого я понял, что Харик не в себе, что это уже бред. Все знали Хаима Дунца как первого главного редактора “Літаратура і мастацтва”, газеты Союза писателей Белоруссии, которая начала выходить с февраля 1932 г. в Минске. Дунец и Харик были большими друзьями и входили в еврейскую секцию Союза писателей БССР. До этого Дунец работал заместителем наркома просвещения по культуре. Заместителем Дунца в газете назначили Михаила Моделя, который работал заведующим отдела литературы, театра, культуры и искусства в ЦК КП(б)Б. Прежних должностей им оставить не позволили, и они их совмещали. Некем было заменить, голод на кадры оставался страшным. Вот и приходилось работать сразу на нескольких направлениях как двужилым. И не только им, многим. Это считалось тогда общим правилом. Машинисткой в

редакции “Літаратура і мастацтва” была мать будущего композитора Юрия Семеняки.

Мне поручили возглавить отдел литературы, Борису Микуличу дали обязанности ответственного секретаря, а Степану Лиходиевскому — вопросы искусства, кино, театра. Я решил ближе познакомиться с руководителями национальных секций Союза писателей республики. Начал я с наиболее многочисленной, еврейской, секции, председателем которой как раз и был Изи Харик. Литовскую секцию возглавлял А.И. Якшевич, старый коммунист, он работал еще у Дзержинского в ВЧК, исполнял обязанности начальника железнодорожного транспорта Литбела¹, был председателем Главлита БССР. Существовали еще польская и латышская (в Витебске) секции.

Меня арестовали 14 ноября 1936 г. Всего взяли 12 человек из Союза писателей: Змитрака Астапенко, Михася Богуна, Евгения Борищевского, Василия Залуцкого, Алеся Звонака, Сергея Знаемого, Бориса Микулича, Сергея Ракиты, Владимира Хадыко, Алеся Якимовича, Яна Скрыгана и меня.

Через некоторое время вызывают меня к следователю, и тот говорит, что следствие по моему делу закончено и скоро будет суд, подпишитесь, а я ему отвечаю: “Ну и хорошо, значит, пора меня выпускать?” 1–3 октября 1937 г. состоялся суд в помещении Верховного суда БССР. Астапенко, Богун и я получили по восемь лет лагерей, а остальным дали по 10 лет. После нас судили большую группу еврейских писателей, многие из которых получили или так называемые 10 лет без права переписки, или расстрел с конфискацией имущества.

Довелось мне вскоре повстречать в тюрьме Дунца с Самохваловым, секретаря ЦК ЛКСМБ, который сменил Головача. Дунец был одет в заношенную грязную телогрейку, на ногах — стоптанные ботинки. Самохвалов был в военной форме, его взяли в Смоленской области, куда он ездил на маневры РККА. Я хотел поздороваться с Дунцом, кивнуть ему головой, но он шел, ни на кого не глядя, опустив глаза.

¹ Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика (Литбел, Социалистическая Советская Республика Литвы и Белоруссии) — советская республика, государство между РСФСР и Польшей, созданное на занятых Красной армией территориях современных Беларуси и Литвы, просуществовавшее несколько месяцев (февраль — июль 1919 г.).

В камерах № 11, 12 и 13 сидели узники, приговоренные к смерти и ожидавшие исполнения приговора, а в 14, 15 и 16 сидели мы, Тарашкевич и Харик. Мне рассказывали, что доносы писал Яков Бронштейн, как и Бэнда. Однажды, помню, ведет меня конвоир на допрос и говорит: “Посмотри, вот кабинет Гикало!” А я таким образом подумал: “Ну, если здесь ‘кабинет’ Гикало, значит, не так страшно, что я здесь”.

А как меня допрашивали? Следователи знали, что мы никакие не враги, но сделать ничего не могли, потому что не хотели разделить нашу судьбу. Как шел допрос? Ночь. Сидим друг перед другом за столом. Следователь в который раз говорит, чтобы я рассказал, как я стал “врагом народа”, с кем должен был связаться, что предпринять и т. д. Я в очередной раз все отрицаю. Он посидит, посидит и начинает дремать. Я тоже кемарю. Потом вдруг шаги, следователь сразу голову поднимает и опять начинает диким голосом на меня орать: “Ты будешь, наконец, говорить, шпионская морда, или нет?” Я на него смотрю, выпучив глаза, а он на меня. Затихли шаги, он набок голову и дремать, и я тоже... Такая волынка обычно шла до четырех утра, а потом меня отправляли в камеру. Всего я просидел по тюрьмам, лагерям и ссылкам без малого 20 лет, с 1936 по 1956 год, когда меня реабилитировали».

Я слушал этого человека и думал, какую силу духа нужно иметь, чтобы все вынести и не проклясть весь белый свет и род людской. Вернуться к полноценной жизни, стать снова писателем, заслуженным работником культуры БССР, завести семью, воспитать своего сына, Станислава Станиславовича Шушкевича, доктора физико-математических наук, профессора Белгосуниверситета им. В.И. Ленина, члена-корреспондента Академии наук БССР, заместителя председателя Верховного Совета Белоруссии.

Запись беседы в Минске 9 декабря 1990 г.

Опубликовано:

Л. Смиловицкий. «Апошнія інтэрв'ю». Лёс пісьменніка Станіслава Шушкевіча // *Літаратура і мастацтва*, 15 сакавіка 1991 г., № 11.

Ударники — в литературу

Матвей Лазаревич Каплан (1910–1998 гг.)

«Я знал Изи Харику с 1930 г. Это был просто изумительно общительный, предупредительный, мягкий по характеру человек. К нему заходили как к себе домой. Тогда появился лозунг “Ударники — в литературу”, другими словами, передовики производства должны были принести в литературу классовое чутье, или то, что называлось тогда “пролетарским началом”. Под этим имелось в виду оздоровить литературу и приблизить ее к запросам рабочих масс, чтобы поставить на службу диктатуре пролетариата. Тогда я работал столяром на фабрике имени Кагановича, теперь это производственно-техническое объединение “Луч”. Оставалось много ручного труда, что плохо соотносилось с задачами построения социализма.

Сталин выдвинул требование второй пятилетки¹: “Люди, кадры, овладевшие техникой, решают все”. Вот я и задумал написать стихотворение о механизации ручного труда рабочего человека. Конечно, на идише, я принес Харику, который повел меня в редакцию журнала “Октябрь” к Дунцу. Харик был очень доступен, и побеседовать с ним доставляло удовольствие. Его нельзя сравнивать с современными деятелями, например, с Ароном Вергелисом, редактором единственного в Советском Союзе журнала на идише “Советиш геймланд”². Так попасть к нему было труднее, чем к министру. Вергелис был вхож к Суслову³.

¹ Вторая пятилетка — второй пятилетний план развития народного хозяйства СССР (1933–1937 гг.) позволил сделать рывок в индустриализации, электрификации, прокладке дорог, коллективизации деревни, обеспечил нужды страны в продовольствии по твердым ценам.

² «Советиш геймланд» (Советская родина», идиш) — советский литературный и общественно-политический журнал на языке идиш, издававшийся в Москве (1961–1991 гг.) ежемесячно, орган Союза писателей СССР, публиковал материалы по еврейскому фольклору, истории языка и литературы на идише, собирал биографические и библиографические материалы о еврейских писателях, после Шестидневной войны 1967 г. публиковал материалы с критикой политики Израиля в рамках советской внешней политики, проарабской и антиизраильской ориентации, тираж журнала неуклонно падал: с 25 000 (1961) до 2 000 экз. (1991). Журнал «Ди идише гас» стал идейным и творческим продолжением журнала «Советиш геймланд» (1993–1999).

³ Михаил Андреевич Суслов (1902–1982 гг.) — секретарь ЦК КПСС, идеолог партии, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС (с 1947), один из

Справедливость требует признать, что успехи второй пятилетки стоили очень дорого. Несмотря на некоторые успехи в промышленности и развитии инфраструктуры, не был достигнут качественный рост уровня жизни. Сельское хозяйство продолжало отставать от промышленного производства, что приводило к проблемам с обеспечением продовольствием и оказывало негативное влияние на всю экономику. Погоня за выполнением планов пятилетки приводила к низкому качеству продукции и неэффективному использованию ресурсов, не было достигнуто всеобщего обучения и развитие культуры оставалось недостаточным. Но самое ужасное, что именно в 1937 г. были развернуты масштабные политические репрессии, которые привели к гибели миллионов людей.

Изи Харик считается родоначальником еврейской пролетарской поэзии, его все знали и любили. Его жена обивала пороги, чтобы одну из улиц Минска назвали его именем. Ее отсылают от одного партийного работника к другому: сверху — вниз, снизу — вверх. Предлагают назвать улицу в Зембине⁴, по месту рождения. Но если бы это было до войны, то хорошо, но теперь там не осталось никого, кто имел бы представление, кто такой Харик. В Зембине не осталось и самих евреев, и потом Харик ведь был известным поэтом Беларуси, член-корреспондент АН БССР, член ЦИК БССР, член Президиума Союза советских писателей Беларуси и СССР. Мне даже показалось, что можно написать стихи о том, что мне приснился сон, будто я хожу в Минске по улице имени Харика⁵. Исаак Давидович очень дружил с Андреем Александровичем, Петрусем Бровкой. Его арестовали в числе первых писателей Беларуси».

Запись беседы в Минске 26 ноября 1990 г.

Публикуется впервые

вдохновителей кампании по борьбе с космополитизмом, главный редактор газеты «Правда» (1949–1950), участвовал в смещении Н.С. Хрущева (октябрь 1964), одобрил решение о вводе советских войск в Афганистан (1979), после смерти Суслова его место занял Юрий Андропов, до этого возглавлявший КГБ СССР.

⁴ Зембин был основан в 1841 г. как еврейская земледельческая колония в Борисовском уезде Минской губ., в 1926 г. в нем проживало 838 евреев, или 69,9 % всех жителей, в августе 1941 г. нацисты расстреляли 927 евреев, включая женщин, стариков и детей.

⁵ В настоящее время в Зембине бывшая Рабоче-крестьянская улица носит имя Изи Харика.

Последний еврейский писатель Беларуси

Григорий Львович Релес (1913–2004 гг.)

«В 1930 г. я окончил среднюю школу в Чашниках и поступил в Витебский еврейский педагогический техникум, а дальше — на еврейское отделение МГПИ им. А.М. Горького в Минске. В БССР тогда было свыше 500 советских школ на идише (начальных, семилетних, девятилетних). Все предметы в техникуме в Витебске преподавались на идише. В дополнение к этому мы изучали белорусский, русский языки и литературу. Учителя были очень требовательными¹.

Работа еврейских учебных заведений республики широко освещалась в газетах на идише “Октябрь”, молодежной “Юнгер арбайтер”, пионерской “Юнгер ленинец”. Большую работу проводила еврейская секция Инбелкульта². В одном Минске к 1938 г. было 20 еврейских школ, которые курировал специальный методист от ГорОНО³. Часто проводились интернациональные вечера между разными национальными школами (белорусскими, еврейскими, польскими, латышскими, литовскими). Все считали советскую власть своей родной матерью. Учащиеся не придавали значения, почему они учатся в еврейской или белорусской школе, поскольку учебные программы в них были одинаковыми, за исключением языка преподавания. Правда, если кто-то из выпускников хотел продолжить свое образование в вузе, то требовалось хорошо знать русский язык.

У молодежи был искренний энтузиазм и вера в правоту дела советской власти. Не хочу идеализировать то время, Сталин в 1937–1938 гг. натворил невероятные вещи. Прошли жуткие репрессии, от которых пострадали все национальности без исключения. Например, у одного моего товарища на комсомольском собрании спросили, кто такой Сталин? И парнишка ответил, не задумываясь, что это заведующий советской властью. Сказал, как понимал. И этого

¹ Подробнее см.: Л. Смиловицкий. «Школа на идиш в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.» // *Новая еврейская школа* (Санкт-Петербург), № 11, 2002, с. 171–212.

<https://drive.google.com/file/d/15LQGJ4UicPK1tXaCFByyJUZItICDI11/view?usp=sharing>

² Инбелкульт (Институт белорусской культуры) — первая белорусская научная организация, существовавшая в 1922–1928 гг. и реорганизованная в Академию наук Беларуси.

³ ГорОНО — городской отдел народного образования.

оказалось достаточно, чтобы исключить его из комсомола, а потом и из школы. Такое поведение выдавалось за пролетарскую бдительность. Одних науськивали на других. Детей — на родителей, учеников — на учителей. И дети старались. Они были искренне уверены, что делают достойное дело, которое нужно лично Сталину и партии. Никто из них не считал себя доносчиком, такая была в обществе создана атмосфера. Своего рода психоз шпиономании, борьбы с вредителями.

В 1939 г. меня направили в Новогрудок, только что “освобожденный” от Польши. Мы, молодые учителя, должны были переводить тамошние школы на советские учебные программы. Первое время было очень трудно. Старое учительство в Новогрудке встретило нас недружелюбно. Многие еврейские школы работали там на иврите, а не на идише. Обучение было построено в соответствии с еврейской традицией и культурой без упоминания советской власти, классовой борьбы, эксплуатации человека человеком и других марксистских догм. К еврейской религии педагоги и учащиеся Западной Беларуси относили уважительно. Мы же, советские учителя, были атеистами и воспринимали религию как “дурман для трудящихся”⁴. В субботу дети в школу ходили, но не писали, учителям приходилось делать вид, что они этого не замечают, чтобы избежать открытого конфликта. Иврит оставался языком религии и сионистов, а значит, реакционным. Говорить на иврите означало поощрять контрреволюцию. Стоило собрать группу детей для изучения иврита, и этого было достаточно, чтобы превратиться в шпиона.

В июле 1938 г. официально объявили, что школы на идише в республике не откроются к новому учебному году под предлогом того, что в них существует недобор. Мол, еврейские родители вместо этого предпочитают отдавать своих детей в русские и белорусские школы, и поэтому необходимость в них отпала. В самый короткий срок их работа была свернута. Одновременно закрыли еврейские педагогические техникумы в Витебске и Минске, национальные отделения в учительских институтах, МГПИ им. А.М. Горького и БГУ распустили. Одним росчерком пера П.К. Пономаренко, который выполнял волю Москвы, было закрыто свыше 500 школ на идише. Я тогда работал учителем в Слуцке и могу свидетельствовать — в трех еврейских

⁴ Дурман для трудящихся, или опиум для народа — образное определение религии, ставшее широко известным благодаря Карлу Марксу, использовавшему его в своей работе «К критике гегелевской философии права» (1843).

школах города было полно учеников до самого последнего дня.

Закрытие учебных заведений на идише оказалось только частью общего плана форсирования национального вопроса. Главная задача была определена как построение социализма, а какие языки при этом нужно использовать — это детали. В 1930-е гг. началось масштабное наступление на национальную культуру не только евреев. Тогда же появились и нацдемы⁵, которым досталось еще больше. Были закрыты еврейские газеты, распущены творческие союзы и клубы, а в лагеря ГУЛАГа пошли писатели, поэты, музыканты, композиторы и художники — лучшие. Пострадали Харик, Кульбак, Дунец, Бронштейн и др. Добрались до Биробиджана и Крыма.

Внушалась мысль, что каждый творческий работник-еврей в душе сионист. В Москве перестала выходить “Дер Эмес” (“Правда”, идиш), которая пользовалась большим авторитетом и популярностью. Потом даже буквы еврейского алфавита сталинисты начали выдавать за компромат. Я помню такие анекдоты 1930-х гг., за распространение которых можно было получить 10 лет заключения как за антисоветскую агитацию:

“Как расшифровать МТС?” (машинно-тракторная станция) — Могила товарища Сталина, а “ВКП(б)?” — Второе крепостное право большевиков. В Чашниках в 1929 г. я помню такой случай. Сталину исполнилось 50 лет. Собрали людей в клуб, я тогда был школьником старших классов. НЭП свернули, много людей были этим недовольны. Секретарь партиячейки зачитывал слова клятвы верности Сталину, и там были такие слова: “Я готов за дело советской власти отдать свою кровь капля за каплей...” Рядом сидела одна бабуля и бубнила про себя: “Ведрами, ведрами...” Сталина не любили и боялись».

*Запись беседы в Минске 21 апреля 1991 г.
Публикуется впервые*

⁵ См. Словарь терминов и понятий, с. 369.

История — судья справедливый

Иван Макарович Ильюшин (1903–1997 гг.)

«В нашей семье было четыре сына, я был третьим. Мы жили в постоянном труде от урожая до урожая, обходились своими силами. Мама очень хотела, чтобы я учился. С большим опозданием, в девять лет, я пошел в церковно-приходскую школу, которую окончил за три года вместо четырех. Шел 1915 г., и я поступил в земское двуклассное училище в Княжицах, пять километров пешком проделывал в обе стороны из своей деревни Прокшеничи Могилевского уезда. Отец мне не раз говорил: “Ванька, брось ты эту учебу. Займись лучше сельским хозяйством!” Я же ему отвечал: “Знаете, папа, учиться так интересно. Посмотрите, какие вокруг звезды, Луна, а наша Земля, оказывается, вращается”. Отец послушал и говорит: “Ванька, выкинь ты эту дурь из головы. Не дай бог, Земля тронется с места, конец всем нам сразу наступит”. Папа так считал и убеждения свои не менял. Только благодаря службе в царской армии он научился расписываться, поэтому, в отличие от многих крестьян нашей деревни, он писал имя и фамилию, а не ставил крестик, чем очень гордился.

В 1922 г. я поступил на подготовительные курсы в педагогический институт Могилева, а потом был принят на первый курс самого института, оттуда меня забрали на срочную службу в Красную армию, а после демобилизации взяли сразу на второй курс социально-экономического факультета БГУ им. Ленина. На параллельных курсах со мной учились Кондрат Крапива¹ и Петро Глебка². С упоением мы слушали лекции такого признанного авторитета, как И.И. Замотин, которого пытались обвинить в службе у генерала Деникина³, и из-за

¹ См. Словарь имен, с. 348.

² Петр Федорович Глебка (1905–1968 гг.) — белорусский советский поэт, драматург, переводчик, организатор науки, академик АН БССР (1957), член Союза писателей СССР (1934), директор Института языкознания (1957), директор Института искусствоведения, этнографии и фольклора (1957–1969), академик-секретарь отделения общественных наук Академии наук БССР (1966–1969).

³ Антон Иванович Деникин (1872–1947 гг.) — русский военачальник, генерал-лейтенант, публицист, политический и общественный деятель, писатель, мемуарист, военный документалист, один из наиболее известных лидеров белого движения во время гражданской войны в России (1917–1922).

этого он вынужден был уехать. Профессор В.И. Пичета⁴ читал нам курс по истории народного хозяйства Беларуси. Он поражал студентов своими энциклопедическими знаниями, читал по памяти, без вспомогательных записей и даже тезисов. Цифры, примеры, имена, фамилии — все у него было в голове. Владимир Иванович имел манеру смотреть в левый угол во время чтения лекции.

По белорусской литературе лекции читали профессор Пиотухович⁵ и Язэп Лёсик, которые прекрасно знали свой предмет. Лёсик был довольно ядовитым человеком, колким на язык. Он не стеснялся отпускать резкие замечания в адрес советской действительности, что ему, конечно, потом припомнили. Сегодня, как я понимаю, это был нормальный критический подход, а не антисоветчина. Философию читал Вольфсон⁶, это был очень эрудированный и широко образованный ученый.

Все народное образование находилось в ведении Наркомпроса, который возглавляли Игнатовский, Балицкий, Платун⁷. НКП БССР объединял не только школы, техникумы, вузы, культпросвет-учреждения, но и профтехобразование. Посещение лекций оставалось строго добровольным — сказывалась традиция российской дореволюционной университетской школы. Многих профессоров мы посещали охотно и с большим удовольствием, но были такие, на которых мы выделяли своих представителей, чтобы лекции вообще состоялись. Причем делали это не столько из уважения к преподавателю, сколько из меркантильных соображений. Учебников еще не написали, и нужно было записывать хотя бы общую канву событий. Я учился вместе с Вороновой⁸, которая позднее стала профессором истории СССР

⁴ См. Словарь имен, с. 352.

⁵ Михаил Николаевич Пиотухович (1891–1937 гг.) — белорусский литературовед, критик, педагог, родился в семье православного священника, учился в Могилевской духовной семинарии, окончил Нежинский историко-филологический институт (1917), профессор БГУ им. В.И. Ленина (1921–1926), декан педагогического факультета (1926), покинул Беларусь вместе с семьей из опасения репрессий, жил во Владикавказе, преподавал славянский язык в Северо-Кавказском и Северо-Осетинском педагогических институтах (1934–1936), арестован, привезен в Минск и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1957).

⁶ См. Словарь имен, с. 341.

⁷ Там же, с. 353.

⁸ Александра Ивановна Воронова (1908–1978 гг.) — доктор исторических наук (1967), профессор МГПИ им. А.М. Горького (1968), заслуженный работник высшего образования БССР (1972), автор трудов по истории рабочего класса и

Минского пединститута им. А.М. Горького. Она знала стенографию, и мы это ей поручали. Для 4–5 студентов уже читали лекцию. Сербента⁹ читал лекции по ленинизму. Они нам не очень нравились, но сам предмет внушал уважение, и на эти лекции ходили. Древнюю историю читал профессор Никольский, широко образованный и эрудированный ученый, который оставил заметный след в науке Беларуси. Читал он без всяких конспектов, но слушать его было трудно. Говорил он, растягивая слова, заполняя промежутки между фразами междометиями “м-м-м-м-м-м-м-м-м-м”. Первое время мы сильно напрягались, но потом привыкли.

Никольский читал так, что у него лишние слова в предложении отсутствовали, все, что касалось темы, было отточено и скрупулезно. Историю Западной Европы читал профессор Перцев¹⁰, который как Пичета и Никольский, владел материалом совершенно свободно, без шпаргалок, память у него была феноменальной, все знал наизусть. Но Перцев имел один недостаток — страшная рассеянность. Часто я видел Панкевича, правда, лекции его мне не доводилось слушать, потому что он читал на первом курсе. Это был человек, совершенно лишенный тщеславия. Он рассказывал, например, с иронией, как его сделали академиком. Дело в том, что первый состав Академии наук республики не избирался, поскольку некому было это делать, а назначался СНК БССР. И вот однажды приходит Панкевич в университет, а ему сообщают в канцелярии, что он уже не профессор, а академик. Так он потом смеялся: “Сделали меня академиком и не спросили”. Это был показательный штрих времени. Нужны были академики? Прикинули, кто более достойный, и назначили — лихо?

Студенты отзывались о Павле Яковлевиче с симпатией. Он носил скромненький костюмчик серого цвета, светлая рубашечка с открытым воротом. Преданный своему делу был человек, скромный, к должностям не тянулся. По характеру добрый.

В середине 1930-х гг. я работал ученым секретарем Института философии и права АН БССР. В это время академию подвергли массовым репрессиям, начиная с 1937 г. Не проходило партийного

революционного движения в Беларуси в XIX — начале XX в., идеализировала роль большевиков в рабочем движении, что было типично для советской исторической науки того времени.

⁹ См. Словарь имен, с. 357.

¹⁰ Там же, с. 352.

собрания, чтобы одного-двух, а то трех коммунистов не исключили из партии. Иногда заочно, когда они уже находились в подвалах НКВД. Формулировки всегда были одинаковыми — “враг народа”, репрессировали всех довоенных президентов Академии наук Беларуси. В Институте философии осталось только два человека к 1938 г. — я и Вольфсон. Против нас тоже “копали”. Меня успели исключить из партии на парткоме академии, но горком партии Минска это решение не утвердил. Сумел-таки я выкарабкаться чудом. Меня приписали к троцкистской группе Ривлина, почему? Сказали, что троцкисты меня расхваливали. Как? Во время обучения в БГУ меня очень хвалил Гольдман, который вел в нашей группе семинары по политэкономии, Ривлин — семинары по Французской революции 1789 г., и тоже хвалил, а других же, наоборот, ругал за то, что они гуляли, не хотели учиться.

Был у меня товарищ, звали его Абрам Мельцер¹¹, который до войны стал директором (ректором) Минского пединститута им. Горького. Это был рабочий паренек из Минска, который получил высшее образование, вступил в партию. Сейчас трудно об этом говорить и тем более понять. Мельцер донес на свою родную сестру, которую посылали проводить коллективизацию в Поволжье. Она приехала и рассказала брату: “Что же получается, мы троцкизм критиковали, а на деле разоряем крестьян по Троцкому, который считал крестьянство реакционной силой”. Абрам чистосердечно сообщил об этом органам безопасности, он верил, что этим помогает партии. Сестру арестовали как троцкистку, а вскоре взяли и самого Мельцера как брата троцкистки — получился бумеранг. Вот вам и вторая линия моей связи с троцкизмом. На парткоме меня спрашивал Кравчук-философ, о чем я договаривался вечером такого-то числа у себя на квартире с “врагом народа” Мельцером? Он знал, что мы вместе с ним снимали одну квартиру. Вот какие были времена. Кравчука тоже посадили. Потом в печати появилась разгромная рецензия на мою книгу о пролетарском интернационализме в национальном вопросе, вышедшую за два года до этого¹². Обвинили нас с моим соавтором

¹¹ Абрам Наумович Мельцер (1904–1937 гг.) — белорусский ученый и педагог, доцент кафедры философии, директор (ректор) МГПИ им. А.М. Горького (1934–1936), осужден как «активный участник антисоветской троцкистской шпионской организации» и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1957).

¹² І.М. Ільюшын, С.Я. Вальфсон. *Аб пралетарскім інтэрнацыяналізме ў нацыянальна-каланіяльным пытанні*. Мінск., 1935.

Вольфсоном и в правом уклоне, и в троцкизме, и в других смертных грехах.

Вызвали меня в ЦК КП(б)Б и говорят: “Товарищ Ильюшин, нужно как-то спастись, пишите опровержение”. Писали мы с Вольфсоном день и ночь — отбились. В другой раз вызвали меня в НКВД и предложили подписать письмо на нашего аспиранта Кублицкого, который опубликовал статью о критике анархистских воззрений Бакунина. Следователь так повернул дело, что Кублицкий под видом критики Бакунина занимался пропагандой анархизма и таким образом боролся с советской властью. Как известно, Бакунин очень резко выступал против самого понятия “диктатура пролетариата” Карла Маркса. Я отказался подтвердить этот абсурд, и Кублицкого отпустили.

История — судья справедливый. Она не может простить всего зла, которое было привнесено в нашу жизнь и связывается сегодня с именем партии. От этого никуда не уйти. Партия не до конца откровенна с народом. Что я мог сделать, работая в академии? На моих глазах уничтожали совершенно невинных людей. Думаете, я не понимал, что они невиновны? Думаете, другие не понимали? Понимали. Но что мы могли сделать? Погибнуть вместе? Народ не выступал в роли соучастника преступлений Сталина, а был его жертвой. И эти понятия путать нельзя — пока будем путать, ничего толком не поймем, а выводы наши будут недостоверными. Не нужно забывать о положительных примерах. В противном случае как же мы тогда дожили до сегодняшнего дня? Нужно искать борцов с тиранией. Они были. У меня мужества не хватило, но ведь другие боролись. Нельзя представлять дело так, что народ вел себя как стадо. Что же мы имеем теперь — сплошное очернительство, опять перебор, но в другую сторону».

Запись беседы в Минске 26 марта 1990 г.

Первая публикация

Заседание общественной комиссии при НКП БССР по проведению 15-летнего юбилея творческой деятельности поэта Изи Харика

Протокол 1

28 октября 1935 г., Минск

Присутствовали:

Чернушевич, Дьяков, Александрович, Аксельрод

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Праздничный юбилейный вечер, посвященный 15-летнему юбилею творческой деятельности поэта Изи Харика провести 17 ноября 1935 г. в Минске с участием партийной, профсоюзной и комсомольской общественности в помещении БДТ-1¹.

2. Вечер должен открыть тов. Чернушевич. Утвердить следующую программу праздничного вечера:

— доклад о творческой деятельности тов. Харика (доклад Бронштейн),

— приветствие от ЦК КП(б)Б (Дьяков), ЦК ЛКСМБ, ЦСПСБ, Союза писателей БССР, от рабочих предприятий города (фабрика «Октябрь», завод им. Ворошилова), от студенчества и Красной армии.

3. Ответственность за организацию приветствий от предприятий Минска возложить на тов. Чижову, от партийных, профсоюзных и комсомольских, а также других организаций (Дьяков).

4. Концерт, отражающий творчество тов. Харика (отв. Главноискусство НКВП БССР тов. Ошерович).

5. Товарищеский вечер после концерта в помещении Союза советских писателей Беларуси (отв. Климович и Аксельрод).

¹ БДТ-1 — Национальный академический театр им. Янки Купалы, старейший театр Беларуси, основан в 1890 г. как Минский городской театр, в 1920 г. на его базе создан Белорусский государственный театр.

6. Организационные вопросы, связанные с проведением юбилея, — созыв гостей, наем помещения, украшение сцены и пр. возложить на Союз писателей (Климко, Аксельрод).

7. Послать пригласительные телеграммы для участия в юбилее наиболее известным писателям СССР (список приглашенных поручить составить и утвердить тов. Дьякову).

8. В честь юбилея выдать подарки тов. Харику от Наркомпроса и Союза писателей БССР.

9. Наркомпросу предоставить тов. Харику командировку по Советскому Союзу.

10. Считать необходимым организовать вечера поэта в крупнейших городах республики и просить ЦСПСБ дать указание профсоюзным организациям и клубам провести литературные вечера в честь 15 лет творческой деятельности Харика.

11. Разработку программ названных вечеров поручить тов. Чижовой и утвердить докладчиков по городу. Тезисы для докладов литературных вечеров поручить составить тов. Я. Бронштейну.

12. Просить Госиздат БССР приступить к публикации сборника избранных произведений Харика на еврейском и белорусском языках.

13. Поручить тов. Чернушевичу войти с ходатайством в СНК БССР об отпуске средств для проведения юбилея в сумме 35 тыс. руб.

14. Просить редакции газет приступить к освещению подготовки юбилея тов. Харика и в день юбилея выступить со специальными публикациями.

*Председатель комиссии
нарком НКП Чернушевич*

Источник:

НАРБ, ф. 265, оп. 1, д. 4309, лл. 1–2.

Расстрельная ночь в Минске, 28–29 октября 1937 г.

Массовая расправа над представителями белорусской и еврейской интеллигенции, деятелями науки, культуры и искусства в Минске ночью с 29 на 30 октября 1937 г.

В январе 1937 г. по приказу из Москвы сотрудники Управления госбезопасности НКВД БССР сфабриковали так называемое «Объединенное антисоветское подполье» (ОАП), которое включало 13 вымышленных организаций:

- Белорусская национальная самопомощь
- Союз борьбы за освобождение Белоруссии
- Белорусская автокефальная церковь
- Бундовско-сионистская организация
- Культурная помощь деревне
- Белорусское отделение крестьянского бюро меньшевиков
- Организация правых
- Национал-фашистская организация
- Сионистская контрреволюционная организация «Левый Гехалуц»
- Сионистская молодежная организация
- Троцкистско-террористическая организация
- Шпионско-повстанческая организация
- Эсеровская организация.

Первые аресты были произведены в январе-феврале 1937 г.

7 сентября 1937 г. Сталин подписал список лиц, якобы причастных к антисоветской деятельности на территории БССР. Список также был подписан Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и Ежовым. В список вошли 103 чел., приговоренные к расстрелу, и еще 6 чел., приговоренные к 10 и более годам лагерей.

15 сентября 1937 г. список был дополнен Наркоматом внутренних дел БССР.

В ночь с 29 на 30 октября 1937 г. в подвальных помещениях внутренней тюрьмы НКВД и Пищаловском замке (Володарке) в Минске сотрудники НКВД расстреляли видных деятелей культуры, науки и искусства БССР, а также представителей интеллигенции. Далее их тела вывезли за город, в урочище Куропаты, где захоронили в

заранее выкопанных могилах. Последующие расстрелы в Куропатах продолжались до 1941 г., вплоть до занятия Минска немецкими войсками.

Официальное число жертв, расстрелянных с 29 по 30 октября, достигает 132 чел., однако их может быть и больше. Последующие расстрелы длились еще до середины 1938 г.

Известные жертвы

Писатели, литераторы, литературные критики:

Михась Чарот, Алесь Дудар, Анатоль Вольный, Михась Зарецкий, Платон Головач, Тодор Кляшторный, Юрка Лявонный, Валерий Моряков, Моисей Кульбак, Изидор Харик, Василий Сташевский, Янка Нёманский, Зяма Пивоваров, Василий Коваль, Макар Шалай, Арон Юдельсон и др.

Государственные деятели:

Максим Левков (народный комиссар юстиции БССР и генеральный прокурор БССР), Лев Моисеев (член КПБ), Борис Малов (сотрудник Народного комиссариата торговли БССР), Борис Марьянов (член КПБ), Дмитрий Селов (сотрудник Народного комиссариата просвещения БССР), Андрей Турлай (народный комиссар совхозов БССР), Александр Воронченко (народный комиссар просвещения БССР), Виктор Яркин (председатель ЧК БССР), Захар Ковальчук (глава ЦК профсоюзов БССР), Александр Чернушевич (народный комиссар просвещения БССР с 1933 по 1936 г.).

Деятели науки:

Ананий Дьяков (ректор БГУ), Иван Живуцкий, Наум Замалин (профессор Витебского ветеринарного института), Иван Карпенко (ветеринар), Елизар Мазель (ветеринар), Степан Маргелов (географ), Павел Мухин (ветеринар), Григорий Протасеня (агрохимик), Михаил Рыдевский (профессор), Пантелей Сердюк (биолог), Евгений Успенский (физик), Иосиф Кореневский (ректор БГУ).

В 1988 г. все расстрелянные были реабилитированы решением Военной коллегии Верховного суда СССР.

Опубликовано:

Леанід Маракоў. *Ахвяры і карнікі*. Мінск, 2007 г.

Засоренность «врагами народа» учебных заведений БССР

Докладная записка на имя П.К. Пономаренко

6 июля 1938 г.

В республике необходимо реорганизовать еврейские детские дома, существование которых неправильно, поскольку дети в них разделяются по национальности. Большинство национальных школ Белоруссии были реорганизованы формально — произошла только смена вывески. Польская школа в Минске преобразована так, что в ней был оставлен без изменения весь педагогический коллектив из поляков и тот же состав учащихся, стянутых со всех концов города.

Нуждаются в проверке школьные библиотеки, особенно в бывших польских, немецких и литовских школах. Обнаружена троцкистская, контрреволюционная литература на польском и литовском языках и даже наличие иностранной литературы. Особенно энергичные меры необходимо принять по очищению учительского состава и проверке восьми еврейских школ Минска. Выяснилось, что из 148 преподавателей имели связь с Польшей 35 учителей, с Германией, Англией, Америкой и Палестиной — 38 чел., бундовцев и сионистов — 5, учителей, имеющих арестованных близких родственников (мужей и братьев), — 10, учителей у которых родители бывшие торговцы, — 11 чел., церковные служители — 6 чел. Вот некоторые из работавших учителей:

В.Ц. Виткин — отец, мать и две сестры уехали в 1924 г. за границу, а брат был арестован органами НКВД.

Л.З. Пищацер с мужем приехала из Польши в 1923 г., где у нее остались родители, муж арестован.

Д.Е. Айзенштат была арестована в 1930 г. органами НКВД, высылалась из БССР за спекуляцию американскими долларами, имеет связь с заграницей.

Мельник перешла границу из Польши нелегально в 1926 г., где у нее остались родные, брат арестован органами НКВД.

Гительсон приехала из Литвы, где остались родные, с которыми она поддерживает связь, муж арестован и др.

Обратить внимание на положение с учителями в глубинных районах республики. В Круглянском районе у 30% педагогов были арестованы ближайшие родственники и есть связь с границей. То же самое наблюдается в Бельничском районе, не лучше и в других.

Сильно засорено еврейское педагогическое училище в Минске, где работают три учителя, которые в прошлом состояли в партии «Поалей Цион», имеют связь с границей.

Источник:

НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13261, лл. 11–15.

Итоги разгрома антисоветского подполья в БССР 1937–1938 гг.

Справка Управления госбезопасности НКВД БССР

1 июня 1938 г.

За время немецкой и польской оккупации 1918–1920 гг. противник использовал для насаждения своей агентуры и связи с существовавшими в Белоруссии контрреволюционными организациями эсеров, нацдемов, бундовцев и др. Бундовцы, как и белорусские нацдемы, действовали по прямой директиве польских разведывательных органов; было принято решение о вхождении бундовцев в КП(б)Б для маскировки антисоветской деятельности и подрывной работы внутри Компартии Белоруссии. Свою работу они проводили через еврейские секции при партийных комитетах².

Из показаний арестованных Ошеровича (редактор газеты «Октябрь»), Валка, Гуревича, Львовича, Сандлера следует, что последняя легальная конференция Бунда (март–апрель 1921 г.) дала директивы своим членам, вступающим в КП(б)Б, сохранять кадры, организационные связи и традиции, бороться за бундовские принципы сохранения самостоятельности еврейского пролетариата. Эти люди проводили активную и широкую диверсионную вредительскую работу в промышленности, сельском хозяйстве, в области культуры, партийном и советском аппарате, всячески стремились тормозить экономический расцвет Белоруссии и приспособить ее экономику к условиям Польши³.

В 1930–1931 гг. троцкисты, «правые», неофашисты, эсеры, бундовцы, меньшевики, сионисты, церковники, сектанты слились воедино и имели Объединенный антисоветский центр, руководящийся польскими, немецкими и латвийскими разведывательными органами. Их формы подрывной работы были наглыми и подлыми. Всего по БССР было арестовано и разоблачено в 1937–1938 гг. 2 570 участников

² НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13261, л. 16.

³ Там же, лл. 19–20.

объединенного антисоветского подполья, из них троцкистов и зиновьевцев — 376 чел., «правых» — 177 чел., национал-фашистов — 138 чел., эсеров — 585 чел., бундовцев — 198 чел., меньшевиков — 7 чел., сионистов — 27 чел., церковников и сектантов — 1 015 чел., клерикалов — 57 чел.

Значительное количество арестованных работали в руководящих звеньях партийного, советского и хозяйственного аппарата, а именно: в ЦК КП(б) и ЦК ЛКСМБ — 23 чел., ЦИК и СНК БССР — 16 чел., наркомов и их заместителей — 40 чел., секретарей партийных окружных и городских исполкомов Советов — 20 чел., руководящих работников советского и хозяйственного аппарата — 179 чел., академиков и научных сотрудников АН БССР — 25 чел., преподавателей вузов — 41 чел., писателей и литературных работников — 20 чел.⁴

В Минске существовал нелегальный бундовский комитет, в который входили Валк, Гуревич, Дунец, Бер, Д. Рубинштейн. Комитет был связан в Москве с нелегальным ЦК Бунда в СССР (Вайнштейн, Фрумкина, Литваков, Шпрах, Киппер, Либерберг и др.). В Минске были вскрыты существовавшие до последнего времени бундовские группы на швейной фабрике «Октябрь», деревообрабатывающем заводе им. Молотова, типографии им. Сталина, в Наркомторге и Белкоопсоюзе, Наркомпросе, АН БССР, ОЗЕТе, Госбанке БССР, инвалидной кооперации и др. организациях. На периферии бундовские ячейки существовали в Витебске, Гомеле, Могилеве и Мозыре. Активную вредительскую работу они проводили главным образом в кожевенной, швейной и лесной промышленности, кустарных артелях, торговом аппарате, финансовой системе, еврейских учебных заведениях. Они готовили теракты против руководителей Компартии Белоруссии и советского правительства. Бундовцы были связаны с сионистами и еврейскими клерикалами. Сионистская организация располагала и располагает значительными кадрами среди осколков еврейской буржуазии, кустарей и бывших торговцев Белоруссии.

Они проводили свою деятельность под непосредственным руководством английской разведки. В республике были разоблачены сионисты Соловейчик, Яхнес, Фрид и др. Все они в свое время эмигри-

⁴ НАРБ, ф. 4-п, оп. 1, д. 13261, л. 23.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ровали в Палестину, где были завербованы англичанами и переброшены в СССР для подрывной деятельности. Активное участие в борьбе с советской властью принимали церковники, сектанты и еврейские клерикалы.

При составлении плана первой пятилетки было проведено активное вредительство. Это нашло выражение в том, что планы были составлены в противоречии с экономическими и природными условиями. Полесье, где исконно занимались животноводством, было подведено под рубрику неживотноводческого региона. В результате за три года первой пятилетки произошло огромное сокращение, что сильно снизило благосостояние населения и даже привело к голоду. Только в одном Наровлянском районе за 1932–1933 гг. умерло от голода до 1 000 чел.

В 1936 г. был издан закон об изъятии у крестьян, злостных неплательщиков налогов, всего имущества, за исключением жилого помещения и минимума продовольствия. Однако фактически отнимали и это.

Начальник 4-го отдела Управления госбезопасности
НКВД БССР, ст. лейтенант госбезопасности Ермолаев,
Минск

Источник:

НАРБ, ф. 4 оп. 21, д. 1410, лл. 16, 19–20, 23, 35–37, 53, 57.

Об агентурной разработке еврейских писателей

Из докладной записки наркому НКВД БССР Л. Цанаве

Февраль 1939 г.

Совершенно секретно

Народному комиссару внутренних дел СССР
комиссару государственной безопасности
первого ранга Берии Л.П.

Агентурная разработка «Гниль» была заведена 4-м отделом Управления госбезопасности НКВД БССР в июне 1938 г. На основе поступивших материалов от агента «Боевой», осведомителя «Танин» и документов следствия. Большинство — это еврейские писатели, литературные работники, проживающие в Минске. Наиболее активными являются:

1. Аксельрод Зелик Моисеевич, 1904 г. р., уроженец Польши, сын торговца-лишенца, писатель, работник журнала «Штерн», в прошлом тесно связанный с членами контрреволюционной троцкистской террористической организации Яковом Бронштейном, Изи Хариком, Моисеем Кульбаком, настроен антисоветски, ярый еврейский националист.

2. Каменецкий Гирш Мордухович, 1901 г. р., беспартийный, бывший парикмахер, еврейский поэт, близкий приятель Бронштейна, личный друг Аксельрода и старается во всем ему подражать, настроен антисоветски.

3. Каган Эля Шоломович, 1909 г. р., сын ребе (учителя в хедере), активный сионист в прошлом, тесно связан с Дунцом и Хариком, его квартира использовалась как место контрреволюционных сборищ еврейских писателей, настроен антисоветски.

4. Мальтинский Хаим Израилевич, 1910 г. р., беспартийный, еврейский писатель, заместитель редактора газеты «Юнгер ленинец», настроен антисоветски.

5. Платнер Айзик Хаимович, 1897 г. р., уроженец Польши, долгое время проживал в Америке, откуда прибыл в СССР в 1932 г., участник «Поалей Цион», которую он идеализировал в своих произведениях, активный сионист в прошлом, выступал под псевдонимом «Ерухин», был тесно связан с разоблаченным польским агентом Кульбаком. По показаниям участника Объединенного антисоветского подполья Белоруссии Тейфа, Платнер проходит как участник еврейской национал-фашистской организации.

6. Коссович Лазарь, еврейский писатель, оргсекретарь еврейской секции Союза писателей Белоруссии, ближайший соратник Бронштейна, Дунца и Харика, выехал в Москву (1932 г.) на учебу в Академию кинематографии.

7. Лившиц Мендель, писатель, сотрудник газеты «Юнгер ленинец».

8. Шведик Геннадий, еврейский писатель, тесно связан с Бронштейном и Хариком.

По агентурной разработке «Гниль» проходят наши источники — «Стеклов» и «Танин»:

— «Стеклов», 1918 г. р., уроженец Могилева, сын бывшего активного бундовца, высланного за контрреволюционную деятельность за пределы Белоруссии, молодой литературный критик; настроен антисоветски, высказывает контрреволюционные взгляды, распространяет клевету по адресу вождя народа; завербован в качестве осведомителя в марте 1938 г. для разработки антисоветски настроенных студентов Минского педагогического института, материалов никаких не дает, разрабатывается как двурушник;

— «Танин», 1914 г. р., из семьи предпринимателя, сын владельца мелкого колбасного производства, исключен из комсомола за связь с участником антисоветской организации Гершоном, молодой еврейский поэт, учитель русского языка в СШ № 35 Минска; завербован

осведомителем в 1934 г., передал ряд донесений об антисоветских высказываниях отдельных еврейских писателей. После серьезной работы над «Таниным» от него 20 января 1939 г. получено донесение о наличии антисоветской группы среди советских еврейских писателей в Минске. Материалы «Танина» перекрывают донесения агента «Боевой» о наличии антисоветского формирования среди писателей республики; считаем, что «Танин» до конца не разоблачен и о себе как участнике антисоветской группы данных не сообщает;

— «Боевой» — основной источник по разработке «Гниль», литературный критик, член Союза советских писателей БССР, который одновременно используется нами по разработке агентурного дела «Фашисты». Его материалы перекрываются данными источника «Танин» и материалами следствия.

Несмотря на удар, нанесенный контрреволюционному национал-фашистскому еврейскому подполью в Белоруссии и изъятию его руководителей — польских агентов, террористов Харики, Кульбака, Бронштейна, Дунца и др., оставшиеся на свободе еврейские писатели продолжают вражескую работу в литературе. Они распространяют провокационные слухи в отношении решения ЦК КП(б)Б о реорганизации еврейских школ в русские и белорусские, а также о закрытии газеты «Эмес» в Москве.

«Танин» 20 января 1938 г. сообщал, что Аксельрод, Каменецкий, Каган, Платнер продолжают в своих произведениях в замаскированной форме «протаскивать» прямую антисоветчину. Платнер восхвалял деятельность сионистской организации за границей, к которой принадлежал в прошлом. В 1937 г. Платнер за протаскивание в поэме «О портных» контрреволюционной пропаганды сионизма был исключен из Союза писателей БССР. Он является автором ряда произведений, не опубликованных из-за их политической вредности. В стихотворении «советская инквизиция» он на двух страницах цитирует фашистскую клевету против Советского Союза.

Аксельрод и Каган пишут упаднические произведения и отказываются писать на советскую тематику. Аксельрод, фактически работая редактором журнала «Штерн» в Минске, отдает предпочтение произведениям еврейских писателей с Украины, напоминает, что там

ПРИЛОЖЕНИЯ

еще не ликвидированы еврейские школы. Агенту «Боевому» Аксельрод заявил, что «Штерн» будет издаваться для заграницы, а не Белоруссии, так как его тираж всего 300 экз., что стихов он не пишет, пьесу давно начал, что выйдет, «не знает». Возможно, никому и не покажет.

И далее: «В журнале мне раздолье, редактора нет, Лившиц иногда посмотрит материал в гранках, а пока я печатаю, что хочу». Аксельрод открыто выражает недовольство решением сессии Верховного Совета БССР о введении двух государственных языков — русского и белорусского и исключением еврейского и польского.

Названные участники разработки «Гниль» систематически собираются на квартирах друг у друга, где ведут враждебные разговоры, высказывают особое озлобление решением партии и правительства о реорганизации еврейских школ. Они распространяют провокационные слухи о якобы ликвидации еврейской культуры в СССР, привлекают к себе творческую еврейскую молодежь — Телесина, Грубияна и др. и обрабатывают в антисоветском духе. В настоящее время агентурными материалами о связях, разрабатываемыми нами по делу «Гниль», лиц, ведущих на Москву и за кордоном, мы не располагаем.

Для активизации разработки «Гниль» мы намечаем:

1. Агента «Днепров», сотрудника редакции газеты «Советская Белоруссия», подвести к Аксельроду и его друзьям.

2. Осведомителя «Кветка», работающего в аппарате Союза советских писателей БССР, направить на разработку Каменецкого, использовать одновременно близкие ее отношения с Аксельродом.

Источник:

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ), ф. 4, оп. 21, д. 1685, лл. 1–10.
Харик Дина. «Его светлый образ» // Мишпоха, 1999 г., № 7, с. 56–62.

Бібліяграфія і крыніцы

Кнігі

Адамушка У. Справа № 233771: «Беларускі нацыянальны цэнтр» // *Беларуская мінуўшчына*. 1993 г., № 3–4, с. 45.

Адамушка У.І. *Палітычныя рэпрэсіі 20–50-х гадоў на Беларусі*. Мінск, 1994 г.

Бароўскі Б.У. *3 гісторыі палітычных рэпрэсій 1920–1950-х гадоў на Беларусі*. Маладзечна, 2010 г.

Басін Яков. *Большевизм и евреи: Белоруссия, 1920-е*: Исторические очерки. Минск, 2008 г.

Без грифа «секретно» / Сост. И.Н. Кузнецов. Новосибирск, 1997 г.

Бемпорад Элісса. *Превращение в советских евреев*. Большевицкий эксперимент в Минске. Москва, 2016 г.

Боль людская. Воспоминания жертв политических репрессий 1930–1950-х годов. Минск, 1999 г.

Вольфсон С. Я. *Культура и идеология загнивающего капитализма*. Москва, 1935 г.

Вопросы ленинизма: Сборник основных трудов И.В. Сталина по проблемам теории и практики социалистической революции, диктатуры пролетариата, социалистического строительства в СССР и защите генеральной линии ВКП (б). Москва, 1952 г.

Вышинский А.Я. *Теория судебных доказательств в советском праве* / Институт права Академии наук СССР. Москва, 1941 г.

Вышинский А.Я. *Судебные речи в качестве государственного обвинителя 1923–1938 гг.* Москва, 1953 г.

Гаравы Марат. *НКВД забіваў у Курапатах...* Мінск, 2019 г.

Гринбаум А. *Еврейская наука и научные учреждения в Советском Союзе. 1918–1953* / Перевод с английского. Евреи в России: Историко-графические очерки. Москва, 1994 г.

Гужалоўскі А. *Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР: У 2 кн. кн. 1: 1919–1941 гг.* Мінск, 2012 г.

Два взгляда из-за рубежа (Андре Жид. «Возвращение из СССР», Лион Фейхтвангер. «Москва 1937»). Москва, 1991 г.

Дрозд Дмитрий. Место расстрела: Орша. Вильнюс, 2018 г.

Дьяков Борис. *Повесть о пережитом.* Москва, 1966 г.

Ершова Э.Б. *Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии (1917–1941 гг.).* Минск, 1994 г.

Кандыбовіч С. *Разгром нацыянальнага руху ў Беларусі.* Мінск, 2000 г.

Костырченко Г.В. *Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм.* Москва, 2003 г.

Костырченко Г.В. *Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938–1953 гг.* / Под общей редакцией акад. А.Н. Яковлева; Сост. Г.В. Костырченко. Москва, 2005 г.

Костырченко Г.В. *Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР.* Москва, 2009 г.

Костюк М.П. *Большевистская система власти в Беларуси.* Москва, 2002 г.

Кузнецов И.Н. *Возвращение памяти.* Минск, 1997 г.

Кузнецов И.Н. *Страницы минувшего.* Минск, 1998 г.

Кузнецов И.Н. *Засекреченные трагедии советской истории.* Ростов-на-Дону, 2007 г.

Лукашук Аляксандр. *За кіпучай чэкіскай працай. 3 жыцця катаў.* Мінск, 1997 г.

Маракоў Л. У. Толькі адна ноч. 29 кастрычніка 1937 гады. Мінск, 2006 г.

Масавыя рэпрэсіі ў СССР у гістарычных даследаваннях і калектыўнай памяці: навуковы зборнік / Пад рэд. А. Смаленчука. Мінск, 2018 г.

«Наука» на службе нацдемовской контрреволюции / Под редакцией С.Я. Вольфсона. Минск, 1931 г.

Олехнович Ф. *В когтях у ГПУ.* Минск, 2012 г.

Они не молчали / Сост. А.В. Афанасьев. Москва, 1991 г.

Осмыслить культ Сталина / Сост. Хуан Кобо. Москва, 1989 г.

Палітычныя рэпрэсіі ў Беларусі ў XX стагоддзі: Матэрыялы навукавай канферэнцыі ў Мінску 27–28 лютага 1998 г. / Пад рэд. Н.І. Стужынскай. Мінск, 1998 г.

Платнер Джессика. *Эта жизнь обернулась вот так.* Иерусалим, 2010 г.

Правда истории. Память и боль / Сост. Н.М. Жилинский. Минск, 1991 г.

Практическое разрешение национального вопроса в БССР. Часть 1. Белорусизация: По материалам Центральной национальной комиссии ЦИК БССР. Минск, 1927 г.

Протьюко Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) Минск, 2002 г.

Реабилитация. Политические процессы 1930–1950-х годов / Под общей ред. А.Н. Яковлева. Москва, 1991 г.

Репрессивная политика советской власти в Беларуси: Сборник научных работ / Сост. И. Кузнецов и Я. Басин. Вып. 1–3, Минск, 2007 г.

Релес Гирш. *Еврейские советские писатели Белоруссии: Воспоминания.* Минск, 2006 г.

Розенблюм Александр. *Диктатурой казнены при отсутствии вины.* Город Борисов и Борисовский район Минской области, Беларусь. Книга памяти. Тель-Авив, 2021 г.

Рютин М.Н. *На колени не встану.* Москва, 1992 г.

Смиловицкий Л. *Евреи Беларуси: из нашей общей истории, 1905–1953 гг.* Минск, 1999 г.

Смиловицкий Л. *Евреи Беларуси до и после Холокоста.* Иерусалим, 2020 г.

Станкевич И. *Всех поименно назвать.* Минск, 2024 г.

Старков Б. *Дела и люди сталинского времени.* СПб., 1995 г.

Страницы истории Компартии Белоруссии. Суждения, аргументы, факты / Сост. Ю.П. Смирнов и Н.С. Сташкевич, Минск, 1990 г.

Суровая драма народа. Ученые и публицисты о природе сталинизма / Сост. Ю.П. Сенокосов. Москва, 1989 г.

Тарнавский Георгий, Соболев Валерий, Евгений Горелик. *Куропаты: следствие продолжается.* Москва, 1990 г.

Харик Изи. *«Отсель кричу в грядущие года...»: Стихи и поэмы.* Минск, 1998 г.

Bemporad, E. *Becoming Soviet Jews: The Bolshevik Experiment in Minsk.* Bloomington, Indiana University Press, 2013.

Ings, Simon. *Stalin and the Scientists: A History of Triumph and Tragedy, 1905–1953.* Grove Press, 2018.

Shearer, David R. *Policing Stalin's Socialism: Repression and Social Order in the Soviet Union, 1924–1953.* New Haven, CT: Yale University Press, 2009.

Shneer, David. *Yiddish and the Creation of Soviet Jewish Culture* / Cambridge University Press, 2004.

Shternshis, Anna. *Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939*. Bloomington, Indiana University Press, 2006.

Stalin's Terror High Politics and Mass Repression in the Soviet Union. Edited by Barry McLoughlin and Kevin McDermott. New York, 2003.

Zeltser, Arkadi. "Jews in the upper ranks of the NKVD, 1924–1941" // *Jews in Russia and Eastern Europe*, 2004, # 1(52), pp. 64–79.

Статьи

Антонович Тамара, Павел Лапец, Протько Татьяна. «О репрессиях 1937–1938 гг. в Белоруссии» // *Правда истории. Память и боль* / Сост. Н.М. Жилинский. Минск, 1991 г., с. 81–90.

Великий Анатолий. «Бунд в коммунистической Беларуси: хроника политического уничтожения» // *Репрессивная политика советской власти в Беларуси: Сборник научных работ* / Сост. Игорь Кузнецов и Яков Басин. Вып. 2. Минск, 2007 г., с. 68–82.

Врублевский Александр, Григорий Григорьев. «Очаг контрреволюции и шпионажа» // *Вечерний Минск*, 21 января 1994 г.

Герасимова И. «Противостояние белорусских раввинов антиклерикальной политике советской власти в 1920–1930-х гг.» // *Репрессивная политика советской власти в Беларуси: Сборник научных работ* / Сост.: И. Кузнецов и Я. Басин. Вып. 2. Минск, 2007 г., с. 230–252.

Гужалоўскі А.А. «Новыя дакументы пра палітычныя чысткі студэнтаў БДУ у 1929/30 навучальным годзе» // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: Навуковы зборнік*. Вып. 11. С.М. Ходзін (адк. рэд.). Мінск, 2016 г., с. 5–19.

Гужалоўскі А.А. «Вялікі тэрор» 1937–1938 гадоў у лістах жыхароў БССР Сталіну // *Беларускі гістарычны часопіс*, 2018 г., № 9, с. 3–14.

Дрозд Дмитрий. «Документы по истории репрессий в ведомственных и государственных архивах Республики Беларусь» // *Масавыя рэпрэсіі ў СССР у гістарычных даследаваннях і калектыўнай памяці: Навуковы зборнік* / Пад рэд. А. Смаленчука. Мінск, 2018 г.

Дюков А.Р. «Большой террор 1937–1938 годов в Белорусской ССР: статистические данные» // *История СССР и России: Архивная революция: Научный сборник памяти В.А. Козлова* / Ред. и сост. О.В. Эдельман. Москва, 2025 г., с. 223–232.

Жаворонков Борис. «Тридцать седьмой (из жизни одного года республики)» // *Правда истории. Память и боль* / Сост. Н.М. Жилинский. Минск, 1991 г., с. 67–80.

Запрудский С.Н. «Научный и политический аспекты реформы белорусского языка 1933 года» // *Славяноведение*, 2007 г., № 3, с. 73–78.

Затонский В.П. Доклад комиссии ЦКК ВКП(б) о проведении национальной работы в Белоруссии. Часть II. Наблюдения и замечания из области национальной идеологии // *Неман*, 1992 г., № 9, с. 122–149.

Зельцер А. «Белорусизация 1920-е годы: достижения и неудачи» // *Евреи Беларуси. История и культура*. Вып. III–IV. Минск, 1998 г., с. 60–92.

Иоффе Э.Г. «Палачи и жертвы. Жизнь и смерть руководителей карательных органов в период массовых репрессий в СССР» // *Репрессивная политика советской власти в Беларуси: Сборник научных работ* / Сост. И. Кузнецов и Я. Басин. Вып. 1. Минск, 2007 г., с. 87–121.

Кацис Леонид. «Изи Харик» // *Лэхаим*, 2007 г., № 3.

Кашталян Ирына. «Беларусь пад уплывам палітычных рэпрэсій савецкага часу (1917–1953)» // *Месцы памяці ахвяраў камунізму ў Беларусі / Пад рэд. Анны Камінскай. Фонд даследавання камуністычных дыктатур*. Берлин, 2011 г., с. 9–21.

Кошман Вадим. «Урочище Куропаты (Брод) в свете археологических исследований» // *Матэрыялы па археалогіі Беларусі*. Вып. 30. Минск, 2019 г., с. 68–91.

Платонаў Р.П. «Ворагі народа» у лютэрку гісторыка-сацыялагічнага аналізу // *Беларуская мінуўшчына*. 1994, № 2, с. 37.

Платонаў Р., Сташкевіч М. Дзве аперацыі супраць «ворагаў народа» // *Беларускі гістарычны часопіс*, 1993 г., № 1, с. 73–80.

«По следам дополнительного изучения материалов, связанных с репрессиями, которые имели место в период 1930–1940-х и начале 1950-х гг.» // *Страницы Компартии Белоруссии (суждения, аргументы, факты)*. Минск, 1990 г., с. 387–429.

Платонаў Р.П. «Ворагі народа» у лютэрку гісторыка-сацыялагічнага аналізу // *Беларуская мінуўшчына*. 1994, № 2, с. 37.

Протьюко Т. «Дело Объединенного антисоветского шпионско-вредительского подполья в БССР (1936–1937 гг.)» // *Репрессивная политика советской власти в Беларуси: Сборник научных работ* / Сост. И. Кузнецов и Я. Басин. Вып. 1. Минск, 2007 г., с. 122–152.

Практическое разрешение национального вопроса в БССР. Часть 1. Белорусизация: По материалам Центральной национальной комиссии ЦИК БССР. Минск, 1927 г.

Рэлес Гірш. «Праз скрыжаваны агонь». Аб лёсе яўрэйскай літаратуры ў Беларусі // *Польмя*, 1998 г. № 8, с. 326–276.

Сенкевич А. «За ленинскую линию в национальной политике» // *Польмя*, 1930 г., №11/12, с. 172–173.

Смілавіцкі Л. «Што і ад каго хаваем. Неабходнасць перабудовы работы архіваў Беларусі» // *Звязда*, 21 ліпеня 1988 г., № 167., с. 2.

Смиловицкий Л. «Яков Афанасьев. Взгляд из прошлого в настоящее и будущее» // *Почвоведение*, 1990 г., № 9, с. 109–118.

Смиловицкий Л. «Интеллигент в высшей степени и замечательный ученый» // *Навіны Беларускай акадэміі*, 3, 10, 17, 24 жніўня 1990 г., № 30–33.

Смиловицкий Л. «Досталинские колхозы» // *Человек и экономика*, 1991 г., № 7, с. 33–36.

Смиловицкий Л. «Как подсказывала совесть». Люди и судьбы // *Там же*, 14 лістапада 1990 г., № 34–35, с. 35.

Смиловицкий Л. «Возвращение». Судьба академика Павла Панкевича // *Там же*, 14, 21 снежня 1990 г., № 47–48, с. 35.

Смиловицкий Л. «Как я все пережил». Самуил Палей о репрессиях 1939-х годов в Академии наук БССР // *Советская Белоруссия*, 2 августа 1990 г., № 178, с. 3.

Смиловицкий Л. «Второе крепостное право (большевиков)». О коллективизации в БССР // *Крыница*, 1991, № 9, с. 14–15.

Смиловицкий Л. «Вернуться, чтобы остаться». Судьба академика Петра Бузука // *Там же*, 25 студзеня, 1, 8 и 15 лютага 1991 г., № 4–7.

Смиловицкий Л. «Что приемлет душа и природа» // *Правда истории: память и боль: Сборник статей о необоснованных репрессиях в Белоруссии в 1930–1940-х и начале 1950-х гг. Минск, 1991 г., с. 288–299.*

Смілавіцкі Л. «Апошнія інтэрв'ю». Лёс пісьменніка Станіслава Шушкевіча // *Літаратура і мастацтва*, 15 сакавіка 1991 г., № 11, с. 16.

Смиловицкий Л. «Уроки одной драмы. Преследования инакомыслия в высшей школе республики в 1930-е гг.» // *Советская Белоруссия*, 16 августа 1991 г., № 160, с. 3.

Смиловицкий Л. «Кто был ничем, тот станет всем?» Из жизни Белгосуниверситета имени В.И. Ленина 1920-х гг. // *Добрый вечер (Минск)*, 1 июня 1991 г., № 76, с. 2–3.

Смілавіцкі Леанід. «Лісты сялян-вернікаў да А.Р. Чарвякову» // *Літаратура і мастацтва*, 26 ліпеня 1991 г., № 30, с. 16.

Смілавіцкі Леанід. «Апала». Лёс Антона Баліцкага // *Польмя*, 1991 г., № 12, с. 228–238.

Смілавіцкі Леанід. «Прашу мяне расстраляць...» Лісты Васіля Штыхава // *Там жа*, № 10, 1992 г., с. 154–179.

Смиловицкий Л. «Книга в годы сталинских репрессий». См: *Кніга. Бібліятэчная справа і бібліяграфія Беларусі*. Зборнік навуковых артыкулаў. Фундаментальная навуковая бібліятэка ім. Якуба Коласа АН БССР. Мінск, 1993 г., с. 128–133.

Смиловицкий Л. «Почему в твоём доме такие глубокие подвалы?» // *Еврейский камертон* (Тель-Авив), 7, 14, 21 ноября 1997 г.

Смиловицкий Л. «Школа на идише в первые десятилетия советской власти в Белоруссии, 1921–1941 гг.» // *Новая еврейская школа* (СПб.), № 11, 2002 г., с. 171–212.

Фисунов В.А. «Политические репрессии 1920–1950-х гг. в Беларуси» (источниковедческий анализ) // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны*. Вып. 2. Рэдкал.: С. М. Ходзін (адказ. рэд.) і інш. Мінск, 2005 г., с. 227–232.

Харик Дина. «Его светлый образ» // *Мишпоха*, 1999 г., № 7, с. 56–62.

Шевелев Д. «Из истории еврейских академических подразделений в БССР в 1920-х – начале 1930-х гг. По документам Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси» // *Советская иудаика, история, проблематика, персоналии* / Под ред. М. Куповецкого. Москва, 2017 г., с. 72–81.

Справочные издания

Абрамов В. *Евреи в КГБ, палачи и жертвы*. Москва, 2005 г.

Возвращенные имена. Сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий. Минск, 1992 г.

Вторая Катастрофа. Евреи жертвы ленинско-сталинского террора, 1917–1953 гг. / Сост. Э. Бааль. Тель-Авив, 1998 г.

Генералы органов государственной безопасности: Краткий биографический справочник (1918–2001) / Сост: И.З. Юркин, А.И. Ильяшенко, А.С. Горохов. Минск, 2001 г.

Заерко А.Л. *Тюрьмы Белоруссии, 1929–1935 гг.* Кн. 1. Москва, 2001.

Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1960 гг.: Справочник. Москва, 1997 г.

Маракоў Л. *Ахвяры і карнікі.* Мінск, 2007 г.

Петров Н.В., Скоркин К.В. *Кто руководил НКВД в 1934–1941 гг.* Москва, 1999 г.

Репрессированные писатели, ученые, педагоги, общественные и культурные деятели Беларуси: Энцикл. справочник: В 10 т. (15 книг) / Сост. Л.В. Моряков. Смоленск, 2003 г.

Рэабілітацыя: Зборнік дакументаў і нарматыўных актаў па рэабілітацыі ахвяраў палітычных рэпрэсіяў 1920–1980-х гадоў у Беларусі / Уклад. А. Дзярновіч. Менск, 2001 г.

Тумшис М.А., Золотарев В.А. *Евреи в НКВД СССР. 1936–1938 гг.: Опыт биографического словаря.* 2-е изд., доп. и исправл. Русский фонд содействия образованию и науке, 2017 г.

Документы

Боль сквозь годы: Свидетельства жертв политических репрессий 1930–1950 гг. / Сост. В. Станишевский. Минск, 2004 г.

Бунд в Беларуси, 1897–1921 гг.: Документы и материалы / Сост. Э.М. Савицкий. Минск, 1997 г.

«... Міласці вашай просім». Адзін год у навейшай гісторыі Беларусі, ілюстраваны ў лістах, заявах, скаргах і іншых формах звароту грамадзян: Зборнік дакументаў / Укладальнік А.А. Гужалоўскі. Мінск, 2006 г.

НКВД в Западной Беларуси. Сентябрь – декабрь 1939 г.: Документы и материалы / Сост. В.Д. Селеменев, А.Р. Дюков, А.Ф. Великий и др. Минск – Москва, 2019 г.

Платонаў Р.П. *Палітыкі. Ідэі. Лёсы: Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20–30-х гадоў.* Мінск, 1996 г.

Платонаў Р.П. *Лёсы: Гісторыка-дакументальныя нарысы аб людзях і малавядомых падзеях духоўнага жыцця Беларусі 20–30-х гадоў.* Мінск, 1998 г.

Платонаў Р.П. *На крутым павароце: Ідэолага-палітычная барацьба на Беларусі ў 1929–1931 гг.* Мінск, 1999 г.

Платонаў Р.П. *Перед крутым поворотом: Тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925–1928 гг.): Отражение времени в архивных документах.* Мінск, 2001 г.

Платонаў Р.П. *Беларусь у міжваенны перыяд: Старонкі палітычнай гісторыі ў святле архіўных крыніц*. Мінск, 2001 г.

Рэабілітацыя: Зборнік дакументаў і нарматыўных актаў па рэабілітацыі ахвяраў палітычных рэпрэсіяў 1920–1980-х гадоў у Беларусі / Уклад. А. Дзярновіч. Менск, 2001.

Улада і грамадства: БССР у 1929–1939 гг. У дакументах сакрэтнага аддзела Асобага сектара ЦК КП(б)Б. Складальнік і аўтар прадмовы Ірына Раманавя. Вільня, 2019 г.

Шарков А.В. *Ссылка, высылка, депортация: принудительные миграции населения Белорусской ССР*. Минск, 2014 г.

“Operacja polska” NKWD na tle represji wobec Polaków w Białoruskiej SRS: Dokumenty. Redaktorzy tomu Aleksander Smalianczuk, Anatol Wialiki, Maciej Wyrwa. Centrum dialogu im. Juliusza Mieroszewskiego, Warszawa, 2022.

Архивы

Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства

Граховский Сергей Иванович, ф. 201, оп. 2, д. 146, 201, 252

Бабарэка Адам Антонавiч, ф. 407, оп. 1, д. 224

Березкин Григорий Соломонович, ф. 411, оп. 1

Платнер Айзик (Исаак Давидович), ф. 446, оп. 1

Шведик Геннадий (Генах) Борисович, ф. 55, оп. 1

Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси

НИИ почвоведения и агрохимии, ф. 54, оп. 2, д. 7

Личное дело Петра Афанасьевича Бузука, ф. 2, оп. 1, д. 3664

Личное дело Исаака Давидовича Харики, ф. 2, оп. 1, д. 3676

Личное дело Павла Яковлевича Панкевича, ф. 2, оп. 1, д. 3673

Личный фонд Н.В. Токарева, ф. 3-Д, оп. 1, д. 89

Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации

ф. 33, оп. 690306, д. 497

ПРИЛОЖЕНИЯ

ф. 33, оп. 687572, д. 537
ф. 8486, оп. 137370, д. 24

Одесский областной государственный архив

ф. 45, оп. 4, д. 1142

Национальный архив Республики Молдова

ф. 211, оп. 2, д. 280

Национальный исторический архив Республики Беларусь

ф. 2645, оп. 1, д. 82

Национальный архив Республики Беларусь

ф. 4-п,
оп. 1, д. 12007, 12100, 12246, 13225, 13261, 13239, 14642
оп. 62, д. 38, 39, 149

ф. 4,
оп. 3, д. 1, 3, 10, 130, 1229
оп. 7, д. 14
оп. 8, д. 32
оп. 21, д. 416, 1397, 1728
оп. 23, д. 400
оп. 121, д. 29, 90

ф. 7,
оп. 1, д. 14, 192

ф. 15,
оп. 5, д. 11

ф. 42,
оп. 1, д. 217, 290, 643, 1934, 1943

ф. 265,
оп. 1, д. 439

- ф. 1195,
 оп. 2, д. 56
ф. 1880,
 оп. 3, д. 278

Центральный архив КГБ Республики Беларусь

Харик Дина Звуловна. Личное дело № 6846-с;
Мельцер Абрам Наумович. Личное дело № М.10865;
Житницкий Марк Соломонович. Личное дело № 17387;
Лурье Яков Давидович, Ханелес Моисей Аронович,
Паллер Самуил Михайлович, Спришен Мордух
Абрамович, Фейгенсон Лазарь Павлович:
материалы следствия, № 14037, т. 1–4.

**Государственный архив общественных организаций
Гомельской области**

- ф. 34,
 оп. 4, д. 352
- ф. 69,
 оп. 1, д. 13, 52, 67, 345, 1154
 оп. 3, д. 1, 16
 оп. 4, д. 1, 4, 21, 32, 42, 44, 46, 59, 70
 оп. 7, д. 42
- ф. 702,
 оп. 1, д. 7, 25, 28, 29, 30, 35, 51, 52, 55, 64, 79, 126
 оп. 2, д. 2, 5
- ф. 703,
 оп. 1, д. 10, 24, 25, 136
 оп. 8, д. 6

Архив Управления КГБ по Гомельской области

Каплан Мотель Меерович. Личное дело № 14414
Кацевич Семен. Личное дело № 8640
Кашмель Федор Константинович. Личное дело № 3198

ПРИЛОЖЕНИЯ

Райхман Шлема (Соломон) Давидович. Личное дело № 8415
Голин Шая Айзикович. Личное дело № 2239
Дроздинский Лейзер Ошеревич. Личное дело № 17373
Клугерман Янкель Гиршевич. Личное дело № 16687
Златин Абрам Иосифович. Личное дело № 18491
Голод Моисей Гиршевич. Личное дело № 18482
Ховштейн Лиза Нохимовна. Личное дело № 18477
Полесский Нехемия Лейзерович. Личное дело № 18460
Лельчук Хаим Ниселевич. Личное дело № 18459
Портной Мейше-Хаим Мовшевич. Личное дело № 15850
Шейхет Нохим Беркович. Личное дело № 18890
Либерман Иосиф Соломонович. Личное дело № 18856
Рабинович Шлема Шоломович. Личное дело № 11542
Свидовский Матус Моисеевич. Личное дело № 18940
Лиокумович Фридель Монусович. Личное дело № 18941
Большанов Нохим Моисеевич. Личное дело № 18942
Айбиндер Давид Борухович. Личное дело № 18936
Левин Вениамин Симонович. Личное дело № 18958
Левин Юдель Хаимович. Личное дело № 18959

Архив Управления КГБ по Могилевской области

Шнейдерман Соломон Абрамович, личное дело № 4398 СН

Словарь имен

Адамович Александр Фомич (1900–1937 гг.) — зав. отделом печати ЦК КП(б)Б, зам. редактора газеты «Белорусская деревня» (1925–1928), зам. народного комиссара земледелия (1928), исключен из партии за идеологическую неустойчивость, примиренческое отношение к национал-демократизму (1929), арестован по делу «Союза освобождения Белоруссии» (1930) и приговорен к 10 годам, повторно арестован (1935), приговорен к смертной казни (1937), посмертно реабилитирован (1957, 1988).

Азгур Заир Исаакович (1908–1995 гг.) — белорусский советский скульптор-монументалист, педагог, Герой Социалистического Труда (1978), народный художник СССР (1973), лауреат двух Сталинских премий (1946, 1948), окончил Белорусский художественный техникум (1925), учился у Ю. Пэна, С.Б. Юдовина и М.А. Керзина, в Киевском художественном институте (1928–1929) и Тбилисской академии художеств, продолжил творческую деятельность в Минске (1930–1941), с началом войны — при Центральном штабе партизанского движения в Москве (1942–1944), после освобождения Беларуси — главный художник Дома правительства, руководитель творческой мастерской Академии художеств СССР в Минске (1980), член Академии художеств СССР (1958), заместитель председателя Белорусского республиканского комитета защиты мира (1968).

Аксельрод Зелик Моисеевич (1904–1941 гг.) — советский поэт-идишист, брат художника Меера Аксельрода, обвинялся в буржуазном индивидуализме и нездоровом интересе к прошлому, вместе с Изи Хариком возглавлял секцию еврейских писателей при Союзе советских писателей БССР, выступал против закрытия школ на идише, резко возражал секретарю Союза писателей Беларуси М. Лынькову, «что

еврейские советские писатели не создали образы героев большой значимости», и вскоре был арестован (май 1941), 26 июня 1941 г. при отступлении Красной армии из Минска был расстрелян НКВД в числе других политических заключенных, реабилитирован (1957).

Аладов Николай Ильич (1890–1972 гг.) — белорусский советский композитор, педагог, переехал из Москвы в Минск (1924), один из организаторов Белорусской консерватории, народный артист Белорусской ССР (1955).

Александрович Андрей Иванович (1906–1963 гг.), род. в Минске — белорусский советский поэт, критик, переводчик, государственный и общественно-политический деятель, участвовал в подготовке реформы белорусского правописания, директор Института языка и член-корреспондент АН БССР (1936), член ЦИК БССР (1931–1937), арестован (1937) и осужден на 15 лет, отбывал наказание на строительстве Норильского металлургического комбината (1938–1947), арестован повторно (1949) и выслан в Красноярский край, реабилитирован (1955).

Александровская Лариса Помпеевна (1904–1980 гг.) — советская оперная певица (сопрано), режиссер, публицист, общественный деятель, народная артистка СССР (1940), лауреат Сталинской премии (1941).

Андреев Андрей Андреевич (1895–1971 гг.) — секретарь ЦК ВКП(б), после ареста Н.И. Ежова в конце 1938 г. председатель комиссии Политбюро по расследованию деятельности НКВД.

Аронов Марлен Павлович (Панкевич), 1924 г.р. — снайпер 191-го гвардейского полка 64-й гвардейской стрелковой дивизии 30-го гвардейского корпуса, пять раз был ранен, кавалер орденов «Красная звезда» и «Отечественная война».

Афанасьев Юрий Яковлевич (1924 г.р.) — старший сержант 17-го гвардейского стрелкового полка 5-й гвардейской стрелковой дивизии, кавалер ордена «Отечественная война».

Бабук Владимир Викентьевич (1897–1977 гг.) — хирург, заслуженный деятель науки БССР (1948), доктор медицинских наук (1937), профессор (1938), зав. кафедрой общей хирургии, оперативной хирургии и топографической анатомии медицинского факультета БГУ, Белорусского (Минского) медицинского института (1937–1941).

Бакунин Михаил Александрович (1814–1876 гг.) — русский мыслитель и революционер, теоретик анархизма и народничества, главной задачей социальной революции считал разрушение исторических централизованных государств с заменой их свободной федерацией общин, организованных по коммунистическому принципу, отводил основную роль рабочим и крестьянам, которым на коллективных началах принадлежали средства производства, предполагал развитую систему социальной поддержки, включая равное и бесплатное образование для всех детей, отрицал диктатуру пролетариата, считая ее угрозой всему делу социальной революции и предпосылкой возврата к авторитаризму.

Балицкий Антон Антонович (1925 г.р.) — сержант 324-го гвардейского истребительно-противотанкового артиллерийского полка, удостоен двух медалей «За отвагу», медалей «За боевые заслуги», «За взятие Берлина».

Барташюнас Юозас Марцианович (1895–1972 гг.) — начальник 18-го Житковичского погранотряда (1934–1938), начальник отдела кадров Наркомата лесной промышленности БССР (1938–1939), начальник Особого отдела НКВД — отдела контрразведки СМЕРШ 16-й Литовской стрелковой дивизии (1942–1944), генерал-майор (1945), министр внутренних дел Литовской ССР (1944–1953).

Бекетов Андрей Николаевич (1825–1902 гг.), род. в Алферьевке Саратовской губернии — русский ботаник, педагог, организатор и популяризатор науки, общественный деятель, ботаник (морфолог, систематик, ботаник-географ), основоположник географии растительности в России, ректор Императорского Санкт-Петербургского университета, член-корреспондент (1891) и почетный член (1895) Санкт-Петербургской академии наук.

Бергельсон Давид Рафаилович (1884–1952 гг.) — еврейский писатель, драматург, считался крупнейшим прозаиком-соцреалистом, член президиума Еврейского антифашистского комитета СССР, арестован (1949) и расстрелян (1952), посмертно реабилитирован (1955).

Бергер-Барзилай Иосиф Михайлович (Ицхак Желязник, 1904–1978 гг.) — один из основателей коммунистической партии Палестины, журналист, политолог и советолог, преподаватель университета Бар-Илан в Рамат-Гане, руководил Ближневосточным отделом Коминтерна (1932–1934), арестован (1935), отбывал наказание на Соловках (1936–1938), отправлен в Норильск (1939), осужден на вечное поселение в Сибири (1951), после освобождения (1956) получил польское гражданство и переехал с семьей в Польшу, сотрудник Института международных отношений в Варшаве, но уже через год уехал в Израиль как корреспондент польской коммунистической газеты, еще в лагере вернулся к религии, написал книгу на русском языке «Крушение поколения» (1973).

Березкин Григорий Соломонович (1918–1981 гг.) — белорусский советский литературный критик, литературовед, член Союза писателей СССР (1939), зав. отделом критики в редакции журнала «Полымя рэвалюцыі», литературный консультант в Союзе писателей БССР (1938–1939), зав. отделом критики газеты «Літаратура і мастацтва» (1939–1941), арестован (апрель 1941), бежал во время расстрела НКВД политзаключенных под Минском (26 июня 1941), воевал под Сталинградом, на Курской дуге, под Киевом, в Карпатах, на Сандомирском плацдарме, при освобождении Праги был ранен, репрессирован вторично (1949), отбывал наказание в лагерях Казахстана и Сибири, реабилитирован (1956).

Берия Лаврентий Павлович (1899–1953 гг.) — народный комиссар НКВД (1938–1945), министр МВД СССР (1953), Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943), заместитель председателя Совета министров СССР (1946–1953), член Политбюро (1946–1953), арестован по обвинению в заговоре с целью захвата власти и в декабре 1953 г. расстрелян.

Берман Борис Давыдович (1901–1939 гг.) — зам. начальника секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР (1936–1937), активно участвовал в фабрикации «дела троцкистско-зиновьевского

центра», нарком НКВД БССР (1937–1938), организовал репрессии почти всего партийного и советского руководства Беларуси, десятков наиболее известных белорусских поэтов, писателей и ученых; начальник 3-го Управления (транспорта и связи) НКВД СССР (май 1938), арестован по обвинению в шпионаже в пользу Германии, Италии и Китая, превышении власти, необоснованных массовых арестах, пытках и убийствах (24 сент. 1938), расстрелян (23 февраля 1939 г.).

Блонский Павел Петрович (1884–1941 гг.) — российский и советский психолог, педагог, специалист в области возрастной психологии, профессор (1918), доктор педагогических наук (1935), один из основоположников советской педологии.

Болотин Исидор Михайлович (Израиль Рувимович Болотный, 1907–1961 гг.) — советский певец (лирико-драматический тенор) и общественный деятель, солист Государственного театра оперы и балета БССР (с 1933), народный артист БССР (1944).

Бронштейн Яков Анатольевич (1897–1937 гг.) — научный сотрудник Института литературы АН БССР (1930–1937), профессор МГПИ им. А.М. Горького (1932), научный сотрудник Института языкознания, литературы и искусства АН БССР, одновременно зав. кафедрой еврейской литературы и языка в МГПИ: читал курсы лекций по истории русской, белорусской и еврейской литературы, ответственный секретарь Союза писателей БССР (1932–1937), член-корреспондент АН БССР (1936), арестован (июнь 1937), расстрелян (октябрь 1937), посмертно реабилитирован (1956).

Бурстин Целестин Леонович (1888–1937 гг.) — заведующий кафедрой высшей математики БГУ им. Ленина (с 1929), директор физико-технического института АН БССР (1931–1937), арестован (1937), умер в тюремной больнице Минска (1938), посмертно реабилитирован (1956).

Бухарин Николай Иванович (1888–1938 гг.) — революционер, политический и партийный деятель, член ЦК РКП(б) (1917–1934), член Политбюро ЦК ВКП(б) (1924–1929), один из самых эрудированных представителей большевистской партии после ее прихода к власти, свободно владел французским, английским и немецким языками, в

повседневной жизни был дружелюбен и приветлив, оставался доступным в общении, лидер так называемой правой оппозиции в ВКП(б), последовательный противник политики коллективизации, академик АН СССР (1929), расстрелян (1938), реабилитирован (1988).

Вавилов Николай Иванович (1887–1943 гг.) — русский и советский генетик, ботаник, селекционер, химик, географ, общественный и государственный деятель, академик АН СССР (1929), президент (1929–1935), вице-президент (1935–1940) ВАСХНИЛ, президент Всесоюзного географического общества (1931–1940), директор Всесоюзного института растениеводства (1930–1940), директор Института генетики АН СССР (1930–1940), арестован (1940) по обвинению во вредительстве и связях с оппозиционными политическими группами, приговорен (1941) к расстрелу, который был заменен на 20 лет заключения, умер в Саратовской тюрьме, реабилитирован посмертно (1955).

Вевьерко (Вевюрка) Авром (1887–1935 гг.) — драматург, поэт, прозаик, литературовед, лингвист, родился в хасидской семье, жил в Галиции (Краков), Германии (Берлин), Бельгии (Антверпен), Англии (Лондон), работал как журналист и издатель (1908–1916), в редакции газеты «Дер Эмес» (1920–1930), председатель комиссии по орфографии идиша (1920), соредaktor журнала «Дер Штерн» (1925), один из создателей еврейской секции МАПП, последние годы жизни — в Харькове, редактор журнала «Пролит», пьесы Вевьерко ставились на сценах многих европейских театров.

Вергелис Арон Алтерович (1918–1999 гг.) — еврейский советский поэт и публицист, редактор, общественный деятель, заслуженный работник культуры РСФСР (1981), гл. редактор альманаха «Геймланд» (1947–1949), главный редактор «Советиш геймланд» (1961–1991), главный редактор журнала «Ди идише гас» (1992–1999), член Советского комитета защиты мира, входил в Антисионистский комитет советской общественности.

Вильямс Василий Робертович (1863–1939 гг.), родился в Москве, сын инженера Роберта Оскара Вильямса, приехавшего из США в 1852 г., — русский и советский почвовед-агроном, академик Академии наук СССР (1931), АН БССР (1929), ВАСХНИЛ (1935), один из основоположников агрономического почвоведения, лауреат Сталинской премии (1931).

Винберг Георгий Георгиевич (1905–1987 гг.) — советский гидробиолог, член-корреспондент АН СССР, зав. кафедрой зоологии беспозвоночных БГУ им. В.И. Ленина (1946–1967), президент Всесоюзного гидробиологического общества (1971–1986), заложил основы экспериментальной гидробиологии.

Вольфсон Семен Яковлевич (1894–1941 гг.) — советский философ и социолог, участвовал в создании БГУ, профессор (с 1921), декан факультета права и хозяйства (1925–1930), занимался профсоюзной работой, академик АН БССР (с 1928), академик-секретарь Отделения общественных наук АН БССР (с 1936), директор Института философии и права АН БССР (1931–1938), возглавлял редакцию «Беларуской энциклапедыі», издание которой не было воплощено в жизнь из-за массовых репрессий научных и культурно-просветительских сотрудников, зам. наркома образования БССР (1931–1933), уволен за «проявления великодержавного шовинизма», скрывался от репрессий в психиатрической больнице (1938), погиб с семьей в Минске в первые дни войны.

Воронова Александра Ивановна (1908–1978 гг.) — доктор исторических наук (1967), профессор МГПИ им. А.М. Горького (1968), заслуженный работник высшего образования БССР (1972), автор трудов по истории рабочего класса и революционного движения в Беларуси в XIX – нач. XX вв., идеализировала роль большевиков в рабочем движении, что было типично для советской исторической науки того времени.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883–1954 гг.) — доктор юридических наук (1935), профессор, ректор МГУ (1925–1928), академик АН СССР (1939), организатор массовых репрессий, автор книги «Теория судебных доказательств в советском праве» (1941), генеральный прокурор СССР (1935–1939), министр иностранных дел СССР (1949–1953), постоянный представитель СССР при ООН (1953–1954).

Гамарник Ян Борисович (Яков Цудикович, 1894–1937 гг.) — советский военачальник, государственный и партийный деятель, первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии (февраль 1928 — октябрь 1929), начальник Политуправления РККА (1929–1937), одновременно ответственный редактор газеты «Красная звезда», курировал связь между

Наркоматом обороны и органами государственной безопасности, застрелился, предчувствуя свой арест по вымышленному делу Тухачевского (11 июня 1937), посмертно реабилитирован (1955).

Ганкин Евгений Маркович (1922–1996 гг.) — белорусский советский художник, окончил ВГИК (1944), работал на киностудии «Беларусьфильм» художником-постановщиком игровых фильмов, заслуженный деятель искусств БССР (1968).

Гедройц Константин Каэтанович (1872–1932 гг.) — из литовского княжеского рода Гедройцев, род. в Бендерах Бессарабской губ., окончил Петербургский лесной институт (1898) и Санкт-Петербургский университет (1903) — российский советский почвовед-агрохимик, основоположник коллоидной химии почв, академик АН СССР по отделению физико-математических наук, президент Международной ассоциации почвоведов.

Гей Константин Вениаминович (1896–1939 гг.) — 1-й секретарь ЦК КП(б) Беларуси (январь 1930 – январь 1932 гг.), секретарь Московского обкома ВКП(б) (1932–1934), арестован (2 октября 1938), расстрелян в Москве (25 февраля 1939), реабилитирован посмертно (1956).

Гикало Николай Федорович (1897–1938 гг.) — советский государственный и партийный деятель, первый секретарь ЦК КП(б) Узбекской (1929), Азербайджанской (1929–1930) и БССР (1932–1937), провел большую чистку партийных организаций, после чего ее численность уменьшилась почти вдвое, отвечал за проведение индустриализации и коллективизации сельского хозяйства, первый секретарь Харьковского обкома и горкома КП(б) Украины (1937), активно участвовал в репрессиях, арестован (октябрь 1937), приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян (25 апреля 1938), посмертно реабилитирован (1955).

Глебка Пятро (Петр Федорович Глебка, 1905–1968 гг.) — белорусский советский поэт, драматург, переводчик, организатор науки, академик АН БССР (1957), член Союза писателей СССР (1934), директор Института языкознания (1957), директор Института искусствоведения, этнографии и фольклора (1957–1969), академик-секретарь Отделения общественных наук Академии наук БССР (1966–1969).

Глинка Константин Дмитриевич (1867–1927 гг.), родился в Коптево Смоленской губ. — российский советский минералог, геолог, географ, почвовед и организатор науки, профессор, академик Академии наук СССР (1927), первый почвовед, избранный в академики, директор Почвенного института имени В.В. Докучаева АН СССР.

Голодед Николай Матвеевич (1894–1937 гг.) — второй секретарь ЦК КП(б)Б (1925–1927), председатель СНК БССР (1927–1937), арестован в Москве (июнь 1937) по обвинению в участии в правотроцкистском блоке и украинской национал-фашистской организации, направлен в Минск, по официальной версии выбросился из окна 5-го этажа во время допросов в здании НКВД БССР, по неофициальной — избит до смерти, после чего инсценировано самоубийство, по другим данным, он был застрелен, реабилитирован посмертно (1956).

Голубок Владислав Иосифович (1882–1937 гг.) — белорусский советский актер, режиссер, писатель, художник, декоратор, первый народный артист СССР (1928), один из основателей белорусского национального театра, художественный руководитель и директор Белорусского государственного театра, яркий исполнитель драматических и характерных ролей, воспитал многих белорусских актеров, арестован, осужден и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1957).

Горбунов Тимофей Сазонович (1904–1969 гг.) — главный редактор Государственного издательства БССР (1937–1939), редактор газеты «Звязда» (1939–1941), редактор журнала «Славяне» (1941–1945), секретарь ЦК КПБ (1941–1947, 1950–1960).

Горин Павел Осипович (1900–1938 гг.) — ученый секретарь Общества историков-марксистов, директор Института истории Коммунистической академии, президент АН БССР (1931–1936), организатор науки, редактировал труды Ленина на белорусском языке, автор работ об установлении советской власти в Белоруссии, переведен в Москву (1936), декан исторического факультета МГУ (май 1937), арестован (август 1937), приговорен к смертной казни и расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1955).

Дардак Юдель Самуилович (1896–1938 гг.) — педагог, организатор советского школьного образования на идише в Беларуси, профессор, научный сотрудник НИИ школьной педагогики в Минске, репрессирован как агент польской разведки, расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1989).

Дворчанин Игнат Семенович (1895–1937 гг.) — белорусский писатель и общественный деятель, окончил Пражский университет (1925), защитил докторскую диссертацию «Франциск Скорина как культурный деятель и гуманист на белорусской ниве» (1926), преподавал в белорусской гимназии Вильно, депутат сейма Польши (1928), член руководства Товарищества белорусской школы, арестован в Польше и осужден на восемь лет тюрьмы (1930), передан в ходе обмена политзаключенными СССР (1930), и. о. директора Института языкознания АН БССР, арестован НКВД (1933) и приговорен к расстрелу с заменой на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, отбывал наказание на Соловках, расстрелян в Ленинграде (1937), посмертно реабилитирован (1956).

Деникин Антон Иванович (1872–1947 гг.) — русский военачальник, генерал-лейтенант, публицист, политический и общественный деятель, писатель, мемуарист, военный документалист, один из наиболее известных лидеров Белого движения во время гражданской войны в России (1917–1922).

Докучаев Василий Васильевич (1846–1903 гг.) — русский геолог и почвовед, профессор минералогии и кристаллографии Санкт-Петербургского университета (1884–1897), директор Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства (1892–1895).

Домбаль Томаш Францевич (1890–1937 гг.) — деятель польского революционного движения, в рамках обмена заключенными выехал из Польши в СССР (1923), зам. генерального секретаря Крестьянского интернационала (1923–1928), вице-президент АН БССР (1932–1934), академик АН БССР (1936), директор Института экономики АН БССР, член ЦК КП(б) Белоруссии, член ЦИК БССР, переехал в Москву, где редактировал газету на польском языке «Советская трибуна» (пол. «Trybuna Radziecka»), заведовал кафедрой Московского института механизации и электрификации, арестован по делу так называемой «Польской военной организации» (1936), расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1955).

Дорожкин Николай Афанасьевич (1905–1993 гг.) — белорусский советский миколог и фитопатолог, академик Академии наук и Академии сельскохозяйственных наук Беларуси, профессор (1933), директор Института биологии АН БССР (1936–1952), арестован (1938), освобожден (1940), в годы советско-германской войны находился в партизанах.

Дунец Хацкель Моисеевич (1897–1937 гг.) — зам. главного редактора газеты «Октябрь», главный редактор газеты «Літаратура і мастацтва», один из руководителей еврейской секции Союза писателей БССР, зам. наркома просвещения БССР (1930–1935), обвинен в троцкизме, дважды арестован (1936, 1937), расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1967).

Дурново Николай Николаевич (1876–1937 гг.) — русский советский лингвист, член-корреспондент АН СССР (1924), академик АН БССР (1928–1930), труды по русской диалектологии, истории русского и славянских языков, русской морфологии, теории грамматики, а также по древнерусской литературе, создал классификацию русских диалектов, был объявлен «буржуазным националистом», уволен из университета и исключен из АН Беларуси, уехал в Москву (1930), арестован вместе со старшим сыном по «делу славистов» (1933), осужден на 10 лет лагерей как «контрреволюционер» и отправлен на Соловки, вторично арестован (1937), приговорен к высшей мере наказания и расстрелян (окт. 1937), были расстреляны оба его сына — Андрей и Евгений (1938), реабилитирован посмертно (1964, 1967).

Дьяков Ананий Иванович (1896–1937 гг.) — ректор БГУ им. В.И. Ленина (1934), зав. отделом культуры и просветительской работы ЦК КП(б)Б (1935), нарком просвещения БССР (1936), арестован (май 1937) и расстрелян (октябрь 1937).

Жебровский Вацлав Юлианович (1895–1937 гг.) — третий секретарь ЦК КП(б)Б (1932–1934), ответственный редактор «Учительской газеты» (1934), газеты «За коммунистическое просвещение» (1935–1937), расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1956).

Жилунович Дмитрий Федорович (псевд. Тишка Гартный, 1887–1937 гг.) — главный редактор газеты «Савецкая Беларусь»,

журнала «Полымя», директор Гос. издательства БССР и Гос. архива БССР (1923), зав. Главискусства и зам. наркома образования БССР, академик АН БССР (1928), член ЦИК БССР (1920–1931), арестован (ноябрь 1936), объявлен психически больным и переведен из НКВД Минска в Могилевскую психиатрическую лечебницу, где и умер 11 апреля 1937 г., по другим данным, покончил жизнь самоубийством, посмертно реабилитирован (1955, 1987).

Звонак Алесь (1907–1996 гг.) — белорусский советский поэт, драматург, переводчик, театровед, член Союза писателей СССР (1936), заслуженный работник культуры Республики Беларусь (1991), лауреат Государственной премии Республики Беларусь им. Янки Купалы (1992), сотрудник АН БССР (1934–1935), редакции газеты «Літаратура і мастацтва» (1935–1936), арестован (1936) и осужден на 10 лет, после отбытия срока остался в Магаданской обл., работал геологом, реабилитирован (1954).

Игнатовский Всеволод Макарович (1881–1931 гг.) — историк, деятель белорусского национального движения, нарком просвещения БССР (1920), академик и руководитель Института белорусской культуры (1927), президент АН БССР (1928), директор Института истории АН БССР (1929), освобожден от должности президента АН БССР как «кулацкий агент», вызывался на допросы в ОГПУ, исключен из партии (январь 1931), в ходе допросов по делу «Союза освобождения Белоруссии» покончил с собой 4 февраля 1931 г.

Ильющёнок Петр Викентьевич (1891–1945 гг.) — директор Белорусского гос. издательства (1924–1928), арестован (1930) по делу «Союза освобождения Белоруссии» и приговорен к 10 годам лагерей, повторно арестован (1937), третий раз арестован (1942), умер в Тайшетлаге, реабилитирован посмертно (1988).

Ильюшин Иван Макарович (1901–1997 гг.) — окончил БГУ имени Ленина (1930), ст. научный сотрудник, ученый секретарь Института философии (1932–1937), зав. кафедрой марксистско-ленинской философии Белорусского института физической культуры (1937–1941), заведующий кафедрой Ташкентского финансово-экономического института, одновременно зав. отделом Бухарской ОК КП Узбекистана (1941–1943), зам. заведующего отделом ЦК КП(б)Б (1943–1944),

главный редактор журнала «Большевик Беларуси» (1944–1946), зам. председателя СНК БССР (1944–1947), директор Института философии и права АН БССР (1947–1951), главный ученый секретарь Президиума АН БССР (1951–1961), министр просвещения БССР (1962–1975), заведующий кафедрой марксистско-ленинской философии Минского радиотехнического института (1962–1975).

Иорданский Николай Николаевич (1863–1941 гг.) — российский педагог, доктор педагогических наук (1938), руководитель Главного управления социального воспитания Народного комиссариата просвещения РСФСР (1921–1922), развивал идею о создании школьных кооперативов как начальной стадии приобщения детей к созидательному труду и социальным отношениям.

Калиновский Константин Семенович (1838–1864 гг.) — белорусский и польский революционер, публицист, поэт, один из руководителей польского восстания 1863 г. на территории современных Беларуси и Литвы, считается национальным героем в современной Беларуси, Польше, Литве.

Калнин Август Янович (1889–1937 гг.) — уроженец Лифляндской губ., член партии с 1913 г., отозван на партийную работу в РСФСР (1932 г.), член ЦКК ВКП (б), репрессирован.

Кедров-Зихман Оскар Карлович (1885–1964 гг.) — родился в Риге, доктор сельскохозяйственных наук (1934), доктор химических наук (1936), заслуженный деятель науки БССР (1940), академик-секретарь Отделения естественных и сельскохозяйственных наук АН БССР (1940–1946), заместитель председателя секции агрохимии ВАСХНИЛ (1935–1950), редактор журнала «Химизация социалистического земледелия».

Кисляков Иван Андреевич (1895–1955 гг.) — род. в Бобре Оршанского уезда Минской губ., белорусский экономист-аграрник, профессор Белорусской академии сельского и лесного хозяйства (1929), председатель Научного общества по изучению Беларуси, лидер белорусской научной организационно-производственной школы экономистов.

Кнорин Вильгельм Георгиевич (Виллис Юрьевич Кнориньш, 1890–1938 гг.) — родился в Лигатне Венденского уезда Лифляндской губ., советский партийный и государственный деятель, историк и

публицист, один из авторов «Краткого курса истории ВКП(б)», член ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), руководитель информационно-пропагандистского отдела Коминтерна (1928–1937), доктор исторических наук (1935), расстрелян в 1938 г., реабилитирован посмертно.

Конт Исидор Мари Огюст Франсуа (1798–1857 гг.) — французский социолог и философ, основоположник позитивизма и социологии как самостоятельной науки.

Кореневский Иосиф Петрович (1887–1937 гг.) — белорусский, советский ученый-педагог, ректор БГУ им. Ленина (1929–1931), сотрудник Института красной профессуры мирового хозяйства и мировой политики в Москве (1931–1937), арестован в Москве и перевезен в Минск (1937), где осужден и приговорен как польский шпион к высшей мере наказания и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1957).

Крапива Кондрат (Кондрат Кондратович Атрахович, 1896–1991) — белорусский советский писатель, поэт, драматург и переводчик, литературовед, сатирик, общественный деятель, зав. отделом в журнале «Полымя рэвалюцыі» (1932–1936), Герой Социалистического Труда (1975), народный писатель БССР (1956), лауреат двух Сталинских премий (1941, 1951) и Государственной премии СССР (1971).

Кульбак Моисей Соломонович (1896–1937 гг.) — еврейский поэт, романист, драматург, работал в еврейском секторе АН БССР, редакции журнала «Штерн», автор сборников стихов, поэм, прозаических произведений и пьес, переводил на идиш стихи белорусских поэтов, «Ревизор» Гоголя; его произведения переводились на английский, белорусский, иврит, немецкий, польский, русский, французский и др. языки, арестован и расстрелян (1937), реабилитирован посмертно.

Ластовский Вацлав Устинович (1883–1938 гг.) — белорусский писатель, общественный и политический деятель, премьер-министр Белорусской Народной Республики (1918 г.), академик АН БССР (1928), историк, филолог, директор Белорусского государственного музея, арестован (1930) и осужден на пять лет, повторно арестован и расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1958, 1988).

Лёсик Язеп (Иосиф Юрьевич, 1883–1940 гг.) — белорусский общественный и политический деятель, писатель, публицист, языковед, педагог, академик АН БССР (1928), первый раз арестован (1922) за «контрреволюционный» учебник белорусской грамматики, но был отпущен, второй арест (1930) по так называемому делу «Союза освобождения Беларуси», лишен звания академика и сослан на пять лет в г. Камышин, амнистирован, но с запретом на возврат в Минск (1934), третий раз арестован (1938) и приговорен к пяти годам лагерей за «антисоветскую агитацию», умер от голода, посмертно реабилитирован (1988).

Лисица Владимир Данилович (1932–2017 гг.) — кандидат геолого-минералогических наук, руководил лабораторией микроморфологии и спектрофотометрии БелНИИ почвоведения (с 1980), один из основателей Белорусского общества почвоведов (1995), внес большой вклад в развитие генетического почвоведения Беларуси, решение теоретических и прикладных задач почвоведения, агрохимии и агроэкологии.

Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933 гг.) — русский революционер и советский гос. деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед, активный участник революции 1905–1907 гг. и октябрьского переворота 1917 г., академик АН СССР (1930), первый нарком просвещения РСФСР (1917–1929).

Лутинович Иван Степанович (1900–1968 гг.) — родился в г. Шацке Игуменского уезда Минской губ., советский почвовед и агрохимик, и. о. президента АН БССР (1951–1952), доктор сельскохозяйственных наук (1944), профессор (1953), действительный член Академии наук БССР (1947), президент Академии сельскохозяйственных наук БССР (1957–1961).

Ляпунов Борис Михайлович (1862–1943 гг.) — российский советский лингвист-славист, сын астронома М.В. Ляпунова, брат математика А.М. Ляпунова и композитора С.М. Ляпунова, окончил Петербургский университет (1885), профессор Новороссийского университета в Одессе (1901–1924) и Ленинградского государственного университета (1924–1929), член-корреспондент Петербургской академии наук (1907), академик АН СССР (1923) и Польской АН (1930), член-корреспондент Болгарской (1932) и Чешской (1934) Академий наук.

Матюкевич Иосиф Игнатьевич (1890–1938 гг.) — языковед, родился в д. Герники Слонимского уезда Гродненской губ., окончил Белгосуниверситет им. В.И. Ленина, ученый секретарь и зам. директора Института языкознания АН БССР (1931), арестован (1933), расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1956).

Машеров Петр Миронович (1918–1980 гг.) — советский партийный и государственный деятель, один из организаторов и руководителей партизанского движения в Беларуси, Герой Советского Союза (1944), Герой Социалистического Труда (1978), первый секретарь ЦК КПБ (1965–1980), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1966–1980).

Медведев Андрей Григорьевич (1897–1985 гг.) — почвовед, член-корреспондент АН БССР (1961), академик Академии сельскохозяйственных наук БССР (1959–1961), доктор сельскохозяйственных наук (1952), профессор (1953), заслуженный деятель науки БССР (1968).

Мельцер Абрам Наумович (1904–1937 гг.) — белорусский ученый и педагог, доцент кафедры философии, директор (ректор) МГПИ им. А.М. Горького (1934–1936), осужден как «активный участник анти-советской троцкистско-шпионской диверсионной организации» и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1957).

Наседкин Алексей Алексеевич (1897–1940 гг.) — народный комиссар внутренних дел БССР (май–декабрь 1938), активный участник сталинских репрессий, начальник экономического отдела УГБ УНКВД Средне-Волжского края (1934–1935), осуществил «операцию» против представителей немецкого, польского, литовского и латышского национальных меньшинств (1938), был сам арестован за фальсификацию уголовных дел (декабрь 1938), приговорен к смертной казни по обвинению в участии в антисоветском заговоре и шпионаже, расстрелян (январь 1940), посмертно реабилитирован не был.

Некрашевич Степан Михайлович (1883–1937 гг.) — белорусский языковед и общественный деятель, инициатор создания и первый председатель Института белорусской культуры, академик АН БССР, вместе с И.В. Волк-Леоновичем и Е.Ф. Карским считается одним из основоположников современного белорусского языка, академик, вице-президент Белорусской академии наук (с 1928), арестован по делу «Союза освобождения Беларуси» (1930) и приговорен к пяти годам ссылки в г. Сарапул (Удмуртия), повторно арестован и расстрелян (1937), реабилитирован посмертно (1978, 1988).

Нестерович Николай Дмитриевич (1903–1984 гг.) — белорусский советский ученый в области ботаники, академик АН БССР, сотрудник Центрального ботанического сада Академии наук, доктор биологических наук (1955), профессор (1956), вице-президент АН БССР (1969), изучал рост и развитие древесных растений.

Неустроев Сергей Семенович (1874–1928 гг.) — род. в Нижнем Новгороде, окончил МГУ (1898), профессор Географического института в Петрограде (с 1918), изучал почвы Самарской губ. (1898–1907), Средней Азии (1907–1915), Туркестана (1908–1914), Оренбургской губ. (1915–1918), руководил Казахстанской экспедицией АН СССР (1926–1927), ввел термин «серозём» и установил серозёмный тип почвообразования в пустынях, создал классификацию почв ряда районов Средней Азии.

Никольский Николай Михайлович (1877–1959 гг.) — русский советский историк, библеист, востоковед, сын М.В. Никольского, положившего начало ассириологии в России, окончил МГУ (1900), профессор БГУ им. Ленина (1921), декан педагогического факультета, академик (1931), директор Института истории АН БССР, заслуженный деятель науки БССР (1938), автор работ по истории религии, истории Древнего Востока, филолог, специалист по семитским языкам и клинописи, член-корреспондент АН СССР (1947).

Ошерович Илья Перцевич (1879–1937 гг.) — заведующий отделом подготовки кадров АН БССР, редактор газеты «Октябрь» (на идише), автор работ по истории революционного движения и Бунда в Беларуси, арестован и расстрелян (1938), реабилитирован посмертно (1957).

Патоличев Николай Семенович (1908–1989 гг.) — первый секретарь ЦК КП(б)Б (1950–1956), министр внешней торговли СССР (1958–1985), дважды Герой Социалистического Труда (1975, 1978), кавалер 11 орденов Ленина.

Пашин Василий Ильич (1889–?) — почвовед, окончил Горецкий сельскохозяйственный институт (1925), преподавал в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии и Белорусском государственном университете им. В.И. Ленина (старший преподаватель).

Перцев Владимир Николаевич (1877–1960 гг.) — белорусский советский историк, академик АН БССР (1940), доктор исторических наук (1935), профессор (1921), заслуженный деятель науки БССР (1944), член белорусской делегации на учредительной конференции ООН (1945), считается одним из самых известных белорусских историков, основателем медиевистики в БГУ им. В.И. Ленина.

Пиотухович Михаил Николаевич (1891–1937 гг.) — белорусский литературовед, критик, педагог, родился в семье православного священника, учился в Могилевской духовной семинарии, окончил Нежинский историко-филологический институт (1917), профессор БГУ им. В.И. Ленина (1921–1926), декан педагогического факультета (1926), покинул Беларусь вместе с семьей из опасения репрессий, жил во Владикавказе, преподавал славянский язык в Северо-Кавказском и Северо-Осетинском педагогических институтах (1934–1936), арестован, увезен в Минск и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1957).

Пинкевич Альберт Петрович (1883–1937 гг.) — сын польского дворянина Петра Марковича Пинкевича, сосланного на Урал за участие в восстании 1863 г., российский советский педагог, педолог, организатор народного образования, а также общественный деятель, ректор 3-го Петроградского педагогического института (1918–1920) и Уральского гос. университета (1920–1921), ректор 2-го Московского гос. университета (1926–1930), доктор пед. наук (1935), профессор, положил начало созданию педагогики высшей школы, выступал за сохранение классно-урочной школьной системы и обязательность домашних заданий, арестован (1937) по обвинению в принадлежности к «троцкистской террористической группе» и расстрелян, реабилитирован посмертно (1956).

Пичета Владимир Иванович (1878–1947 гг.) — советский историк-славист, первый ректор БГУ им. В.И. Ленина (1921–1929), академик АН БССР (1926), арестован по обвинению в великодержавном русском шовинизме, белорусском буржуазном национализме и прозападной ориентации (1930), лишен звания академика и содержался в тюрьме Ленинграда (1930–1931), приговорен к ссылке в Вятку на пять лет, профессор Воронежского педагогического института (1934), старший научный сотрудник Института истории АН СССР (1937), профессор

Московского педагогического института им. В.И. Ленина и МГУ (1938), восстановлен в звании академика АН БССР (1940), заместитель директора Института славяноведения АН СССР (1946), реабилитирован (1967).

Платнер Айзик (Исаак Хаимович, 1895–1961 гг.) — родился в семье портного в Соколов-Подляский Седлецкой губ., получил еврейское традиционное образование, работал в швейных мастерских, был актером, примкнул к движению «Поалей Цион», его стихи публиковали еврейские газеты, жил в США (1921–1932), приехал и остался в СССР (1932), арестован в 1949 г. по обвинению в измене родине, осужден на 25 лет, реабилитирован (1956), на идише после войны не публиковался, похоронен в Минске.

Платун Антон Мартынович (1896–1933 гг.) — белорусский советский государственный деятель, председатель Центрального правления профсоюза работников просвещения БССР и редактор журнала «Профсоюз Белоруссии» (с 1927), академик АН БССР (1931), нарком просвещения БССР (1929–1933).

Покровский Михаил Николаевич (1868–1932 гг.) — русский советский историк, последователь марксизма, общественный и политический деятель, академик Белорусской АН (1928) и АН СССР (1929), после его кончины наследие подверглось критике, осуждению и запрету со стороны ВКП(б), а его имя стало использоваться для обоснования репрессий против историков, которые были его последователями.

Полонский Самуил Владимирович (1902–1955 гг.) — композитор, один из основоположников белорусской композиторской школы, заслуженный артист БССР (1940), руководил республиканской хоровой капеллой, еврейским государственным ансамблем Беларуси, ансамблем песни и пляски Белорусского военного округа (1929–1941), опирался на белорусский и еврейский национальный фольклор, а также русскую музыкальную классику, особым успехом пользовались «Песня поселян» и «Колыбельная», написанные на стихи поэмы Изи Харика «Хлеб», и «Биробиджанский фрейлехс» на слова Ицика Фефера, «Вечеринка в колхозе» на стихи Янки Купалы, жил в Москве (1945–1955).

Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902–1984 гг.) — советский партийный и государственный деятель, 1-й секретарь ЦК КП(б)Б (1938–1947) и председатель Совета министров БССР (1944–1948), начальник Центрального штаба партизанского движения СССР (1942–1944).

Потапш Моисей Абрамович (1892–1973 гг.) — советский историк-марксист, общественный деятель, член Бунда (1914–1920), вступил в РКП(б), лидер «троцкистской оппозиции» в Витебске, профессор БГУ (1924–1936), зам. директора Института истории партии при ЦК КП(б)Б (1931–1936), научный работник Белорусской гос. библиотеки им. В.И. Ленина (1937), арестован (1937) и осужден на восемь лет, которые отбывал в Красноярске, старший научный работник в Институте истории АН БССР (1946–1948), вторично арестован (1949) и отправлен в ссылку на поселение, реабилитирован (1955), жил в Бресте.

Прасолов Леонид Иванович (1875–1954 гг.) — русский, советский географ, геолог и почвовед, профессор, академик АН СССР (1935), директор Почвенного института им. В.В. Докучаева (1937–1948), лауреат Сталинской премии II степени (1942).

Прищепов Дмитрий Филимонович (1896–1940 гг.) — народный комиссар земледелия БССР (1924–1929), одновременно заместитель Председателя Госплана БССР, арестован ОГПУ БССР по делу «Союза освобождения Беларуси» (1930), осужден на 10 лет, отбывал наказание на строительстве Беломорканала, затем на Дальнем Востоке, освобожден в июне 1937 г., через полтора месяца повторно арестован в Магадане, доставлен в Минск и приговорен к расстрелу (1939), умер в тюремной больнице, посмертно реабилитирован (1956, 1988).

Прянишников Дмитрий Николаевич (1865–1948 гг.) — род. в Кяхте Забайкальского края, русский агрохимик, биохимик и физиолог растений, основоположник советской научной школы в агрономической химии, Герой Социалистического Труда (1945), лауреат Сталинской премии (1941) и премии им. К.А. Тимирязева (1945), академик АН СССР (1929) и ВАСХНИЛ (1936), член-корреспондент Французской академии наук, основатель и директор ВНИИ удобрений и агропочвоведения (1946).

Раскольников (Ильин) Федор Федорович (1892–1939 гг.) — полномочный представитель СССР в Афганистане (1921–1923), Эстонии (1930–1933), Дании (1933–1934), Болгарии (1934–1938), отказался вернуться в СССР, предчувствуя арест в Москве, известен «Открытым письмом Сталину», в котором обличал репрессивную сталинскую политику, опубликованном в эмигрантской газете «Новая Россия» в Париже (1939), умер при невыясненных обстоятельствах, реабилитирован (1963).

Рафальский Михаил Фадеевич (Моисей Федорович, Мойше-Арн, 1880–1937 гг.) — основатель и первый художественный руководитель Белорусского государственного еврейского театра (БелГОСЕТ) в Минске, народный артист Белорусской ССР (1934), репрессирован и расстрелян (1937), посмертно реабилитирован (1956).

Рейзен Абрам Калманович (1876–1953 гг.) — еврейский прозаик, поэт, драматург, писал на идише, эмигрировал в США (1911), приезжал в СССР (1928), собрание сочинений Рейзена уже в 1929 г. насчитывало 24 тома, на его стихи писали песни, многие из которых стали народными; в Москве вышел сборник рассказов Рейзена «Такие люди были раньше» (2022).

Релес Григорий (Гириш) Львович (1913–2004 гг.) — еврейский писатель и поэт, окончил Витебский педагогический техникум (1933), учился на еврейском отделении литературного факультета МГПИ им. А.М. Горького (1935–1937), учитель русского языка и литературы в школах Слуцка и Новогрудка (1937–1941), литературный работник газеты «Зорька» и журнала «Вожык» (1945–1947), преподавал русский язык и литературу в вечерних школах рабочей молодежи в Минске (1947–1973 гг.), член правления и преподаватель идиша в Минском товариществе еврейской культуры им. Изи Харики (1991–1999).

Робен Поль (1837–1912 гг.) — французский педагог и общественный деятель, участник I Интернационала, анархист, радикальный неомальтузианец, сторонник совместного обучения мальчиков и девочек внутри одного учебного учреждения, в контроле над рождаемостью видел расширение прав и возможностей бедных слоев населения, особенно женщин, подвергался травле за свои взгляды и покончил с собой.

Роговой Павел Прокофьевич (1895–1985 гг.) — белорусский советский ученый, один из организаторов Агропочвенного института АН БССР, академик АН БССР, заслуженный деятель науки БССР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, почетный член Всесоюзного общества почвоведов.

Романова Татьяна Александровна (1925 г.р.) — белорусский советский ученый в области почвоведения, доктор биологических наук, профессор, почетный член Всесоюзного общества почвоведов при АН СССР, лауреат Государственной премии БССР в области науки (1976), заслуженный деятель науки БССР (1981).

Рохкинд Софья Львовна (Шпринца Лейбовна, 1903–2000 гг.) — окончила еврейское отделение литературно-лингвистического факультета 2-го Московского гос. университета (1928), училась в аспирантуре АН БССР и защитила диссертацию по истории литературы на идише (1934), доцент МГПИ им. А.М. Горького (1933–1941), вместе с Г.З. Шкляром выпустила первый «Еврейско-русский словарь» под эгидой Института литературы и языка АН СССР (1940).

Рыков Алексей Иванович (1881–1938 гг.) — русский революционер, советский государственный деятель, первый народный комиссар внутренних дел РСФСР (1917), народный комиссар почт и телеграфа СССР (1931–1936), председатель СНК СССР (1924–1930), член Политбюро (1922–1930), выступал против свертывания НЭПа, форсирования индустриализации и коллективизации, что было объявлено «правым уклоном» в ВКП(б), расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1988).

Рютин Мартемьян Никитич (1890–1937 гг.) — советский политический и партийный деятель, один из тех, кто пытался организовать сопротивление Сталину, не принял политику коллективизации в деревне и методы индустриализации страны и поддержал правую оппозицию, смещен с должности секретаря Краснопресненского РК ВКП(б) Москвы, арестован по делу «Союза марксистов-ленинцев» (1932), отказался отвечать на вопросы следователя, несмотря на жестокие истязания и обещания дать свободу, пытался покончить с собой, расстрелян (1937), реабилитирован (1988).

Савиковский Эли (1893–1960 гг.) — поэт, драматург, получил традиционное еврейское религиозное образование, один из первых поэтов «революционного поколения», писавших на идише, публиковался в газетах «Дер векер», «Ройтер штерн», «Октябрь», литературно-художественном журнале «Штерн». Его первый сборник стихов вышел в Минске в 1924 г. — «Фарместениш» («Соревнование»). В 1928 г. опубликована пьеса «Эрдлинг» («Землица»), в 1934 г. — пьеса для детей «Папирене тойбн» («Бумажные голуби»), в 1940–1950-х гг. — бухгалтер в Минске.

Саевич Платон Васильевич (1892–1956 гг.) — ректор Белорусской академии сельского и лесного хозяйства в Горках (1926–1928), ректор Коммунистического университета БССР (1929–1932), директор Института истории партии при ЦК КП(б)Б (1932–1933), заместитель начальника политуправления Дальневосточного фронта, заместитель заведующего отделом в ЦК КП(б)Б (1946–1947), министр просвещения БССР (1947–1951), арестован (1951) по обвинению в шпионаже, национализме, контрреволюционной деятельности и осужден на 25 лет, реабилитирован (1956).

Сербента Виталий Андреевич (1895–1980 гг.) — председатель товарищества историков-марксистов Беларуси, профессор БГУ и Коммунистического университета им. В.И. Ленина, директор Института истории партии при ЦК КП(б)Б (1929–1932), академик АН БССР (1931), один из редакторов перевода собрания сочинений В.И. Ленина в 12 т. на белорусский язык, перевел с немецкого на белорусский язык первый том «Капитала» К. Маркса, арестован (1937) и осужден на 10 лет, реабилитирован (1956), зав. сектором истории философии Института философии и права АН БССР (1957–1967).

Сержанин Иван Николаевич (1898–1973 гг.) — научный сотрудник (1938–1941), старший научный сотрудник и зав. отделом Института биологии АН БССР (1944–1958), отделом зоологии и паразитологии АН БССР (1958–1971), доцент, профессор, зав. кафедрой зоологии БГУ им. В.И. Ленина (1944–1970), изучал животный мир Беларуси, провел анализ исторических смен и процессов формирования териофауны, разработал схему зоогеографического районирования Беларуси.

Смолич Аркадий Антонович (1891–1938 гг.) — деятель белорусского национального движения, один из руководителей Белорусской Народной Республики (1918), ученый в области экономики, сельского хозяйства, картографии, профессор (1927), первый раз арестован по делу «Союза освобождения Беларуси» (1930) и сослан на пять лет в Осу Пермской обл., потом в Ишим Тюменской обл., вторично арестован (1937) и расстрелян (1938), посмертно реабилитирован (1957 и 1988).

Советов Александр Васильевич (1826–1901 гг.) — русский ученый-агроном и почвовед, профессор кафедры сельского хозяйства (с 1859), декан физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета (1888–1900).

Сорокин Глеб Павлович (1899–1967 гг.) — театральным псевдоним Глебов, народный артист БССР (1940), народный артист СССР (1948), в Белорусском театре им. Я. Купалы — с 1926 г., лауреат Государственных премий, депутат Верховного Совета СССР (1963–1967).

Спенсер Герберт (1820–1903 гг.) — английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма, пользовался большой популярностью в конце XIX в., основатель органической школы в социологии, идеолог либерализма.

Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953 гг.) — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) (с 1922), Маршал Советского Союза (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1939), Герой Советского Союза (1945), кавалер двух орденов «Победа» (1943, 1945), председатель СНК (Совета министров) СССР (с 1946).

Стаханов Алексей Григорьевич (1905–1977 гг.) — шахтер Донбасса, установил рекорд по добыче угля, вырубив 102 т угля при норме 7 т за одну смену (август 1935); советская пропаганда использовала его имя для организации массового «стахановского» движения по повышению производительности труда.

Стернин Николай Клеофасович (Богданович, 1900–? гг.) — ответственный редактор газеты «Звезда», арестован (1938), освобожден за прекращением дела (1939).

Судник Михаил Романович (1910–1995 гг.) — языковед, член-корреспондент (1970), кандидат филологических наук (1954), заслуженный деятель науки БССР (1980), окончил МГПИ им. А.М. Горького (1938), директор Института языкознания им. Якуба Коласа АН БССР (в 1957–1983), один из составителей современного «Русско-белорусского словаря» (1962) и «Толкового словаря белорусского литературного языка» (1996), председатель Белорусского комитета славистов (1958–1985).

Сулов Михаил Андреевич (1902–1982 гг.) — секретарь ЦК КПСС, идеолог партии, начальник Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС (с 1947), один из вдохновителей кампании по борьбе с космополитизмом, главный редактор газеты «Правда» (1949–1950), участвовал в смещении Н.С. Хрущева (октябрь 1964), одобрил решение о вводе советских войск в Афганистан (1979), после смерти Сулова его место занял Юрий Андропов (председатель КГБ СССР).

Сурта Иван Захарович (1893–1937 гг.) — окончил фельдшерскую школу в Могилеве (1914), студент медицинского факультета 2-го МГУ (1918), начальник оперативного отдела ВЧК РСФСР (1921), начальник отдела политконтроля ГПУ (1925–1926), заместитель наркома просвещения БССР (1933), нарком здравоохранения БССР (1933–1936), академик АН БССР (1936), президент АН БССР (1936–1937), арестован 27 августа 1937, расстрелян 20 декабря 1937, посмертно реабилитирован (1956).

Тарашкевич Бронислав Адамович (1892–1938 гг.) — белорусский общественно-политический деятель левого и коммунистического толка, языковед, переводчик, публицист, академик АН БССР (1928), автор первой грамматики белорусского языка, был арестован по обвинению в организации так называемого «Белорусского национального центра» (1937), расстрелян (1938), реабилитирован посмертно.

Томский (Ефремов) Михаил Павлович (1880–1936 гг.) — российский революционер, советский партийный и профсоюзный деятель, выступал против свертывания НЭПа и форсирования индустриализации и коллективизации, покончил жизнь самоубийством (авг. 1936).

Томсон Александр Иванович (1860–1935 гг.) — родился близ Дерпта (Тарту), российский и советский лингвист, член-корреспондент Петербургской академии наук (1910), окончил Петербургский университет со степенью кандидата по санскрито-персидскому разряду восточного факультета, профессор Новороссийского и Одесского университетов (1897–1932), где организовал первый в Украине кабинет экспериментальной фонетики; член Всеукраинской научной Ассоциации востоковедения в Харькове, преподавал сравнительную грамматику на одесских Высших женских курсах, изучал общее и сравнительное языкознание, санскрит, армянский язык, историческую фонетику, славянские языки, экспериментальную фонетику.

Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879–1940 гг.) — деятель международного рабочего и коммунистического движения, один из организаторов октябрьского переворота большевиков в 1917 г., создателей Красной армии, основателей Коминтерна; за участие в левой оппозиции (1923) выслан за пределы СССР (1929), убит тайным агентом НКВД в Мексике (1940).

Тупицын Михаил Николаевич (1906–1993 гг.) — заведующий сектором ЦК КП(б)Б (октябрь 1937 – август 1938), первый секретарь Сталинского районного комитета партии в Минске (август 1938 – март 1939), начальник Управления НКВД Полесской области (апрель 1939 – февраль 1940).

Фортунатов Филипп Федорович (1848–1914 гг.) — родился в Косалме Петрозаводского района, русский лингвист, профессор, действительный член Петербургской академии наук (1898), основатель московской лингвистической школы, один из наиболее значительных лингвистов дореволюционной России, трудился над историей индоарийских, балтийских и славянских языков, работал с индоевропеистикой, теорией грамматики; занимался обширной педагогической деятельностью.

Харик (Матлина) Дина Звуловна (1911–2003 гг.) — родилась в Бобруйске, жена Изи Харики, арестована НКВД в Минске 28 ноября 1937 г., осуждена как член семьи изменника родины на восемь лет исправительных работ, отбывала наказание в Казахстане, освобождена в 1946 г. и вернулась на родину, реабилитирована 14 августа 1956 г.

Хведарович Микола (Николай Федорович Чернушевич, 1904–1981 гг.) — белорусский поэт, прозаик, переводчик, ответственный секретарь журнала «Полымя рэвалюцыі», секретарь журнала «Минск», член литературных организаций «Молодняк» и белорусской ассоциации пролетарских писателей (1934–1937), арестован (1938), осужден на восемь лет, находился в заключении в лагерях на Кольском полуострове, участвовал в строительстве Мончегорска, с 1941 г. в Устьвымлаге (Коми АССР), повторно арестован (1949) и сослан в Енисейск Красноярского края, реабилитирован (1955).

Цанава (Джанджгава) Лаврентий Фомич (1900–1955 гг.) — генерал-лейтенант, родился в Грузии; помощник начальника ОГПУ Грузинской ССР (1928–1933), секретарь Потинского РК ВКП(б) (1935–1937), нарком внутренних дел БССР (1938–1941), начальник особого отдела НКВД Западного фронта (1941–1943), министр госбезопасности БССР (1943–1951), зам. министра МГБ СССР (1951–1952), уволен из органов госбезопасности, арестован (4 апреля 1953), покончил с собой в тюрьме во время следствия 12 октября 1955 г.

Червяков Александр Григорьевич (1892–1937 гг.) — председатель СНК БССР (1920–1924), председатель ЦИК БССР (1920–1937), на XVI съезде КП(б)Б был подвергнут резкой критике за недостаточную работу по уничтожению «врагов народа» и 16 июня 1937 в перерыве съезда застрелился в своем кабинете, посмертно реабилитирован (1956).

Шарангович Василий Фомич (1897–1938 гг.) — зам. народного комиссара юстиции БССР (1921–1923), второй секретарь ЦК КП(б)Б (1930–1934), первый секретарь ЦК КП(б)Б (март – июль 1937), руководил кампанией массовых репрессий в республике, привлечен к процессу по делу «Правотроцкистского антисоветского блока», осужден и расстрелян (1938), реабилитирован посмертно (1957).

Шацкий Станислав Теофилович (1878–1934 гг.) — русский советский педагог-экспериментатор, автор трудов по вопросам воспитания, директор Московской консерватории и Центральной педагогической лаборатории в Москве (1932–1934).

Шпенцер Борис Маркович (1890–1938 гг.) — доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН Белоруссии, председатель Совета по изучению производительных сил БССР, изучал экономику химической промышленности и технологического химического производства, организатор новых химических производств (производство борной кислоты, желтого фосфора и др.), арестован по обвинению в участии в контрреволюционной террористической организации (1937), расстрелян (3 апреля 1938 г.), посмертно реабилитирован (1956).

Шпилевский Иван Федорович (1891–1941 гг.) — советский революционер, белорусский историк-краевед, научный сотрудник, управляющий делами АН БССР, секретарь Центрального бюро краеведения, в июне 1941 г. находился в больнице в Минске, погиб при бомбежке санитарного поезда.

Шушкевич Станислав Петрович (1908–1991 гг.) — белорусский поэт и прозаик, заслуженный работник культуры Белорусской ССР (1983), работал в Книжной палате и Государственной библиотеке БССР (1928–1930), в газетах «Літаратура і мастацтва», «Колхозник Белоруссии», «Звязда» (1934–1936), арестован по подозрению в принадлежности к контрреволюционной национально-демократической организации (1937), осужден на восемь лет лагерей, находился в ссылке в Кемеровской области (1937–1946), работал шахтером, слесарем и бухгалтером в лагере МВД, повторно арестован (1949) и приговорен к ссылке в Красноярский край, лесоруб в геологических экспедициях, после освобождения работал в газете «Мінская праўда» (1956–1957), зав. отделом писем газеты «Літаратура і мастацтва» (1958–1970), реабилитирован (1954, 1975).

Щербаков Василий Карпович (1898–1939 гг.) — доктор исторических наук (1934), профессор (1931), зав. сектором науки и просвещения ЦК КП(б)Б (1930), академик АН БССР (1931), вице-президент (1931–1935), неперенный секретарь АН БССР (1935–1937), директор Института истории АН БССР (1931–1937), первый декан исторического факультета БГУ (1934–1936), арестован (1937 г.) и расстрелян в Минске (29 июня 1938 г.), реабилитирован посмертно (1957).

Югов Михаил Симонович (1901–?) — из семьи служащих, окончил Институт красной профессуры в Москве, доцент кафедры российской истории БГУ им. В.И. Ленина на рубеже 1920—1930-х гг., беспартийный, подвергался нападкам со стороны партийных функционеров Белгосуниверситета в 1930-е гг.

Юргелевич Петр Яковлевич (1894–?) — языковед, старший научный сотрудник в Институте языкознания БелАН (1930–1935), арестован (1935) и осужден на пять лет, отбывал наказание в Вятских лагерях НКВД, после реабилитации (1960) проживал в Могилеве.

Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938 гг.) — нарком внутренних дел СССР (1934–1936), один из главных организаторов массовых репрессий, расстрелян (1938).

Ярилов Арсений Арсеньевич (1868–1948 гг.) — род. в с. Медведском Минусинского округа Енисейской губ., российский советский почвовед, организатор и историк науки, профессор, председатель советской секции Международной ассоциации почвоведов, председатель Бюро съездов по изучению производительных сил Госплана (1923–1931), преподавал в МГУ (1914–1916, 1923–1931), Воронежском сельскохозяйственном институте (1916–1919), Кубанском политехническом институте (1919–1921).

Ярославский Емельян Михайлович (Миней Израилевич Губельман, 1878–1943 гг.) — российский революционер, советский партийный и государственный деятель, академик АН СССР (1939), лауреат Сталинской премии (1943), руководил антирелигиозной политикой в СССР, один из главных идеологов сталинизма.

Словарь терминов и понятий

Авангард — классы, партии или организации, объявленные носителями социального прогресса, опора коммунистического режима.

Агитация — устная, печатная и наглядная деятельность, воздействующая на сознание людей для подчинения их политике партии и государства.

Агитпроп — отдел агитации и пропаганды при комитетах ВКП(б)/КПСС, отвечавший за идеологическую работу с населением.

Акмолинский лагерь жен изменников Родины (А. Л. Ж. И. Р.) — разговорное название 17-го женского лагеря Карагандинского ИТЛ в Акмолинской области, Казахстан (1938–1953), в 1938 г. в лагере находилось около 8 000 заключенных-женщин, включая 4 500 жен «врагов народа».

Антисоветизм — идеология и практика, несовместимая с политическими установками КПСС.

Аполитичность — уклонение, действительное или мнимое, от участия в общественной жизни.

Беломорско-Балтийский канал (1931–1933) соединил Белое море с Онежским озером и обеспечил выход в Балтийское море и к Волго-Балтийскому водному пути (227 км), строительство велось главным образом силами заключенных ГУЛАГа (125 000 чел.), в ходе которого умерло 12 300 чел., после окончания строительства 12 484 заключенных освободили, а для 59 516 заключенных были сокращены сроки; канал посетили 120 писателей и художников (среди них Алексей

Толстой, Михаил Зощенко, Всеволод Иванов, Виктор Шкловский, Ильф и Петров, Бруно Ясенский, Валентин Катаев, Вера Инбер, Сергей Буданцев, Дмитрий Мирский, Изи Харик и др.).

Белорусизация — политика использования белорусского языка в общественной, государственной, научной, культурной и хозяйственной жизни республики и продвижение белорусов как титульной нации на руководящие должности в БССР (1924–1929), проводившаяся с разрешения ЦК ВКП(б), однако потом свернутая по приказу из Москвы как угроза курсу сталинскому интернационализму (1930–1931), формально не отменялась, но интеллигенция республики подверглась жестоким репрессиям в рамках сфабрикованного НКВД дела «Союза освобождения Белоруссии».

Большевизация — усиление влияния РКП(б)-ВКП(б)-КПСС, внедрение большевистских принципов; увеличение количества коммунистов в какой-либо организации.

Булаховцы — участники военных формирований С.Н. Булак-Балаховича на территории Беларуси, действовали против Красной армии совместно с польскими войсками осенью 1920 г.

Бунд (Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России) — еврейская социалистическая партия, считал себя единственным представителем еврейского рабочего класса, выступал за национально-культурную автономию, светскую систему просвещения, развитие культуры на идише, верил, что благодаря этому евреи не ассимилируются и сохранят свою культурную обособленность, противник религии, сионизма и эмиграции в Палестину, отрицательно встретил большевистский переворот 1917 г., считая это узурпацией народной воли, признал программу РКП(б) и присоединился к Коминтерну (1920), объявил о самороспуске (1921), одни его члены выехали за границу, другие вступили в РКП(б) и в 1920–1930-е гг. были объявлены врагами и репрессированы.

Великий перелом — выражение И.В. Сталина, которым он охарактеризовал начатую в конце 1920-х гг. в СССР политику форсированной индустриализации и сплошной коллективизации сельского хозяйства, создание мобилизационной экономики с предельной кон-

центрацией ресурсов в государственных институтах, отказ от плюрализма, гражданского общества, демократических ценностей, независимой судебной системы, что неизбежно привело к невиданным репрессиям по всей стране.

Гострудсберкасса (государственная трудовая сберегательная касса) — отделение Государственного банка СССР для привлечения свободных денежных средств населения и их размещения в виде государственных внутренних займов, осуществление расчетно-кассового обслуживания населения.

Докладная записка — документ, адресованный руководителю вышестоящей организации и излагающий определенную тему с выводами и предложениями составителя; информирует об имевших место событиях, фактах, явлениях, сложившейся ситуации, требующих принятия решения.

Допуск — документ, разрешающий участие в секретной работе или знакомство с запрещенной литературой.

Доска почета — форма наглядной агитации для морального поощрения советских граждан.

Евсекция — еврейская секция КП(б)Б для распространения коммунистической идеологии в среде еврейского населения республики на языке идиш, боролась с Бундом и другими еврейскими партиями, контролировала школу на идише, еврейские научные и культурные учреждения, объединения писателей и др., негативно относилась к прошлому еврейского народа, боролась с сионизмом, еврейской традицией и религией, закрыта в 1930 г. под предлогом осуждения национализма, все активисты арестованы и в основном погибли в 1937–1938 гг.

Закордонники — чаще всего выходцы из Восточной Польши (Западной Беларуси, Западной Украины), стран Балтии и Бессарабии, которые незаконно пересекли государственную границу с СССР по социальным и политическим мотивам, чтобы найти убежище в СССР.

Закрытые письма — секретные документы ЦК ВКП(б) для разъяснения партийным активистам и руководящим работникам вопросов внутренней и внешней политики.

Идишизация — государственная политика в БССР начала 1920-х гг. с использованием языка идиш для привлечения еврейского населения к мероприятиям советской власти, демонстрация равноправия евреев с белорусами как титульной нацией, включала вопросы образования, делопроизводства, исполнительной и судебной власти на идише в местах компактного проживания евреев, предполагала борьбу с сионистами и еврейской религией; была свернута в начале 1930-х гг. как препятствие для политики сталинского интернационализма, что привело к русификации и ассимиляции евреев.

Инакомыслящие — люди, чьи политические взгляды и убеждения не отвечают стереотипам общественного мировоззрения.

Институт белорусской культуры — первая белорусская научная организация (1922–1928 гг.), позднее Академия наук БССР, работали секции: историко-археологическая, белорусского языка и литературы, белорусского искусства, изучения революционного движения, этнографическая и правовая, а также несколько постоянных комиссий: словарная, терминологическая, литературная, библиографическая, по изучению природных производительных сил, охране памятников древности, искусства и природы, открыта аспирантура, выпускались журнал «Наш край» и «Запіскі аддзела гуманітарных навук», «Запіскі аддзела прыроды і народнай гаспадаркі».

Исход — библейское предание о порабощении евреев (израильтян) в Египте, их массовом выходе по воле Бога из Египта под предводительством Моисея, является фундаментом иудаизма, упоминается в ежедневных молитвах и отмечается ежегодно в праздник Песах, имеет переносное значение — возврат всех евреев, где бы они ни находились в изгнании, в Палестину.

Контрреволюция — реакция свергнутого класса на социальную революцию, направленная на реставрацию или сохранение свергнутого общественного и государственного строя.

Коренизация — выдвижение к руководству в союзных республиках представителей титульной нации, внедрение языка титульной нации в книгоиздание, средства массовой информации, делопроизводство, образование, свернута конце 1930-х гг. и заменена политикой русификации.

Краткий курс истории ВКП(б) — учебник по истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков); определял концепцию исторического развития советского общества с конца 1930-х до середины 1950-х гг., предложенную И.В. Сталиным, считался эталоном при освещении отечественной истории XIX–XX вв.

Кулаки — зажиточные крестьяне, использовавшие труд наемных рабочих и занимавшиеся сельским ростовщичеством; в период коллективизации в СССР (1929–1933) государство провело их незаконное раскулачивание: принудительное изъятие собственности, часто сопровождавшееся репрессиями — от расстрела до ссылки в неблагоприятные для проживания районы страны.

Культ личности — возвеличивание отдельной личности (государственного деятеля) средствами пропаганды и в произведениях культуры, необычайной мудрости, способности предвидеть будущее, выбрать единственно правильное решение; наиболее известны культы личности Ленина, Муссолини, Гитлера, Сталина и Мао Цзэдуна.

Левый уклон — оппозиция в ЦК ВКП(б), возникшая в ходе НЭПа как результат социального расслоения советского общества в 1923–1928 гг., критика отхода партийного руководства от радикальных принципов раннего большевизма, бюрократизации партии, требование ограничить рыночные отношения, полный отказ от частной собственности и контроль государства за всеми сторонами жизни общества, предпочтение уравнительного принципа распределения материальных благ как условия социальной справедливости.

Ленинградское дело — серия судебных процессов в СССР конца 1940 – начала 1950-х гг. против партийных и государственных руководителей из Ленинграда по обвинению во вредительской подрывной работе и коррупции; несмотря отмену в 1947 г. смертной казни в СССР, главные обвиняемые, и среди них секретарь ЦК ВКП(б)

Алексей Кузнецов, председатель Госплана СССР Николай Вознесенский, председатель СМ РСФСР Михаил Родионов, первый секретарь Ленинградского ОК и ГК ВКП(б) Петр Попков, были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны сразу же после вынесения приговора (1950), реабилитированы посмертно (1954).

Нацдемовский язык — самобытное правописание в белорусском языке, попытки создания которого были предприняты в 1924–1929 гг. руководителями Института белорусской культуры.

Национал-демократизм (нацдемы) — направление общественно-политической мысли в Беларуси, включающее в себя общедемократические идеи в сочетании с задачами социального и национального освобождения с целью создания белорусского национального государства; объявлен большевиками «контрреволюционным течением» (с 1929) — неприятие диктатуры пролетариата, защита частной собственности, национализм и буржуазно-демократическая государственность; надуманное обвинение белорусской интеллигенции в заговоре с целью отторгнуть БССР от СССР и образовании самостоятельного Белорусского государства под протекторатом Польши. впоследствии нацдемы были реабилитированы (1956–1988).

Номенклатура — должности, на которые кандидатов утверждали партийные органы; господствовавший социальный слой, пользовавшийся системой негласных привилегий.

ОЗЕТ (Общество землеустройства еврейских трудящихся, 1925–1938 гг.) — организация по распределению средств для переселенцев, созданию для них общего и профессионального образования, культурной жизни, медицины, взаимодействию с международными еврейскими организациями; в ходе массовых репрессий (1937–1938) была уничтожена значительная часть руководства ОЗЕТа, упразднены еврейские национальные районы и сельсоветы, а школы на идише превращены в русские, из 14 000 еврейских семей, поселенных на земле, значительная часть вернулась в города, а оставшиеся в сельской местности погибли в Холокосте.

Осадничество — переселение гражданских и военных колонистов (осадников) из центральных регионов Польши на территорию

Западной Беларуси с 1921 по 1939 г., более 3 000 чел., которым выделили 600 000 га земли.

Особое совещание — административный карательный орган при НКВД и МГБ СССР с 1934 по 1953 г., имевший внесудебное право на ссылку, заключение в исправительно-трудовой лагерь, высылку за пределы СССР и расстрел.

Правый уклон — оппозиция в ЦК ВКП(б), выступавшая против ликвидации НЭПа, принудительного обобществления земли и средств производства, неограниченного вмешательства государства в жизнь общества, за сохранение рыночных отношений и частной собственности под контролем государства, верховенства закона и плюрализм, создание условий для материальной заинтересованности в гражданах в результатах своего труда.

Поалей Цион (ивр. «Рабочие Сиона») — еврейская социал-демократическая рабочая партия левосионистской направленности, состояла из полупролетариев и мелких ремесленников, октябрьский переворот 1917 г. встретила враждебно, но отвергала насильственные методы борьбы с советской властью, левая фракция на конференции в Гомеле образовала Еврейскую коммунистическую партию, «Поалей Цион» самораспустилась (декабрь 1922), часть членов партии была принята в ряды РКП(б), а другая отошла от политики.

Промпартия — вымышленная контрреволюционная организация, так называемый Союз инженеров (Промышленной партии), сфабрикованный по приказу Сталина судебный процесс по делу о вредительстве в промышленности и на транспорте в 1925–1930 гг., все осужденные по делу были реабилитированы в 1991 г.

Прописка — обязательная регистрация в органах внутренних дел места постоянного или временного проживания граждан.

Северный край — с 1 октября 1929 по 5 декабря 1936 г. включал в себя острова Северного Ледовитого океана (Вайгач, Земля Франца-Иосифа, Колгуев, Новая Земля), Соловецкие острова Белого моря с городами Архангельск и Вологда.

Середняки (среднее крестьянство) — слой крестьянства, занимавший положение между бедняками и кулаками в дореволюционной и Советской России; имели единоличное хозяйство, которое обрабатывали без привлечения наемной силы.

Сионизм — национальное движение, связанное с созданием еврейского государства в Палестине и эмиграцией в него; якобы призванное отвлечь еврейские трудящиеся массы от революционной борьбы, чтобы сохранить господство буржуазии, угроза советскому государству; полностью запрещен в СССР в 1928 г.

«Советиш геймланд» — советский литературный и общественно-политический журнал на идише, орган Союза писателей СССР, ежемесячно издававшийся в Москве (1961–1991 гг.), публиковал материалы по еврейскому фольклору, истории языка и литературы на идише, собирал биографические материалы о еврейских писателях, после Шестидневной войны 1967 г. подвергал критике политику Израиля в рамках советской проарабской ориентации, тираж журнала неуклонно падал: с 25 000 экз. (1961) до 2 000 экз. (1991); журнал «Ди идише гас» стал идейным и творческим продолжением журнала «Советиш геймланд» (1993–1999).

Социализм — первая фаза коммунизма; утопическая теория построения общества, в котором достигнуты полное народовластие и социальная справедливость, обеспечено уважение прав и свобод человека, а остатки экономического неравенства не являются препятствием для свободного и гармоничного развития каждой личности.

Социалистический реализм — художественный метод, использовавшийся в СССР (с 1930), тесно связан с идеологией и пропагандой, идейное содержание заложено диалектико-материалистической философией, марксистской эстетикой и коммунистическими идеями, охватывал литературу, драматургию, кинематограф, живопись, скульптуру, музыку и архитектуру.

«Союз освобождения Белоруссии» (Саюз вызвалення Беларусі) — вымышленная организация для расправы ГПУ над деятелями белорусской науки и культуры; весной и летом 1930 г. было арестовано 108 чел., из которых 86 чел. осуждены, в 1937–1941 гг. дело

П Р И Л О Ж Е Н И Я

СВБ было пересмотрено, многие обвиняемые расстреляны, другие заключены в лагеря, а следователи ГПУ, которые вели это дело, устранены как свидетели, репрессии против еще остававшихся в живых обвиняемых в членстве в СВБ имели место и в 1949–1952 гг.

Спецхран — отдел специального хранения печатных изданий в советской библиотеке, ознакомление с которыми считалось нежелательным по идеологическим соображениям, ссылки на литературу из спецхрана были запрещены.

Сталинизм (по партийному псевдониму Иосифа Джугашвили) — политическая система, основанная на культе личности И.В. Сталина, генерального секретаря ЦК ВКП(б) в 1922–1953 гг.; полный отказ от частной собственности в пользу государственного сектора, ликвидация гражданского общества, демократических прав и свобод граждан, плюрализма, верховенства закона, изоляция от внешнего мира, сращивание государственных органов и правящей Коммунистической партии, всевластие цензуры и пропаганды.

«Тройки» НКВД СССР — органы административных (внесудебных) репрессий, состояли из трех человек: начальника областного УНКВД, секретаря обкома ВКП(б) и прокурора, чем и обусловлено название, имели право приговаривать арестованных к расстрелу, заключению в лагеря или тюрьмы на срок от восьми до 10 лет.

Трудовая крестьянская партия — дело о контрреволюционной вредительской организации, якобы существовавшей в СССР в 1921–1941 гг., как часть борьбы против курса на коллективизацию деревни. Все обвиняемые по этому делу реабилитированы (1987).

ЦКК — Центральная контрольная комиссия РКП(б), ВКП(б), КПСС, высший контрольный орган партии в 1920–1934 и в 1990–1991.

Шахтинское дело — фальсифицированный судебнополитический процесс в Москве (1928) над руководителями и специалистами угольной промышленности СССР на ряде шахт Донбасса, которых обвиняли во вредительстве и саботаже, что обозначило переход от НЭПа к «социалистическому наступлению» в экономике.

Именной указатель

А

Адамович А.Ф. – 148, 170, 183, 335
Адамович И.А. – 28, 141, 174, 192
Авербах Л.Л. – 217
Азгур З.И. – 213, 232, 236, 291-295, 335
Айзенштат Д.Е. – 314
Аксельрод Зелик – 198, 207, 310, 319, 321, 322, 335
Акулич Владимир – 14
Аладов Н.И. – 149, 336
Александрович Андрей – 49, 71, 149, 219, 221, 288, 300, 309, 336
Александровская Л.П. – 149, 336
Алексеев Е.К. – 138, 182
Андреев А.А. – 285, 336
Антоненко – 110
Арагон Луи – 207, 281
Аронов М.П. – 110, 123, 124, 242, 336
Аронова Лия – 126
Астапенко Змитрок – 222, 298
Афанасьев Ю.Я. – 69, 73, 76, 242, 336
Афанасьев Я.Н. – 9, 13, 63-86, 240, 241
Афанасьева Г.Я. – 70, 76

Ахремчик И.О. – 58
Ахромович – 140

Б

Бабук В.В. – 90, 337
Багрицкий Эдуард – 204
Бакунин М.А. – 309, 337
Балицкий А.А. – 189, 191, 193-195, 242, 306
Балицкий Александр – 192
Балицкий А.В. – 10, 13, 93, 97, 130-195, 240, 241, 257, 336
Барсук Захар – 207
Барташюнас Юозас – 119, 336
Басин Я.З. – 11
Бедуля Змитрок – 37, 71, 207
Бекетов А.Н. – 64, 337
Бергельсон Давид – 234, 291, 338
Бергер-Барзилай И.М. (Ицхак Желязник) – 338
Березкин Г.С. – 202, 208, 236, 291, 338
Бер – 316
Берия Л.П. – 11, 12, 26, 28, 37, 123, 319, 338
Берман Борис – 11, 27, 28, 122, 338
Бибило Ю. – 47

Биндер Фаня – 234
 Блонский П.П. – 94, 339
 Боричевский Е.И. – 42
 Богданович – 229
 Богданович А.В. – 42
 Богун Михась – 222, 298
 Богуцкий В.А. – 162
 Болотин И.М. – 149, 338
 Бондаренко И.П. – 49
 Боричевский Евгений – 222, 298
 Бородулин Г.И. – 237
 Борщевская Д.Б. – 104
 Ботвинник Цаля – 207
 Бровка П. – 219, 221, 223, 236, 293, 300
 Бронштейн Я. – 207, 218, 219, 222, 224, 228, 299, 304, 319, 339
 Буданцев Сергей – 216
 Бузук В.П. – 37-62
 Бузук Г.П. – 53, 57, 58
 Бузук Е.П. – 52, 56, 58
 Бузук О.П. – 57, 58
 Бузук П.А. – 10, 13, 38, 39, 41, 53, 55, 57, 59
 Будзинский – 261
 Булахов М.Г. – 39
 Булгаков Н.Н. – 67, 75
 Бурстин Ц.Л. – 42, 288, 339
 Бухарин Н.И. – 234, 257, 273, 339
 Быков Василий – 76
 Бэнда Лукаш (Бенде Л.А.) – 299

В

Вавилов Н.И. – 125, 340,
 Вайнштейн А.И. – 24, 317
 Валк – 316
 Ваттенберг (Чайка) – 234

Вевьерко (Вевюрка) Авром – 340,
 Вергелис Арон – 208, 236, 300, 340
 Верткин Эдуард – 14
 Вильгельм II – 139
 Вильямс В.Р. – 76, 340
 Винберг Г.Г. – 125, 341
 Виткин В.Ц. – 314
 Владимирский В.И. – 58, 181
 Вознесенский А.М. – 42
 Вознесенский Н. – 277
 Войткевич Зигфрид – 14
 Волк-Леванович И.В. – 47
 Волков А.А. – 12, 117
 Волосевич – 140
 Волохонович – 229
 Волошин П.П. – 186
 Волчек – 76
 Вольный А. – 312
 Вольский А. – 223, 237
 Вольфсон – 109, 252, 253, 306, 309, 341
 Воронова А.И. – 306, 341
 Воронченко А. – 313
 Ворошилов – 125, 312
 Ворошилов К.Е. – 231
 Высоцкая (Сорокина) А.П. – 148
 Вышинский А.Я. – 8, 122, 266, 341

Г

Гайдар Е.Т. – 234
 Гайдар Т.А. – 234
 Гамарник Я.Б. – 171, 182, 257, 341
 Ганкин Е.М. – 200, 342
 Гартный Тишка (Д.Ф. Жилунович) – 44, 70, 140, 141, 148, 160, 161, 212, 345

Гегель Георг-Вильгельм – 98
 Гедройц К.К. – 66, 342
 Гей К.В. – 249, 254, 342
 Гельмонд Самуил – 207
 Гельфанд Александр – 14
 Гикало Н.Ф. – 12, 191, 214, 229, 299, 342
 Гительсон – 315
 Гитлер Адольф – 8, 193, 240
 Глаубах Рина – 14
 Глебка П. – 221, 223, 305, 342
 Глинка К.Д. – 66, 78, 343
 Гоголь Н.В. – 272
 Головач П.Р. – 170, 212, 219, 298, 313
 Головинский А.К. – 140
 Голодед Н.М. – 70, 191, 214, 343
 Голубок В.И. – 218, 288, 343
 Горбунов Т.С. – 112, 114, 343
 Горецкий Г.И. – 182
 Горелова Галина – 294
 Горин П.О. – 42, 70, 107, 284, 343
 Гофштейн Давид – 234
 Гранин Д. – 126
 Граховский Сергей – 212, 236, 237
 Гредингер М.И. – 251
 Грекова Н.Г. – 26
 Гриневич – 113
 Грубиян М.М. – 322
 Гуревич Хаим – 207, 316
 Гурский И. – 219

Д

Давилин К.И. – 265
 Дардак Ю.С. – 104, 344
 Дардык Розалина – 14
 Дашковский В.Н. – 10
 Дворчанин И. – 47, 51, 344

Деникин А.И. – 305, 344
 Джелюк А. – 48
 Дзержинский В. – 47
 Дидяев – 109
 Довгялло Д.И. – 42, 47
 Довнар-Запольский М.В. – 42
 Докучаев В.В. – 64, 344
 Долгопольский Цодик – 207
 Домбаль Т.Ф. – 117, 344
 Дорожкин Н.А. – 287, 345
 Дудар Алесь – 44, 312
 Дунец Хаим (Хацкель) – 201, 207, 211, 230, 294, 297, 298, 300, 304, 316, 345
 Дурново Н.Н. – 54, 55, 70, 254, 345
 Дьяков А.И. – 140, 218, 309, 313, 345

Е

Ежов Н.И. – 11, 28, 110, 287, 312
 Езовитов К.Б. – 175
 Енукидзе А.С. – 234

Ж

Жаринов Д.А. – 93
 Жданов А.А. – 105, 268
 Жданович И.Ф. – 58
 Жданович Ф.П. – 181
 Жебровский В.Ю. – 208, 345
 Живуцкий Иван – 313
 Житницкий Марк – 215

З

Забелинский В.А. – 55
 Завадский – 76
 Зайчик Борис – 14

Зайцев В.Н. – 104
 Заковский Л.М. – 11, 28
 Заливчий А.И. – 176
 Залуцкий Василий – 222, 298
 Замалин Наум – 313
 Заметчинский Н.А. – 64
 Замотин И.И. – 42, 70, 93, 104, 305
 Зарецкий Михась – 44, 313
 Зарянов И. – 232
 Затонский В.Т. – 170, 239
 Звонак Алесь – 201, 222, 236, 298, 346
 Зиновьев Г.Е. – 24
 Зискинд – 231
 Знаемый Сергей – 222
 Зощенко Михаил – 216

И

Иванов Всеволод – 216
 Игнатовский В.М. – 70, 93, 97, 117, 138, 141, 147, 156, 162, 170, 174, 257, 306, 346
 Ильюшин И.М. – 91, 109, 305-306, 346
 Ильюченко П.В. – 148, 170, 183, 192
 Инбер Вера – 216
 Иорданский Н.Н. – 94, 347
 Исидор Мари Огюст Франсуа – 348

К

Кавальчук Захар – 313
 Каган Сара – 207
 Каган Эля – 201, 207, 224, 291, 319, 321
 Каганович Л.М. – 201, 231, 312

Калашников А.Г. – 95
 Калина И. – 54
 Калинин М.И. – 234
 Калиновский Кастусь – 133, 347
 Калнин А.Я. – 182, 347
 Каменев Л.Б. – 24
 Каменецкий Г.М. – 319, 322
 Кант Эммануил – 97
 Каплан М.Л. – 200, 207, 300, 301
 Карпачев Михаил – 14
 Карпенко Иван – 313
 Карцева Света – 14
 Катаев Валентин – 216
 Качинский – 138
 Квитко Лейб – 234
 Кедров-Зихман О.К. – 76, 347
 Керенский А.Ф. – 136
 Киппер – 317
 Киров С.М. – 22, 224, 231, 293
 Кисляков И.А. – 74, 347
 Климович Н.М. – 12, 310
 Климко – 311
 Кляшторный Тодор – 313
 Кнорин В.Г. – 46, 93, 348
 Коваль Василий – 313
 Колас Якуб – 44, 53, 93, 104, 107, 111, 123, 219, 221, 284, 293
 Коледа П.А. – 104
 Комаров В.Л. – 55
 Конт Исидор Мари Огюст – 98
 Кореневский И.П. – 140, 252, 313, 348
 Корнилов Л.Г. – 136
 Костровицкий К.К. (Каганец) – 145
 Коцюбинский Михаил – 44
 Кравцов А.И. – 104
 Крапива К.К. – 52, 53, 288, 293, 305, 348

Красковский – 188
 Крачковский Эзра – 295
 Криница А.С. – 181
 Крупская Н.К. – 94, 95, 105
 Кублицкий – 309
 Куделька М.С. (Михась Чарот) – 170, 312
 Кудрявцев – 231
 Кульбак Мойсей – 207, 222, 224, 228, 283, 291, 304, 313, 319, 348
 Кунцевич Иван – 232
 Купала Янка – 45, 53, 58, 148, 149, 172, 207, 212, 218, 219, 221, 293
 Курланд Давид – 207
 Купревич В.Ф. – 93
 Кучар Алесь – 223
 Кучинский А.П. – 67
 Кушниров Арон – 199, 281

Л

Лагацкий Кастусь – 260
 Лагацкая Фатина – 257-260
 Ласкер Хаим – 207
 Ласт – 207
 Ластовский В.У. – 47, 70, 93, 140, 174, 183, 348
 Львович – 316
 Левицкий М.Б. – 104
 Левков Максим – 313
 Лельчук Семен – 201
 Леплевский И.М. – 11, 28
 Лепешинский П.Н. – 134
 Лермонтов М.Ю. – 272
 Лёсик Я – 47, 61, 62, 70, 93, 174, 183, 306, 349
 Ленин В.И. – 69, 134, 154, 195, 246, 247, 256, 269, 273, 292, 293

Либерберг – 317
 Лившиц Мендл – 207, 320, 322
 Липский Феликс – 14
 Лисица В.Д. – 84, 349
 Литваков – 317
 Литвинов М.М. – 266
 Литин Александр – 14
 Лиходиевский Степан – 212
 Лодысев С.Д. – 189
 Лозбень Ф.М. – 104
 Лозовский А. (Дридзо) – 233
 Лотвин Д.М. – 104
 Лужанин Максим – 236
 Луначарский А.В. – 100, 349
 Лупинович И.С. – 67, 349
 Лучина – 264
 Луцкевич А.И. – 140, 175
 Лыньков Михась – 236
 Лысов – 140
 Лявонный Ю. – 313
 Ляпунов Б.М. – 40, 41, 349
 Ляпунов М.В. – 40, 349
 Ляпунов С.М. – 40

М

Мавр Янка (И.М. Федоров) – 215
 Мазель Елизар – 313
 Максимов В.И. – 265
 Мальтинский Хаим – 320
 Малов Борис – 313
 Маргелов Степан – 313
 Марикс О.П. – 58
 Маркиш Перец – 234
 Маркс Карл – 292, 303
 Марченко – 73
 Марьянов Борис – 313
 Матсон Герман – 11

Матулайтис С.Ю. – 70
 Матулевич И. – 231
 Матюкевич И.И. – 50, 350
 Машеров П.М. – 290, 350
 Маяковский Владимир – 236
 Медведь Ф.Д. – 28
 Медведев А.Г. – 67, 350
 Медреш Борис – 207
 Межевич В. – 176, 177
 Мелешко М. – 47
 Мелких С.М. – 45
 Мельников – 288
 Мельцер А.Н. – 308, 350
 Менделе Мойхер-Сфорим – 280
 Метла П.В. – 186
 Микулич Борис – 212, 222, 298
 Милянковский Б. – 231
 Миркин Леонид – 14
 Мирский Дмитрий – 216
 Митлина Ф.Я. – 104
 Митрофанов А.Г. – 278
 Михайловская Г.А. – 110, 115, 119, 120, 122
 Михайличенко Игнат – 176
 Михоэлс Соломон – 281
 Модель Михаил – 211
 Моисеев Лев – 313
 Молотов В.М. – 231, 240, 266, 312
 Молчанов Г.А. – 11, 28
 Морока – 260
 Моряков Валерий – 313
 Мулярчик В. – 25
 Мухин Павел – 313

Н

Наседкин А.А. – 11, 27, 28, 287, 350
 Насер Гамаль Абдель Хусейн – 295

Некрасов Н.А. – 272
 Некрашевич С.М. – 47, 70, 174, 182, 183, 350
 Нёманский Янка – 313
 Нестерович Н.Д. – 287, 351
 Неустроев С.С. – 66, 351
 Нечаев – 280
 Николай II – 135
 Никольский М.Н. – 42, 90, 251, 307, 351
 Новик П. – 281
 Нодель В. – 142
 Нозик – 261
 Норкина Галина – 14

О

Окуджава Булат – 234
 Ольгин Моисей – 280
 Ольский Ян Каликстович – 28
 Осипенко Алесь – 125
 Оскотский Владимир – 14
 Островский – 175
 Островский Л. (Иосиф Бергер) – 208
 Ошерович И.П. – 157, 218, 222, 310, 316, 351

П

Палей С.И. – 109, 284-287
 Панкевич И.И. – 126
 Панкевич И.М. – 127
 Панкевич П.Я. – 9, 13, 70, 88, 89, 90, 92, 99, 124, 125, 127, 128, 240, 241, 253, 307
 Панкевич Т.П. – 115, 122, 124
 Парей Гольдас – 234
 Патоличев Н.С. – 351

Пашин В.И. – 65, 66, 79, 352
 Пашина Т.Н. – 67
 Перцев В.Н. – 42, 251, 307
 Петрович И.А. – 70
 Пивоваров Зяма – 313
 Пигулевский В.В. – 175
 Пилсудский Юзеф – 186, 203
 Пиляр Р.А. – 28, 171
 Пинкевич А.П. – 127, 128, 352
 Пиотухович М.Н. – 42, 47, 93, 306
 Пичета В.И. – 42, 47, 54, 55, 70,
 173, 182, 306, 307, 352
 Пишацер Л.З – 314,
 Платнер Айзик – 11, 207, 242,
 280-284, 320, 353,
 Платнер Джессика – 11, 242,
 Платнер Д.И. – 222, 280-284,
 Платонов Б.В. – 58,
 Платун А.М. – 97, 176, 306, 353,
 Плоткин Пиня (Пинхус) – 201,
 Плеханов Г.В. – 95,
 Плисецкая Майя – 234,
 Покровский М.Н. – 94, 353
 Полонский С.В. – 203, 353
 Пономаренко П.К. – 27, 110, 285,
 286, 287, 303, 354
 Попков Петр – 277
 Порфирьев Андрей – 14
 Поташ М. – 249, 253, 354
 Поташников Давид – 14
 Прасолов Л.И – 76, 354
 Прищепов Д.Ф. – 141, 148, 170,
 174, 192, 354
 Прокопчук А.Я. – 45, 189
 Протасеня Григорий – 313
 Прянишников Д.Н. – 76, 354
 Пушкин А.С. – 272

Р

Рак-Михайловский С.А. – 186
 Ракита Сергей – 222, 298
 Рапопорт Г.Я. – 28, 171
 Раскин С.Я – 104
 Раскольников Ф.Ф. – 121, 355
 Рафальский М.Ф. – 288, 355
 Рафес М.Г. – 24
 Рахимбердин – 265
 Регин – 107, 284
 Реденс С.Ф. – 28
 Рейзен Рува (Аврум) – 199, 293,
 355
 Релес Г.Л. – 201, 232, 236, 302-
 304, 355
 Риббентроп Иоахим фон – 240
 Ривлин – 308
 Рикман Семен – 14
 Рискин – 284
 Робен Поль – 98, 356
 Ровинский – 27
 Роговой П.П. – 67, 356
 Родионов Михаил – 277
 Рожанский – 113
 Розенблюм Феликс – 14
 Романова Т.А. – 78, 80, 86, 356
 Романович Е. – 39
 Роттенберг А.И. – 28
 Рохкинд С.Л. – 197, 356
 Рубин Пейсах – 181
 Рубинштейн Д. – 317
 Рыдевский Михаил – 313
 Рыков А.И. – 24, 257, 356
 Рютин М.Н. – 168, 357

С

Савиковский Эля – 207, 357
 Саевич П.В. – 122, 249, 253, 255, 357
 Самохвалов – 298
 Сандлер – 316
 Светлов Михаил – 204
 Сегалович Г.П. – 104
 Самойло В.И. – 172
 Селов Дмитрий – 313
 Сельвинский И. – 236
 Сербента В.А. – 249, 253, 307, 357
 Сербов И.А. – 42
 Сердюк Пантелей – 313
 Сержанина В.А. – 117
 Сержанин И.Н. – 87, 88, 120, 358
 Сечко – 181
 Симан-Тов Шауль – 14
 Скворцов-Степанов И.И. – 247
 Сковорода Георгий – 44
 Скорина Франциск – 46, 47
 Скрыган Ян – 222, 298
 Слюсарев – 107, 284
 Смиловицкий Алекс – 14
 Смоленчук Алесь – 14
 Смолич А.А. – 184, 188, 358
 Советов А.В. – 64, 358
 Соковнин П. – 41
 Соколов Е.Е. – 9
 Солнцев П.С. – 127
 Соловейчик – 317
 Соловьев И.М. – 93
 Сорокин Г.П. – 189, 191, 358
 Сорокина З.П. – 189
 Сорокина Т.П. – 131, 147, 149, 183, 189, 191
 Сорокина И.П. – 183, 190
 Спенсер Герберт – 98, 358

Сталин И.В. – 7, 8, 12, 22, 23, 26, 28, 45, 46, 57, 69, 76, 107, 114, 120, 123, 159, 168, 169, 190, 193, 214, 215, 216, 228, 231, 238, 241, 246, 255, 263, 266, 273, 275, 277, 292, 293, 302, 304, 309, 312, 358
 Сташевский Василий – 313
 Сташкевич Н.С. – 172
 Стаханов А.Г. – 27, 359
 Стернин Н.К. – 287, 359
 Строцев Д. – 14
 Струмилин С.Г. – 266
 Ступаков Ю.Ф. – 58
 Судник М.Р. – 52, 359
 Сурта И.З. – 54, 55, 70, 359
 Суслов М.А. – 300, 359

Т

Талалай Лев – 201
 Танк Максим – 236
 Танхилевич – 140
 Тарасик А.Г. – 44, 55, 56, 59
 Тарасик А.Ф. – 57
 Тарасик В.Г. – 58
 Тарасик Л.Г. – 58
 Тарашкевич Б.А. – 70, 104, 186, 229, 359
 Тейф М.С. – 320
 Текучев – А.В. – 104
 Телесин З.Л. – 322
 Терлецкий – 138
 Тихонов Н. – 236, 256
 Томский М.П. – 257, 360
 Томсон А.И. – 40, 360
 Толстой Алексей – 216
 Толстой Л.Н. – 272
 Триоле Эльза – 207, 281

Троцкий Л.Д. – 24, 160, 246, 247, 360

Тупицын М.Н. – 286, 360

Турлай Андрей – 313

Туровский Кирилл – 47

Тухачевский М.Н. – 239

У

Уласевич – 109

Ульрих В.В. – 266

Успенский Е. – 140, 313

Ф

Федоров Иван – 46

Фефер Ицик – 207, 234, 281

Фирин С.Г. – 217

Фортунатов Ф.Ф. – 40, 360

Франко Иван – 44

Фрид – 317

Фрумкина М.Я. – 24, 317

Фуко – 53

Х

Хацкевич А.И. – 28

Харик Д.З. – 9, 223, 224, 225, 361

Харик И.Д. – 11, 13, 196-237, 240, 241, 283, 288, 292, 297, 300, 304, 310-311, 313, 319

Хведарович Микола (Чернушевич Н.Ф.) – 201, 236, 309, 313, 361

Ходасевич – 285

Хадыко Владимир – 222, 298

Хорошевин – 280

Хрущев Н.С. – 12, 193, 241

Ц

Цанава Л.Ф. – 11, 26, 37, 122, 123, 280, 287, 319, 361

Цвикевич А.И. – 140, 188

Ч

Чарот Михась – 44, 149

Червяков А.Г. – 93, 140, 145, 148, 169, 191, 214, 285, 361

Черноглаз Давид – 14

Черный Аркадий – 14

Чернушевич А.А. – 218, 249, 254

Четвериков В.Н. – 67, 75

Чешко Н. – 259

Чижов – 310

Чорный Кузьма – 45, 58

Чумак Василий – 176

Ш

Шалай Макар – 313

Шарангович В.Ф. – 12, 55, 161, 362

Шароваров – 66

Шацкий С.Т. – 94, 362

Шаткин М.А. – 104

Шашалевич Мальгрэта – 294

Шашков Л.В. – 104

Шведик Геннадий (Генах) – 201, 320

Шевченко Т.Г. – 295

Шейнкман – 232

Шкловский Виктор – 216

Шлюбский А. – 47

Шпенцер Б.М. – 117, 288, 362

Шпилевский – 109, 286, 362

Шпрах – 317

Штыхов В.Л. – 262-278

Штыхов Г.В. – 262-278

Шушкевич С.П. – 212, 213, 222,
229, 236, 297-301, 362

Шушкевич С.С. – 299

Щ

Щеголь Айзик – 215,

Щербаков В.К. – 71, 107, 284, 288,
363

Э

Элан-Блакитный В.М. – 176

Энгельс Фридрих – 291

Эпимах-Шипила Б.И. – 181

Эпштейн Шахно – 282

Эстина Жанна – 14

Ю

Югов М. – 249, 253, 363

Юдельсон Арон – 207, 313

Юревич Е. – 39

Юргелевич П.Я – 50, 61, 363

Я

Яворский А.Н. – 104

Ягода Генрих – 11, 28, 217, 363

Якимович Алесь – 222, 298

Яковюк Семен – 175

Янчук Н.А. – 42

Ярилов А.А. – 77, 363

Яркин В.И. – 28, 313

Ярославский Емельян – 178, 180,
182, 363

Ясенский Бруно – 216

Яхнес – 317

Географический указатель

А

Австрия – 164
Азербайджан – 342
Азия – 274
Алма-Ата – 80
Алферьевка – 337
Англия – 239, 314
Архангельск – 51
Аругот – 14
Афганистан – 121, 301
Африка – 274

Б

Балашов – 63
Баличи – 132
Балтия – 239, 366
Бар-Илан – 209
Бат-Ям – 14
Белоруссия, Беларусь, БССР – 86, 88, 92, 97, 101, 114, 129, 131, 133, 141, 156, 159, 165, 174, 178, 191, 196, 208, 219, 238, 243, 260, 270, 284, 306, 307, 321, 339, 343, 344, 347, 362
Белое море – 51
Беломорканал – 215, 216, 217, 354
Белосток – 163
Белыничский р-н – 315

Беляевка – 137
Бендеры – 136
Бендерский уезд – 39, 131, 136
Берлин – 14, 140, 152, 193, 240
Бессарабия – 136, 137, 240, 366
Бессарабская губ. – 39
Бешенковичский р-н – 114
Биробиджан – 204, 304
Ближний Восток – 296
Бобр – 347
Бобруйск – 201, 205, 226, 283
Бобруйский округ – 181, 205
Болгария – 42, 121
Болобоново – 40
Борисов – 196
Бремен – 14
Брест – 354
Брестская губ. – 137
Брянск – 116
Быхов – 205

В

Вайгач – 51
Варшава – 139, 210, 338
Венгрия – 208
Венденский уезд – 348,
Вильна (Вильнюс) – 47, 344
Витебск – 89, 192, 295, 354

Витебская губ. – 88
Витебский округ – 206
Волковысский уезд – 132
Вознесенск – 136, 138
Вознесенский уезд – 137
Вологда – 13, 51, 53, 54, 55, 61
Восточная Польша – 366
Восточный Иерусалим – 296
Вязьма – 74

Г

Газа – 296
Галиция – 267
Ган-Явне – 14
Германия – 14, 29, 66, 73, 164,
193, 238, 242, 314, 339
Герники – 350
Глубокский р-н – 206
Голанские высоты – 296
Гомель – 13, 200, 205, 235, 263,
275, 276
Гомельская губ. – 137
Гомельский округ – 182
Горки – 66, 69, 73, 155
Городокский р-н – 206
Гречина – 260
Гродно – 163, 192
Гродненская губ. – 132, 350
Гродненская обл. – 195

Д

Дальний Восток – 194, 351, 354
Дания – 121
Дерпт (Тарту) – 40
Дилрей Бич – 14
Донбасс – 354
Донецк – 290
Дриссенский уезд – 89

Е

Европа – 274
Египет – 204, 296, 367
Енисейск – 77
Енисейская губ. – 77

Ж

Жмуровка – 263
Жодино – 193

З

Забайкальский край – 354
Закавказье – 101
Западная Белоруссия – 186, 192,
366
Западно-Казахстанская обл. – 264
Западный край – 155
Западная Украина – 366
Заславль – 191
Зембин – 196, 197, 301
Земля Франца-Иосифа – 51

И

Игуменский уезд – 349
Иерусалим – 13
Израиль – 11, 210, 293, 295, 296,
300, 338
Италия – 339
Ирак – 296
Ишим – 185

К

Казахстан, Казахская ССР – 226,
234, 279, 338, 351
Калинковичи – 201

Каменский р-н – 264
 Камышин – 349
 Карпаты – 338
 Киев – 136, 338
 Кировичи – 205
 Кировская обл. – 74
 Китай – 101, 339
 Княжицы – 305
 Красноярск – 354
 Красноярский край – 49, 213, 250, 336
 Козлов (Мичуринск) – 91
 Коктебель – 58
 Колгуев – 51
 Колыма – 192
 Коптево – 66, 343
 Косалма – 360
 Круглянский р-н – 315
 Крым – 304
 Куропаты – 188, 312, 313, 330
 Курмышский уезд – 40
 Курская дуга – 338
 Кяхта – 354

Л

Лахва, река – 132
 Лаша – 132
 Лейпциг – 164, 165
 Ленинград (Петербург, Петроград) – 47, 54, 135, 161, 275, 277, 344, 351
 Ленинградская обл. – 50
 Лепельский уезд – 88
 Лигатне – 348
 Литва – 133, 163, 315, 337, 347
 Литовско-Белорусская ССР (Литбел) – 298
 Лифляндская губ. – 182, 347, 348

Логойск – 213
 Львовская обл. – 267

М

Магадан – 290, 354
 Магаданская обл. – 346
 Мамонтовка – 259
 Медведевское – 77
 Минск – 12, 13, 37, 54, 55, 56, 57, 58, 69, 71, 72, 87, 90, 91, 107, 120, 124, 125, 130, 140, 141, 148, 150, 153, 155, 158, 159, 163, 167, 178, 181, 182, 183, 192, 194, 203, 215, 218, 225, 233, 281, 284, 296, 301, 310, 312, 313, 314, 319, 338, 339, 341, 343, 344, 349, 353, 354, 355
 Минская губерния – 262, 349
 Минский округ – 260
 Минусинский округ – 77
 Мир – 56
 Могилев – 50, 305, 320
 Могилевская губ. – 137
 Мозырь – 201
 Мозырский район – 113
 Москва – 11, 13, 25, 54, 65, 72, 90, 91, 130, 157, 160, 168, 171, 178, 197, 204, 210, 217, 240, 254, 275, 286, 300, 304, 312, 320, 321, 322, 343, 344, 345, 355
 Московская губ. – 259
 Московская область – 258
 Московский уезд – 259

Н

Наровлянский р-н – 318
 Наукатский р-н – 193
 Нижнее Машево – 73
 Нижний Новгород – 66, 351

Нижняя Волга – 101
Нижегородская обл. – 74
Новая Земля – 51
Ново-Борисов – 197
Новогрудок – 56, 303, 355
Норвегия – 101
Норильск – 210, 338
Нью-Йорк – 283

О

Одесса – 40, 41, 42, 55, 131, 136,
139, 148, 280, 349
Омутинск – 74
Оренбургская губ. – 66, 351
Орешковичи – 71
Орша – 56, 181
Оршанский уезд – 347
Оса – 185
Ошская обл. – 193

П

Павлово-на-Оке – 74
Палестина – 204, 209, 211, 314,
318, 367
Парицкий р-н – 200
Петах-Тиква – 14
Петрозаводский р-н – 360
Пермская обл. – 185
Поволжье – 308
Полоцкий уезд – 89
Полесье – 118, 318
Польша – 47, 66, 133, 163, 164,
174, 192, 210, 239, 303, 314, 320,
344, 347
Потьма – 73
Прага – 43, 55, 338, 344
Приднестровье – 137
Приморский край – 195
Прудок – 88

Р

Радошковичи – 191
Рамат-Ган – 14, 209
Регенсбург – 14
Речица – 263, 264, 275, 276, 278
Речь Посполитая – 139
Ржев – 50
Рига – 77, 347
Рогачев – 213
Россия, РСФСР – 97, 139, 177,
210, 238, 259, 260, 270, 351
Ростов-на-Дону – 135
Румыния – 239

С

Самара (Куйбышев) – 14, 193
Сан-Франциско – 14
Санники – 114
Самария – 296
Самарская губ. – 66, 351
Самохваловичский р-н – 260
Сандомирский плацдарм – 338
Сарапул – 351
Саратовская губ. – 63
Свислочь – 133
Свислочь, река – 132
Севастополь – 125, 126
Северный край – 51
Северный полюс – 246
Северный Урал – 73
Седлецкая губ. – 353
Сибирь – 193, 210, 338
Симбирская губ. – 40
Синай – 296
Смолевичи – 124
Смоленская обл. – 74
Сморгонь – 213

Слонимский уезд – 350
 Слуцк – 284, 290, 303, 355
 Соколов-Подляский – 353
 Советский Союз, СССР – 29, 80, 85, 174, 207, 209, 210, 233, 238, 242, 273, 280, 283, 300, 344, 366
 Соловки (Соловецкие о-ва) – 47, 51, 210, 338, 344, 345
 Среднее Нечерноземье – 260
 Средне-Волжский край – 350
 Средняя Азия – 66, 351
 Сталинград – 193
 Старая Белица – 262, 263
 США – 94, 101, 207, 222, 239, 280-284, 293, 314, 340, 355

Т

Татария – 73
 Ташкент – 193
 Теребуты – 71
 Терновка – 39
 Тират-Кармель – 14
 Троицк – 194
 Турец – 56
 Туркестан – 66, 351,
 Тюменская обл. – 185.

У

Уваровичский р-н – 260
 Удмуртия – 351
 Узбекистан – 342
 Украина – 41, 136, 137, 139, 177, 191, 197, 342, 360
 Уральск – 264, 278
 Уральская обл. – 279
 Урюпинск – 193

Ф

Финляндия – 239
 Франция – 164, 208, 239

Х

Хадера – 14
 Харьков – 41, 197, 360
 Харьковская обл. – 50

Ч

Чаусы – 205
 Чашники – 201, 302, 304
 Чашниково – 60
 Челябинская обл. – 194
 Черниговская обл. – 50
 Чехословакия – 54, 66, 164, 193
 Чита – 192
 Чугуевский район – 195
 Чувашская АССР – 73

Ш

Шацк – 349,
 Швейцария – 101, 164,
 Шерпены – 39.

Щ

Щедрин – 200

Э

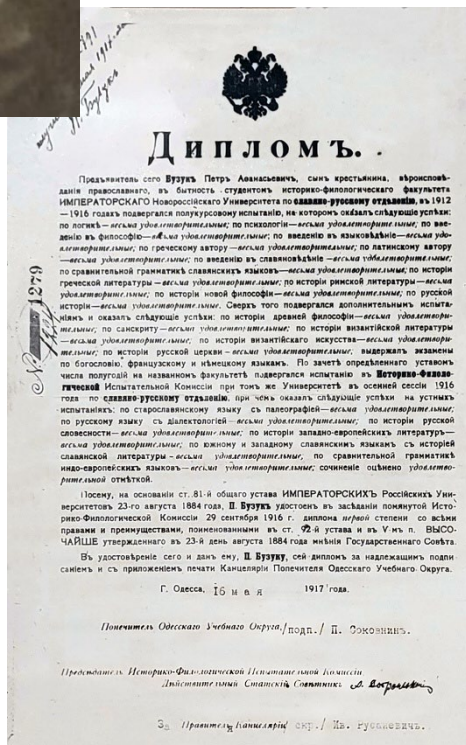
Эстония – 121
 Эмес – 20

ФОТОГРАФИИ И ДОКУМЕНТЫ

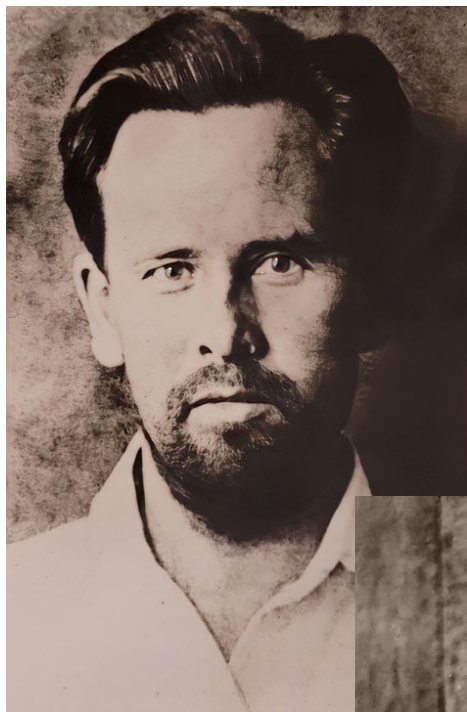
Петр Афанасьевич
Бузук.
Одесса,
26 июля 1924 г.

Диплом
Петра Афанасьевича Бузука
об окончании им
Новороссийского
императорского университета
в 1916 г.

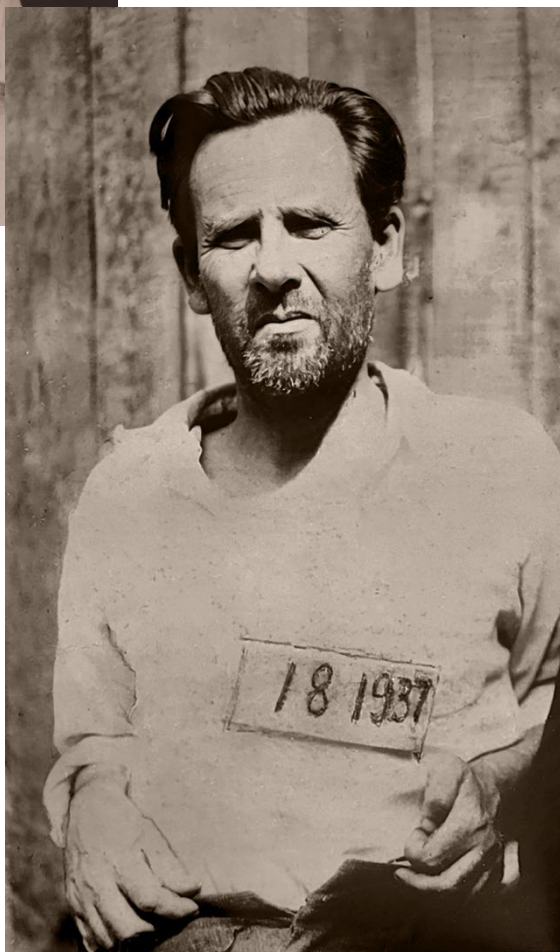

Семья Бузук. Слева направо: отец, мать и Петр Афанасьевич (на руках дочь Галина),
А.Ф. Тарасик (теща), жена, Анна Григорьевна (на руках дочь Оксана). Минск, 1928 г.

П.А. Бузук.
Минская тюрьма НКВД,
1930 г.

П.А. Бузук.
Вологодская тюрьма
НКВД, 1937 г.

Дети П.А. Бузука: Оксана и Екатерина,
Галина и Владимир. Минск, 1954 г.

**ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
БЕЛОМОРСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА**

29. марта 1956 г.

№ Н-23

г. Архангельск

СПРАВКА

Дело по обвинению гражданина Бузук Петра Афанасьевича пересмотрено Военным трибуналом Беломорского военного округа 31 января 1956 г.

Решение тройки УНКВД Вологодской области от 7 декабря 1937 года в отношении Бузук Петра Афанасьевича отменено и дело производством прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
БЕЛОМОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ

В. А. Зайцев

Исх. № 125/56
отп. Торгашова. 9

Справка Военного трибунала Беломорского военного округа о частичной
посмертной реабилитации Петра Афанасьевича Бузука. Архангельск, 29 марта 1956 г.

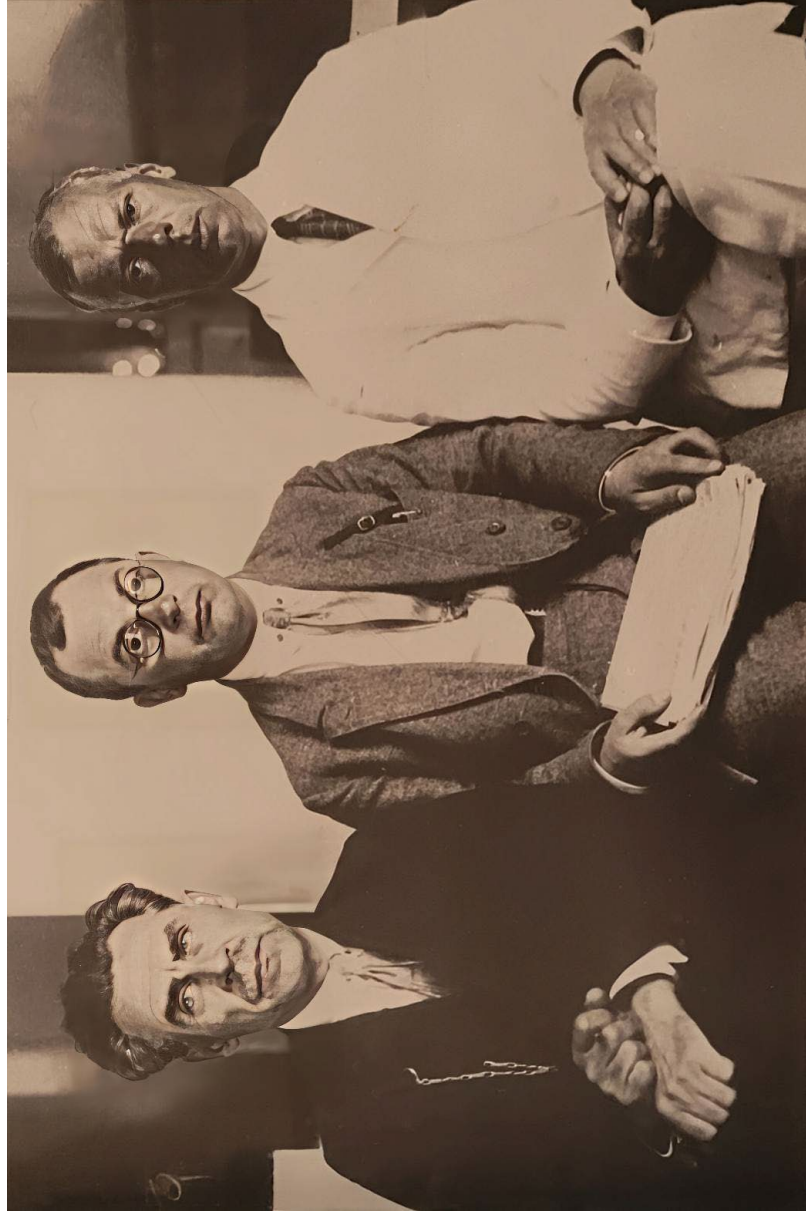
Яков Никитич Афанасьев (крайний справа, сидит в нижнем ряду)
с коллегами в Черниговской губернии, 1913 г.

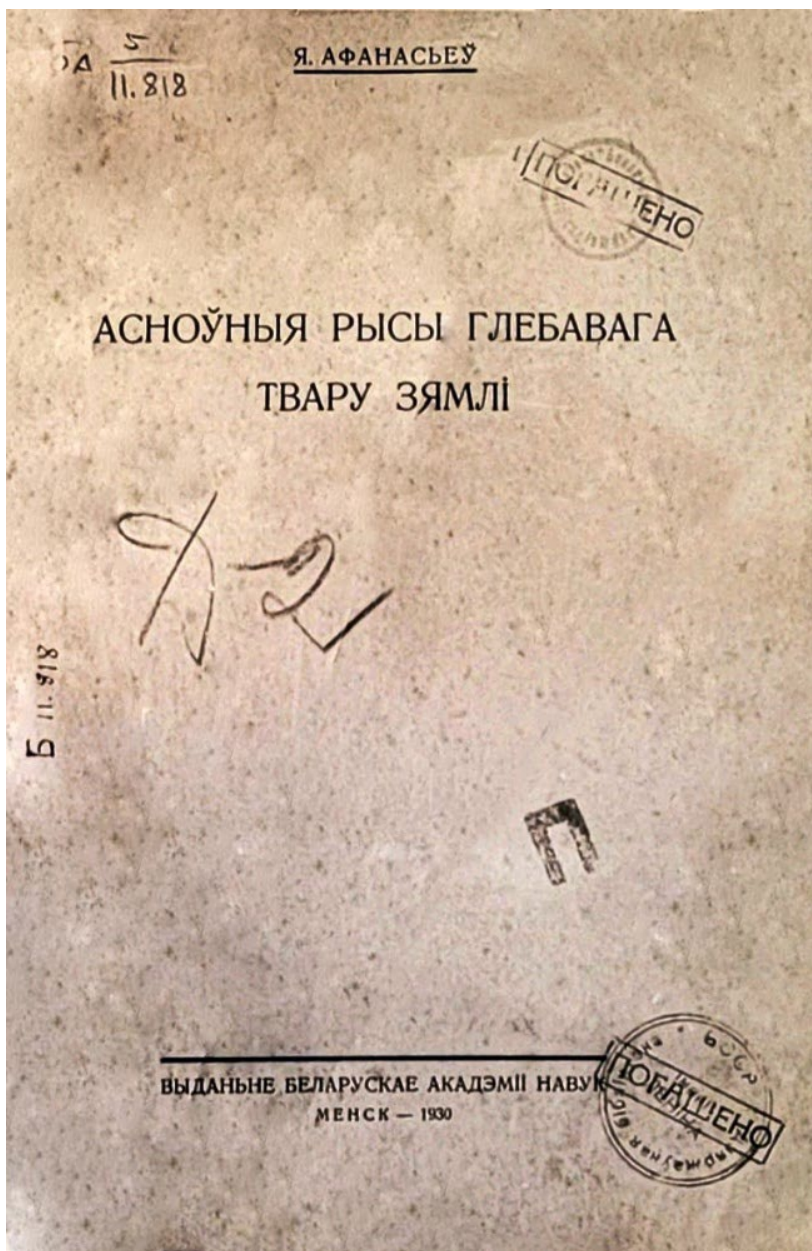
Я.Н. Афанасьев (сидит в центре), академик О.К. Кедров-Зихман (сидит второй слева) и сотрудники АН БССР Гончарик, Протасеня, Кучинский, Медведев
Минск, 1929 г. (ЦНА НАН Беларуси, ф. 3-Д, оп. 1, д. 89).

Академик Яков Никитич Афанасьев
и профессор Александр Карлович Ленц (справа). Минск, 1935 г.

Академик Яков Никитич Афанасьев (слева) и академик Николай Федорович Блиодохо (крайний справа) во время декадника АН БССР в Москве, 1933 г.

Титульный лист монографии Я.Н. Афанасьева
«Асноўныя рысы глебавага твару Зямлі»
(«Основные характеристики почвенной поверхности Земли»)
Мінск, 1930 г.

П.Я. Панкевич с женой, Лией Ароновой, и сыном Марленом. Москва, 1926 г.

П.Я. Панкевич
с женой, Лией Ароновой,
на отдыхе в Сочи, 1929 г.

Слева направо: Б.Н. Шпенцер, С.Я. Вольфсон, Ц.Л. Бурстин,
В.К. Щербаков, П.Я. Панкевич. Минск, 1936 г.

Дети П.Я. Панкевича: Татьяна Павловна Панкевич
и Марлен Павлович Аронов. Минск, 1990 г.

Письма в редакцию

НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЕ ИЗВРАЩЕНИЯ В ШКОЛАХ БЕЛОРУССИИ

Уважаемый товарищ редактор!

За последнее время «Правда» печатала ряд статей о неудовлетворительной грамотности по русскому языку в некоторых школах РСФСР.

Мы хотим обратить ваше внимание на безобразно-плохую постановку обучения русскому языку в национальных школах Белоруссии. Ленинско-сталинская национальная политика полностью осуществила принцип обучения детей на родном языке, но этот принцип, как известно, не означает ограничения круга знаний, а, наоборот, обучение на родном языке должно обеспечить лучшее и скорейшее приобщение трудящихся к общей культуре.

Можно ли сказать, что в Белоруссии справились с этой большой политической задачей? К великому сожалению, этого нельзя сказать. Возьмем, к примеру, наши школы: Копыльскую еврейскую среднюю школу (сельская) и Минскую 28-ю среднюю школу (городская). За последние годы мы получили хороших преподавателей по белорусскому и русскому языкам и литературе. Учащиеся в своем преобладающем большинстве относятся к изучению этих языков очень серьезно. И тем не менее наши выпускники сельских классов плохо владеют русским языком.

В чем, по нашему мнению, главная и основная причина слабой успеваемости школьников по русскому языку?

Дело в том, что бывшее нацдемовское

руководство Наркомпроса Белоруссии совершенно изгнало преподавание русского языка из младших классов национальных школ БССР. Это руководство уже снято, но до сих пор еще не отменена утвержденная им учебная программа в школах, направленная на срыв изучения русского языка. Преподавание русского языка в национальных школах БССР начинается только с 5-го года обучения. Количество отведенных часов для изучения русского языка и литературы самое ничтожное. Например, в 5-м классе отводится пять часов в шестидневку, в 6-м — 4 часа и в 7-м — два часа. С пятого же года обучения мы начинаем преподавание и немецкого языка. Таким образом, ученики 5-го класса (11—13-летнего возраста) в еврейской школе изучают уже 4 языка, что создает невероятнейшую путаницу, и наши ученики встречают громадные трудности при овладении самыми необходимыми знаниями по русскому языку и литературе.

Мы считаем, что соответствующие партийные и советские организации должны заинтересоваться этим важным вопросом и заставить нынешнее руководство Наркомпроса БССР изгнать буржуазно-националистические извращения ленинско-сталинской национальной политики в школьной работе.

Директор Минской 28-й средней
школы **СТЕЛЬМАН.**

Директор Копыльской еврейской средней
школы **ШАПИРО.**

КОМУ ДОВЕРЕНА АТТЕСТАЦИЯ УЧИТЕЛЕЙ В БЕЛОРУССИИ

(По телефону от минского корреспондента «Правды»)

В приемной заместителя наркомпроса Белоруссии Серафимова, в управлении средних и начальных школ этого наркомата каждый день можно видеть выстроившиеся очереди учителей. Они приехали из районов, чтобы после проведенных аттестаций выяснить свое положение: являются ли учителями сейчас или нет? Потратив много времени в стенах Наркомпроса, большинство их возвращается назад ни с чем. Ни заместитель наркомпроса Серафимов, ни помощник наркома по аттестации учителей Смирнов не дают учителям вразумительного ответа. «Подождите, мы выясним, тогда сообщим», — вот стандартный ответ, ответ чиновников, не заботящихся о предстоящем учебном годе.

А между тем пробравшимся в Наркомпрос БССР буржуазным националистам удалось использовать в своих целях проведение аттестации учителей. Присваивая звание советского учителя людям, не заслуживающим политического доверия, руководители аттестационных комиссий Панкевич (Минск), Рожанский (Витебск) и другие в то же время изгнали из рядов советского учительства, под предлогом якобы недостаточной квалификации, честных, преданных людей.

Так поступили, например, с учителем Глушаниным из Бегомля. Он имеет среднее образование, серьезно повышает свою квалификацию. За четыре года своей педагогической работы всегда имел хорошие отзывы у населения. А теперь его лишили звания учителя.

В материалах аттестационной комиссии значится, что директор Копыльской школы Шапиро является политически малограмотным и поэтому должен быть лишен звания учителя. Напомним, что тов. Шапиро является одним из авторов письма, напечатанного 8 апреля в «Правде», «Националистические извращения в школах Белоруссии».

Особенно много «внимания» молодым советским учителям уделяет один из руководителей аттестационной комиссии, член президиума Академии наук БССР Панкевич. В отчете о проведении аттестаций в Чаусском районе Панкевич пишет: «Учителя мало заботятся о приобретении для себя большевистской политической литературы». О будакошелевских комсомольцах-учителях Панкевич пишет: «Нужно обратить внимание на поднятие качества учителей-комсомольцев этого района».

Второй член аттестационной комиссии Гриневич в отчете по Мозырскому району пишет: «Особо следует сказать о комсомольцах-учителях. Они в подавляющем большинстве слабы, безграмотны в отношении общего образования, но что печальнее всего, они также политически неграмотны». И здесь же, в разделе отчета «Кого отстранили», пишет: «Отстраненные

учителя в большинстве случаев — молодняк».

Нетрудно догадаться, почему Панкевич и другие возводят небывшие на молодое советское учительство. Из 304 учителей в Чаусском районе Панкевич дал звание учителя только 67 учителям. 17 учителей он снял с работы, а остальным объявлено, что все они не годятся в советские учителя. В Быховском районе этот же Панкевич из 450 учителей присвоил звание учителя только 95. 221 учитель предупреждены Панкевичем, что они не годятся в учителя.

Очевидно, Панкевич взял курс на разгром белорусского учительства.

В то же время под шум «кампании аттестации учителей» аттестационные комиссии оставляют на работе в школах и присваивают звание учителя явным врагам.

У нас нет полных данных по всей республике, сколько молодых учителей лишены звания учителя. Эти данные почему-то весьма неохотно представляют заместитель наркомпроса БССР Серафимов и помощник наркома по аттестации учителей Смирнов.

Приведем примеры по отдельным районам республики. В Слуцком районе из 287 учителей, прошедших аттестацию, не присвоено звания учителя 194 учителям, в том числе 70 комсомольцам.

В Туровском районе из 97 учителей не дали звания учителя 48, в том числе 28 комсомольцам.

В Житковичском районе из рядов учителей исключена половина комсомольцев.

В Дриссенском районе из 163 учителей, прошедших аттестацию, не дали звания учителя 122, в том числе 65 комсомольцам.

В Полоцком районе из 246 учителей не присвоено звания учителя 122, в том числе 28 комсомольцам. Это больше половины комсомольцев-учителей района.

По данным 64 районов, через аттестационные комиссии прошло 13.332 учителя. Присвоено звание учителя средней школы 339 учителям и звание учителя начальной школы 2.529. Отстранено от работы 1.328 учителей, а свыше чем 5.000 учителей объявлено, что они не годятся в советские учителя.

Такая «работа» уж слишком бросается каждому в глаза. Поэтому руководители Наркомпроса Белоруссии и заведующий отделом школ ЦК КП(б)В Петров для видимости добивались отмены проведенной по республике аттестации.

8 июля ЦК КП(б)В отменил проведение аттестации. Но в этом решении ни единого слова не сказано о тех учителях, которых неправильно сняли с работы или лишили звания советского учителя.

Т. ГОРБУНОВ.

Гор. Минск.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество Аронов Марлен Павлович
2. Звание Гвардии крас-й
3. Должность, часть снайпер 2-й стрелковой роты 191 Гвардейского стрелкового полка
- Представляется к ордену Красная Звезда
4. Год рождения 1924
5. Национальность белорусс
6. Партийность К/ВКП с 1944 года
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и Отечественной войне (где, когда) Отечественная война с 1942 года
8. Имеет ли ранения и контузии в Отечественной войне ранен 18.11.42 г. дендрит
9. С какого времени в Красной Армии с 1942 г.
10. Каким РВК призван Белобересским РВК Памянец-Подольской области
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) ранее не награжден
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В бою на полуострове Скрыз 22.10.44 года огнем снайперской винтовки уничтожил 12 немецких солдат. 23.10.44 года при отбитии контратаки противника уничтожил 10 немецких солдат.

Достоин правительственной награды ордена Красная Звезда.

В.И. Силин

/ИГНАТЬЕВ/

Командир (начальник)

(подпись)

194 г.

Наградной лист на представление Марлена Павловича Аронова (Панкевича), 1924 г.р., снайпера 191-го гвардейского полка 64-й гвардейской стрелковой дивизии 30-го гвардейского корпуса, к ордену «Красная звезда» 30 мая 1944 г. (ЦАМО, ф. 33, оп. 687572, д. 537, л. 20).

Антон Васильевич
Балицкий,
заместитель
народного комиссара
просвещения БССР.
Минск, 1922 г.

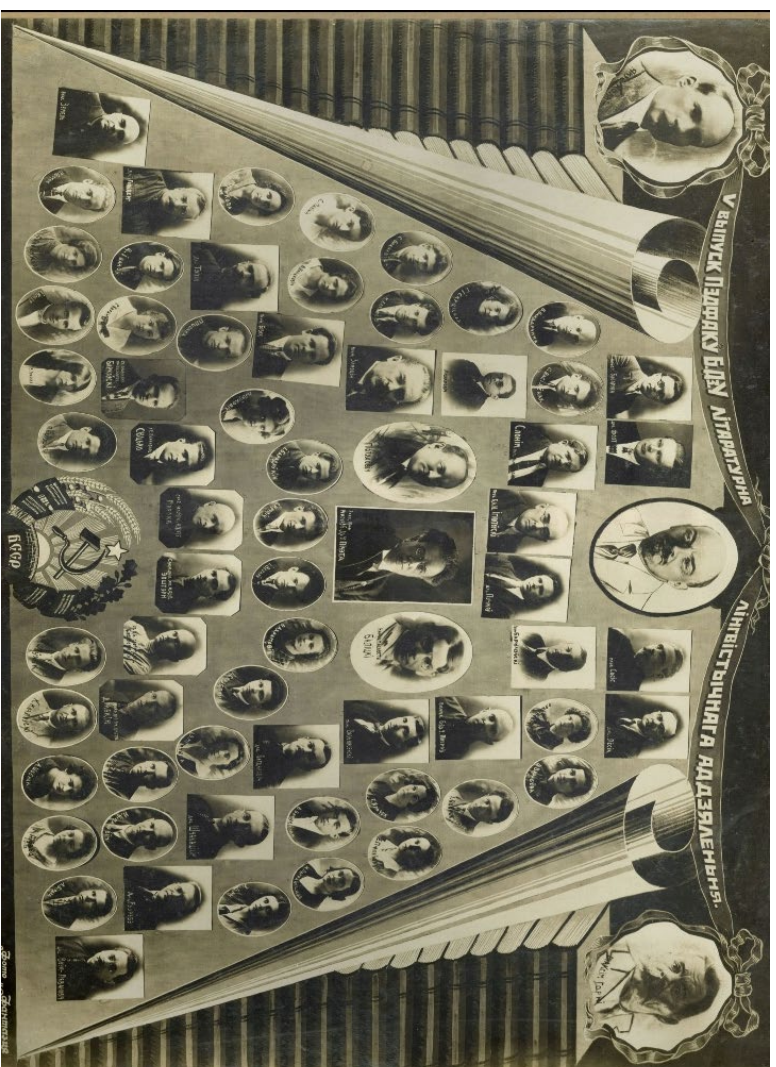

Тамара Павловна
Балицкая (Сорокина).
Одесса, 1919 г.

Антон Васильевич
Балицкий,
народный комиссар
просвещения БССР.
Минск, 1926 г.

Тамара Павловна
Балицкая (Сорокина).
Минск, 1926 г.

Студенты и преподаватели литературно-лингвистического отделения педагогического факультета БГУ им. В.И. Ленина в 1928 г., большинство из которых были репрессированы в 1937–1938 гг. (БГАМПИ, ф. 407, оп. 1, д. 224, л. 1).

Делегация Белорусской ССР на XIV Всероссийском съезде Советов.
Москва, 1929 г. А.В. Балицкий – в нижнем ряду третий справа.

Сотрудники редакции журнала «Полымя». Сидят во 2-м ряду слева направо: Язеп Лёсик, Якуб Колас, Всеволод Игнатовский, Тишка Гартный, Янка Купала, Антон Багичкий, Яков Вольфсон. Минск, 1926 г.

Антон Антонович Балицкий,
сын А.В. Балицкого,
с супругой,
Мариной Федоровной.
Киев, 1956 г.

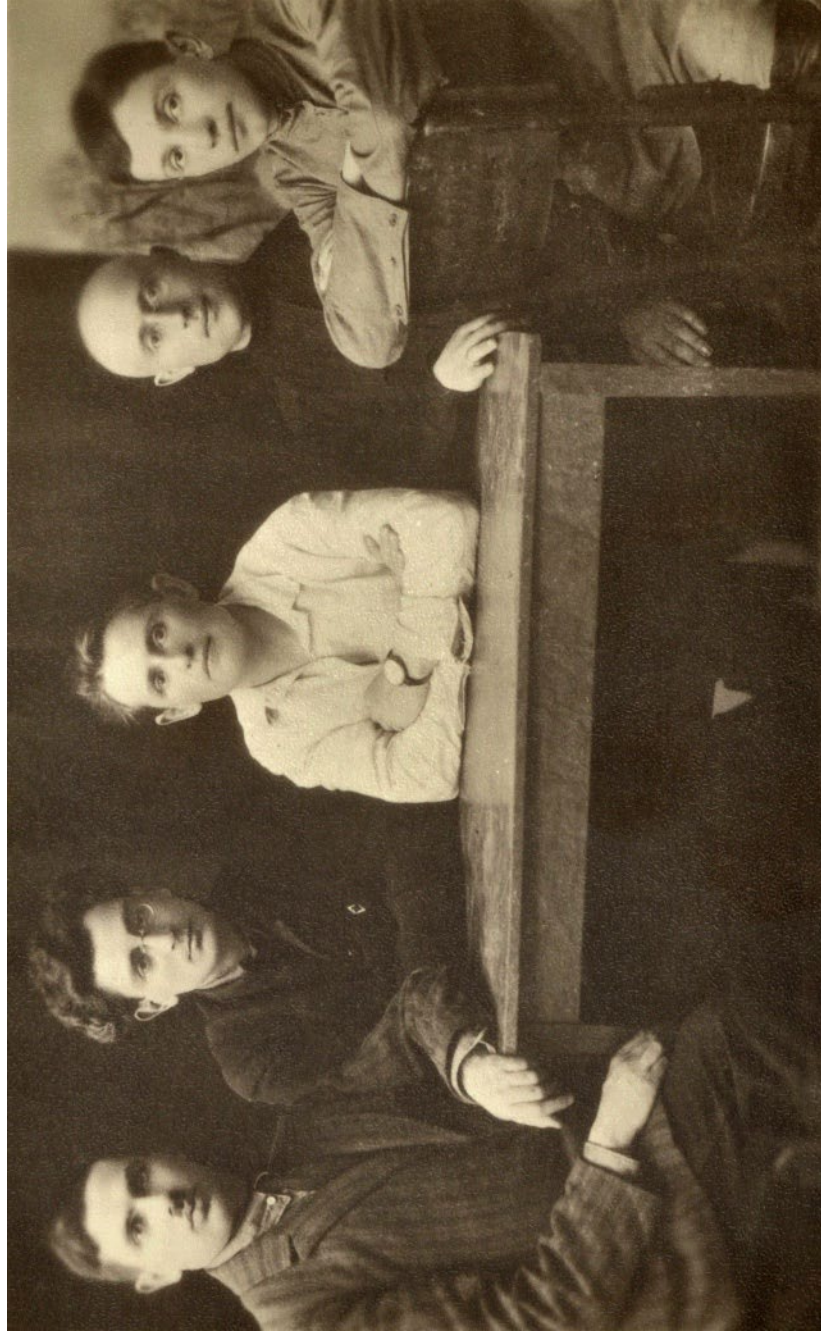

Внучки
Антонна Васильевича Балицкого,
Татьяна и Ольга.
Киев, 1958 г.

Изи (Исаак
Давидович) Харик.
Минск, 1919 г.

Дина Звуловна Харик
(Матлина),
вдова поэта Изи Харика.
Минск, 1956 г.

Слева направо: Изи Харик (второй), Эли Савиковский (четвертый) – среди молодых писателей и поэтов. Минск, 1922 г. (БГАМЛИ, ф. 55, оп. 1, д. 222, л. 1).

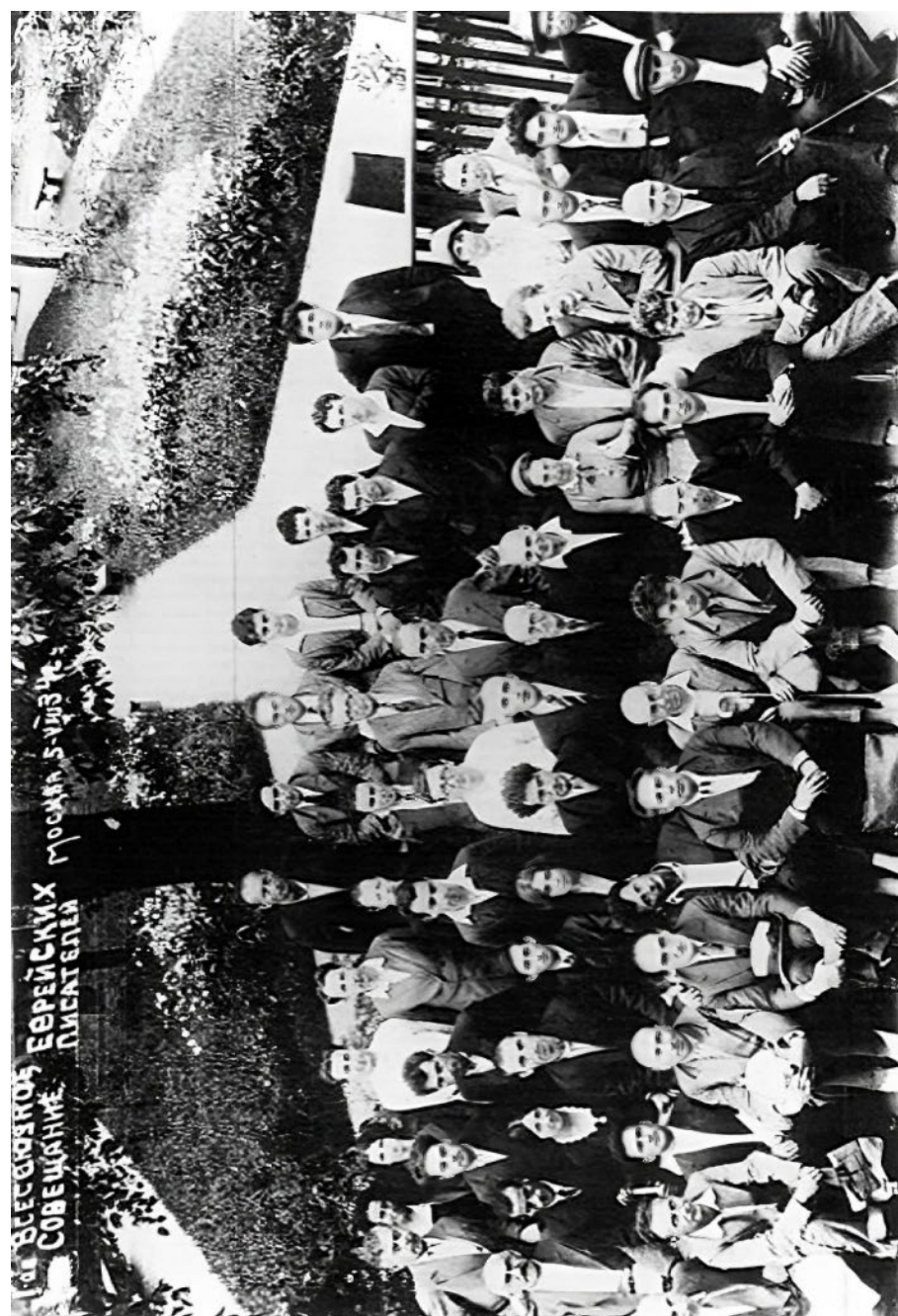
На первом совещании еврейских пролетарских писателей в Москве в 1934 г. В нижнем ряду слева направо: Ицик Фелер, Иззи Харик, Александр Фадеев, Перец Маркиш, Яков Бронштейн; в верхнем ряду слева направо: Шмуэль Голдинер, Нонэ (Натан) Лурье, Мойше Литваков, М. Даниэль (Даниэль Мордхе Месрович), Арон Кушницров и Моше (Моисей) Кульбак.

Слева направо: Ицик Фефер, Изи Харик, Авром Вевюрка. Харьков, 1936 г.

Писатели Беларуси, Таджикистана и других советских республик в гостях у Максима Горького
под Москвой в Горках. Второй слева – Изги Харик, 1934 г.

1908 ВСЕБЕЛОРУСКОЕ
СОВЕЩАНИЕ
ПИСАТЕЛЕЙ
ПРОСИМ 5-ИЮНЬ 1908

Первое Всесоюзное совещание еврейских писателей в Москве, 5 июля 1934 г.

Первый ряд (справа налево): Яков Бронштейн (1897–1937, Минск),

Лев Исаевич Левин-Липман (1877–1946, Москва), Арон Кушниров (1890–1949, Москва), Авром Вевюрка (1887–1935, Киев), Файвел Сито (1909–1945, Москва), Нотэ Лурье (1906–1987, Одесса), Ицик Фефер (1900–1952, Москва), Лейб Квитко (1890–1952, Москва), Перец Маркиш (1895–1952, Москва), Иосиф Опатошу (1887–1954, США), Шмуэль Годинер (1892–1941, Телеханы, Белоруссия), неизвестный поэт, Марк Даниэль (Д. Меерович, 1900–1940, Крым), неизвестный поэт.

Второй ряд: Липа Резник (1890–1944, Кустанай), Шмуэль Галкин (1897–1960, Москва), Шмуэль Росин (1890–1941, Могилевская губ.), Нафтали-Герц Кон (1910–1971, Иерусалим), Шмуэль Брегман (1891–1942, Кисловодск), Аннота Пятигорская (1893–1943, Златоуст), Юдл Иоффе (1887–1941, Москва), Моисей Литваков (1877–1937, Минск), Меир Альбертон (1900–1947, Чкалов), Изи Харик (1898–1937, Минск), Хана Левина (1900–1969, Харьков), Иосиф Рабин (1900–1987, Москва), Мендл Лифшиц (1907–1983, Москва), Рива Рубина (1906–1987, Москва), Моисей Кульбак (1896–1937, Минск), Моисей Тейч (1881–1935, Москва).

Третий ряд: Нохум Ойслендер (1893–1962, Москва), Мира Хенкина (1892–1960, Москва), Ноах Лурье (1885–1960, Минская губ.), Авром Абчук (1898–1937, Луцк), Эли Гордон (1907–1985, Москва), Мотл Гарцман (1906–1943, Бердичев), Шимон Гольденберг (1910–1942, Волынская губ.), Гирш Блоштейн (1895–1979, Ковенская губ.).

Четвертый ряд: неизвестный поэт, М. Талалаевский (1908–1978, Украина), неизвестный поэт, Гирш Диамант (1911–1943, Волынская губ.), Моисей Хашчеватский (1897–1943, Киевская губ.), Зелик Аксельрод (1904–1941, Минск), Шмуэль Персов (1889–1950, Москва), Лазарь Кацович (1903–1953, Москва), Шмуэль Гордон (1909–1999, Москва), 8, 9, 11 — неизвестные поэты, Рохл Баумволь (1914–2000, Израиль).

Пятый ряд: Хаим Мальтинский (1910–1986, Израиль), Эли Каган (1909–1944, Минск), Цодик Долгопольский (1879–1959, Витебская губ.), Мотл Грубиян (1909–1973, Москва), Абрам Дамесек (1893–1937, Минск).

Фото с профсоюзного билета
Изи Харика,
10 августа 1936 г.

П Р А Ф Е С І Я Н А Л Ь Н Ы І С А Ю З Р А Б О Т Н І К А У В Ы Д А В Е Ц Т В А У — профсоюз работников издательств		ГОД УСТУПЛЕНИЯ У САЮЗ 1917г. ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В СОЮЗ
ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ ЧЛЕНСКИЙ БИЛЕТ № 048644 *		ГОД УСТУПЛЕНИЯ У ДАНЫ САЮЗ 1934г. ГОД ВСТУПЛЕНИЯ В ДАННЫЙ СОЮЗ
ПРОЗВИЩА Харык ФАМИЛИЯ		ПОДПИС ЧЛЕНА САЮЗА И. Харык ПОДПИСЬ ЧЛЕНА СОЮЗА
ИМЯ, ПА-БІМЬНУ Імя, отчество Імя Давідовіч		НАЗВА ПРАФАРГАНІЗАЦЫІ Звуков НАИМЕНОВАНИЕ ПРОФОРГАНИЗАЦИИ Писательский БССР.
ГОД НАРАДЖЭННЯ 1898г. ГОД РОЖДЕНИЯ		ДАТА 10 Август 1936г. ДАТА
ПРАФЕСІЯ Писатель ПРОФЕССИЯ		
ВИТВОРЧЫ СТАЖ 1914г. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ СТАЖ		

Билет члена профсоюза работников издательств,
выданный отделением Союза советских писателей БССР
10 августа 1936 г. Исааку Давидовичу Хариду. Изъят при аресте
в 1937 г., возвращен Дине Звуловне Харик в 1989 г. по ее запросу
из Центрального архива КГБ Республики Беларусь в Минске.

Анкета арестованного
И.Д. Харика.
11 сентября 1937 г.

Обвинительное
заключение
против И.Д. Харики
в связи с антисоветской
контрреволюционной
деятельностью,
27 сентября 1937 г.

УТВЕРЖДАЮ
НАЧАЛЬНИК УТВ.
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 3-го РАЙОНА
/ БЕЛЫЙ /

Поименованный в документе
расшифровка: 1937 (г.)
27-го сентября 37г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ.
По след. делу № 9031.
По обвинению ХАРИКА Исаака Давидовича
ст. 28-16, 59 и 70 ст. 58, УК БССР (эк. ст.
28-16, 58-11, 58-7, 1 58-8 УК РСФСР).

Управлением Государственной Безопасности НКВД БССР
покрыта контрреволюционная троцкистская террористическая
организация, входившая в объединенную антисоветскую ор-
ганизацию, существовавшую в Белоруссии.
Как установлено следствием, организация методами
террора, шпионажа, диверсии и вредительства проводила
борьбу против руководства БНБ и Советского правительства
за отторжение БССР от Советского союза.
Следствием также установлено, что всей деятельностью
антисоветской организации руководили иностранные разведки
через центр организации и отдельных ее участников, связан-
ных в свою очередь с центром правых и троцкистско-антисо-
вских - в Москве.
Одним из активных участников скрытой троцкистской
террористической организации, является ХАРИК Исаак Давидо-
вич, который в целях пресечения его дальнейшей преступно-
деятельности 11 сентября 1937 года был арестован и прина-
член к следствию обвиняемому.

1937г. Августа " 18 " дня. г. М.

Оперуполномоч. Следственного Отдела УТВ
БССР. СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ - КУНЦЕВИЧ, рас-
имеющийся материал на гр-на ХАРИКА Исаака Дави-
НАШЕЛ

Что по показаниям обвиняемого ДУНЦА, ХАРИК Иса-
Давидович является активным участником к-р тро-
ской террористической организации в Белоруссии
проводил активную к-р троцкистскую и террорист-
работу, а посему -

ПОСТАНОВИЛ

ХАРИКА Исаака Давидовича - 1896г. рождения,
редактора журнала "ШТИРН", проживающего г. МИНСК,
Советская ул. №-148/19 кв. №-52 - подвергнуть обви-
и аресту и привлечь к следствию в качестве обви-
Настоящее постановление санкционировать с
ным прокурором БВО.

ОПЕРУПОЛНОМ. СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА УТВ
СЕРЖАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ / Кунцевич /

СОПЛАЩЕН. СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА УТВ / Волчок /

ПРИГОВОР

Имяем Союза Советских Социалистических Республик

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ

Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

В СОСТАВЕ:

Председательствующего кораблестроителя НИКОЛАЕВИЧА

Членов: директора МИЛАНОВСКОГО и бригадиром ЗИНА

При секретаре военаристе 2 ранга ИДРИЧЕВИ

В закрытом судебном заседании, в городе Минске

28 октября 1937 года

рассмотрев де. по обвинению: ХИРКА Исаака Кавидовича, 1896г.рождения, служ
гр-на СССР, в преступлениях предусмотренных ст.ст.69,70 и 76

Материалами предварительного и судебного следств
установлено, что Харик с 1935 года являлся

государственным изменником, шпионом, участником
в организации и проведении террористических актов

Приговор
Военной коллегии
Верховного суда СССР
И.Д. Харику,
28 октября 1937 г.

Справка
о приведении
в исполнение
смертного приговора
И.Д. Харику, 29 октября 1937 г.

Секретно.

СПРАВКА.

Приговор о расстреле Харика Исаака
Кавидовича приведен в исполнение в
гор. Минске 29 10 1937 г. Акт о приведении
приговора в исполнение хранится в Особом архиве
1-го спецотдела НКВД СССР том № 8 лист № 155

НАЧ 12 ОТД. 1 СПЕЦОТДЕЛА НКВД СССР
Лейтенант Госбезопасности: Шевелев

6229

СОВ. СЕКРЕТНО

П Р И К А З

Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР
за 1938 год

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

№№ 00822—00826. Разосланы по принадлежности.

№ 00827. О запрещении вербовки некоторых категорий работников партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организаций.

№№ 00822—00826. Разосланы по принадлежности.

№ 00827. 27-го декабря 1938 г., гор. Москва.

В органах НКВД имеют место случаи вербовок агентов и осведомителей из числа ответственных руководящих работников партийных, советских и хозяйственных аппаратов, а также из состава работников, обслуживающих аппараты ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии,

П Р И К А З Ы В А Ю:

Всем НКВД союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей, начальникам городских и районных отделений НКВД и начальникам ДТО:

1. Прекратить вербовки из числа ответственных руководящих работников в партийных, советских, хозяйственных, профессиональных и общественных организациях.

2. Прекратить вербовки каких бы то ни было работников, обслуживающих аппараты ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии.

3. Немедленно прервать связь со всеми ранее завербованными работниками перечисленных в пунктах 1 и 2 категорий, о чем сообщить каждому завербованному агенту или осведомителю путем вызова его и отобрания соответствующей подписки.

Личные и рабочие дела агентов и осведомителей, указанных выше категорий, уничтожить в присутствии представителя райкома, горкома, обкома, крайкома или ЦК нацкомпартий, о чем составить соответствующий акт.

4. С настоящим приказом ознакомить весь оперативный состав работников НКВД, УНКВД и горрайотделений, а также первых секретарей ЦК нацкомпартий, краевых, областных, городских и районных комитетов партии.

Настоящий приказ в 10-дневный срок, после получения его на местах, провести в жизнь.

НКВД союзных и автономных республик и УНКВД краев и областей об исполнении сообщить в НКВД СССР специальной докладной запиской.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
комиссар государственной безопасности 1-го ранга

Л. БЕРИЯ.

Приказ народного комиссара НКВД СССР Л.П. Берия,
27 декабря 1938 г.

интерес
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТРОГО СЕКРЕТНО *24*

**ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ**

№ П4414

28 декабря 1938 года

**ПЕРВЫМ СЕКРЕТАРЯМ ЦК НАЦКОМПАРТИЙ, КРАЙКОМОВ, ОБКОМОВ,
ОКРУЖКОМОВ, ГОРКОМОВ И РАЙКОМОВ ВКП (б).**

Рассылается для сведения членов бюро ЦК нацкомпартий, крайкомов, обкомов, окружкомов, горкомов и райкомов ВКП(б) приказ НКВД от 27 декабря 1938 года, утвержденный ЦК ВКП(б).

Секретарь ЦК И. СТАЛИН

«ОЧАГ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ И ШПИОНАЖА»

По данным органов ОГПУ БССР, в тридцатые годы вражеские организации «существовали» во всех отраслях народного хозяйства, а также в учреждениях образования, среди представителей литературы, искусства, науки.

Эта сфабрикованная версия позволила развернуть небывалую кампанию по выявлению и разгрому «антисоветского подполья», повлекшую за собой массовые репрессии.

Только в 1932–1933 годы и первое полугодие 1934 в результате оперативной деятельности органов ОГПУ БССР было ликвидировано 5068 таких организаций и группировок, число участников которых составило 69230 человек.

Но это только начало. Жестокими сталинскими геноцидами позже стали многие квалифицированные специалисты научного центра республики — Академии наук. В документах тех лет, представленных НКВД Беларуси в ЦК ВКП(б), Академия наук характеризовалась как «очаг контрреволюции и шпионажа». В докладной записке о фактах засоренности личного состава и вредительства в белорусской Академии наук, подписанной 25 июня 1938 года наркомом внутренних дел БССР майором госбезопасности А.А.Наседкиным, утверждалось: «После реорганизации Инбепкульта в Академию наук БССР, с момента своей орга-

низации и до последнего времени, — белорусская Академия наук являлась очагом польских шпионов, троцкистов, правых и националфашистов, которые по заданию польских разведорганов проводили активную шпионскую и вредительскую работу.

Академия наук использовалась ими для проведения активного вредительства в области промышленности, сельского хозяйства, экономики, истории, языка, литературы, философии и других отраслей науки и народного хозяйства республики.

Во главе Академии наук на протяжении всего времени ее существования находились такие матерые враги советской власти — шпионы иностранных разведок и участники антисоветских организаций, — как Игнатовский, Домбаль, Ривлин, Некрашевич, Жилунович, Сурта, Панкевич, Щербаков...

В процессе следствия в 1937–1938 гг. по объединенному антисоветскому подполью в Белоруссии... установлено, что врагами народа, работавшими в Академии наук, под видом научной работы собирались различные шпионские сведения по Белоруссии и с этой целью измышлялись различные «научные темы», как, например: проблема «Большого Днепра», проблема «Полесья», «Экономическое описание районов БССР».

Ликвидированная в 1936 году комиссия по изучению Западной Белоруссии, существовавшая при Академии наук, была

целиком укомплектована из польских шпионов и работала по прямым заданиям 2-го отдела польгавштаба. Почти все работники этой комиссии арестованы и разоблачены как польские шпионы (Шнейдер, Рубинштейн, Левкович, Гантман, Майская, Янковская, Ощерович и др.)...

В 1937–1938 годы в Академии наук органы НКВД арестовали 57 человек агентов иностранных разведок, троцкистов, правых и националфашистов. Объектами разработки НКВД являлись 22 участника антисоветского подполья (троцкисты, правые, националфашисты и агенты иностранных разведок), все еще работавшие в академии.

Потенциальными врагами советской власти считались 80 человек ближайших родственников лиц, репрессированных органами НКВД за антисоветскую деятельность, а также 40 научных сотрудников — уроженцев Польши, Германии, Литвы, Латвии и других стран, часть из которых прибыла в СССР после октябрьского переворота. Жизнь их была предопределена. Немногим посчастливилось избежать суровых приговоров судебных и несудебных органов. На совести правоохранительных органов тех лет сотни тысяч искорененных человеческих судеб.

Александр ВРУБЛЕВСКИЙ,
Григорий ГРИГОРЬЕВ.

«Вечерний Минск», 21 января 1994 г.

ПАМЯТЬ О ЗЕМЛЯКАХ-МУЧЕНИКАХ ГУЛАГа

[illegible]

Памятник жертвам ГУЛАГ на еврейском кладбище в Борисове Минской области, установлен земляками в 1996 г., обновлен в 2006 г.

ПРИГОВОР

Именем Союза Советских Социалистических Республик

ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ

Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

в составе

Председательствующего: МАХОВИЧ

Членов: ДИВЕСЕНКО МИНЕНКО КОТЛОВНИКОВ ЗАИ

Протокол

В зале судебного заседания

18

КАМЕНЕЦКИЙ ГИРШ ИСААХОВИЧ 1895 г.

БЕРЕЗКИН, ГРИГОРИЙ
Галактионович 1912 г. рож.

18 1937

и обвиняемого

на ССР

ПАРТНЕР ИСААК ЗАИМОВИЧ 1895 г.

Установлено, что

Каменецкий

Займович